

Бейджент Майкл

Бумаги Иисуса

Выражение признательности

Наконец я очнулся от сна и вышел на свет, с покрасневшими глазами, бледный, сжимая в руках рукопись и спрашивая, какой сегодня день. Я не смог бы завершить мой труд без помощи окружающих меня людей.

Прежде всего, я хотел бы поблагодарить мою жену Джейн за поддержку и способность вести нормальную жизнь, в то время как моя жизнь катилась под откос с все возрастающей скоростью. Утренняя звезда, наконец, взошла, и я вышел на свет вместе с ней.

Я хотел бы поблагодарить членов моей семьи, которые терпели мою почти болезненную привязанность к портативному компьютеру, ни разу не предложив мне обратиться за помощью к профессионалу.

ВВЕДЕНИЕ

28 мая 1291 г., Святая земля. Город Акра (совр. Акка), последний порт крестоносцев, лежал в развалинах. Невредимой осталась только величественная башня морской крепости тамплиеров.

В течение семи недель арабские войска под началом юного султана Египта Малика аль-Ашрафа штурмовали город, предварительно взяв его в кольцо. Последняя столица Христианского королевства была уничтожена. Ее улицы, некогда кишевшие воинами и знатью, торговцами и нищими, теперь были заполнены обломками зданий и мертвыми телами. В те жестокие времена никого не смущал «сопутствующий вред»; после падения города начались массовые убийства и грабежи.

В тот судьбоносный день начали рушиться стены замка тамплиеров, подорванные арабскими минерами, и воины султана пошли на штурм. Две тысячи мамелюков, одетых в белое, пробивали себе дорогу к пролomu, образовавшемуся в башне замка. Ее конструкция,

ослабленная многими неделями осады, не выдержала. С ужасающим грохотом каменная кладка внезапно рухнула, похоронив под собой и нападавших, и защитников. Когда пыль осела, в наступившей тишине стало ясно, что все кончилось. Почти через два века мечта о Христианском королевстве на Святой земле развеялась, как дым.

Даже тамплиеры покинули несколько оставшихся под их контролем замков и оставили эту землю, на которой за 173 года жестоких сражений обрели вечный покой около двадцати тысяч членов ордена.

Я давно интересовался тамплиерами. И причиной тому были не только их роль как профессиональной армии, а также их огромный, но в большинстве случаев недооцененный вклад в формирование современного мира. Они поставили силу денег выше силы оружия, введя в употребление чеки и денежные переводы из города в город и из страны в страну, они вбили клин между правящей аристократией и угнетенными крестьянами, что расчищало дорогу для среднего класса. Но их всегда окружала завеса тайны. Особенно меня интриговало то, что, по крайней мере, часть из них сохранила свою веру, которая вступала в противоречие с официальной доктриной Рима. Более того, в их рядах процветала ересь, хотя об этом нам почти ничего не известно. Любопытство заставило меня заняться поисками ответов. Я начал исследовать таинственные стороны деятельности рыцарей Храма.

Однажды я заглянул в один из лондонских книжных магазинов, и его владелец, оказавшийся моим приятелем, подошел ко мне и сказал, что я должен встретиться с человеком, обладающим информацией о тамплиерах, которая должна заинтересовать меня. Так я познакомился со своим нынешним коллегой и соавтором Ричардом Ли. За прошедшие с той поры двадцать лет мы написали вместе семь книг.

У Ричарда действительно имелась интересная информация — сведения, переданные ему Генри Линкольном. Мы с Ричардом довольно быстро поняли, что нужно объединить наши усилия. Через несколько месяцев к такому же выводу пришел и Генри. Мы объединились в команду и, как они выражались, приступили к делу. Через шесть лет вышел в свет наш бестселлер «Святая Кровь и Святой Грааль».

Наши главные гипотезы касались крестоносцев и легенд о Святом Граале — две темы, которые редко связываются историками между собой. В обоих случаях наши поиски привели к одним и тем же корням, к одной династии: царской династии иудеев, потомков Давида.

Легенды о Граале объединили в себе элементы языческих преданий кельтов с элементами христианского мистицизма. Символ чаши изобилия, которая гарантирует неиссякаемое плодородие земли, связан с языческими верованиями, а христианские представления внесли свой вклад в виде описания Грааля в терминах мистического опыта.

Но для нас самым важным было то, что Рыцарь Грааля, Персеваль, или Парцифаль, принадлежал к «священному роду», связанному с историей древнего Иерусалима и креста. Совершенно очевидно, что имелся в виду род царя Давида. До нас ни один комментатор легенд о Граале не обратил на это внимания.

Мы утверждали, что сам термин, которым называли Святой Грааль — Санграаль или Сангреаль — в действительности является игрой слов. Если Санграаль или Сангреаль разделить несколько иначе, не Сан Грааль или Сан Греаль, а Санг Рааль или Санг Реаль, то получится выражение, которое переводится, как «царская кровь». Мы считаем, что речь идет о царском роде Давида. В Средние века этот род, вне всякого сомнения, считался «священным».

Нет никаких сомнений и в том, что в эпоху раннего Средневековья на юге Франции жили потомки Давида. Это исторический факт.

Когда Карл Великий основывал свое королевство, он назначил одного из своих близких друзей, Гиллема (Вильяма), графа Тулузы, Барселоны и Нарбонны, правителем княжества, которое должно было служить буфером между христианским государством Карла Великого и

исламским эмиратом Аль-Андалус — то есть мавританской Испанией. Князь Гиллем был евреем[1]. Более того, он происходил из рода Давида[2].

В двенадцатом веке еврейский путешественник Вениамин из Туделы в хронике своих странствований из Испании на Ближний Восток сообщал, что князь, стоящий во главе правящей знати Нарбонны, был «потомком Дома Давида, что указано в его генеалогическом древе»[3]. Даже в «Еврейской энциклопедии» упоминаются эти «иудейские короли» Нарбонны — правда, там ничего не говорится об их происхождении[4]. Разумеется, вопросы о предках, упоминаемых Вениамином из Туделы, вызывали неудовольствие. На самом же деле, как нам удалось выяснить, ситуация была крайне запутанной.

Изучая генеалогию князей из рода Давида, живших на юге Франции, мы обнаружили, что они были предками одного из руководителей Первого крестового похода, Готфрида Бульонского, который затем стал королем Иерусалимским[5]. Во главе этого крестового похода стояли четверо знатных рыцарей. Почему же только Готфриду Бульонскому предложили Иерусалимский трон, причем сделано это было на таинственном собрании неизвестных выборщиков, которые приехали в Иерусалим для решения этого вопроса?[6]

Кому же подчинились эти гордые рыцари и по какой причине? Мы утверждали, что в данном случае кровь оказалась сильнее титула: Готфрид предъявлял законные права на трон как наследник рода Давида.

Откуда же он вел свое происхождение? Из Иерусалима, от Иисуса, в результате брака — мы утверждали это в книге «Святая Кровь и Святой Грааль» — Иисуса с Марией Магдалиной[7]. Мы выдвинули предположение, что брак в Кане на самом деле мог быть свадьбой Иисуса и Марии. По крайней мере, это объясняет, почему он был «приглашен» на свадьбу, а затем проследил, чтобы всем хватило вина! Естественно, публикация нашей книги вызвала волну протестов во всем мире.

«Мистер и миссис Христос» — так выразился один из комментаторов в поисках броского заголовка. Довольно удачная, на наш взгляд, фраза.

Это было в 1982 году. В 2002 году Дэн Браун опубликовал свой роман «Код да Винчи», в основу которого отчасти легли наши теории. В средствах массовой информации вновь поднялся шум. «Мистер и миссис Христос» опять появились на первых полосах газет. Совершенно очевидно, что люди хотели знать правду, скрывающуюся за евангельскими историями. Кем на самом деле был Христос? Какие надежды на него возлагали? Мир до сих пор пытается узнать правду об Иисусе, иудаизме, христианстве и событиях, имевших место две тысячи лет назад.

После выхода в свет книги «Святая Кровь и Святой Грааль» я размышлял над этими вопросами, занимался дополнительными исследованиями и пытался заново оценить историю и последствия этих событий. Другими словами, это были два десятилетия работы по расширению и углублению материала, использованного в «Коде да Винчи». В данной книге я попытаюсь восстановить это увлекательное путешествие длиной в двадцать два года, пригласив читателя проделать его вместе со мной, — одни нити заведут нас в тупик, другие откроют новые возможности. Мы придем к более глубокому пониманию жизни человека, которого мы называем Иисусом, — как описывает ее история, а не религия.

Информация, которую я вам предлагаю, должна усваиваться в удобном для вас темпе. Каждый из кирпичиков моей конструкции должен быть обстоятельно и без спешки проанализирован. Это особенно важно, потому что книга бросает вызов глубоко укоренившимся убеждениям, и читатель должен иметь возможность обосновать каждый шаг на этом пути и понять, почему мы его делаем. ТОЛ ЪКО В ЭТОМ случае можно быть уверенным в своих выводах. Пытливое и вдумчивое чтение позволит пройти через новые открытия так, чтобы в конце сделать собственные выводы и сформировать собственные убеждения. Если вы готовы — начинаем.

Глава 1. СПРЯТАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

У меня в доме зазвонил телефон. Было около десяти утра. Я помню пятна солнечного света на стене. Они искрились. Чудесный день в английской деревушке.

— Ты можешь ближайшим поездом приехать в Лондон? Не спрашивай, зачем.

Я мысленно застонал: непрерывные потоки машин, поиски такси, шум, грязь, переполненная подземка. День, проведенный в помещениях или в поездках между ними; солнце — далекое воспоминание.

— Конечно, — ответил я, понимая, что мой друг не станет без крайней необходимости обращаться ко мне с такой просьбой.

— А ты можешь принести с собой фотоаппарат?

— Конечно, — повторил я, слегка озадаченный таким поворотом разговора.

— А ты можешь спрятать фотоаппарат?

И тут я заинтересовался. В чем дело? Мой друг входил в группу немногочисленных и крайне осторожных дилеров, посредников и покупателей дорогого антиквариата, причем не у всех этих людей имелись официальные документы, позволяющие легально торговать на открытом рынке.

Я уложил фотоаппарат и сменные объективы в обычный портфель, кинул туда несколько рулонов пленки, запрыгнул в машину и поехал на станцию.

Приятель ждал меня у входа в ресторан на одной из известных улиц Лондона. Сам он был американцем, но вместе с ним пришли иорданец, двое палестинцев, гражданин Саудовской Аравии и английский эксперт из крупного аукционного дома.

Они ждали меня, и после краткой церемонии знакомства эксперт аукционного дома удалился, вероятно не желая участвовать в дальнейших событиях. Остальные прошли в ближайший банк, где нас поспешно провели через холл, а затем по короткому коридору, ведущему в маленькую комнату, окна которой были закрыты матовыми стеклами.

Пока мы стояли вокруг круглого стола, занимавшего середину комнаты, и перебрасывались ничего не значащими фразами, служащие банка внесли два деревянных сундука и поставили их на стол перед нами. На каждом сундуке имелось три висячих замка. После того, как был внесен второй сундук, один из служащих банка сказал, как бы «для протокола»:

— Мы не знаем, что находится в этих сундуках. И не желаем знать.

После этих слов они принесли телефон и покинули комнату, заперев за собой дверь. Иорданец позвонил в Амман. Из короткого разговора (на арабском языке) я понял, что он спрашивал разрешения и получил его. Затем иорданец достал связку ключей и открыл замки.

Сундуки были доверху заполнены одинаковыми листами картона. Затем я с ужасом обнаружил, что к каждому из листов при помощи узких полосок прозрачного скотча были небрежно прикреплены фрагменты папируса с текстом. Тексты были написаны на арамейском и древнееврейском языках. Тут же находились саваны египетских мумий с демотическими письменами — сокращенной формой египетского иероглифического письма.

Я знал, что на подобных саванах часто встречаются священные тексты и что для получения такого количества текста его владельцы должны были раздеть одну или две мумии. На первый взгляд тексты на арамейском и древнееврейском языках напоминали рукописи Мертвого моря, которые я видел раньше, — с той лишь разницей, что в большинстве своем они были написаны на пергаменте. Это собрание древних документов было настоящим сокровищем. Я был чрезвычайно заинтригован, и мне захотелось рассказать о его существовании некоторым исследователям — возможно, чтобы обеспечить доступ к документам.

По мере того, как листы картона извлекались из сундуков, мне сказали, что владельцы рукописей пытаются продать их одному из европейских правительств. Запрошенная цена составляла три миллиона фунтов стерлингов. Присутствующие хотели, чтобы я сделал несколько снимков, которые можно будет показать потенциальному покупателю, чтобы еще на шаг приблизиться к заключению сделки. Я догадался, о каком правительстве идет речь, но оставил свои соображения при себе.

В течение следующего часа мне предлагались избранные листы и я, став на стул, снимал на черно-белую пленку документы, освещенные мягким светом, льющим сквозь матовые стекла окон. Всего я отснял шесть катушек 35-миллиметровой пленки — более двух сотен фотографий.

Постепенно меня охватывал страх, что эти документы могут опять кануть в неизвестность, из которой ОНИ ПОЯВИЛИСЬ. Они могут перейти в руки покупателя, который будет прятать их в течение многих лет, как это произошло с текстами Наг-Хаммади и с рукописями Мертвого моря. ИЛИ ТОГО ХУЖЕ — покупателя на них не найдется, и они исчезнут в темноте глубоких хранилищ банка, пополнив сонм других ценных документов, спрятанных в банковских сейфах и сундуках по всему миру.

Поскольку фотографий было сделано много, и их никто не считал, у меня появилась возможность припрятать, по крайней мере, одну пленку, которая послужит доказательством, что эта коллекция на самом деле существует. Мне удалось незаметно опустить одну кассету в карман.

Когда фотосъемка закончилась и листы картона вернулись на место, я протянул пленки одному из владельцев сокровища. Он взглянул на них и спросил:

— А где еще одна? Оказывается, он считал.

— Еще одна? — неуверенно переспросил я, стараясь придать своему лицу невинное выражение и демонстративно хлопая себя по карманам.

— Да, вы правы. Вот она, — я достал пленку, которую рассчитывал утаить. Я был смущен и расстроен. Мне очень хотелось иметь доказательство увиденного.

В этот момент мой приятель понял, что у меня на уме, и пришел мне на выручку.

— А где вы собираетесь проявлять их? — задал он внешне невинный вопрос.

— В фотоателье, — ответил человек, взявший у меня пленки.

— Это не очень надежно, — сказал мой приятель. — Послушайте, Майкл профессиональный фотограф, и он может проявить пленки и отпечатать столько комплектов, сколько вам нужно. И никакого риска.

— Хорошая идея, — согласился владелец сокровища и протянул мне пленки.

Естественно, я отпечатал один комплект фотографий для себя. Позже я договорился о встрече с иорданцем — похоже, он был главным — и во время ленча передал ему фотографии и негативы. Затем я высказал предположение, что если бы специалисты могли взглянуть на тексты и идентифицировать их, то научное заключение значительно повысило бы стоимость коллекции. Я обратился к иорданцу за разрешением поговорить с несколькими специалистами в этой области — разумеется, не раскрывая тайны. Подумав, он признал, что это неплохая идея, но ясно дал понять, что ни я, ни эксперты не должны никому рассказывать об этой коллекции.

Несколько дней спустя я отправился в отдел Западной Азии Британского музея, имея при себе полный комплект снимков. Я уже работал с этим отделом, проводя исследования для книги «From the Omens of BabyIon» и был уверен, что его специалисты не только дадут объективное заключение, но и сохранят конфиденциальность.

Эксперта, с которым я работал раньше, не оказалось на месте, и вместо него в небольшую прихожую вышел его коллега. Я кратко рассказал ему историю о сундуках с текстами и

фотографиях, подчеркнув при этом, что для владельцев это коммерческая сделка и что я буду ему очень благодарен за сохранение тайны, потому что большие деньги могут стать источником больших неприятностей. Я попросил его, чтобы он нашел специалиста в этой области, который мог бы взглянуть на фотографии и сделать вывод о ценности документов. Если они действительно представляют научный интерес, я сделаю все возможное, чтобы обеспечить ученым доступ ко всей коллекции. Затем я передал снимки сотруднику музея.

Прошло несколько недель. Из Британского музея не было никаких вестей. Я стал волноваться. Наконец, примерно через месяц, я вновь пришел в Британский музей и поднялся наверх, в отдел Западной Азии. Здесь меня встретил другой сотрудник.

— Месяц назад я приносил фотографии большого количества папирусов с текстами. С тех пор от вас нет никаких известий. Мне хотелось бы знать, посмотрели ли их?

Сотрудник удивленно смотрел на меня:

— Какие фотографии?

Я повторил для него всю историю с начала до конца. Он выглядел растерянным. Он не слышал, что подобные фотографии попадали в отдел, хотя это не его область. Вероятно, их передали другому сотруднику, который работал в отделе некоторое время, а теперь уволился.

— И где он теперь? — поинтересовался я.

— Не знаю, — последовал ответ. — Думаю, в Париже. Мне очень жаль, что так вышло с нашими фотографиями.

Больше я о них не слышал. Без квитанции музея я ничего не мог сделать. К счастью, дома у меня сохранились несколько отбракованных снимков, которые могли подтвердить, что коллекция действительно существует, но не давали представления о ее содержании. Эксперт, изучивший оставшиеся у меня снимки, пришел к выводу, что большинство текстов представляют собой записи торговых операций.

Десять или двенадцать лет спустя я шел по улице крупного европейского города с рядами дорогих магазинов и увидел одного из палестинцев, который в тот памятный день присутствовал в банке. Я подошел к нему и спросил, помнит ли он меня.

— Конечно, ответил он. — Вы коллега...

Он назвал имя моего приятеля.

— Знаете, — начал я. — Мне всегда хотелось знать, что стало с теми древними текстами, которые я фотографировал в банке. Их продали?

— Я ничего о них не слышал, — скороговоркой пробормотал палестинец и, сделав вид, что очень занят, вежливо извинился и поспешил уйти.

Нельзя сказать, что я очень удивился, потому что уже много лет жил в мире, где важные ключи к загадкам прошлого казались одновременно доступными и неуловимыми. Как мы убедимся в дальнейшем, эти сундуки с документами не единственный пример того, что доказательства существуют, но, к сожалению, находятся вне пределов досягаемости.

Глава 2. СОКРОВИЩА СВЯЩЕННИКА

Занимаясь исследованиями, я с удовольствием поддерживал переписку с историками и коллегами, обсуждая то, что скрывают традиционные исторические концепции. Некоторые письма привлекали особое внимание. Вот одно из них.

«Смею вас заверить, что это „сокровище“ не золото и драгоценные камни, а документ, содержащий неопровержимые доказательства, что Христос был жив в 45 году нашей эры. Намеки, оставленные благочестивым кюре, так и не были поняты, но из текста становится ясно, что подмена была произведена фанатичными зелотами по пути к месту казни. Документ был продан за огромную сумму, а затем спрятан или уничтожен».

Ричард Ли, Генри Линкольн и я просто не знали, что делать с этим письмом. Оно пришло от уважаемого и образованного викария англиканской церкви, преподобного Дугласа Уильяма Геста Бартлета.

Под «благочестивым кюре» подразумевался аббат Беранже Соньер, который служил священником в маленькой деревушке Ренн-ле-Шато, расположенной на вершине холма в предгорьях Пиренеев.

Аббат Соньер был назначен священником местной церкви в 1885 году. Его ежегодный доход равнялся приблизительно десяти долларам. Известность, сохраняющуюся по сей день, он приобрел тем, что в начале 90-х годов девятнадцатого века он вдруг разбогател — причина и источник его богатства так и остались неизвестными[8]. Возможно, неожиданное богатство как-то связано с находкой, сделанной им во время реконструкции церкви в 1891 году. Однако «сокровище», которое он обнаружил, по утверждению Бартлета, оказалось не сверкающими драгоценностями (возможно, утраченные сокровища Иерусалимского храма, как мы предположили в самом начале), а нечто еще более необычное — некие документы, касающиеся Иисуса и, следовательно, самих основ христианства. В тот момент такое предположение казалось нам невероятным, и мы без колебаний отложили письмо викария «в папку».

Разумеется, мы предполагали, что в темных коридорах истории происходит нечто странное, но в процессе работы над книгой «Святая Кровь и Святой Грааль» мы столкнулись с таким количеством неожиданных и крайне противоречивых сведений, удививших нас от содержания этого письма, что решили отложить его тщательное изучение. В то время гипотеза, что Иисус остался жив, не показалась нам достойной внимания, поскольку все наши усилия сосредоточились на исследовании вероятности того, что к моменту распятия у него был по меньшей мере один ребенок — или его жена была беременна. Закончилась ли жизнь Иисуса на кресте или нет — этот факт не имел отношения к нашему повествованию о его женитьбе, о роли его потомков в европейской истории и о легендах о Святом Граале. Именно эти гипотезы составили основу нашего бестселлера «Святая Кровь и Святой Грааль», впервые опубликованного в 1982 году.

Тем не менее, заинтригованные этим крайне необычным и одновременно конфиденциальным письмом, мы все время возвращались к его содержанию. «В чем заключались, — спрашивали мы себя, — „неопровержимые доказательства“ того, что Иисус не умер на кресте и прожил еще достаточно долго? И какие вообще могут быть неопровержимые доказательства в исторической науке?» Вероятно, это документы, но разве существуют документы, которые невозможно поставить под сомнение?

Самые надежные документы, полагали мы, должны быть в высшей степени прозаическими — они не служат никакой цели и не являются аргументами в споре; скорее всего, это некая опись, исторический эквивалент списка необходимых покупок. Нечто вроде документа римской эпохи, бесстрастно сообщавшего: «Александрия, четвертый год правления Клавдия (45 год н. э.). Иисус Бен Иосиф, приезжий из Галилеи, ранее допрошенный и оправданный Понтием Пилатом, настоящим признается владельцем земельного участка за пределами городских стен».

Однако все это выглядело несколько натянуто.

После выхода в свет книги «Святая Кровь и Святой Грааль», когда поднятый ею шум улегся, мы решили — скорее, просто из любопытства — нанести визит автору письма и выяснить, что еще он может нам сообщить. Он жил в Лифилде, в Оксфордшире, сельском графстве Англии с идиллическими деревеньками из каменных домиков, центром которого является древний университетский город Оксфорд. Преподобный Бартлет жил в одной из небольших деревень в холмистой местности на северо-западе графства. Наш разговор

состоялся у него в саду. Мы присели на деревянную скамейку, и прозаичность окружающей обстановки только подчеркивала необычность темы, которую мы обсуждали...

— В 30-х годах я жил в Оксфорде, — рассказывал преподобный Бартлет. — На той же улице проживал один из влиятельных деятелей англиканской церкви, каноник Альфред Лиллей. Я видел его каждый день.

Альфред Лесли Лиллей (1860–1948) до своей отставки в 1936 году занимал должность каноника и управителя Херефордского собора. Он считался знатоком старофранцузского языка, и по этой причине к нему часто обращались за консультациями в трудных для перевода случаях.

Ежедневные беседы сблизили Лиллея и Бартлета, и в конце концов Лиллей стал доверять Бартлету настолько, что поведал необычную историю. Он рассказал, что в начале 90-х годов девятнадцатого века один молодой человек, его бывший студент, попросил его приехать в Париж в семинарию Сен-Сюльпис, чтобы помочь в переводе странного документа (или документов — Бартлет уже точно не помнил), происхождение которого тщательно скрывалось. В Сен-Сюльписе работала группа ученых, в задачу которой входило тщательно просматривать все поступающие документы — как предположил Лиллей, по поручению одного из кардиналов римско-католической церкви. Ученые обратились за помощью в переводе, потому что не могли понять текст. Возможно, он показался им настолько скандальным, что они сомневались в правильности своей интерпретации.

— Они не знали, насколько близки к истине, — вспоминал Бартлет объяснения Лиллея.

— Каноник сказал, что их ждали бы огромные неприятности, узнай о документе некоторые люди. Это была очень деликатная тема. Лиллей смеялся, представляя, что могло случиться, если бы французские священники рассказали о документе всем. Лиллей не знал, что случилось с ними [документами], но предполагал, что за них была уплачена огромная сумма и что в конечном итоге они оказались в Риме. Он не исключал, что церковь могла уничтожить эти документы.

Лиллей был абсолютно уверен в подлинности документов. Они были крайне необычными и разрушали многие из наших представлений о Христе. Ознакомление с этим материалом, считал он, вело к отказу от ортодоксальной церковной доктрины. Лиллей точно не знал, откуда взялись эти бумаги, но полагал, что в двенадцатом и тринадцатом веках ими владели катары, еретическая секта, существовавшая на юге Франции — хотя сами документы были гораздо старше. Он также был уверен, что после уничтожения катаров бумаги хранились в Швейцарии, пока в результате войн четырнадцатого века не попали во Францию.

— К концу жизни, — продолжал Бартлет, — Лиллей пришел к выводу, что всю информацию, которая содержится в Евангелиях, можно поставить под сомнение; он не знал, где истина.

Мы с Генри были потрясены. Бартлета никак нельзя была назвать глупцом. Священник не только получил степень магистра в одном из колледжей Оксфорда, но также защитил диссертации по физике и химии в университете Уэльса и по медицине в Оксфорде. Он был членом Королевского общества хирургов и Королевского общества терапевтов. Назвать его высокообразованным человеком — значит, ничего не сказать. Он явно восхищался каноником Лиллеем, с уважением относился к его знаниям и нисколько не сомневался, что Лиллей точно описал документ или документы, которые он видел в Париже. Нам хотелось побольше узнать о Лиллее, попробовать получить дополнительную информацию о материале, связанном с Иисусом, а также выяснить, кто в семинарии Сен-Сюльпис и в Ватикане мог интересоваться им.

Ключ к пониманию личности каноника Лиллея заключался в том, что он считал себя модернистом и был автором книги, посвященной этому движению, чрезвычайно популярному в начале двадцатого века. Модернисты выступали за пересмотр догматов церкви в свете новейших достижений естественных наук, археологии и гуманитарных дисциплин. Многие

теологи понимали, что их уверенность в исторической достоверности Нового Завета не имеет оснований. Так, например, декана собора Св. Павла Уильяма Инджа однажды попросили составить жизнеописание Христа, и он отказался, заявив, что отсутствие достаточного количества достоверных фактов не позволяют писать на эту тему.

На протяжении девятнадцатого века Ватикан все больше напоминал анахронизм. Папское государство, земли которого раскинулись от Рима до Анконы, Болоньи и Феррары, все еще существовало, и папа правил в нем, подобно средневековому монарху. В тайных темницах инквизиции по-прежнему пытали подозреваемых в ереси. Признанных виновными папские суды отправляли на галеры, приговаривали к ссылке, тюремному заключению или смертной казни. Эшафоты на городских площадях никогда не пустовали. Повсюду сновали шпионы, и репрессии считались нормой. Любые новшества отвергались — папа запретил даже железные дороги, опасаясь, что путешествия и контакты между людьми подточат основы веры. И все это происходило на задворках Европы, в которой стремление к переменам в обществе набирало силу, находя выход в освободительных движениях, боровшихся против деспотизма, а также в развитии парламентских форм правления.

Несмотря на сознательно поддерживаемое невежество внешний мир через рушившиеся границы проникал в папское государство. Перемены становились неизбежными. Демократические взгляды в политике, растущая социальная активность и усиливающаяся критика библейских текстов и содержащихся в них противоречий — от всего этого религиозные догмы затрещали по швам. К ужасу католиков-консерваторов, под прямой угрозой оказалась политическая власть папы. Это стало реальной проблемой: в 1859 году после войны между Австрией и Францией, которая закончилась поражением католической монархии Габсбургов, подавляющее большинство папских земель объединились в новое государство — королевство Италия. Под властью папы Пия IX, авторитет которого серьезно пострадал в результате этих событий, теперь остался только Рим и его ближайшие окрестности. Однако вскоре положение папы ухудшилось еще больше: 21 сентября 1870 года итальянские войска отобрали у Церкви и эти скромные владения. Папе оставили только обнесенный крепостной стеной Ватикан, где его преемники правят и по сей день.

Незадолго до потери Рима папа — это выглядело как жест отчаяния — собрал Вселенский собор прелатов церкви, чтобы укрепить свою власть. Однако, созывая собор, он тем самым косвенно признавал ограниченность своей власти. Вопрос о том, кому принадлежит высшая власть, уже давно был незаживающей раной Ватикана. Неприятная правда заключалась в том, что законность папской власти утвердил не апостол Петр две тысячи лет назад, а гораздо более приземленный источник — церковный Собор в Констанце, собравшийся в начале пятнадцатого века. В то время было три папы — три понтифика, общим у которых была лишь ненависть друг к другу, — причем каждый заявлял о своем праве стоять во главе Церкви. Эта нелепая ситуация была разрешена епископами, которые утвердили законную церковную власть. С тех пор власть папы опиралась на епископов. Соответственно любой папа, стремившийся к серьезным переменам, был вынужден искать их одобрения.

Однако папа Пий IX стремился утвердить одно из важнейших изменений — объявить себя непогрешимым и таким образом получить власть над всеми верующими. Но он понимал, что придется пойти на хитрость, чтобы добиться желаемой цели. Поэтому в конце 1869 года был созван Первый ватиканский собор. Его истинная повестка дня держалась в секрете небольшой группой облеченных властью людей, в том числе трех кардиналов, каждый из которых был членом Святой инквизиции. Ни в одном из документов, касавшихся целей и задач собора, не упоминалось о непогрешимости папы. Тем временем к собравшимся в Ватикане епископам применили силовые методы давления. Тайное голосование отменялось, а самым легким наказанием за критику было лишение папских стипендий.

После двух месяцев работы в повестку дня был внесен вопрос о непогрешимости папы. Одни деятели церкви, от крыто выступавшие против этой идеи, были подвергнуты домашнему

аресту, другие бежали. Один из них был избит самим папой. Несмотря на принуждение только 49 процентов епископов проголосовало за постулат о непогрешимости папы. Тем не менее 18 июля 1870 года было объявлено, что большинство проголосовало «за», и папа стал непогрешимым. Всего через два месяца итальянские войска заняли Рим и ограничили власть «непогрешимого» папы стенами Ватикана — вероятно, такова была божественная реакция на недостаток скромности у понтифика.

Папа и его сторонники хотели, чтобы постулат о непогрешимости защитил Ватикан от вызовов, с которыми ему приходилось сталкиваться, и особенно от критики Библии и от новых археологических открытий.

Цели модернистов были прямо противоположными. Они стремились пересмотреть церковные догмы в свете новейших научных достижений. Исторические свидетельства, открывшиеся в результате их исследований, помогали развеивать мифы, которые создала и поддерживала Церковь, и особенно мифы об Иисусе Христе. Модернисты также резко выступали против централизации власти и сосредоточения ее в Ватикане. Особенно влиятельным движением модернистов было в Париже, где с 1852 по 1884 год должность директора семинарии Сен-Сюльпис занимал либеральный ирландский теолог по имени Джон Хоган.

Хоган приветствовал и открыто поощрял исследования модернистов в своей семинарии. Каноник Лиллей говорил о том, что влияние именно этого человека подтолкнуло его к модернизму[9]. Многие из семинаристов Хогана посещали лекции ассириолога и знатока древнееврейского языка отца Альфреда Луази, известного модерниста и директора Католического института в Париже.

Поначалу Ватикан не выказывал беспокойства. Новый папа Лев XIII (он был избран в 1878 году и занимал Святой престол вплоть до 1903 года) был уверен в прочности позиций Церкви и даже допустил ученых в архивы Ватикана. Но он не подозревал, что открытия исследователей в конце концов поставят под сомнение догматы Церкви. Вскоре ему стало ясно, что наука представляет серьезную угрозу самой основе Церкви. В 1903 году, незадолго до смерти, папа Лев XIII решил возместить причиненный ущерб. Он основал Папскую библейскую комиссию, которая должна была надзирать за работой теологов и следить, чтобы они не отклонялись от учения Церкви. Комиссия имела тесные связи с инквизицией, и во главе этих учреждений стоял один и тот же кардинал.

Для всех было очевидно, что опасность заключена в словах отца Альфреда Луази:

«Иисус провозгласил приход Царства Божия, а пришла Церковь»[10].

Как и многие другие модернисты, Луази был убежден, что достижения исторической науки больше не позволяют поддерживать многие догматы церкви: положения о том, что Церковь основана Иисусом, а также непорочное зачатие и божественное происхождение — то есть божественную сущность Иисуса[11].

Видный британский модернист Джордж Тирел выступал против жесткой автократической власти Ватикана.

«Церковь, не должна быть официальным Институтом Истины»[12].

Разумеется, Церковь видела себя именно в этой роли.

Модернисты задавали неприятный и дерзкий вопрос: что делать, когда история или другая наука вступает в противоречие с церковными доктринами? На этот прямой вызов Церковь отвечала тем, что еще больше отгораживалась стеной из догм: любое сомнение разрешалось утверждением, что Церковь всегда права — в любых обстоятельствах и по любому вопросу.

В 1892 году преемник Хогана на посту директора семинарии Сен-Сюльпис запретил студентам посещать лекции католика-модерниста Альфреда Луази. Через год Луази лишили

права преподавать в Католическом институте, а затем его отлучили от Церкви. Ватикан отстранил от должности или отлучил от Церкви многих модернистов, а их работы были включены в список запрещенных книг. В 1907 году папа Пий X официально запретил движение модернистов, и 1 сентября 1910 года от всех священников и преподавателей теологии потребовали принести клятву в отказе от модернизма. Чтобы вечно меняющийся внешний мир не вторгался в деликатные теологические материи, студентам семинарий и богословских факультетов запретили читать газеты.

Однако до 1892 года в семинарии Сен-Сюльпис царил пьянящая атмосфера творчества. Это был храм науки, построенный на пылкости и любопытстве. Этот дух поддерживался неиссякающим потоком новых переводов древних текстов, а также археологических открытий. Именно в этот период каноника Лиллея пригласили в Париж взглянуть на документ или документы, содержащие неопровержимые доказательства того, что Иисус был жив в 45 году н. э. Познакомившись с этим уровнем научных исследований, Лиллей неизбежно должен был задать себе вопрос, как долго еще Ватикану удастся отстаивать свою негибкую, догматическую позицию. Вероятно, он предполагал, что вскоре последует реакция на эти открытия, и дверь для научных исследований будет закрыта. Судя по его признанию Бартлету, он был убежден, что в конечном счете эти документы попали в Ватикан, где были надежно спрятаны или уничтожены.

Когда мы впервые услышали о том, что Иисус был жив в 45 году н. э., нам на память пришло любопытное утверждение римского историка Светония Транквилла. В своем жизнеописании правления римского императора Клавдия (41–54 гг. н. э.) он сообщает, что

«из-за того, что иудеи, подстрекаемые Хрестосом, постоянно устраивали беспорядки в Риме, император изгнал их из города»[13].

События, о которых он рассказывает, происходили в 45 году н. э. Под Хрестосом явно подразумевался человек, который в то время жил в Риме. Мы задались вопросом: не мог ли этот человек быть Христом? Не следовало забывать, что Хрестос — это греческий вариант произношения имени, а «мессия» представляет собой греческую транслитерацию арамейского слова «мешиха», которое в свою очередь происходит от древнееврейского «хамашиах», или «помазанный царь». Таким образом, греческий термин «мессия» имеет арамейские — на этом языке говорило большинство населения Иудеи — корни, а не древнееврейские.

Значит ли это, что в Риме проповедовал человек, которого считали мессией? И если да, то почему бунтовали евреи? Нападали ли они на римлян по наущению этого проповедника или нападали на самого проповедника? А может быть — что еще более странно, — проповедник натравливал евреев друг на друга, провоцируя беспорядки? Светоний не приводит никаких сведений о целях бунтовщиков и о том, против кого они выступали. Однако у нас возникли сомнения: а не мог ли Иисус, подобно апостолу Павлу, окончить свой жизненный путь в Риме?

Светоний писал свои сочинения в начале второго века нашей эры; в течение нескольких лет он служил секретарем императора Андриана (117–138). Он был официальным хранителем римских архивов и директором библиотек. Совершенно очевидно, что он имел доступ ко всем государственным документам, и поэтому его рассказ можно считать достоверным. Но кем же был этот Хрестос? Неизвестно.

В те бурные дни начала 90-х годов девятнадцатого века в семинарию Сен-Сюльпис приезжал еще один человек — аббат Соньер, священник из деревни Ренн-ле-Шато. По слухам — эти слухи практически не поддаются проверке — Соньер во время перестройки своей церкви обнаружил некие документы. Он показал эти документы епископу, и тот велел ему ехать в Париж, где была организована встреча с экспертами из семинарии Сен-Сюльпис. Это произошло в 1891 году. Как сообщают, Соньер пробыл в Париже три недели. Домой он вернулся обладателем значительного состояния, которое позволило ему проложить дорогу до расположенной на холме деревни, отреставрировать и заново расписать церковь, а также

построить комфортабельную и современную виллу, разбить пышный сад и соорудить башню, которая служила ему кабинетом.

Может быть, именно документы Соньера видел и переводил каноник Лиллей? Может быть, своим внезапным богатством Соньер обязан именно им? Преподобный Бартлет не сомневался в этом. И если это действительно так, то здесь ли кроются истоки в высшей степени странного изображения на стене церкви в Ренн-ле-Шато — изображения, раскрывающего еретические аспекты убеждений аббата Соньера.

Несмотря на небольшие размеры здания, внутреннее убранство церкви в Ренн-ле-Шато напоминает готическую фантазию, более уместную в баварском замке Людвига II, чем в пиренейской деревушке на вершине холма. Это буйство символов и красок. Исследователи потратили не один год, пытаясь расшифровать многочисленные ключи к символике, которую использовал Соньер. Однако одно изображение не требует расшифровки — чтобы понять его, не нужно быть специалистом в области оккультных пауков или символизма.

Как и во всех католических храмах, стены церкви украшены барельефами с изображением Крестного пути Христа. Это последовательность картин, живописующих остановки Иисуса по пути на Голгофу после вынесения приговора. Они служат опорными пунктами для размышлений и молитвы — своего рода дорожной картой пути воскрешения для верующих. Барельефы на стенах церкви в Ренн-ле-Шато — это стандартные отливки, поставляемые мастерской из Тулузы и встречающиеся во многих других храмах. По крайней мере, все гипсовые изображения идентичны. Между ними имеется одно, но очень важное отличие — барельефы в Ренн-ле-Шато раскрашены необычным образом. Так, например, на одном фрагменте изображена женщина с ребенком, стоящая рядом с Иисусом; ребенок закутан в шотландский плед. Другие изображения отличаются не меньшими странностями.

Но самой необычной можно считать 14-ю остановку на Крестном пути. Традиционно это последняя картина, изображающая положение во гроб, предшествующее воскрешению. В Ренн-ле-Шато на барельефе изображена гробница, а перед ней три фигуры, несущие тело Христа. По раскрашенному заднему плану можно понять, что это событие происходит ночью. В небе над человеческими фигурами сияет полная луна.

Полнолуние означает, что Пасха уже началась. Это очень важное наблюдение, потому что ни один иудей после начала Пасхи не прикаснется к мертвому телу — этим он осквернит себя. Этот вариант изображения четырнадцатой остановки позволяет сделать два важных предположения: три человека несут не мертвое, а живое тело, а Иисус — или тот, кто его заменил на кресте, — выжил после распятия. Более того, судя по изображению, тело несут не в гробницу, а из гробницы — тайно, под покровом ночи.

Важно также отметить, что росписью барельефов с изображением Крестного пути Иисуса руководил сам аббат Соньер. Похоже, он хотел поделиться тем, что знал сам — что Иисус остался жив после распятия. Не мог ли он узнать об этом во время визита в семинарию Сен-Сюльпис? Может быть, он встречался с той же группой ученых, которые пригласили в Париж каноника Лиллея? Если поверить рассказанной нам истории, то ответ на оба эти вопроса, скорее всего, будет положительным.

Как бы то ни было — а в тот момент мы вряд ли могли прийти к определенным выводам — 14-я остановка на Крестном пути, в том виде, как она была изображена на стене этой церкви, служит ярким доказательством тайных еретических знаний, которые попали в руки священника из деревенской глубинки Франции.

Нам казалось нелогичным предполагать, что Соньер был одинок в своих воззрениях. Должны были существовать другие свидетельства этих знаний в других Церквях, в документах, а также в трудах тех, кто разделял убеждения Соньера. Может быть, найдя их, мы сумеем подтвердить достоверность этой истории? Мы хотели узнать, как должны были распять Иисуса или того, кем его заменили, чтобы он остался жив. И что это могло значить? Мы подумали, что

стоит взглянуть на имеющиеся в Евангелии свидетельства с этой новой, нетрадиционной точки зрения.

Глава 3. ИИСУС, ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ

Гипотеза о мнимом распятии существовала давно — о ней упоминается даже в Коране[14]. Но как мог быть организован подлог? Согласно Евангелию, все, за исключением учеников Иисуса, желали его смерти — или по меньшей мере не вмешивались в ход событий. Власти Иудеи и заполонившая улицы шумная толпа — а также римляне, хотя и неявно — хотели избавиться от него. Традиционная интерпретация евангельских рассказов рисует следующую картину. Иисуса судили в присутствии народа, толпа потребовала, чтобы его распяли, Пилат «умыл руки», а затем Иисуса провели к месту публичной казни — Голгофе, или «месту черепа» — сквозь толпы людей, которые проклинали его и прибили гвоздями к кресту между двумя разбойниками.

Если бы он попытался бежать по пути на Голгофу, такая попытка была бы сразу же пресечена. Нашлось бы множество добровольцев, которые быстро вернули бы его на Крестный путь. В Евангелии говорится, что римляне сложили с себя всю ответственность за происходящее; их не интересовало, что будет дальше. Однако властям Иудеи и представителям священников-саддукеев было не все равно — они желали смерти Иисуса. Немногочисленные ученики были не в силах защитить его и лишь беспомощно наблюдали за разворачивавшейся у них на глазах трагедией. Таким образом, если его спасение не служило интересам ни римлян, ни властей Иудеи, которые обладали достаточной для этого властью, то оно представляется невозможным. Тем не менее в тексте Евангелия содержится достаточно намеков, чтобы сделать паузу и задуматься. Ситуация не так проста, как мы привыкли думать.

Первое, и очень важное замечание — в ту эпоху к распятию приговаривали за политические преступления. Однако по свидетельству Евангелия Пилат отдал судьбу Иисуса в руки толпы, которая потребовала распятия, обвиняя его в ереси. По законам Иудеи наказанием за такое преступление служило побитие камнями. Распятие — это римская казнь, к которой приговаривали за подстрекательство к мятежу, а не за религиозные воззрения. Одно это противоречие иллюстрирует, что события тех дней переданы в Евангелии не совсем верно. Может быть, составители Евангелия старались скрыть от нас какие-то важные детали? Или пытались переложить вину на других?

Можно не сомневаться, что Иисус был приговорен к смертной казни за политические преступления. Мы также уверены, что первую скрипку в этом судебном процессе играли римляне, а не власти Иудеи — в чем бы нас ни пытались убедить Евангелия. Евангелисты прекрасно справились со своей задачей — современному христианину кажется немыслимым, что Иисус мог заниматься политической деятельностью. Тем не менее еще пятьдесят лет назад профессор Сэмюэл Брэндон из Манчестерского университета обратил внимание на эту теологическую неточность:

«Неоспоримым остается важный факт — смертный приговор был вынесен римским прокуратором и приведен в исполнение римскими чиновниками»[15].

Далее профессор Брэндон продолжает:

«Не подлежит сомнению, что движение, связанное с [Иисусом], имело, по меньшей мере, некоторое сходство с мятежом, чтобы римляне признали в нем возможного бунтовщика и казнили его по этому обвинению»[16].

Впоследствии Брэндон высказывался еще откровеннее — возможно, разгневанный поведением тех, кто упорно игнорировал этот важный факт.

«Любое исследование, — убедительно доказывал он, не оставляя места для сомнений, — связанное с Иисусом как исторической личностью, должно начинаться с факта его казни римлянами за подстрекательство к мятежу»[17].

Нам еще предстоит выяснить, что здесь мы столкнулись не только с интригами теологов, но и махинациями политиков. Даже сегодня обезврежены еще не все «мины» на этом пути.

Мы задались вопросом, есть ли еще в Евангелиях свидетельства — помимо жестокого способа казни, — что всем заправляли римляне и что преступление Иисуса заключалось в подстрекательстве к мятежу, а не в искажении религиозных догм иудаизма.

Ответ: есть. Иисус был распят вместе с двумя другими людьми, которые в Библии (в английском переводе) названы ворами. Однако если обратиться к оригинальному греческому тексту, то найдем там термин «лестаи», который буквально переводится как «разбойники» и которым греки называли зелотов, борцов за освобождение Иудеи от римской оккупации[18].

Римляне считали их террористами.

Однако зелоты не просто добивались политических целей — у них были и корыстные мотивы. Помимо всего прочего, они высказывали сомнение в легитимности священников, служивших в Храме Соломона, и в особенности первосвященника, который в то время назначался царями из рода Ирода[19]. Они хотели поставить на их место «сынов Аарона», то есть священников из рода Аарона, брата Моисея из племени Левия, который основал род священников и был первым первосвященником Израиля. Термин «сыны Аарона» стал обозначать единственный законный род священников в Древнем Израиле.

Тот факт, что на Голгофе Иисус оказался между двумя приговоренными к смерти зелотами, неопровержимо свидетельствует, что римляне также считали его зелотом. Им же был Варавва, пленник, отпущенный Пилатом в честь праздника Пасхи. Греческий вариант Евангелия называет его «лестес»[20]. Похоже, Иисус был буквально окружен зелотами.

То же самое можно сказать и об учениках Иисуса: в Евангелии от Луки говорится о «Симоне, прозываемом Зелотом»[21]. Более того, фанатичная группа убийц в среде зелотов носила имя «сикарии» по названию небольшого ножа — сика, — которым они убивали противников. Иуда Искариот явно был сикарием (правда, неизвестно, действующим или бывшим). Предположение о воинственности зелотов приобретает особый смысл, если мы вспомним со бытия, предшествовавшие аресту Иисуса в Гефсиманском саду. Согласно Евангелию от Луки на встрече с учениками Иисус приказал им вооружиться: «...продай одежду свою и купи меч». Когда ему ответили, что у них есть два меча, «он сказал им: довольно»[22]. Здесь Иисус описывается в контексте страстного и нередко связанного с насилием желания евреев освободиться от власти Рима. Не видеть этого — значит игнорировать большую часть текста.

В определенном смысле антиримские настроения Иисуса подтверждаются тем, что его приговорили к распятию. Пилат якобы «умыл руки», однако именно по его настоянию на кресте осталась надпись «Царь Иудейский» — и это значит, что римские законы, которые отличались необыкновенной скрупулезностью, были соблюдены. По закону Пилат мог принять единственное решение: распять Иисуса. Однако надписью на кресте он давал понять, что ему известна правда.

Остается главный вопрос: если Иисусу удалось избежать смерти на кресте — он бежал или его кем-то заменили, — то кто ему помогал? Это были явно не римляне: зачем им спасать того, кто выступал за освобождение Иудеи? Спасителями не могли быть и священники из Храма Соломона, поскольку Иисус по меньшей мере с крайним неодобрением высказывался об их деятельности. Мы полагали, что помощь могла прийти только со стороны зелотов.

Однако дальнейшие исследования показали, что мы глубоко заблуждались.

В 37 году до н. э. Ирод захватил Иерусалим. Он не был уроженцем Иудеи, а происходил из северной области, которая называлась Идумея. Опытный воин и администратор, он также был жестоким убийцей. Его покровитель Марк Антоний предоставил в его распоряжение мощную армию римлян, чтобы взять Иерусалим, но даже при наличии такой помощи осада города продолжалась пять месяцев. Захватив власть, Ирод тут же казнил сорок пять членов

Синедриона, тем самым лишив его влияния. Он также арестовал Антигона, последнего царя Иудеи, и отправил его в Антиохию, в резиденцию Марка Антония. Там царя Иудеи обезглавили. Царем вместо него стал Ирод, известный историкам как «Ирод Великий»; он поддерживал дружеские отношения с помогавшими ему римлянами.

Ирод испытывал глубокую неприязнь ко всем членам древнего царского рода, сохранявшим законные права на престол. Женившись на царевне, он тем не менее приказал утопить ее брата-первосвященника в бассейне дворца города Иерихона. Впоследствии он убил и свою жену, а также двух сыновей от этого брака. На протяжении всего своего правления он методично уничтожал остатки царской династии Израиля. Ирод реставрировал Иерусалимский Храм, но несмотря на этот щедрый дар большинство населения страны ненавидело его. В 4 году до н. э., перед самой смертью, он приказал сжечь двух фарисеев, последователи которых сбросили золоченого римского орла, установленного по приказу Ирода на передней стене Храма.

Единственным хроникером этого периода был еврейский историк Иосиф Флавий. Он сообщает, что после смерти Ирода «народ» потребовал сменить первосвященника, который был ставленником умершего царя. Они потребовали назначить первосвященником человека «более благочестивого и непорочного»[23]. Это первое свидетельство того, что большую часть еврейского народа волновала данная проблема, что очень важно для понимания того исторического периода. Но кто были эти люди?

Иосиф Флавий описывает три течения в иудаизме, существовавшие в то время: фарисеев, саддукеев и ессеев. Саддукеи поддерживали богослужения в Храме, и из их рядов выходили священники, совершавшие ежедневные жертвоприношения. Фарисеи больше интересовались иудейскими традициями и сведением воедино законов, установленных древними пророками, не участвуя в храмовых жертвоприношениях. Об ессеях, живших обособленными общинами, в произведении Флавия содержатся противоречивые сведения. Историк описывает их то сторонниками, то врагами Ирода, то мирными, то воинственными, то соблюдавшими обет безбрачия, то имевшими семьи — в зависимости от того, какую часть его трудов вы откроете. Все это привело к разброду в рядах современных исследователей и усложнило проблему. Тем не менее всех ессеев отличала преданность иудейскому закону, и, как отмечал Иосиф Флавий, даже под пытками они отказывались проклинать Моисея и нарушать предписания закона[24]. Кроме того, писал Иосиф, они придерживались тех же взглядов, что и «сыны Греции»; вероятно, он имел в виду пифагорейцев или платоников, которые также считали человека вместилищем бессмертной души, которая находится внутри недолговечной телесной оболочки.

В своей более поздней работе, «Иудейские древности», Флавий добавил к этим трем группам четвертую — зелотов[25].

Те, кто требовал нового первосвященника, действовали не только из религиозных побуждений. Требование перемен стало особенно громким по завершении недельного траура по умершему Ироду. Его сын Архелай надеялся унаследовать трон отца, но последнее слово было за римским императором Августом.

Перед отъездом в Рим во время пышного поминального пира в Храме Архелай услышал шум разгневанной толпы, выкрикивавшей свои требования. Главная цель нападок — первосвященник — тоже присутствовал на пиру. Архелай был разгневан шумным выступлением, но не хотел обострять ситуацию и отправил одного из военачальников, чтобы тот успокоил толпу, собравшуюся в Храме. Многие пришли в город из близлежащих деревень в преддверии праздника Пасхи. Но прежде чем военачальник успел что-то сказать, толпа принялась забрасывать его камнями, и он поспешно ретировался.

Вероятно, Архелай запаниковал, опасаясь за свою жизнь, и события стали стремительно развиваться, приняв жестокий оборот. Архелай тут же приказал армейской когорте войти в Храм и арестовать зачинщиков, которые подстрекали толпу. Это была серьезная сила — в

регулярной римской армии численность когорты составляла шестьсот солдат, а в войсках союзников — скорее всего, именно они были размещены в Иерусалиме — колебалась от пятисот до семисот человек. Было совершенно очевидно, что столкновение неминуемо, Архелай хотел нанести быстрый и решительный удар. Но его план провалился. Толпа была разъярена внезапным появлением солдат и встретила их градом камней. Как это ни удивительно, но большинство солдат были убиты, а их командир ранен, и ему едва удалось избежать смерти. Это серьезное столкновение явно свидетельствует о том, что «народ» не только требовал нового первосвященника, «более благочестивого и непорочного», но и что это была серьезная и организованная сила, готовая сражаться и умереть за свои убеждения.

Одержав победу над солдатами, люди продолжали приносить жертвы в Храме, как будто ничего не случилось. Архелай воспользовался этой возможностью и призвал на помощь армию: пехота заполнила улицы Иерусалима, а всадники контролировали окрестности города. Не подлежит сомнению, что оппозиция первосвященнику была гораздо шире, сильнее и организованнее, чем готов признать Иосиф. По какой-то причине Флавий преуменьшает масштабы бунта, который начался в Храме, а затем вылился в кровопролитные бои на улицах Иерусалима. Тем не менее историк не скрывает своего отношения к событиям. С его точки зрения это «мятеж». Использование этого нелестного термина дает ясно понять, что Иосиф был на стороне Архелая и римлян.

Сражение закончилось гибелью нескольких тысяч гражданских лиц, в том числе большинства присутствовавших в Храме. Уцелевшие обратились в бегство, ища убежище среди близлежащих холмов. Поспешно закончив траурный пир, Архелай тут же отбыл в Рим. Тем временем его брат Антипа тоже предъявил права на престол.

Пока Архелай отстаивал свои права перед римским императором, в Иудее началось новое восстание. Накануне праздника Пятидесятницы (Шавуот, пятидесятый день после пасхальной субботы) огромные толпы народа окружили римские лагеря и взяли их в осаду. Сражения начались как в Иерусалиме, так и в его окрестностях. Наиболее организованным сопротивлением было в Галилее, и именно оттуда пришел первый лидер мятежников, Иуда, который напал на царские арсеналы с целью захвата оружия. Примерно в это же время был сожжен дворец Ирода в Иерихоне. Не мог ли быть этот демонстративный акт мезью за того последнего законного первосвященника, уопленного в этом дворце? Вполне вероятно.

Римляне поспешно собрали три легиона, четыре конных эскадрона и многочисленные отряды союзников, чтобы нанести ответный удар. Восстание было жестоко подавлено, а около двух тысяч иудеев, в том числе все лидеры восстания, были распяты — естественно, за подстрекательство к мятежу.

Тем временем в Риме император Август решил разделить Иудею между сыновьями Ирода, каждый из которых, таким образом, лишился царского титула. Самые богатые земли, в том числе Иудею и Самарию, он отдал Архелая, который получил титул этнарха, а оставшаяся часть была разделена на две тетрархии (от греческого термина, обозначающего четвертую часть территории, находящуюся под властью одного правителя). Тетрархии достались Филиппу и Ироду Антипе. Ирод Антипа получил Галилею и земли за рекой Иордан, а Филипп — территории к северу и востоку от Галилеи.

Здесь следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, хотя Иосиф утверждает, что требование «более благочестивого и непорочного» первосвященника исходило от неорганизованного и даже случайного скопления людей, которое было частью толпы, собиравшейся в Храме в преддверии праздника Пасхи, но судя по масштабу столкновений и сопротивлению, оказанному в самом Иерусалиме и за его пределами, эта группа была хорошо организована и имела разветвленную структуру. И они совсем не случайно собрались в Храме в день поминального пира. Они пришли туда намеренно, готовясь к столкновениям. Они явно ожидали столкновений с римлянами. В связи с этим возникает два

вопроса. Кто были эти люди? И что еще мы можем узнать об их взглядах, помимо желания видеть на месте первосвященника «более благочестивого и непорочного» человека?

Похоже, эти события рисуют нам обстановку, в которой проходило детство Иисуса: в 4 году до н. э., когда умер Ирод, Иисусу исполнилось — с этим согласны большинство специалистов — два года. Таким образом, можно не сомневаться, что рождение и жизнь Иисуса протекали на фоне выступлений против коррумпированной и вызывавшей ненависть династии Ирода. Христос родился в иудейском городе Вифлееме, но по свидетельству Иосифа Флавия в детском возрасте был увезен в Назарет, в Галилею[26]. Спустя много лет, рассказывает Евангелие, Иисус пришел из Галилеи, чтобы принять крещение от Иоанна Крестителя. Именно в Галилее он нашел себе учеников, и по меньшей мере двое из них были zealotами. Неудивительно, что его называли Иисусом Галилеянином. По свидетельству Иосифа Флавия Галилея была рассадником мятежа, и именно из этой местности был родом Иуда Галилеянин, руководивший крупным отрядом повстанцев. Каковы же были отношения Иисуса с этими политическими агитаторами, с этой готовой к бунту толпой? Может, он должен был возглавить их? Ключи к разгадке этой тайны мы вновь находим у Иосифа Флавия.

Оппозиция официальным властям превратилась в широкое движение, значение которого Флавий всеми силами старается принизить, называя «мятежом». Однако он также сообщает, что после кровавой бойни в Иерусалиме сопротивление не прекратилось. Наоборот, со временем оно лишь усиливалось. Архелай оказался таким жестоким правителем, что через десять лет был сослан императором в Виенну — город в Галлии. Земли Архелая управлялись непосредственно из Рима как провинция Иудея. Поскольку Филипп и Ирод Антипа правили в своих тетрархиях, Иудеей управлял назначенный Римом прокуратор Колоний, столицей которой стал приморский город Кесария. Вместе с ним приехал новый наместник Сирии Квирий. Рим хотел иметь полное представление о том, чем предстоит управлять, и поэтому Квирий поручили произвести полную перепись имущества страны. Эта перепись была, как минимум, очень непопулярной. Это было в 6 году н. э. Беда казалась неминуемой.

Возглавил восстание Иуда из Галилеи. Он обвинил в трусости всех, кто платил налоги римлянам, и потребовал от евреев, чтобы они не признавали римского императора своим повелителем, потому что повелитель у всех только один — Бог. Вопрос о налогах был главным средством для того, чтобы определить, кто за Иуду, а кто против него. В это же время, сообщает Иосиф Флавий, появились первые сикарии. Именно они стояли за всеми случаями насилия. Флавий намекает, что Иуда из Галилеи либо организовал эту группу фанатиков, либо возглавлял ее, причем, судя по комментариям историка, Флавий ненавидел сикариев. Он обвинял их в том, что их политика служит прикрытием варварства и алчности[27].

Любопытно, что рассказ об Иуде в Новом Завете совпадает с описанием Флавия:

«...во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлек за собою довольно народа; но он погиб»[28].

Далее Иосиф объясняет, что Иуда вместе с другим мятежником, фарисеем Цаддоком, создал четвертую — помимо саддукеев, фарисеев и ессеев — партию в иудаизме. Их называли zealotами, или ревнителями, поскольку они «ревностно преследовали добрые цели»[29]. Понятие «zealotы» встречается только у Иосифа Флавия; о них не упоминает ни один римский автор, и даже Иосиф редко использует это название, предпочитая именовать их «лестай» (разбойники) или «сикарии» (люди с кинжалами).

О zealotах также упоминается в Новом Завете, в Деяниях Апостолов, где рассказывается о встрече Павла с первосвященником Иаковом в Иерусалиме после того, как туда вернулся Павел, в течение многих лет проповедовавший христианство в римских и греческих городах Тарсе, Антиохии, Афинах, Коринфе и Эфесе. Иаков и его паства обратили внимание Павла, «сколько тысяч уверовавших иудеев, и все они ревнители закона»[30]. Далее в этом же тексте используется другое, более обидное слово. Римляне обвиняют Павла в том, что он вел за собой

«четыре тысячи человек разбойников», и арестовывают его. Но если мы обратимся к оригинальному греческому тексту, то увидим, что речь шла вовсе не о разбойниках. В действительности Павла обвиняли в том, что он был предводителем четырех тысяч сикариев[31].

Несмотря на ярлык «зелоты», или «разбойники», — а, возможно, даже благодаря ему — вопрос о том, кто были эти люди, готовые скорее умереть, чем служить римлянам, пока остался без ответа. Иосиф Флавий хотел убедить нас в том, что это была небольшая группа безрассудных людей, склонных к бунту. Однако восстания, о которых он рассказывает, свидетельствуют о том, что они сражались стойко и яростно, а численность их была достаточно велика. Это явное противоречие заставляет нас думать, что Флавий не говорит нам всей правды об этом восстании. Оно было явно серьезнее, чем он готов признать. Этот факт очень важен для нашего рассказа и многое объясняет.

Почему же Иосиф так ненавидел зелотов? Ответ на этот вопрос дает карьера Иосифа Флавия: он сам начинал как зелот. Он даже был военным командиром зелотов. Более того, под его началом находилась вся Галилея — сердце освободительного движения — в самом начале восстания против Рима. Однако после поражения и потери Галилеи он решил перейти на сторону римлян и стал близким другом императора Веспасиана и его сына Тита, одного из военачальников римской армии. В конечном итоге Иосиф переселился во дворец императора, принял римское гражданство и получал пособие от государства. Однако за свое предательство он дорого заплатил — всю оставшуюся жизнь ему пришлось соблюдать осторожность, потому что его ненавидели даже те евреи, которые жили в Риме.

В своей первой книге «Иудейская война» — она была написана в 75–79 г. н. э. и предназначена для римской и романизированной аудитории — Иосиф перекладывает на зелотов вину за разрушение Храма. Несмотря на то, что Флавий имел доступ и к еврейским документам, которые пережили осаду Иерусалима и пожар в Храме, и к официальным документам империи, мы обнаружили, что не можем полностью доверять его рассказу. В его распоряжении был превосходный материал, но он перешел на сторону врага и писал свое сочинение для врага — римских аристократов. Произведение Иосифа Флавия «Иудейская война» можно сравнить с нацистской историей Польши, которая оправдывает немецкое вторжение 1939 года. И поскольку один и тот же человек для одних может быть террористом, а для других патриотом, необходимо проявлять крайнюю осторожность в использовании трудов Флавия. Следует критически относиться к его свидетельствам.

Теперь обратимся к исключительному событию, случившемуся в 1947 году. Пастух-бедуин по имени Мохаммед ад-Диб бродил у северной оконечности Мертвого моря в поисках отбившихся от стада коз. Подумав, что они могли скрываться в обнаруженной им пещере, пастух бросил туда камень, надеясь что животные испугаются и выбегут наружу. Однако вместо громкого блеяния он услышал звук бьющейся посуды. Заинтересовавшись, он прополз внутрь сквозь узкий лаз, чтобы посмотреть, что же там такое. Перед ним лежали несколько больших глиняных кувшинов — один из них теперь был разбит, — в которых обнаружилось первое собрание документов, получивших мировую известность под названием «рукописей Мертвого моря».

Пастух принес рукописи торговцу древностями в Вифлееме, который по частям стал продавать их клиентам, проявлявшим интерес к древним текстам. Однако точное число найденных рукописей до сих пор остается загадкой. Семь из них получили известность, и в конечном итоге они были проданы научным учреждениям, но есть все основания предполагать, что еще несколько манускриптов остались у торговца древностями или попали к другим антикварам или в частные коллекции. Один свиток оказался в Дамаске и какое-то время находился в руках сотрудников Центрального разведывательного управления США.

В то время главой отделения ЦРУ в Дамаске был специалист по Ближнему Востоку Майлз Копленд. Он рассказывал мне, что однажды к нему пришел «хитрый египетский торговец» и

предложил древний свиток, похожий на те, которые известны нам как рукописи Мертвого моря. В то время о них, разумеется, никто ничего не знал, и Копленд сомневался, обладает ли этот ветхий документ какой-либо ценностью. Он не знал ни арамейского, ни древнееврейского языка, но вспомнил, что глава ближневосточного отдела ЦРУ Кермит Рузвельт, штаб-квартира которого находилась в Бейруте, был специалистом по древним языкам и, наверное, сможет прочесть его. Копленд поднялся на крышу своего дома в Дамаске, развернул свиток — при этом ветер сдувал обрывки пергамента на улицы внизу — и сфотографировал его. Он вспоминает, что сделал больше тридцати снимков, но пленки не хватило, чтобы скопировать весь текст, из чего можно сделать вывод, что рукопись была достаточно длинной. Затем он отправил фотографии в отделение ЦРУ в Бейруте[32]. А там они исчезли. Поиски в архивах ЦРУ, проведенные в соответствии с Законом о свободе информации, не дали результата. Копленд слышал, что в тексте упоминается о Давиде, но не знает, был ли это стандартный текст Ветхого Завета или «пешер», то есть комментарии к отдельным эпизодам священного текста, наподобие тех, что встречаются на других свитках из той же пещеры. Вне всякого сомнения, этот текст где-то существует — в темном мире нелегального оборота древностей.

Изученные рукописи Мертвого моря впервые позволили познакомиться с жизнью многочисленной общины, жившей в этих местах, — эта община ненавидела власть иноземцев, искренне заботилась о непорочности первосвященника и царя, а также строго соблюдала еврейские традиции и законы. Одно из имен, которыми они себя называли, звучит как «Осе ха-Тора» — те, кто соблюдают закон.

По всей вероятности, рукописи Мертвого моря содержат оригинальные документы зелотов — это была именно их община. Интересно, что согласно археологическим данным, Кумран — место, где были найдены многие документы и где, похоже, располагался центр зелотов, — был необитаем во времена правления Ирода Великого, дворец которого находился в нескольких милях от этого места, в Иерихоне, и был сожжен зелотами после его смерти. Заселение Кумрана началось уже после этого события[33].

Рукописи Мертвого моря были написаны теми, кто ими пользовался, и — что необычно для религиозных документов — их не коснулась рука живших в последующие эпохи редакторов и ревизионистов. Поэтому их содержание достойно доверия. А они рассказывают нам очень интересные вещи. Так, например, они свидетельствуют о глубокой, почти патологической ненависти к чужеземному господству; эта ненависть питала жажду мщения за долгие годы жестокостей, эксплуатации евреев и унижения их религии врагом, которого они называли «кит-тим» — возможно, это общий термин, но в первом веке нашей эры он явно обозначал римлян. В рукописях Мертвого моря мы читаем:

«Весь этот Устав пусть исполняют они в тот [день], стоя против станов киттийских. А после того как священники протрубят им в трубы напоминания, раскроются проходы бо[евые, и будут вы]ходить бойцы... И протрубят им священники вторичный клич для сближения. И когда они встанут вблизи шеренги киттиев, достаточно для метания, каждый поднимет свою руку с орудием. А шесть [священников затрубят клич в т]рубы сражения гласом резким и тревожным, чтобы управлять боем; и левиты и весь народ, (державший) рога, затрубят [боевой клич] громкогласно. Когда раздастся этот глас, их руки начнут валить сраженных киттиев»[34].

Так мечтали зелоты, ненавидевшие и проклинавшие римлян: они были готовы скорее умереть, чем служить «киттим». Они жили ради того дня, когда у еврейского народа появится мессия и возглавит их в победоносной войне против римлян и их марионеток, которые будут стерты с лица земли, и тогда в Израиле восстановится непорочная династия первосвященников и царей из рода Давида. В действительности они ждали двух мессий: первосвященника и царя. Так, например, в «Уставе общины» говорится о «будущих мессиях Аарона и Израиля»[35]. Под мессией Аарона подразумевается первосвященник, а мессия Израиля — это царь из рода Давида. Далее в рукописях упоминаются те же фигуры. Интересно, однако, что в некоторых документах, например в «Дамасском документе», эти лица объединены, и речь идет об «мессии

Аарона и Израиля»[36]. В текстах говорится о человеке, который одновременно является первосвященником и царем Израиля. Особое внимание уделяется требованию «чистоты» рода царей и первосвященников, то есть их происхождению. В «Храмовом свитке» сказано:

«И выберешь царя, выберешь его из братьев, поставишь царя — не чужого человека, который тебе не брат»[37].

И царь, и первосвященник были помазаны Богом и являлись «мешидом», то есть мессией. И действительно, термином «мешидом» еще во втором веке до н. э. называли законного царя Израиля из рода Давида, который должен был появиться и занять трон[38]. Таким образом, эти надежды и ожидания были свойственны не только для zelотов и уходили корнями в Ветхий Завет и верования евреев в эпоху Второго Храма. Они были распространены гораздо шире, чем принято считать: выяснилось, что «книги Ветхого Завета составлены таким образом, чтобы в совокупности представлять собой мессианский документ»[39].

Не подлежит сомнению, что еврейское — по меньшей мере — население Иудеи ожидало появления мессии из рода Давида. Ужасы и жестокости правления Ирода и сменивших его римских прокураторов подталкивали к мысли, что время пришло. Момент для появления мессии был самый подходящий, и поэтому мы не удивились, обнаружив, что повстанческое движение zelотов под руководством Иуды Галилеянина и фарисея Цаддока было по сути своей мессианским[40].

Но кого они считали мессией?

Рукописи Мертвого моря знакомят нас с обстановкой тех лет, которая помогает понять роль Иисуса и возможных политических махинаций, связанных с его рождением, женитьбой и активной ролью в стремлении zelотов к победе. По свидетельству Евангелий Иисус по отцу принадлежал к роду Давида, а по матери к роду Аарона, первого священника[41]. Внезапно мы поняли, насколько важным для zelотов был тот факт, что Иисус является потомком обоих родов. Он был «двойным» мессией, потомком обоих родов, царского и первосвященников, то есть «мессией Аарона и Израиля», о котором упоминается в рукописях Мертвого моря. По всей видимости, многие современники воспринимали Иисуса именно так. Подтверждением тому может служить якобы издевательская надпись, которую Пилат приказал сделать на кресте: «Сей есть Иисус, Царь Иудейский»[42].

Zelоты рассчитывали, что в качестве первосвященника и царя — как мессия сынов Израиля (на древнееврейском языке «бани машиах») — Иисус поведет их к победе. От него ждали, что каждый его шаг будет направлен против римлян и что он будет строго соблюдать чистоту ритуалов, чему zelоты придавали огромное значение. Как лидеру zelотов в политике и религии ему была отведена определенная роль, причем случилось так, что существовал общепризнанный способ сыграть эту роль: ветхозаветный пророк Захария предсказывал, что царь въедет в Иерусалим на осле[43]. Иисус считал себя обязанным исполнить и это, и другие пророчества, чтобы привлечь к себе внимание народа: и действительно, об исполнении пророческих слов Захарии рассказывается в Евангелии от Матфея[44]. Таким образом, Иисус появился в Иерусалиме верхом на осле. Это не укрылось от внимания толпы, которая приветствовала его. «Осанна Сыну Давидову!» — кричали люди, в знак признания устилая его путь своими одеждами и ветвями деревьев.

Иисус сознательно выбрал свой путь. И жители Иерусалима признали его царем из рода Давида. Гибель была неизбежна. Или, по крайней мере, так казалось.

Эти намеренные действия в соответствии с пророчествами Ветхого Завета, а также их последствия анализируются доктором Хью Шонфилдом в книге «The Passover Plot», впервые увидевшей свет в 1965 году; книга выдержала множество переизданий и разошлась тиражом более шести миллионов экземпляров на одиннадцати языках[45]. По всем меркам это был настоящий бестселлер, и тем не менее сегодня о нем почти забыли. В современных работах на эту тему книга Шонфилда даже не упоминается.

Поднятые им вопросы неоднозначны, но чрезвычайно важны. Приверженцы ортодоксальной версии постоянно замалчивают эти альтернативные теории, чтобы они не потрясли основы веры, чтобы они не заставляли нас по-новому взглянуть на Евангелия, на фигуру Иисуса и на историю той эпохи. Уроки, подобные тем, которые нам преподавал Шоифилд, должны повторяться в каждом поколении, пока в конечном итоге они не подтвердятся доказательствами, достаточно достоверными, чтобы у официальной доктрины не осталось иного выхода, кроме как рухнуть, заставляя нас совсем по-другому взглянуть на нашу историю.

Многочисленные факты в жизни Иисуса — восстание zelотов, рождение в семье потомков Давида и Аарона, zelоты в ближайшем окружении, сознательное появление в Иерусалиме в образе царя — должны были обеспечить ему место в анналах истории как лидеру еврейского народа. Но этого не произошло. Что же случилось?

Глава 4. СЫН ЗВЕЗДЫ

Zелоты потерпели поражение — полное и сокрушительное. Вероятно, такой исход был неизбежен, потому что они выступили против Рима, самой мощной военной державы Средиземноморья той эпохи. Несмотря на то, что характер движения zelотов заставлял их открыто и яростно сопротивляться римскому господству, мятежники не могли победить. Это было ясно всякому, кто смотрел хотя бы на шаг вперед.

Совершенно очевидно, что численностью римляне превосходили евреев и что их власть держалась на армии из дисциплинированных и опытных профессиональных солдат, не останавливавшихся перед изощренной жестокостью, если того требовала ситуация — или если у кого-то была к ней склонность. Эта военная сила поддерживалась разветвленной и налаженной системой снабжения с хорошими дорогами и морскими судами, причем централизованная структура позволяла доставлять войска и припасы в нужном количестве и в нужное время.

После первого открытого выступления zelотов в 6 году н. э. власть имущие — римские прокураторы и еврейские первосвященники — ухитрились тем или иным способом сохранять стабильность в Иудее. Обе противоборствующие стороны нуждались в мире, а также в благополучии, которое приносит мир — во время войны не сеют и не пашут, а пустая земля лишает крестьян продовольствия и денег, и правители не собирают налоги. Ежегодно в римскую казну из Иудеи поступал доход в размере сорока талантов (что примерно равняется 1700 кг серебра)[46]. При помощи тонких политических интриг это хрупкое равновесие продержалось около полувека. Л затем внезапно наступил крах.

Группа антиримски настроенных священников из Иерусалимского Храма решила запретить неевреям совершать жертвоприношения. Этот запрет на ежедневные жертвоприношения во славу императора и Рима стал прямым вызовом императору. Назад пути не было. Zelоты и ненавидевшие власть Рима священники повели свой народ к катастрофе. По словам Иосифа, этот демонстративный акт сделал войну с Римом неизбежной. Zelоты питали необоснованные надежды, что им удастся возродить величие нации, однако поражение было настолько сокрушительным, что об этих надеждах пришлось забыть почти на две тысячи лет.

Первые сражения развернулись в 66 году до нашей эры в приморском городе Кесария. Отчаяние и ненависть мятежников привели к тому, что все попытки примирения оказались тщетными. Zelоты давно ждали этого дня. Для них «завтра», наконец, наступило. Погибли тысячи человек: одна часть zelотов захватила крепость Масада в районе Мертвого моря, другая овладела нижним городом Иерусалима и Храмом, уничтожив дворцы царя Агриппы и первосвященника. Кроме того, они сожгли государственный архив.

Лидеры восстания выдвинулись из рядов евреев. В Иерусалиме мятежников возглавил сын первосвященника. Затем в Масаде появился сын Иуды Галилеянина — он разграбил

арсенал, а затем появился в Иерусалиме в царских одеждах и захватил дворец. Официальный первосвященник был убит.

Поначалу римляне, не готовые к такому всплеску ненависти, потерпели поражение. Наместник Сирии Цестий Галл покинул свою столицу Антиохию и выступил в Галилею во главе Двенадцатого легиона. Сровняв с землей многие города и деревни, его армия осадила Иерусалим. Однако он был отброшен с большими потерями; в числе погибших были командир Шестого легиона и римский трибун. Самого Цестия спасло, похоже, лишь поспешное отступление. Наголову разгромив римлян, zeloty захватили огромное количество оружия и денег. Несмотря на эту демонстрацию силы мятежников, многие евреи бежали из Иудеи, предвидя, что ситуация может только ухудшиться.

И они оказались правы: римляне отступили, но лишь затем, чтобы набраться сил. Они должны были вернуться, чтобы жестоко отомстить за поражение. Тем временем, пользуясь отсутствием римских наместников, zeloty тоже решили перегруппировать силы. Они назначили командиров в каждом регионе, собрали армию и начали обучать ее римскому военному искусству. Первое сражение должно было состояться в Галилее, где войсками zelotov командовал Иосиф — тот самый, который впоследствии превратится в историка и друга римлян.

Римский император Нерон пришел в ярость, узнав о восстании в Иудее, и приказал опытному ветерану Веспасиану усмирить страну. Веспасиан послал своего сына Тита в Александрию за Пятнадцатым легионом. Сам он шел маршем из Сирии с Пятым и Десятым легионами, а также двадцатью тремя когортами союзников — это около восемнадцати тысяч пехоты и кавалерии.

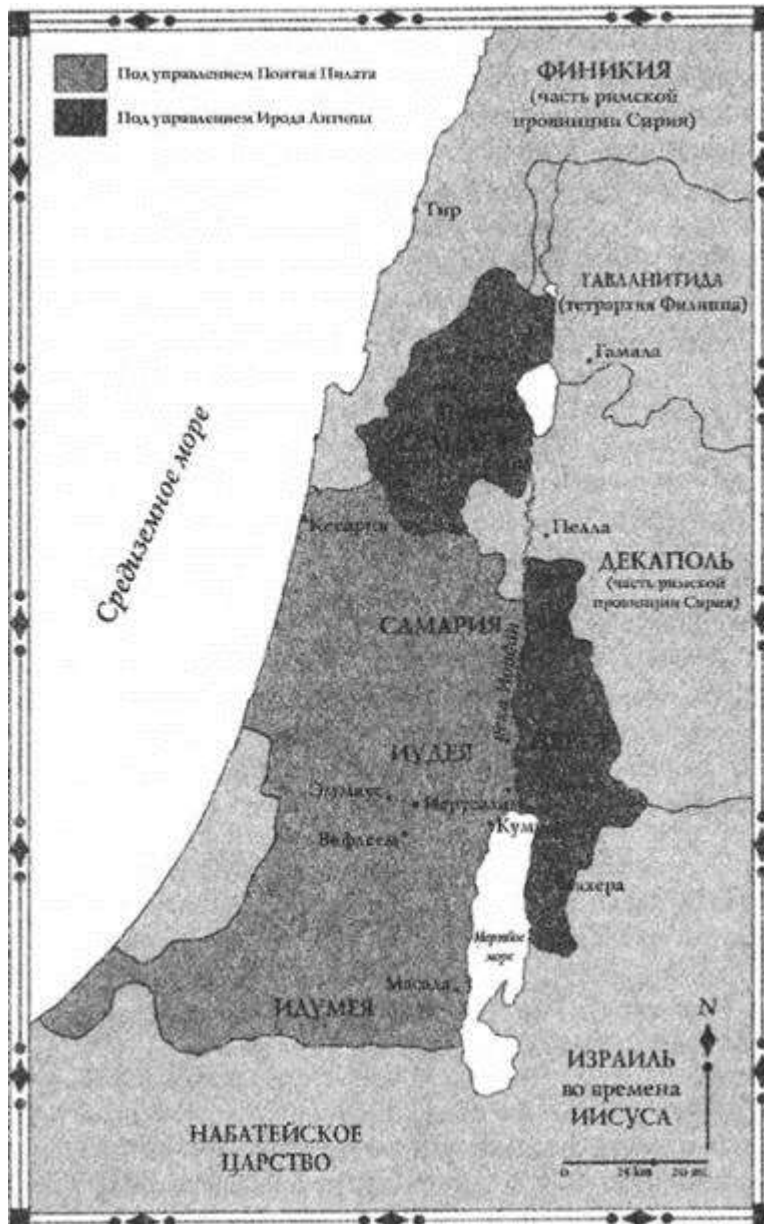
Веспасиан и Тит встретились в сирийском порту Птолемиада (в настоящее время город Акка) и, объединив силы, двинулись вглубь страны и пересекли границу Галилеи. Иосиф оказался запертым в своей крепости Иотапата (современный Иодефат), на полпути между Хайфой и Галилейским морем. После сорокасемидневной осады крепости Галилея пала. Иосифу удалось бежать, но вскоре его настигли, и он сдался высокопоставленному римскому офицеру, трибуну по имени Никанор. Иосиф описывает его как давнего друга и тут же признается, что сам он «священник и происходивший от священнического рода»[47].

Другими словами, Иосиф был не безрассудным фанатиком из Галилеи, а принадлежал к иерусалимской аристократии и поддерживал тесные связи с римскими властями.

Сразу же после ареста Иосифа по приказу Веспасиана заключили под стражу. Однако он — что свидетельствует о его контактах с римлянами на высоком уровне — попросил о личной встрече. Веспасиан согласился и приказал всем присутствующим удалиться, за исключением своего сына Тита и двух друзей. Одним из этих двух друзей был, по всей видимости, начальник штаба Тита по имени Тиберий Александр, еврей по национальности и племянник знаменитого философа Филона Александрийского[48]. У Тиберия Александра были свои причины желать этой встречи — о чем мы расскажем ниже. Последовавший разговор представлял собой хорошо разыгранный спектакль, в котором Иосиф и Тиберий Александр играли главные роли.

«Ты думаешь, Веспасиан, — обратился Иосиф к Веспасиану, прекрасно понимая, что это поворотный момент в его жизни и что от следующих нескольких минут будет зависеть его дальнейшая судьба, — что во мне ты приобрел только лишь военнопленника; но я пришел к тебе, как провозвестник важнейших событий». Чтобы придать вес своим словам он добавил, что «послан Богом».

«Ты, Веспасиан, будешь царем и властителем... ты, Цезарь, будешь не только моим повелителем, но и властелином над землей и морем и всем родом человеческим. Я же прошу только об усилении надзора надо мной, дабы ты мог казнить меня, если окажется, что я попусту говорил именем Бога».

Иудея и Галилея

Разумеется, в Риме еще правил Нерон, и подобное предположение рассматривалось как измена. Однако по свидетельству Иосифа — не следует забывать, что он писал это во дворце Веспасиана в Риме много лет спустя после описываемых событий — Веспасиану в голову уже приходили эти опасные мысли. Поначалу Веспасиан скептически отнесся к предсказанию Иосифа — более того, он был обязан возмутиться заговором против императора и приказать немедленно казнить Иосифа. Однако Веспасиан этого не сделал. Иосиф приводит причину такого поведения:

«Бог возбудил в нем мысль о царстве и указал ему еще другими знаменами, что скипетр перейдет к нему»[49].

Упоминание о скипетре, который по статусу положен царю, обнаруживает связь с важным пророчеством «звезды» — о грядущем мессии, — которое, как мы отмечали выше, послужило катализатором, ускорившим начало войны. О «звезде» и «скипетре» говорится в предсказании пророка Валаама, о котором рассказывает Ветхий Завет:

«Вижу Его, но ныне еще нет; зрю Его, но не близко. Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля...»[50]

Эта «звезда от Иакова» означала, что мессия, которому суждено повести за собой народ, должен быть потомком Давида. Иосиф прямо говорит, что это пророчество стало причиной выбора времени для восстания:

«Главное, что поощряло их к войне, было — двусмысленное пророческое изречение, находящееся также в их Священном Писании и гласящее, что к тому времени один человек из их родного края достигнет всемирного господства».

Именно об этом пророчестве Иосиф поведал Веспасиану. Вне всякого сомнения, он добавил — хотя и не рассказал об этом в своем описании разговора с римским военачальником, — что zeloty в Иерусалиме думали, что слова Священного Писания указывают на «человека их племени». Он был уверен, что пророчество предвещает им победу над римлянами. Далее в своей книге Иосиф пишет, что zeloty жестоко ошибались, и раболепно объясняет, что «в действительности пророчество касалось воцарения Веспасиана, избранного императором в иудейской земле»[51].

Римские историки также знали об этом предсказании. Светоний писал:

«На Востоке распространено было давнее и твердое убеждение, что судьбой назначено в эту пору выходцам из Иудеи завладеть миром. События показали, что относилось это к римскому императору; но иудеи... приняли предсказание на свой счет...»[52]

Тацит объясняет, что «большинство полагалось на пророчество, записанное, как они верили, еще в древности их жрецами в священных книгах: как раз около этого времени Востоку предстояло якобы добиться могущества, а из Иудеи должны были выйти люди, предназначенные господствовать над миром. Это туманное предсказание относилось к Веспасиану и Титу, но жители, как вообще свойственно людям, толковали пророчество в свою пользу, говорили, что это иудеям предстоит быть вознесенными на вершину славы и могущества, и никакие несчастья не могли заставить их увидеть правду»[53].

Затем был убит Нерон. После него быстро сменили друг друга два императора. Наконец, в 69 году н. э. армия провозгласила императором Веспасиана. Он снял осаду Иерусалима, чтобы заручиться поддержкой и сделать свои претензии на императорский трон более весомыми. Помимо всего прочего, ему нужно было обеспечить лояльность Египта. К счастью, его сторонник и друг, военачальник Тиберий Александр, был наместником Египта и под его началом находились два размещенных там легиона. Веспасиан отправил письмо Тиберию Александру, сообщив о своем намерении взойти на трон. Тиберий прочел письмо вслух, а затем призвал войска и гражданское население принести клятву верности Веспасиану. Знамения предсказывали, что императором станет Веспасиан, и «он вспомнил тогда и слова Иосифа, который еще при жизни Нерона осмелился величать его титулом императора»[54]. Иосифа немедленно освободили. Веспасиан назначил своего сына Тита командующим армией, а тот сделал Тиберия Александра начальником своего штаба.

Будучи евреем, Тиберий Александр не мог не знать о пророчестве «звезды», и поэтому идея о том, чтобы применить предсказание к Веспасиану, вполне могла принадлежать ему. Римский историк Дион Кассий[55] сообщает о том, что во время пребывания в Александрии Веспасиан вернул зрение слепому и исцелил увечного; оба калеки увидели во сне, что им следует подойти к Веспасиану.

Еще много лет назад выдающийся ученый доктор Роберт Эйслер высказал предположение, что только Тиберий Александр, с его знанием древних пророчеств и страстным

желанием увидеть триумф Веспасиана, мог придумать хитрость, чтобы сбылось предсказание пророка Исайи — предсказание о дне, когда Господь спасет землю: «Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся. Тогда хромой вскочит, как олень...» Только Тиберий Александр, отмечает Эйслер, мог подослать к Веспасиану слепого и калеку со скрюченной рукой, чтобы тот сотворил «мессианское чудо»[56].

Тиберий Александр не мог не знать и о второй части пророчества Исайи — о разрушении Иерусалимского Храма. Исайя передает слова Господа: «Итак Я скажу вам, что сделаю с виноградником Моим... разрушу стены его, и будет попираем». Далее пророк поясняет: «Виноградник Господа Саваофа есть дом Израилев»[57]. Для Тиберия Александра Веспасиан был мессией. Иосиф Флавий соглашается с ним: «... в действительности пророчество касалось воцарения Веспасиана»[58]. Оба романизированных еврея считали Веспасиана мессией, появление которого предсказывали священные тексты. Для обоих род Давида уже не существовал — как вскоре должен прекратить свое существование Иерусалимский Храм.

Тем не менее Веспасиан был обязан понимать, что даже если пророчество оказалось верным, надежных доказательств этому у него не было, поскольку он явно не происходил «от Иакова». В его жилах не текла кровь Давида. Поэтому после победы в войне и разрушения Иерусалима он приказал разыскать и казнить всех потомков Давида. Веспасиан верил в силу пророчества и не собирался полагаться на судьбу. Он хотел убедиться, что «не осталось евреев никого из царского рода»[59]. Однако, как показали дальнейшие события, некоторые члены древнего царского рода сумели избежать смерти.

Раз уж речь зашла о звездах, мы просто обязаны упомянуть о звезде Вифлеема. Эта звезда является мессианским символом рода Давида. Звезда Вифлеема может также интерпретироваться как «мессия Вифлеема». Это значит, что мы не должны обращаться к астрономии и астрологии в поисках вспышки сверхновой звезды или сочетания созвездий, чтобы объяснить прибытие волхвов в Вифлеем, оплот потомков Давида. Это династический, а не астрономический вопрос. И волхвы знали, где искать своего царя.

В истории бегства Иосифа и Марии с младенцем Иисусом из Вифлеема в Египет, чтобы спастись от жестокостей Ирода, всегда была какая-то тайна.

Апостол Лука объясняет, что Иисус родился в Вифлееме и что в переписи он записан как потомок Давида. Единственная перепись, о которой нам известно, это перепись Квириния в 6 веке н. э. после завоевания Римом Иудеи. Однако эта дата рождения Иисуса считалась не слишком правдоподобной — Евангелия свидетельствуют, что в момент распятия Иисусу было около тридцати лет.

Эти вычисления не вносят ясности и не совпадают с хронологией, приведенной в Евангелиях. Хью Шонфилд предложил довольно дерзкую альтернативу.

Согласно хронологической таблице в конце «Иерусалимской Библии», которая была официально одобрена Ватиканом, Иисус был распят накануне праздника Пасхи, 8 апреля 30 года н. э. [60] Аргументируется это тем, что в Евангелии от Иоанна довольно точно указываются даты и сообщается о первой Пасхе после крещения Иисуса в 28 году н. э. [61]

Иоанн упоминает еще о двух прошедших Пасхах, а также о третьей, накануне которой — в 30 году н. э. и должно было произойти распятие. Но верно ли это?

Помимо Нового Завета в нашем распоряжении есть только два надежных источника информации. Во-первых, Тацит сообщает, что Иисус был казнен в царствование императора Тиберия прокуратором Понтием Пилатом[62]. Нам известно, что Пилат был прокуратором Иудеи с 26 по 36 год н. э., что указывает на временной диапазон, за пределы которого мы не должны выходить. Во-вторых, несмотря на то, что Иосиф Флавий упоминает об этом же событии, среди исследователей нет единого мнения, являются ли эпизоды его книги, в которых говорится о Христе, оригинальными или это поздние вставки христианских редакторов.

В Евангелии от Луки сообщается, что Иисусу было около тридцати лет, когда он принял крещение от Иоанна, и произошло это в пятнадцатый год правления императора Тиберия — в 27 году н. э. [63]. Однако Иисус крестился незадолго до гибели Иоанна Крестителя, и в Евангелии от Матфея говорится, что после смерти учителя Иисус скрывался в пустыне, вероятно опасаясь за свою жизнь[64]. Какова же все-таки дата распятия? Это не мог быть 27 год до н. э., потому что евангелисты Матфей и Марк сообщают, что Иоанн Креститель был схвачен потому, что осуждал женитьбу Ирода Антипы на Иродиаде — жене его брата, с которым она развелась. Этот брак был нарушением еврейских законов, что подтверждается одним из текстов рукописей Мертвого моря, «Храмовым свитком»[65]. Иоанн Креститель, открыто выступавший против этого брака, был казнен. Согласно имеющимся историческим данным, свадьба Ирода Антипы и Иродиады состоялась в 35 году н. э. Следовательно, Иоанна Крестителя казнили в 35 году н. э. Таким образом, в этот момент Иисус должен быть еще жив.

Последнюю Пасху в период прокураторства Пилата отмечали в 36 году н. э. Другими словами, поскольку по утверждению Евангелий Иисуса казнили после смерти Иоанна Крестителя по приказу Пилата, распятие Христа должно приходиться на праздник Пасхи 36 года н. э. [66] Это позднее, чем считают большинство специалистов, но если Иисус родился в период переписи 6 года н. э., как указывает Лука[67], то в момент распятия — распятия «звезды Вифлеема» — ему как раз было около тридцати лет.

На самом деле первые христиане прекрасно осознавали связь между мессианской «звездой Вифлеема», пророчеством «звезды», о котором рассказывает Валаам (Числа, 24:17), и Иисусом. Христианский писатель и мученик, который жил в Риме и принял мученическую кончину в 165 году н. э., спорил с иудейским философом Трифоном, утверждая, что Иисус был мессией. И устий доказывал, что восход Вифлеемской звезды — это восход звезды, предсказанной Валаамом; здесь мы вновь убеждаемся, что эта звезда скорее мессианское, а не астрономическое явление[68].

Предвидя полное уничтожение страны, многие покинули Иудею. Историк Церкви Евсевий Кесарийский сообщает, что первые христианская община — то есть мессианская община — покинула Иерусалим еще до начала войны, после казни Иакова в 44 году н. э., пресекала реку Иордан и обосновалась в Пелле, в контролируемой римлянами Сирии[69]. Однако это, по всей видимости, была лишь первая часть более длинного путешествия в Эдессу, столицу царства, которое по утверждению Евсевия первым официально приняло христианство[70].

Достоверно известно, что во втором веке нашей эры Эдесса была влиятельным христианским центром. И вряд ли можно считать совпадением, что царем Эдессы в начале второго века был сын царя Адиабены (государства, расположенного чуть восточнее), принадлежавшего к царскому роду, который поддерживал связи к мессианским течением иудаизма. И действительно, царица Адиабены Елена и ее сын приняли иудаизм[71]. Более того, мы точно знаем, что ее сын стал приверженцем мессианского иудаизма — другими словами той ветви иудаизма, которую исповедовали zeloty[72]. Эти связи поддерживались и другими. Как минимум двое родственников царя были видными zelotami в период начала восстания против римлян в 66 году н. э. [73].

Тем не менее в Иудее оставались и те, кто не был согласен с zelotami. В Иерусалиме начались столкновения между сторонниками zelotov и приверженцами других партий. По словам Иосифа Флавия, многие в конечном итоге стали на сторону римлян — хотя не следует забывать, что у него были причины подчеркивать этот факт, поскольку он считал zelotov ответственными за развязывание войны и разрушение Иерусалимского Храма. Однако несмотря на свою пристрастность его слова вполне могли соответствовать действительности — судя по тому, что мы знаем о безжалостности и бескомпромиссности zelotov. Как бы то ни было, накал борьбы заставляет нас признать, что zeloty пользовались широкой поддержкой, которую Иосиф изо всех сил старался преуменьшить. Примером тому могут служить массовые самоубийства.

В свидетельствах Иосифа постоянно повторяются рассказы о зелотах — и воинах, и гражданских лицах, — которые предпочитали смерть, лишь бы не попасть в плен к римлянам. Самый известный случай массового самоубийства произошел в крепости Масада, где покончили с жизнью 960 человек. Подобная практика получила широкое распространение, а вооруженное сопротивление римлянам считалось естественным. Даже Иосиф должен был покончить жизнь самоубийством — он остался жив благодаря предательству. Известны также и другие факты массового самоубийства — например, в Гамале его совершили пять тысяч человек. Но одно дело лишиться жизни самого себя, а совсем другое — убить вместе с собой жену и детей. Что же там происходило?

Зелоты верили, что если они умрут, не нарушив чистоты ритуалов, то воскреснут в соответствии с пророчеством Иезекииля: «Я открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших и введу вас в землю Израилеву»[74]. Более того, они были убеждены, что те, кто умер вместе, воскреснут вместе. Поэтому воины зелотов выбирали не просто смерть, а смерть вместе с семьей. Попав в плен, они разлучались с семьей, а женщины и мальчики отправлялись в публичные дома, где теряли свою чистоту и поэтому лишались всякой надежды на воскрешение[75].

Легионы Тита осадили Иерусалим. Обе стороны не проявляли благородства и уважения к противнику. Всех взятых в плен защитников города распинали, и солдаты забавлялись, прибывая своих жертв к кресту в разнообразных позах. Казненных было так много, что римлянам не хватало места для установки крестов и дерева для их изготовления.

29 августа 70 года н. э. Храм был разрушен — во исполнение пророчества Исайи — и началась жестокая резня. Через несколько дней римляне захватили весь город. Они уничтожили уцелевшие дома и сровняли с землей оборонительные стены города. Иерусалим был полностью разрушен. Все взятые в плен защитники Иерусалима были казнены, гражданских лиц старше семнадцати лет отправили на работы в Египет, а тех, кто младше, продали в рабство. Огромное количество пленников встретили свою смерть на аренах римских цирков. Многих отправили в разные провинции империи, где они нашли смерть в качестве гладиаторов или были растерзаны дикими животными на потеху праздной толпы. Часть пленников Тит возил с собой по побережью. В каждом городе устраивались представления, где их заставляли сражаться с дикими животными или разыгрывать сражения между собой, развлекаая зрителей.

Во время осады Иерусалима Веспасиан путешествовал по стране, демонстрируя себя в качестве императора. Он вернулся после падения города и отпраздновал день рождения брата смертью на арене более 2500 пленников из Иудеи. Затем в Бейруте день рождения его отца был отмечен еще большим количеством смертей. Одновременно он планировал триумфальное появление в Риме с захваченными сокровищами и пленниками, в том числе некоторыми руководителями восстания, которых ждала казнь. Времена были жестокие.

Для евреев это была катастрофа такого масштаба, что они, стоя среди дымящихся развалин Храма, даже не могли осознать ее. С точки зрения религии начался второй вавилонский плен; их Храм, Дом Господа и оплот веры, больше не существовал. Иерусалим тоже был для них потерян — евреев даже не пускали в город, который получил новое имя — Эли я Капитолина. Казалось, Господь оставил свой народ. Во всем мире усилились антиеврейские настроения — мятежи и убийства разрушили влияние, власть и уважение, которыми пользовались еврейские торговцы, философы и политики. Даже богатые общины оказались на грани разорения — десятки тысяч человек были убиты, а выживших охватило уныние. Некоторым сикариям удалось бежать в Александрию, где они опрометчиво пытались поднять восстание против римлян. Они были настолько фанатичны, что даже убили нескольких видных членов еврейской общины, осмелившихся противоречить им. В ответ члены общины окружили сикариев, схватили и выдали римлянам, которые замучили их до смерти.

Тем не менее искра восстания все-таки вспыхнула — в городе Иавнея на прибрежной равнине Иудеи. Здесь под руководством Иоханана бен Заккая, одного из лидеров фарисеев, который бежал из Иерусалима и попросил у Веспасиана в управление этот город, был создан новый, реформированный Синедрион и основана религиозная школа. Именно здесь родился раввинский иудаизм. Такая милость со стороны императора Веспасиана свидетельствовала, что Иоханан, подобно Иосифу Флавию, был готов приспособиться к захватчикам — именно это отказывались сделать зелоты. Более того, Иоханан якобы заявил, что пророчество о мессианской «звезде» относится к Веспасиану[76].

Ученые из Иавнеи возродили халаха — свод законов иудаизма, в состав которого входили законы, полученные Моисеем на горе Синай, а также комментарии и интерпретации, накапливавшиеся на протяжении многих веков; эта работа была очень важна для иудаизма, оставшегося без Храма. После разрушения Иерусалимского Храма, в период между 70 и 132 гг. н. э., Иавнея оставалась центром еврейской администрации, а также религиозным и научным центром. Здесь был утвержден канонический вариант библейских текстов, которые христиане называют Ветхим Заветом. Централизация веры помогла возродить чувство национального единства после ужасных разрушений, которые принесла с собой война.

Тем не менее искра сопротивления римлянам все еще тлела — слабая, но очень важная. Пленники из числа евреев были обращены в рабство — они трудились на стройках, изготавливали оружие для армии, чеканили монеты для администрации. Монеты того времени подчеркивали унижение Иудеи. На некоторых даже имелась надпись JUDAEA CAPTA, что означает «покоренная Иудея»; на одной стороне был изображен солдат, а на другой пальмовая ветвь и печальная фигура, символизирующая Иудею. На других монетах было выбито имя VESPASIAN вместе с многочисленными императорскими титулами, в том числе P.M. — Pontifex Maximus или «первосвященник». На третьих помещались слова VICTORIA AUG, что означало «победа священного императора». Эти монеты постоянно напоминали населению Иудеи об их сокрушительном поражении и полном бесправии. Однако один отважный раб на римском монетном дворе думал иначе.

Как-то раз, когда я заглянул к торговцу, специализировавшемуся на древностях с Ближнего Востока, он с улыбкой обратился ко мне: «Взгляните-ка на это», — и протянул монету, хранившуюся в одной из витрин. Это была римская монета, отчеканенная в эпоху Веспасиана, но с одним отличием — надпись на обратной стороне гласила IUDAEA AVGVST — «священная Иудея». Мужественный или отчаянный еврейский раб переставил пуансоны для чеканки, и на лицевой стороне был, как обычно, изображен профиль Веспасиана. Однако и здесь имелось небольшое отличие — заметная вмятина на виске Веспасиана, сделанная закругленным пуансоном. Намек совершенно очевиден.

Такая монета существует в единственном экземпляре, и она хранится в частной коллекции.

Летом 115 года н. э. евреи, жившие за пределами Иудеи, подняли восстание — особенно многочисленным оно было в ливийской Кирене и Александрии. Затем восстание начало распространяться вверх по течению Нила и захваты нать другие египетские города. Как ни пытался Веспасиан уничтожить всех евреев, принадлежавших к царскому роду Давида, это ему не удалось. В Египте объявился еще один потомок. Его имя было Лукуас, и его называли царем евреев. Именно этот человек возглавил восстание[77]. Мятеж имел явно мессианскую окраску[78]. Это означает, что Лукуас, скорее всего, либо действительно был потомком Давида, либо объявил себя им. Однако до нас дошли лишь скудные сведения об этих событиях — не нашлось историка, подобного Иосифу Флавию, который подробно рассказал бы о них. Восстание значительно ослабило позиции евреев в Египте. Они не только лишились власти и влияния, но и утратили единство. Кроме того, римляне были крайне обеспокоены восстанием. Египет был очень важен для империи, и успех мятежников в этой стране дорого обошелся Риму. Прекращение поставок зерна из Египта в Италию вызвало бы голод. Рим

не мог допустить такой угрозы, и восстание жестоко подавили. В августе 117 года н. э. была почти полностью уничтожена еврейская община Александрии[79]. В остальной части Египта усилились гонения на иудаизм.

Однако евреи не оставили надежду восстановить независимость либо посредством силы, либо с помощью Бога — или сочетанием обоих средств. При императоре Адриане, почти через шестьдесят лет после разрушения Храма, была предпринята еще одна попытка освободиться от власти Рима.

Это восстание тщательно и долго планировалось. Стратегию разрабатывали в строжайшей тайне. В подземных пещерах, как естественных, так и рукотворных, была устроена целая сеть опорных пунктов. В Иудее у подножия холмов было обнаружено не менее шести таких мест; одно из них, в районе Айлаво в Галилее представляет собой искусственную подземную пещеру длиной шестьдесят пять метров с вентиляционными шахтами в потолке, пропускавшими внутрь воздух и свет[80]. Такие пещеры служили одновременно штабами и тренировочными лагерями. Руководители восстания понимали, что они не должны повторять ошибок предыдущей войны, когда zeloty позволяли запереть себя внутри защитных стен городов, которые по одному окружались и разрушались римской армией, имевшей огромный опыт осад. На этот раз они стремились нанести римлянам быстрый и сокрушительный удар, а затем так же быстро исчезнуть в своих подземных укрытиях; они считали мобильность ключом к победе.

Следует также отметить, что на этот раз еврейские повстанцы объединились под командованием одного сильного лидера по имени Симон Бен-Кохба, которого впоследствии стали называть Бар-Кохба — «сын звезды» — что указывает на его мессианский статус. С ним также связывали пророчество из главы 24 Книги Чисел: «Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля», и поэтому, в его жилах тоже должна была течь священная кровь потомков Давида. Историк Роберт Эйзенман, занимающийся изучением рукописей Мертвого моря, заинтересовался возможностью того, что Симон имел «не только метафорическое, но и физическое родство» с предыдущими мессианскими лидерами Иудеи[81].

Симон Бар-Кохба привлек иноземцев в качестве военных специалистов. Был найден список греческих имен, перед каждым из которых стоял титул адельфос, или «брат» — точно так же называли друг друга члены средневековых рыцарских орденов, тамплиеры и госпитальеры[82]. Это были опытные в военном деле люди из диаспоры за пределами Иудеи, где говорили на греческом языке и не знали арамейского и древнееврейского. Они разрабатывали военные операции, а также — благодаря знанию римской военной науки — помогали обучать тайную еврейскую армию.

Бар-Кохба понимал, что его людям будет противостоять самая дисциплинированная армия мира, причем значительно превосходящая по численности его отряды: по оценкам исследователей, действующая армия римлян насчитывала более 375 тысяч отлично обученных солдат. В Иудее были расквартированы два легиона, Шестой и Десятый, общей численностью около 12 тысяч человек, а также примерно такое же количество союзных войск. Кроме того, в соседних римских провинциях Сирии, Аравии и Египте были размещены еще пять или семь легионов с соответствующими вспомогательными подразделениями. Евреи могли в лучшем случае выставить 60 тысяч бойцов, ни один из которых не имел опыта в военном деле. Обучение было необходимостью, и Бар-Кохба потратил на него много времени и сил.

Кроме того, повстанцы нуждались в оружии. Они изобрели хитрый способ добывать оружие, описанный римским историком греческого происхождения Дионом Кассием, который писал свои труды в 194–215 г. н. э., автором «Римской истории» в 80 книгах. В Иудее большинство работников оружейных мастерских были евреями, и поэтому они намеренно не доводили изготавливаемое оружие до принятых стандартов, чтобы римляне отказались от него, и затем оставляли его себе[83].

Война началась в 131 году н. э., и поначалу повстанцам сопутствовал успех. Римские граждане бежали из Иерусалима, а Десятый легион был вынужден отступить. В военных архивах того времени отсутствует Двадцать второй легион, расквартированный в Египте. Вероятно, его в спешке перебросили из Египта в Иудею, где он потерпел поражение и был полностью уничтожен. Почти на два года Иудея освободилась от власти римлян. Разумеется, все это время римляне собирали армию, чтобы вернуться в мятежную провинцию.

На этот раз командование армией принял на себя сам император Адриан. Его сопровождал бывший наместник Британии Юлий Север, которого Адриан считал самым лучшим из своих полководцев. В 133 году н. э. от девяти до двенадцати легионов вместе с иностранными войсками, набранными в таких далеких землях, как Британия, — от шестидесяти до восьмидесяти тысяч солдат — вторглись в Галилею одновременно с запада и с востока, из-за реки Иордан. Но продвигались они очень медленно. Еврейские повстанцы создали очень гибкую оборону. Бывший армейский офицер Мордехай Гихон так описывает стратегию Бар-Кохбы:

«Основной расчет евреев состоял в том, чтобы затянуть войну, нападая на неприятеля с разных сторон и захватывая оружие, и изматывать римлян, чтобы выиграть эту войну любой ценой»[84].

Но они потерпели поражение. Симон Бар-Кохба был убит в 135 году н. э. при защите города Бейтар. Его великая война завершилась.

Адриан, вознамерившись стереть из памяти само название Иудея, переименовал ее в Palaestina — Палестину. Однако по прошествии двух поколений населению этой провинции была предоставлена довольно широкая автономия — в том числе они освобождались «от любых повинностей, которые противоречили их традициям и религиозным убеждениям»[85].

По всей видимости, римляне все еще помнили, какой кровью далось им повторное завоевание Иудеи. Рана все еще не затянулась.

Я подружился с профессором Мордехаем Тихоном из Израиля, когда регулярно участвовал в археологических раскопках профессора Роберта Эйзенмана и его команды из Калифорнийского университета. Меня потрясли обширные знания Тихона о Бар-Кохбе, а его заинтересовала идея книги «Святая Кровь и Святой Грааль», которую он прочел. Однажды он пригласил меня — вместе с несколькими студентами и добровольцами, помогавшими нам при раскопках в районе Мертвого моря — посетить одну из последних крепостей Бар-Кохбы, захваченных римскими войсками. Это были заброшенные развалины возле Эммауса в предгорьях Иудейских гор, на полпути между Иерусалимом и побережьем. Там никогда не проводились раскопки, и профессор Тихон решил воспользоваться случаем. Вскоре я понял, почему.

Под вымощенной камнем платформой оказалась сеть туннелей. После взятия крепости римлянами ее защитники укрылись в этих туннелях, куда мы смогли заползти лишь на четвереньках. Они слышали, как римляне разговаривают всего лишь в нескольких футах над ними. Интерес представляла конструкция резервуаров для воды: те, что снабжали крепость водой, имели доступ снаружи через отверстие в мощеной платформе, похожее на колодец.

Но по форме эти резервуары напоминали луковицу — то есть вода находилась под вымощенной камнем площадкой за пределами отверстия. Подземные туннели обеспечивали бывшим защитникам крепости незаметный доступ к краю овальных резервуаров, так что они могли прожить под крепостью несколько недель, снабжая себя водой под носом у римлян, не подозревавших об их присутствии. Однако главное их убежище находилось в глубине холма, в подземных туннелях, попасть в которые можно было только из туннелей первого уровня. Воины Бар-Кохбы и их семьи, вероятно, поднимались оттуда лишь затем, чтобы набрать воды.

Когда римляне, наконец, обнаружили, что происходит у них «под ногами», то засыпали резервуары камнями, уничтожив источник воды. Затем они проникли в подземный лабиринт, пытаясь добраться до соратников Бар-Кохбы, которые скрылись в более глубоких туннелях.

Тихон предложил мне следовать за ним и стал пробираться по узким, способным вызвать приступ клаустрофобии проходам. Вскоре мы добрались до туннеля, под острым углом уходящего вниз, в скалистое основание холма. Вход был замурован при помощи камней и раствора.

— Римляне надежно закрыли его, — объяснил мне профессор и, немного помолчав, добавил: — Этот туннель с тех пор не открывали. Все защитники крепости по-прежнему там.

До меня не сразу дошел смысл его слов. Затем я ощутил шок, представив себе сцену ужасной трагедии, которая ждала первого из археологов, кто разберет каменную кладку и проникнет в туннель. Я никогда не забуду узкий замурованный вход в убежище, которое 1900 лет назад буквально за несколько минут превратилось в гробницу, заполненную живыми людьми.

Таким был мир, в котором жил Иисус, его последователи и по меньшей мере один из его более поздних биографов. В этом мире зародилось христианство. И именно стык двух частей этого мира вызывает такие споры. Как мы уже убедились, это была эпоха, когда вера определяла все, и неподходящая вера в неподходящей обстановке могла стать причиной внезапной смерти — либо на кресте от руки римлян, либо от острого кинжала сикария.

Лишь немногие из описанных нами событий нашли отражение в Евангелиях. Вместо истории Новый Завет предлагает нам приглашенный, цензурированный и нередко вывернутый наизнанку взгляд на события. Однако даже те, кто составлял для нас Новый Завет, были не в состоянии полностью исключить упоминание о мире, в котором жили главные действующие лица. Иисус родился и вырос в эпоху формирования партии zelotim. Известно, что когда он в возрасте тридцати лет начал проповедовать свое учение, часть его ближайших сподвижников были членами этого мессианского движения — движения, в котором Иисусу было суждено сыграть важную роль. В Новом Завете встречаются обвинения против римлян, и мы улавливаем приглушенную атмосферу насилия, которым была пропитана та эпоха — причем эта атмосфера сгущается, когда мы доходим до конца истории, рассказывающей о распятии Иисуса.

Однако в изложении составителей Нового Завета распятие умышленно лишено политического контекста. Это доказательство того, что цензоры последующих эпох сознательно старались отделить Иисуса и его жизнь от исторической эпохи, в которой он родился, жил и умер — какой бы ни была его смерть. В своем усердии эти цензоры совершили еще более разрушительную ошибку: они отделили Иисуса от еврейского контекста. И сегодня огромное количество христиан понятия не имеют о том, что Иисус никогда не был христианином: он был рожден иудеем и прожил свою жизнь как иудей.

Примерно через поколение после распятия Иисуса — или, по крайней мере, его исчезновения с исторической сцены — Иерусалим и Иерусалимский Храм были потеряны для иудаизма. Центром иудаизма стала раввинская школа в Иавнее. В это же время начались манипуляции историей жизни Иисуса, в результате чего возникла религия, центром которой стал Иисус, а не Бог. Здесь мнение многих древних хроникеров расходятся, однако именно на этом основаны все альтернативные теории. Еврейское происхождение Иисуса стали рассматривать в контексте усиливавшегося языческого влияния, которое принесли с собой принявшие христианство греки и римляне. В последующие столетия это языческое влияние увело христианство довольно далеко от иудаизма.

Среда для распространения христианской веры сильно изменилась: теперь оно предназначалось не для иудеев, а для язычников — тех, кто верил в многочисленных богов и богинь, таких как Митра, Дионис, Изиды и Деметра, — и поэтому нуждалось в новой «упаковке», имевшей антиеврейский оттенок. Почва для пересмотра истории и триумфа

искусственного «Иисуса веры» над «Иисусом истории» — человеком, который говорил о Боге и передавал божественное послание, но не объявлял себя Богом — созрела.

Настоящим чудом можно считать тот факт, что одно из Евангелий, старательно отделяя Иисуса от иудаизма, все же сохраняет часть «исторического Иисуса» и фрагменты его учения о божественном:

«Тут опять иудеи схватили камень, чтобы побить Его. Иисус отвечал им: много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями? Иудеи сказали Ему в ответ: не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом. Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги? Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие...»[86]

За время, прошедшее с момента произнесения Иисусом этих слов, до того, как они были записаны — приблизительно в конце первого века н. э., — Иисуса превратили в христианина. Но быть христианином — значит исповедовать учение, весьма далекое от иудаизма. Это особенно заметно в диалоге между одним из отцов церкви Иустином Философом, жившим во втором веке н. э., и еврейским философом по имени Трифон. Последний приводит весьма разумные доводы:

«...те, которые утверждают, что Он был человек и по избранию помазан и сделался Христом, — говорят справедливее...»[87]

Далее Трифон развивает это положение, возражая Иустину:

«Отвечай же мне сперва о том, как доказываешь, что есть другой Бог, кроме Творца всего, а потом докажи, что Он родился от Девы»[88].

Если оставить в стороне подробности диспута и ответы Иустина — неопределенные и неубедительные с точки зрения Трифона, — то становится очевидной непреодолимая пропасть, разделившая эти две религии. Те, кто уверенно двигался в направлении, которое со временем превратится в ортодоксальное христианство, уже не были способны к компромиссу. Для Иустина имела значение только вера в Христа, и эта вера могла принести спасение всем, хотя они «не субботствуют, не обрезаются и не соблюдают праздников»[89].

Совершенно очевидно, что еврейский закон был отброшен — вместе с настоящей историей Иисуса.

Глава 5. СОТВОРЕНИЕ ИИСУСА ВЕРЫ

Современные христианские иллюстраторы любят изображать Иисуса, бредущего по просторам Древнего Израиля — солнце золотит его светлые кудри, но не обжигает нежную кожу. Они представляют его в образе христианского миссионера, окруженного учениками, причем некоторые из них уже пишут свои Евангелия, чтобы увековечить священные слова живого Бога.

Мы уже указывали на очевидный изъян этой картины: Иисус был евреем. Он был смуглым уроженцем Палестины, а не белокожим жителем Северной Европы. Однако в таком образе Иисуса есть и еще одна серьезная ошибка, столь же существенная, но менее известная: в те времена не существовало такого понятия, как Евангелие, не говоря уже о Новом Завете; в те времена не было христианства. Священные книги, которыми пользовались Иисус и его ученики, были священными книгами иудаизма — это очевидно для всякого, кто читает Новый Завет и замечает, насколько хорошо Иисус знает иудаистские тексты, с какой легкостью он их цитирует, а также предполагает, что слушатели тоже знакомы с ними. Разумеется, при условии, что описанные в Евангелиях события происходили на самом деле.

Нас всегда убеждали, что разные Евангелия были написаны в конце первого века н. э., и поэтому мы с большим удивлением обнаружили, что в начале второго века н. э. Новый Завет еще не существовал. Не появился он и в конце века, хотя некоторые теологи того времени, озабоченные тем, что они считали «истиной», пытались создать его. Однако несмотря на все

усилия богословов христианству пришлось ждать еще почти два столетия, прежде чем появился признанный всеми текст. Чего же они ждали?

Эта задержка с появлением официального собрания христианских текстов ставит под сомнение глубоко укоренившееся за последние 1500 лет убеждение, что каждое слово Нового Завета есть правдивое изложение слов самого Бога. Для независимого наблюдателя более вероятным выглядит предположение, что Новый Завет был не только намеренно приписан Богу, который вряд ли одобрил бы расширенное толкование веры, но также специально сфальсифицирован группой людей, которые из корыстных побуждений и властолюбия желали контролировать божественные проявления.

Так уж случилось, что эта задержка произошла в период, когда теология почувствовала потребность в централизованной ортодоксии. До того, как были приняты ключевые решения относительно божественной сущности Иисуса, у церковных иерархов не было официальных критериев для определения, какие именно тексты представляют их новую религию.

И что еще важнее, многие современные люди считают тексты Нового Завета священными и неприкосновенными. Они верят, что это слова самого Бога, единственный путь к спасению, слова, которые нельзя изменить или понимать как-то иначе, нежели чем буквально. Никто никогда не объяснял им, что вовсе не таким было намерение первых составителей рассказов об Иисусе, включенных в это собрание. На самом деле в первые 150 лет существования христианства единственным авторитетом оставались тексты, которые мы теперь называем Ветхим Заветом[90].

Ярким примером отношения первых богословов к этим текстам служат произведения христианского писателя второго века н. э. Иустина Философа. Для него так называемые Евангелия были просто воспоминаниями разных апостолов, которые можно было зачитывать в церкви и использовать для укрепления веры, но которые никогда не считались Священным Писанием. Термин Священное Писание использовался по отношению к книгам закона и книгам пророков — то есть Ветхому Завету. Совершенно очевидно, что Иустин «никогда не считал Евангелия, или Деяния апостолов, священными книгами»[91]. Иустин в конечном итоге признал святым, но современного христианина, осмелившегося отстаивать его взгляды, сочтут радикалом.

Тем не менее в конце первого и во втором веке новой эры действительно начали записывать предания об Иисусе. Собирались его высказывания и истории из его жизни, но ни одно из таких собраний в те времена не считалось официальным или утвержденным Церковью. Кроме того, не подлежит сомнению, что тексты, вошедшие в наш Новый Завет, появились именно в этот период. В конце первого и во втором веке н. э. сама концепция «христианства» выкристаллизовалась из мессианского иудаизма, что тут же привело к логическим затруднениям, причем нередко весьма существенным.

Во втором веке до н. э. наблюдалось интересное явление: арамейское слово мешиха — мессия — начали использовать для обозначения истинного правителя Израиля. В частности, им называли грядущего царя из рода Давида[92]. Надежда на появление потомка Давида нашла выражение в книгах пророков Ветхого Завета. Таким образом, использование христианами термина крестос, или Христос — греческого перевода арамейского слова мешиха — наряду с транслитерацией на греческий как мессиа́с (современный «мессия»), связано с иудейской традицией, о которой прекрасно знали во времена Иисуса[93].

Но труднее всего было разрешить логическое противоречие в ответе на обвинение, которое регулярно выдвигалось на протяжении всей истории христианства, и особенно в последние 150 лет: Иисус вообще не существовал, а все рассказы о нем просто воспоминания о разных мессианских лидерах, собранные вместе для того, чтобы, во-первых, подкрепить учение Павла, а во-вторых, поддержать римскую традицию, согласно которой еврейский мессия превращался в обожествляемое высшее лицо, нечто вроде царственного ангела.

Доктор Уильям Хорбери, преподающий курс древнееврейской и раннехристианской литературы в Кембриджском университете, недавно заметил, что «культ ангелов... сопровождал формирование культа Христа»[94].

Можем ли мы быть уверены в том, что Иисус действительно существовал? Имеются ли какие-либо доказательства его реальности, помимо Нового Завета? Если нет и если Новый Завет был написан гораздо позже, откуда нам знать, не является ли история Иисуса Христа древним мифом, получившим новую оболочку? Может, это пересказ мифа об Адонисе, Осирисе или Митре: все трое были рождены девами и воскресли из мертвых — история, хорошо известная христианам.

По мнению Хорбери, есть веская причина видеть в раннем христианстве «культ Христа, сравнимый с культом греко-римских героев, царей и богов»[95]. Как уже отмечалось выше, этот культ сопровождался культом ангелов. Хорбери считает вполне вероятным, что титул, которым называли Иисуса, «сын человеческий», связывал его с «ангелоподобным мессией»[96].

И в самом деле:

«Христос в своем качестве мессии может рассматриваться как ангельский дух... Похоже, что мессианизм сформировал промежуточное звено, через которое ангелология была принесена в зарождающуюся „христологию“, и что Христос, в точном соответствии с образом мессии, представлялся ангелоподобным божественным существом»[97].

Значит, мы имеем дело лишь с древним мифом, переделанным для целей христианства?

Известно, что имя Иисус является производным от арамейского Иешуа, и это слово может означать имя Джошуа, а также «избавитель» или «спаситель». Таким образом, это может быть всего лишь титул. Выше мы уже отмечали, что термин Христос происходит от кристос, перевода на греческий арамейского термина мешиха, который означает «помазанник». Получается, что мы имеем дело с двойным титулом: «Избавитель (или спаситель), помазанник». Но как же звали этого человека? Мы не знаем — единственное, что можно предположить: это указание на родословную, то есть Бен-Давид.

Мы не можем обращаться за доказательствами к Новому Завету, потому что не знаем, что в этих текстах история, а что выдумка. В любом случае самые ранние свидетельства, имеющиеся в нашем распоряжении, относятся ко второму веку н. э. — примерно 125 год для некоторых фрагментов Евангелия от Иоанна. А как же послания Павла? Ведь они были написаны еще до первой войны с римлянами. Самое раннее из них — первое послание к фессало-никийцам — было написано Павлом в Коринфе, где он жил с зимы 50 г. н. э. до лета 52 г. н. э. [98] Остальные послания были написаны в период с 56-го по 60 год, а возможно и позже, когда он жил в Риме, где предположительно был казнен в 65 г. н. э. — хотя точно о его казни ничего неизвестно, потому что в Деяниях Апостолов, единственном источнике сведений о путешествиях Павла, рассказ обрывается его домашним арестом в Риме.

К сожалению, мы не можем быть уверены в подлинности посланий Павла, включенных в Новый Завет, поскольку самые первые копии их датируются третьим веком н. э. [99]

В посланиях, написанных в 115 году епископом Антиохии Игнатием Богоносцем по пути на суд в Рим, приводятся цитаты из разных посланий Павла, и это позволяет сделать вывод, что в то время некоторые из них уже были известны, хотя мы не можем сказать, подвергались ли они редактуре до или после. В любом случае Павел не был знаком с Иисусом и не проявлял, в отличие от евангелистов, особого интереса к его словам и делам. Мы не получаем никаких сведений об Иисусе от Павла, послания которого представляют собой учение самого Павла: распятие и воскрешение Иисуса ознаменовали начало новой эры в мировой истории, и ближайшим практическим следствием этого события стала отмена еврейских законов — позиция, радикально отличавшаяся от той, что излагалась самим Иисусом в Нагорной проповеди:

«Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить»[100].

Не сохранилось никаких упоминаний об Иисусе в документах Пилата, Ирода, а также в архивах римской военной или гражданской администрации. Но это неудивительно, потому что все царские архивы Иерусалима были сожжены во время войны. Римские архивы находились в столице провинции, Кесарии, и тоже были уничтожены. Копии документов и отчеты должны были отправляться в Рим, но если они и пережили многочисленные набеги на архивы последующих императоров, например Домициана, то несомненно погибли при разграблении Рима готами в 405 году, когда многие государственные архивы были уничтожены — те, которые не успели перевезти в Константинополь. Конечно, в ту эпоху Рим уже стал христианским, и мы можем не сомневаться, что любые документы, противоречившие официальной истории Иисуса, уже были изъяты и уничтожены. Есть все основания полагать, что среди них оказались и отчеты Пилата.

Тем не менее не все потеряно: Иосиф Флавий несомненно имел доступ к римским архивам, и если в них упоминался Иисус, то Иосиф должен был знать о нем. И действительно, Иосиф упоминает Иисуса, но так, что этот фрагмент текста выглядит более поздней христианской вставкой, хотя в нем, возможно, и содержится зерно истины. Однако на помощь Иосифа тоже нельзя рассчитывать, поскольку он показал себя ненадежным свидетелем и хроникером. Другой еврейский историк и философ, ФИЛОН Александрийский, умерший приблизительно в 50 г. н. э., даже не упоминает об Иисусе. Этот странный факт не нашел убедительного объяснения — разве что считать его свидетельством того, что Иисус вообще не существовал или что он не оказал влияния на жизнь ученых евреев из Александрии.

Однако до нас дошли сочинения римских историков, которым посчастливилось иметь доступ к архивам империи и которые исследовали историю христианства еще до того, как внутри церкви победили ортодоксальные взгляды. Поэтому их свидетельства крайне важны.

Их труды позволяют утверждать, что в то время в римских архивах действительно имелись документы с упоминанием христиан. Первым из этих историков был богослов и писатель Тертуллиан (ок. 160–225 гг. н. э.), который говорил об этих записях как о достоверном факте, хотя вряд ли имел доступ к ним[101].

Историк Тацит (ок. 55—120 гг. н. э.) был римским сенатором при императоре Домициане, а затем наместником Западной Анатолии (современная Турция), и в последней должности имел возможность допрашивать христиан — их называли крестиани. — которых приводили в суды. Рассказывая о сожжении Рима при Нероне, он объясняет:

«...Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберий прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время это зловерное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме».

Дело в том, саркастически добавляет он, что в столицу империи:

«отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев»[102].

Друг и ученик Тацита Плиний Младший также упоминает христиан. У него была возможность официально допросить некоторых приверженцев новой религии, и он сообщал в Рим, что они пели гимны Христу, как будто он был богом[103].

Жившие во втором веке языческие писатели Лукиан и Цельс изображают Иисуса колдуном и «подстрекателем мятежа»[104] — по римским законам и то, и другое считалось преступлением и каралось смертью. В нашем распоряжении есть также свидетельство Светония (его труды датируются 117–138 гг. н. э.), который рассказывает, что при императоре Клавдии евреи, подстрекаемые Хрестосом, постоянно устраивали беспорядки в Риме[105].

Таким образом, можно не сомневаться, что Иисус Христос — мессия — действительно существовал; римские авторы говорят об этом как об известном факте. Более того, все они сходятся в том, что, согласно архивным документам, этот мессия был подвергнут суду и казнен за политическую деятельность.

Однако не стоит делать поспешных выводов. Что конкретно было известно этим историкам? Кого они имели в виду? Возможно, они писали о Крестосе или Крестосе, то есть, мессии, но его имя нам неизвестно. Единственное, в чем мы можем быть уверены — при императоре Тиберий Понтий Пилат казнил еврейского «мессию», который призывал к мятежу против Рима, за что и был приговорен к распятию на кресте. Этот «мессия» был основателем нового религиозного течения, которое к концу первого века н. э. получило название «христианство».

Как мы ни пытались, нам не удалось избавиться от ощущения огромной важности второго века н. э., когда появились первые записи о культуре Иисуса. Самый ранний фрагмент Нового Завета — это часть Евангелия от Иоанна, написанная в Египте в 125 г. н. э. и в настоящее время хранящаяся в Манчестере, в библиотеке Джона Райленда. Но текст или устное предание, которое легло в его основу, явно относится к более ранним временам. К концу столетия уже появились сотни документов с различными текстами, от Евангелий до Деяний Апостолов. Профессор Гарвардского университета Гельмут Кестер анализирует большое количество этих текстов в своей книге «Ancient Christian Gospels». Их набралось удивительно много: Евангелие от Петра, Евангелие от Фомы, Тайное Евангелие Марка, Египетское Евангелие, послания римского епископа Климента, другие послания Петра, а также такие документы, как Апокриф Иакова, Беседа Спасителя, неизвестные тексты из 2-го папируса Эгертона, хранящегося в Британском музее, и многочисленные рассказы о раннем детстве Иисуса. Все они имели хождение во втором веке и, вполне вероятно, содержали подлинную и достоверную информацию об Иисусе из устных преданий или первых собраний его «высказываний».

При таком большом количестве «воспоминаний об Иисусе» неудивительно существование нескольких точек зрения. Более того, не следует удивляться и попытке доминировать, предпринятой одной из них: в ее основу легли труды Павла, поддержанные христианами языческого, а не иудейского происхождения.

Послания Павла в Новом Завете разительно отличаются от Евангелий. Во-первых, Павел не рассказывает об Иисусе. Павел говорит только о Павле. Он лично не был знаком с Иисусом — насколько нам известно, — и его учение предназначалось для язычников, или неевреев. Примечательно, что лидерам христианской общины Иерусалима, во главе которой стоял брат Иисуса Иаков, удалось вытеснить Павла из Израиля, отправив его проповедовать на побережье — в Антиохию и дальше. Иаков и его сторонники стремились сохранить верность еврейскому закону, тогда как Павел считал, что закон не имеет большого значения и что язычники могут принять христианство, не соблюдая всех его положений. Эта мысль была ненавистна Иакову. В его Послании мы читаем:

«Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем»[106].

Павел же полагал, что «не то обрезание, которое наружно, на плоти... и [то] обрезание, [которое] в сердце, по духу». Он призывал к гибкости по отношению к еврейскому закону[107].

Он писал, что «человек оправдывается верою, независимо от дел закона». «Итак, мы уничтожаем закон верою? — спрашивал он, и тут же давал ответ: — Никак; но закон утверждаем»[108].

Это подводит нас к водоразделу двух основных течений христианства начала второго века н. э.: тех, кто стремился к знанию, и тех, кто довольствовался верой. Очень важно различать эти два течения, поскольку данное различие стало одной из главных сил, которые в конечном итоге привели к формированию ортодоксального христианства.

«Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом», — писал Павел в Послании к евреям[109].

Однако вера слабее знаний. Я всегда считал это положение очевидным, но все же хочу проиллюстрировать его примером.

Можно бояться огня, потому что веришь — если подержать руку в пламени, то результатом будет ожог и сильная боль. Можно верить, что это действительно так. Но пока человек этого не сделает — пока его рука не окажется в огне и он не почувствует боль, — он не в состоянии достоверно знать, какая это боль. Такое экспериментальное знание — отличное от знания, к примеру, что дважды два равняется четырем — по-гречески называется гнозис. По этой причине приверженцы мистических течений христианства, желавшие познать Бога на собственном опыте, называли себя гностиками. Нам не известно, когда возникла эта идея, но подобный мистический подход, основанный на личном духовном опыте, был распространен в языческих верованиях. Во втором веке нашей эры эти идеи быстро завоевывали популярность среди христиан.

Гностики, несмотря на сложность большинства их произведений, были озабочены не столько фактами об Иисусе и Боге, а также достоверностью различных записей и воспоминаний, сколько познанием — напрямую, посредством личного опыта — самого Бога. Их интересовала не вера в слова Иисуса, а то, как можно уподобиться ему, узнав Бога.

Об этом говорится, например, в одном из гностических текстов, найденных в Наг-Хаммади, Евангелии от Фомы:

«Когда вы познаете себя, тогда вы будете познаны и вы узнаете, что вы — дети Отца живого»[110].

Никогда не следует забывать, что материал для обоснования любой из множества точек зрения отбирался при помощи богословского критерия: некая группа людей собиралась и решала — согласно своим взглядам и своему пониманию, — какая книга должна считаться «подлинной», а какая «фальшивой», то есть или «правоверной» или «еретической». Разумеется, эти теологические обоснования не использовались для автоматического оправдания решений, принятых вопреки ссылкам на божественные указания. Любое решение принимается человеком в соответствии с человеческими приоритетами — и особенно если оно касается контроля и власти. Как заметил профессор Кестлер,

«для раннехристианского периода определения „еретический“ или „правоверный“ не имеют смысла»[111].

Еще большим недоразумением было бы полагать, что тексты, собранные в Новом Завете, являются единственными подлинными свидетельствами о жизни Иисуса. Профессор Кестлер откровенно заявляет:

«Только догматическое предубеждение способно утверждать, что канонические тексты имеют исключительное право претендовать на апостольское происхождение и, следовательно, иметь исторический приоритет»[112].

В действительности Новый Завет, который мы знаем, не существовал до Иппонского и Карфагенского соборов в 393 и 397 годах соответственно — то есть он оформился через 360 лет после описываемых в нем событий.

Приблизительно в 140 году богатый судовладелец Марцион, принявший христианство, покинул свой дом в Понте и направился в Рим, где основал общину; впоследствии его сторонники распространились по всей Римской империи. Все его труды были утрачены, но по утверждению его критиков он считал, что правда известна только апостолу Павлу, а все остальные ученики Иисуса находились под сильным влиянием иудаизма. Он полностью отвергал Ветхий Завет и признавал только некоторые послания Павла и отредактированную версию воспоминаний Луки, которую он называл евангелием. По всей видимости, он стал первым, кто употребил термин «евангелие» по отношению к письменному тексту. Его

организация была первой христианской церковью, имевшей свое Священное Писание[113]. По его мнению, христианство должно было вытеснить все, что было связано с еврейской традицией Ветхого Завета, в том числе книги пророков. Вероятно, в середине и в конце второго века нашей эры Марцион представлял наибольшую опасность для Церкви — в 114 году он был официально отлучен от Церкви.

Однако деятельность Марциона заставила христиан перейти от устной традиции к письменной, основанной на евангелиях, авторство которых приписывалось разным апостолам, и сформировать общепризнанный канон текстов Нового Завета. Желание составить официальный список текстов впервые высказал Иринеи, епископ из Лиона, столицы римской провинции Галлия.

Он и его сторонники, защищавшие ортодоксальные взгляды, ни на шаг не отступали от того, что считали истиной. На них не произвел впечатления ни навязчивый пау-лизм Марциона, ни идеи гностиков, утверждавших, что непосредственное познание божественного первично для любой религии или веры. Возглавив критику гностиков, Иринеи Лионский в 180 году н. э. написал монументальный пятитомный труд, ставший знаменитым, — «Против ересей».

Гностики явно доставляли серьезные неприятности Иринею. Он обвиняет их в том, что они вводят в заблуждение его паству «под предлогом знания»[114]. Он жалуется, что гностики атакуют его аргументами, иносказаниями и тенденциозными вопросами[115]. Познакомившись с гностической литературой и побеседовав с рядом гностиков об их воззрениях, Иринеи Лионский исполнился решимости опровергнуть их учение, к которому он питал искреннее отвращение[116]. В своем объемном труде, направленном против гностиков, он приводит многочисленные сведения о них самих, об их верованиях и о зарождавшемся в конце второго века нашей эры ортодоксальном течении христианства.

Он знал о претензиях гностиков на обладание некоей тайной информацией: по его словам, они заявляли, что «Иисус с Своими учениками и апостолами говорил втайне отдельно»[117]. Он также указывает, что это предположение об эзотерическом знании пришло из прошлого века и каким-то образом связано с воскрешением мертвых. Гностики, поясняет Иринеи, не понимали воскрешение буквально — на самом деле они многое в священных текстах, и особенно иносказания, воспринимали как символы, как истории, которые требуют интерпретации, чтобы выявить скрывающееся за ними послание[118]. Для них воскрешение из мертвых имеет символическое значение как присутствие того, кто имел опыт «истины», как ее трактует гностицизм[119].

Любопытно, что Иринеи использует это для опровержения идей гностицизма: воскрешение из мертвых практиковалось Церковью и при жизни Иринея, и раньше. Он дважды, причем со знанием дела, упоминает об одном и том же случае, когда умерший был воскрешен. Воскресший человек прожил впоследствии довольно долго. Жаль, что Иринеи не приводит подробностей этой удивительной истории, которая служит, однако, доказательством, что он не понял сути спора[120].

Тем не менее Иринеи Лионский стал оплотом ортодоксального течения в те времена, когда внутри христианской Церкви мог возобладать гностицизм. Иринеи открыто заявил, какие евангелия следует использовать, а какие отвергнуть. Он впервые собрал вместе четыре Евангелия — от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна. В действительности он создал идентификацию Божественного Иисуса, одновременно Сына и вечного Творца[121]. Иринеи Лионский также дал понять, что объединенная и централизованная Церковь является мерилом истины. Таким образом, централизация и ортодоксальность были определены как доказательства истинности и правоты: земная власть служила свидетельством божественной поддержки. И наоборот, децентрализация являлась свидетельством заблуждений. Как мог существовать лишь один Бог, точно так же могла существовать лишь одна Церковь и одна истина. Этот простой, но поверхностный аргумент, тем не менее, убедил многих. Даже сегодня

эта точка зрения имеет своих сторонников в Ватикане, к которым, разумеется, принадлежит и папа римский.

Пока одни богословы пытались создать централизованную «правильную» веру, другие занимались централизацией церковных структур, придерживаясь мнения, что удобнее управлять с позиций централизованной власти. В формировании и становлении христианства политические соображения — подпитываемые гонениями, о которых мы не должны забывать — играли не меньшую роль, чем теологические.

Примерно в то же время, когда Ириней Лионский отстаивал свою версию христианства, менялись сами принципы управления церковью. Раньше местные церковные общины управлялись группой людей — пресвитеров-епископов, — но постепенно происходила централизация этих управляющих структур. Группу сменил один епископ, который был главой каждой из епархий. Этот процесс, по всей видимости, начался в Риме в середине второго века и завершился к началу третьего века. Разумеется — и мы не должны этому удивляться — епископ Рима считал себя выше всех остальных. Он хотел, чтобы его признали высшим иерархом Церкви и представителем мессии на земле. Папа Стефан 1 (254–257) был первым епископом Рима, который обосновывал свои претензии на первенство среди епископов тем, что он является преемником апостола Петра. В доказательство он приводил цитату из Евангелия от Матфея: «...ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою...»[122]

Впоследствии утверждалось, что Петр приехал в Рим, а в конце второго века его стали считать первым христианским епископом этого города[123].

Как бы то ни было, в 258 году император Максимиан Марк Аврелий Валерий приказал казнить всех христианских епископов, священников и дьяконов. Многие погибли, но многим удалось спастись. Преимущества централизованной власти были очевидны для руководителей христианской Церкви, которые, вероятно, не отказались бы сосредоточить власть в своих руках, представься им такая возможность.

Эта возможность впервые представилась при императоре Константине. Сам он принял крещение только на смертном одре, но именно в его правление христианству было позволено расцвести. Константин стремился к единству; он созвал Никейский собор, чтобы дать отпор ереси Ария. Цель собора состояла в том, чтобы заручиться поддержкой идеи, что Иисус «един» с Богом Отцом, против чего выступал Арий и его сторонники; они не считали Иисуса богом. Как заметила профессор Принстонского университета Элейн Пейджелс, «те, кто выступал против этого положения, указывали, что оно отсутствует и в Евангелиях, и в христианской традиции»[124]. Однако никакие аргументы не смогли убедить безжалостных богословов, приехавших в Никею с определенной целью.

Собор был настроен против Ария, но присутствие его сторонников привело к шумным собраниям и жарким дискуссиям. Поэтому во время гневного обмена репликами епископ Мир Ликийский вполне мог напасть на худого и изможденного Ария — именно этот эпизод обычно мы видим на картинах, изображающих Никейский собор. Споры выплеснулись на улицы Никеи: на потеху публике в театрах разыгрывали пародии на богословские диспуты, а по всему городу в дискуссии были вовлечены рыночные торговцы, лавочники и менялы. Попросите кусок хлеба, и вам ответят: «Сын ниже Отца». Спросите, готова ли ванна, и вы услышите: «Сын возник из ничего»[125].

Дебаты завершились голосованием. Точное число голосовавших неизвестно, однако против проголосовали только Арий и два его сторонника; считается, что большинство победило с подавляющим перевесом — 217:3. Арий и два его последователя были сосланы за Дунай.

Любопытным или даже странным добавлением к данному эпизоду может служить тот факт, что таинство крещения умирающего императора Константина проводил священник еретической арианской церкви. Это значит, что для Константина богословские тонкости

значили меньше, чем принятие любой идеи, которая наилучшим образом обеспечивала единство — для него это означало стабильность и являлось первоочередной задачей.

Своим решением Никейский собор создал воистину фантастического «Иисуса веры», одновременно претендуя на историческую достоверность. Кроме того, были сформулированы критерии, на основе которых впоследствии будут отбираться тексты Нового Завета. Собор в Никее объединил христианский мир, в котором принципы веры хранились сообща. Все, что отличалось от них, объявляли ересью, отвергали и по возможности уничтожали.

Мы по сей день страдаем от такого подхода. В своем стремлении к научной достоверности Элейн Пейджелс в книге «Beyond Belief: The Secret Gospel of Thomas» позволила себе замечание личного характера. Оно связано с важным аспектом, имеющим далеко идущие последствия. Элейн объясняет, что в церковном учении ей не нравится «тенденция идентифицировать христианство с одним-единственным официальным набором верований... а также убежденность, что только христианская вера указывает путь к Богу».

Осознав высокую цену неудачи, последующие епископы Рима старались сосредоточить власть в своих руках; наибольшее рвение проявил при этом папа Дамас I (366–384), который пригласил наемных убийц, в течение трех дней уничтоживших его противников. Утвердив свою власть, Дамас назвал Рим «апостольским престолом» — другими словами, единственным местом во всей Церкви, которое может претендовать на роль преемника апостолов и таким образом считаться наследником их власти и их функции. Любой последователь Иисуса из числа золотых посчитал бы эти претензии нелепыми и явно ложными.

Игнорируя подобные возражения, объявил себя истинным и прямым преемником Петра, по праву унаследовавшим Церковь, которую создал Христос. В качестве высшей духовной власти на земле Дамас также установил, что мерилom любого учения, претендующего на истинность, является одобрение папы. Таким откровенным способом подкреплялись претензии на апостольское наследие.

Следующий папа, Сириций (384–399), взял за образец имперскую канцелярию и начал выпускать декреты — указания, которые не подлежали обсуждению и должны были немедленно исполняться. Под его руководством был, наконец составлен Новый Завет; это произошло на Иппонском соборе в 393 году и на Карфагенском соборе в 397 году н. э.

Неприкрытый процесс захвата и централизации власти продолжался: папа Иннокентий (401–417) выступил с уже неизбежным заявлением, что Риму как апостольскому престолу принадлежит высшая власть в христианской Церкви. Но больше всего для концентрации власти в руках пап сделал Лев I (440–461). Он открыто выдвинул положение, которое поддерживается Церковью и по сей день: Христос передал власть над Церковью Петру, эта власть передается от Петра каждому последующему римскому папе, а папа является «первым среди епископов» и руководит Церковью как «мистическое воплощение» Петра. Его преемнику, папе Геласию I (492–521), оставалось лишь сформулировать самое надменное заявление: в письме к императору он объяснял, что в мире есть две высшие власти: духовная власть, врученная папе, и мирская власть, врученная императору. Из этих двух разновидностей власть папы является высшей, потому что она «предназначена для спасения смертных». На Синоде, который собрался в Риме 13 мая 495 года, папу Геласия впервые назвали «викарием Христа».

Одновременно с обеспечением теологического господства Церковь приступила к коварному плану по «физическому» присвоению языческих святилищ и праздников — так, например, день рождения Митры, приходящийся на 25 декабря, мы отмечаем и сегодня. Мотивы Церкви откровенно объяснил в 601 году папа Григорий I (590–604) в своих инструкциях аббату, направляемому в Британию.

«Мы пришли к выводу, —

писал папа, —

что ни в коем случае не следует разрушать храмы в честь идолов, которым поклоняются эти народы. Идолы должны быть уничтожены, а сами храмы следует окропить святой водой, поставить в них алтари и привезти святые реликвии. Если эти храмы прочны, они должны быть очищены от служения демонам и посвящены служению истинному Богу. Так мы надеемся, что люди, видя, что их храмы не разрушены, могут отречься от своих заблуждений и, собираясь в привычных местах, прийти к пониманию истинного Бога и вере в него. И поскольку они привыкли приносить множество быков в жертву демонам, пусть место этих праздников займут другие, например день освящения храма или праздники в честь святых великомучеников, мощи которых будут храниться в храме»[126].

Возможно, Церковь не трогала алтари, чтобы обеспечить себе поддержку, но она не церемонилась, когда дело касалось уничтожения или подделки документов. Но как к этому относились люди?

Чтобы выяснить это, обратимся к свидетельствам Евнапия. Греческий преподаватель риторики Евнапий родился ок. 345 г. н. э. и умер ок. 420 г. н. э. Риторика — это искусство убедительных и красивых рассуждений, как в устной речи, так и в письменной. Современный специалист по связям с общественностью является наследником этого искусства, доведенного до совершенства древними. В возрасте шестнадцати лет Евнапий уехал учиться в Афины. Там он был посвящен в Элевсинские мистерии и стал жрецом коллегии Эвмолпидов, расположенной рядом с Афинами. Эвмолпиды — это одна из «семей» жрецов, которые в Элевсисе обучали мистериям Деметры и Персефо-ны избранных мужчин и женщин, доказавших свою готовность к посвящению. Этих избранных называли посвященными.

После пятилетнего пребывания в Афинах Евнапий вернулся в родной город Сарды (современная Турция), где присоединился к группе философов-платоников, а также изучал медицину и теургию — искусство оказывать влияние на богов и духов посредством ритуалов, танца и музыки[127]. Еще при его жизни, в 391 году н. э. император Феодосий запретил все языческие культы, но Евнапий, презрев опасности, продолжал критиковать христианство в своих трудах.

Евнапий составил жизнеописания современных ему философов «Жизни философов и софистов». Он также занимался общей историей, выпустив продолжение и комментарии к историческому труду Дексиппа. Евнапий добавил кое-какие подробности к этому труду, охватывавшему период с 270 по 404 год н. э. Он закончил свою работу примерно в 414 году.

К сожалению, до нас дошли лишь небольшие фрагменты этого произведения. Однако обстоятельства его исчезновения окутаны тайной.

Император Константин правил с 306 по 337 год, и именно при нем был созван Никейский собор, объявивший Иисуса богом. В это же время христианство стало официальной религией Римской империи — вопреки желанию многих людей. Стремившийся к объединению империи Константин, похоже, рассматривал религию исключительно с политической точки зрения. Как мы уже говорили, сам он принял крещение только на смертном одре.

Евнапий, будучи приверженцем религии, которую христиане считали языческой, не мог испытывать радость от перемен — в империи вообще и в христианстве в частности, и поэтому его свидетельствам стоит доверять. Можно не сомневаться, что его рассказ о правлении императора Константина воспринимался критически и даже враждебно. Его комментарии были очень опасны для формирующейся христианской ортодоксии начала пятого века. Изучавший теургию Евнапий также мог сообщить кое-то интересное об императоре Юлиане (361–363), который увлекался этой мистической практикой и который пытался вернуть империю к язычеству, и особенно к платоническим идеям одного из величайших и недооцененных философов позднего классицизма, учителя теургии Ямвлиха Апамейского (ок. 240 — ок. 325 гг. н. э.).

История в изложении Евнапия представляла бы сегодня огромный интерес. К сожалению, мы лишены возможности познакомиться с ней из-за упорного желания Ватикана защитить свою поддельную версию Христа и христианства, поскольку копия книги Евнапия хранилась в закрытой библиотеке Ватикана еще в шестнадцатом веке.

Об этом сообщал ученый Марк-Антуан де Мюре, который в 1563 году читал лекции в университете Рима. Там в библиотеке Ватикана он видел копию книги Евнапия. Ему она показалась настолько интересной, что он попросил кардинала Сирле, одного из авторитетнейших ученых Ватикана, сделать для него копию. Но тот отказался, заявив, что работа Евнапия «нечестива и грешна», в чем его поддержал сам папа. Однако книга привлекла к себе внимание, и церковные власти начали искать решение проблемы. Оно оказалось очень простым: один из ученых иезуитов впоследствии писал, что «История» Евнапия «погибла по воле Божественного провидения»[128]. Вне всякого сомнения, провидение действовало через людей, не имевших ничего общего с божественным.

Ватикан известен тем, что он приобретал — а затем уничтожал — произведения, которые противоречили мифам, выдаваемым за подлинную историю. Сколько книг было уничтожено за эти годы? А сколько еще хранится в тайниках, избежав безжалостного и фанатичного преследования ереси? Точно этого не знает никто.

К пятому веку н. э. победа «Иисуса веры» над историческим Иисусом оформилась окончательно. Миф об идентичности этих двух фигур получил богословское подтверждение и превратился в общепризнанную истину. Тем не менее защитники официальной доктрины

не знали покоя, поскольку ересь, подобно ржавчине или гниению, продолжала разъедать умы. Они без всякой жалости защищали веру, поступая с другими христианами так, как с ними самими поступали императоры-язычники. В 386 году в Испании казнили епископа А вилы Приециллиана, обвинив его в ереси. Это была первая казнь, инициированная Церковью с целью защиты веры.

Возможно, все дороги действительно вели в Рим, но в последующие века туда также стекались реки крови. За богословское единство было заплачено не только золотом — хотя оно всегда с радостью принималось Церковью, — но и человеческими жизнями.

Смерть Присциллиана стала трагическим прецедентом. К сожалению, этот прецедент неоднократно повторялся — каждый раз именем еврейского мессии, который проповедовал мир.

Насколько крепко держали в своих руках веру самозванные наследники Христа? Впоследствии римские папы присвоили себе право ритуального помазания императоров в своем пышном дворце, что стало частью церемонии коронации — как будто папа обладал властью сотворить мессию. И как будто только ему одному была известна дорога к истине.

Глава 6. САМЫЙ БОЛЬШОЙ СТРАХ РИМА

Это было 5 августа 1234 года. Бедная женщина лежала на смертном одре в доме своего зятя в Тулузе. Она исповедовала таинственную религию катаров, в то время получившую широкое распространение на юге Франции. Эту религию ненавидел и боялся Рим. Катары отвечали Риму тем же. Многие из них считали папу антихристом, а саму Римско-католическую церковь называли «блудницей Апокалипсиса» или «церковью волков»[129].

В тот день несколько катарских священников посетили больную женщину, чтобы совершить над ней самый священный обряд, *consolamentum*, через который обычно проходили умирающие. Но их посещение заметил осведомитель, враждебно настроенный к вере катаров. Возможно, за женщиной шпионили, зная о слухах относительно ее принадлежности к катарам или о том, что ее зять был связным у катаров Тулузы. Осведомитель поспешил к приору инквизиции.

Инквизиторы, принадлежавшие к ордену доминиканцев, находились у епископа Тулузы, который только что отслужил мессу. В этот день в Тулузе было объявлено о канонизации

основателя их ордена, Доминика де Гусмана. Монахи уже собирались приступить к праздничной трапезе, когда приор «волею Божественного провидения» получил известие, что умирающая еретичка открыто совершает обряды катаров. Приор проинформировал епископа, который настоял, чтобы инквизиторы немедленно занялись этим оскорблением «истинной веры», и они, отложив трапезу, вместе с епископом поспешили в дом умирающей женщины. Они ворвались в комнату так внезапно, что даже крик подруги, пытавшейся предупредить ее, не смог предотвратить трагедию.

Епископ присел рядом с женщиной и завел неторопливую и спокойную беседу о ее вере. Она не чувствовала беды — возможно, она даже не знала, кем был этот посетитель. Может быть, она думала, что это человек, занимающий высокий пост у катаров, а не представитель Римско-католической церкви. Чувствуя себя в безопасности, она ничего не скрывала, признавшись, что перед лицом скорой смерти прошла через обряды катаров. Но смерть была еще ближе, чем ей казалось.

Епископ обманом заставлял ее говорить.

«Ты не должна лгать, — говорил он, изображая сочувствие. — Я призываю тебя быть твердой в своей вере, чтобы страх смерти не заставил тебя признаться в том, во что ты не веришь и что не укрепилось в твоём сердце»[130].

Умирающая женщина, благодарная и умиротворенная в своей вере, сдержанно и с достоинством ответила: «Ваше преосвящество, я верю в то, что говорю, и я не сменю убеждений из страха за жалкий остаток моей жизни»[131].

После этих слов лицо епископа внезапно помрачнело. «Значит, ты еретичка! — громко крикнул он, чтобы слышали все присутствующие. — То, в чем ты призналась, — это вера еретиков... Прими то, во что верит Римско-католическая церковь».

Умирающая женщина отказалась, проявив немалое мужество. Тогда епископ именем Иисуса Христа официально объявил ее еретичкой и, следовательно, приговорил к смерти. Ее прямо в кровати отнесли за город на луг, принадлежавший графу Тулузскому, где она была тут же сожжена.

После казни епископ и сопровождавшие его доминиканцы торжественно прошли по улицам Тулузы, вернулись в монастырь и, возблагодарив Господа и святого основателя ордена, «с веселием ели то, что было приготовлено для них». Доминиканский монах, присутствовавший на пиру и оставивший записи об этом событии, заключает:

«Господь подвиг на эти деяния в первый праздник в честь святого Доминика, во славу имени Его... ради возвышения веры и ниспровержения еретиков...»[132]

«Святой Доминик» — это жестокий и фанатичный испанский монах Доминик де Гусман. Он с самого начала присоединился к крестовому походу против катаров, и так преуспел в уничтожении еретиков, что в 1216 году папа учредил орден доминиканцев. Их задача заключалась в искоренении ереси — окончательно и бесповоротно, всеми средствами, которые для этого потребуются. Доминик умер в 1221 году, а в 1234 году, когда была заживо сожжена женщина из Тулузы, его объявил святым один из друзей, который за год до этого был избран папой римским.

В двенадцатом веке Церковь была поражена коррупцией, и особенно сильным это явление было на юге Франции. Люди, руководившие приходами и епархиями, далее не претендовали на благочестие — их интересовали не души прихожан, а управление собственностью и увеличение дохода с их владений. Мирские радости, такие как любовные утехы, азартные игры и охота, мирские занятия, такие как ростовщичество и взимание платы за церковные службы, а также заключение незаконных браков и незаконное судопроизводство — все это не скрывалось и получило такое широкое распространение, что папа Иннокентий III сразу же после своего избрания в 1198 году посчитал себя обязанным осудить подобное поведение священнослужителей. По словам папы на рубеже тринадцатого века высшее духовное лицо

Лангедока, архиепископ Нарбонны, молился перед алтарем только одному богу — деньгам. Он установил плату за посвящение в епископы, присваивал доходы с вакантных должностей, позволял монахам жениться и допускал другие нарушения церковных правил[133]. Папа исторгнул его из сана — вместе с еще одним архиепископом и семью епископами. Даже семьи некоторых католических священников отвернулись от Рима. Так, например, епископ Каркасона, занимавший эту должность с 1209 по 1212 год, был примерным католиком, а его мать, сестра и три брата прошли через обряд *consolamentum*[134].

Дворяне, и особенно в сельской местности, постоянно спорили с Церковью по поводу собственности и доходов: будучи патриотами своей земли, они тесно сотрудничали с катарами. В двенадцатом веке, к примеру, жена графа Фуа стала «совершенной» — как и сестра графа, Эскармонда, после смерти мужа.

Катары — это группа благочестивых мужчин и женщин, выбравшая путь самоотречения, духовности и простоты. Они называли себя *les Bonhommes*, то есть «добрыми людьми» или «добрыми христианами». Они служили интересам населения, которое жаждало личного религиозного опыта, но потребности которого не удовлетворялись официальной Церковью, отказавшейся от своей духовной роли ради коммерческих и корыстных интересов. Отказ катаров от земных благ лишь подчеркивал алчность католического духовенства и вызывал ярость врагов, власти которых они угрожали.

Противники катаров называли их «совершенными» еретиками. Полноправными членами секты считались те, кто прошел главный обряд, *consolamentum*, который описывался как «духовное очищение, конфирмация, посвящение и, если он проводится на смертном одре, помазание — объединенные в единое целое...»[135]

Прошедшие этот обряд дистанцировались от повседневной жизни и отказывались от собственности. Поэтому они вели очень простую жизнь, заполненную проповедями и молитвами, причем молились они на своем языке, а не на латыни. Они были вегетарианцами, путешествовали парами, оказывали духовную помощь людям, а над теми, кто хотел узнать больше, проводили обряд *consolamentum*. Для тех, кто устал от обмана и лжи, они олицетворяли честность и истину.

На практике из-за огромной ответственности, которую налагал обряд *consolamentum*, а также связанной с ним переменной жизни, большинство совершали таинство только на смертном одре. Обряд был доступен и мужчинам, и женщинам. В отличие от Римско-католической церкви, у катаров власть не сосредоточилась в руках мужчин.

«Совершенными» могли стать представители обоих полов; не было ни иерархии, ни организации, по крайней мере вначале.

Церковь распознала угрозу, которую несли в себе эти простые и благожелательные духовные наставники, и один из первых это понял Бернар Клервоский, основатель монашеского ордена цистерцианцев. Он и его орден, подобно катарам, проповедовали простую жизнь. В 1145 году Бернар много путешествовал по югу Франции, устраивая дебаты с «совершенными» катарами на городских площадях. Признавая их благочестие, восхищаясь их честностью и безыскусностью — но в то же время отвергая их ересь, — он понял, что не сможет остановить это движение, которое стремительно набирало силу. Следствием этих дебатов стало создание им более формальной организации, оформившейся к концу двенадцатого века.

Многие представители местной знати поддерживали катаров, интересы которых были сосредоточены на их родной земле, Лангедоке, а не на Риме, как у Католической церкви. Естественно, Рим был недоволен.

В 1209 году был объявлен крестовый поход против катаров, и началась резня. Полчища рыцарей и искателей приключений с севера хлынули в Лангедок; они сровняли с землей многие города и поселки, заживо сожгли тысячи катаров — нередко на одном костре находили свою смерть несколько сотен человек. К этому времени обветшавший замок Монсежур,

построенный на неприступной скалистой вершине холма, был восстановлен и превратился в опорный пункт церкви катаров. В 1232 году после опустошения долин она стал религиозным центром и местом пребывания «епископа» катаров. На полпути между замком и отвесными скалами к северу от него была построена деревушка для «совершенных», руины которой видны на склоне холма и сегодня.

К войскам, участвовавшим в крестовом походе, присоединился молодой испанский священник Доменик де Гусман. Нам мало что известно о его участии в поголовном уничтожении катаров в первые годы войны, но он, вне всякого сомнения, не мог оставаться в стороне. Во время этой жестокой кампании он понял, что для борьбы с тем, что он считал пагубной ересью, необходима новая организация, новый монашеский орден с совершенно иным подходом. Доминик учредил монашеский орден доминиканцев, который стал основой для печально известной инквизиции. Доминик сжигал и пытал; доминиканцы последовали его примеру, сея на юге Франции смерть и разрушение. Такова была потребность Церкви в дисциплине и усмирении еретиков, которые осмелились противоречить Риму. Лангедок был объят страхом. Инквизиторов Доминика боялись и ненавидели. Нередко монахов избивали или убивали, но орден продолжал беспощадно преследовать еретиков. Для катаров это была битва, в которой они не могли победить.

Методы инквизиции были просты: подозреваемых в ереси «подвергали допросу» — эвфемизм, скрывавший и даже оправдывавший тот факт, что это был не простой допрос, а процесс добывания информации при помощи боли, бесстрастной и безжалостной эффективностью которого восхищались даже гестаповцы.

После предъявления обвинения или признания подозреваемого в ереси арестовывали. Доминиканцы не торопились, поскольку прекрасно разбирались в психологии и понимали, что тюремное заключение и страх сделают свое дело. Попытки были неминуемы. Не желая проливать кровь, палачи в монашеских одеяниях использовали другие орудия пыток; жертвам ломали кости и выворачивали суставы таким образом, что пролитая кровь была скорее «случайной», чем умышленной — то есть приемлемой по тем законам, которые установила Церковь.

После того как несчастная жертва была готова признаться — в чем угодно, лишь бы прекратился этот кошмар, — писцы и судьи доминиканцев записывали признательные показания обвиняемого, нередко сопровождая их подробным описанием увиденного. Затем обвиняемого уводили в соседнюю комнату и предлагали подтвердить, что признание было сделано «добровольно и без принуждения». Приговоренных к смерти передавали гражданским властям для совершения казни. Будучи христианской организацией, Церковь не казнила — по крайней мере, так она лицемерно заявляла.

Эти допросы позволили доминиканцам собрать огромный архив, содержащий информацию обо всем, с чем они сталкивались. Инквизиция сожгла тысячи людей, обвиненных в ереси, но обычно делалось это после тщательного допроса. Орден всегда стремился сохранить и дополнить эту коллективную память, которая служила основой их власти; прагматичные монахи считали, что «отступник, предавший своих друзей, гораздо полезнее поджаренного трупа»[136].

Инквизиция представляла собой разведывательную организацию тринадцатого века в том смысле, что она обладала огромной и очень сложной для своего времени базой данных. Она допрашивала подозреваемых в ереси, вела подробные записи свидетельских показаний, обвинений и признаний, хранила архивы этих записей таким образом, чтобы любая информация могла быть извлечена из них по прошествии большого отрезка времени. Так, например, одна из таких записей свидетельствует, что женщина, арестованная по подозрению в ереси в 1316 году, уже подвергалась аресту в 1268 году — сорок восемь лет назад. Это было грозное оружие — безжалостная память, служившая укреплению власти Церкви.

Инквизиторы превратились в убийц на службе Церкви — их армия тайных осведомителей, безжалостных палачей и бесстрастных судей действовала именем Христа. Исторический мессия был давно забыт; значение имел лишь Христос Ватикана. Эта вызывавшая умиление распятая фигура стала последним оправданием стремительно увеличивавшегося числа правил и установлений, регулирующих все стороны жизни.

Первая крупная битва была выиграна инквизицией, когда сердце религии катаров было вырвано с кровью, причем жестокость, с которой это было сделано, можно сравнить лишь с жестокостью культа ацтеков в Новом Свете, практиковавших человеческие жертвоприношения. В марте 1244 года религиозный центр катаров, замок Монсе-гюр, пал под ударами осаждавшей его армии. Более двухсот катаров заживо сожгли у подножия холма. Однако инквизиция считала это не концом, а лишь началом новой стадии. В ход пошли архивы и осведомители. Инквизиция была намерена закрепиться на этих землях, чтобы стать опорой власти Рима.

И она осталась там до наших дней. Разумеется, с тех времен инквизиция изменилась: в 1908 году ее переименовали в Священную конгрегацию Священной канцелярии. В 1965 году это учреждение превратилось в Священную конгрегацию доктрины веры — мирное и даже мягкое название для догматичной и косной организации с неизменной ролью, состоящей в том, чтобы поддерживать ортодоксальность веры.

Действующий глава Конгрегации — официально его должность называется «префект», но в действительности это Великий инквизитор — был назначен 13 мая 2005 года; им стал уроженец Калифорнии монсеньор Уильям Левада, бывший архиепископ Сан-Франциско. Его предшественник, кардинал Иозеф Ратцингер, в апреле 2005 года был избран папой римским. Ратцингер откровенно очерчивал доктрину Церкви: никакой гибкости в отношении церковных заповедей.

«Откровение закончилось с Иисусом Христом», — прямо заявлял Ратцингер, бросая открытый вызов тем, кто мог подумать, что истину можно открыть и сегодня[137]. С легкостью забывая о голосовании на Никейском соборе, который обожествил Иисуса, он не допускает и мысли о мирском характере Церкви. «Даже для некоторых богословов, — восклицает он, удивленный их дерзостью, — Церковь представляется человеческим учреждением»[138]. Но у него был ответ тем, кто мог — о ужас — подумать, что основанная человеком церковь сформировала теологию, ставя идеи на голосование.

«Истина не может быть установлена путем голосования», — заявляет Ратцингер[139]. В другом контексте мы были бы склонны согласиться с ним, но в данном споре он выходит за рамки разумного и подтвержденного историей, поскольку то, что он называет истиной, само было установлено голосованием. Догматизм Ратцингера проявляется и в следующем высказывании: «Истину нельзя установить волевым решением; ее можно лишь распознать и принять»[140]. Следовательно, продолжает он, «Церковь... является носителем веры, а не греха»[141]. История явно не является сильной стороной Ратцингера; догматизм в публичных высказываниях приводит к провалу.

В словах Ратцингера нет ничего, что давало бы надежду, что Ватикан откажется от утверждения, что лишь ему известен путь к истине — путь, проложенный через стремление к власти и господству, залитый кровью, опирающийся на мифическую фигуру Иисуса Христа, не имеющую почти ничего общего с реальным мессией Иисусом, который был распят Понтием Пилатом за политическую агитацию.

Священная конгрегация доктрины веры является верным продолжателем дела своей предшественницы, святой инквизиции. Устанавливая границы веры и накладывая ограничения на поиски истины, она в сущности является центром власти и органом управления Ватикана.

Смысл существования этой организации состоит в том, чтобы сдерживать самый большой и тайный страх Ватикана: рано или поздно могут появиться свидетельства, которые отделят

реального Иисуса от мифического и с неизбежностью откроют, что само существование Ватикана построено на обмане. Они боятся появления доказательств, что Иисус был не Богом, как объявил Никейский собор, а человеком.

После уничтожения катаров инквизиция занялась поиском других ересей, которые необходимо было истребить. Выяснилось, что в руководящей и направляющей руке нуждаются тамплиеры. Палачи инквизиции разъехались по всей Европе, чтобы искоренить военный орден, служивший всем христианским народам на протяжении двух веков.

Затем, в начале четырнадцатого века, инквизиция занялась францисканцами, которые — из-за приверженности к простой жизни и бедности — попали под подозрение в ереси. Многие из них окончили свою жизнь на костре.

Еще через сто лет главной целью инквизиции стали испанские евреи и мавры, и особенно те, кто принял христианство — их подозревали в том, что они втайне исповедуют религию предков. Костры запыхали с новой силой. Так, с февраля по ноябрь 1481 года в Севилье были заживо сожжены 288 невинных жертв. И это было лишь начало нового периода человеческих жертвоприношений во имя христианства. Однако несмотря на потери сопротивление тирании продолжалось. В 1485 году в Сарагосе был убит инквизитор, молившийся в соборе перед алтарем. Последовали жестокие репрессии, забравшие еще больше жизней[142].

Кровопролитие пошло на спад лишь тогда, когда количество потенциальных жертв значительно сократилось. Но затем была найдена новая категория жертв — в пятнадцатом веке навязчивой идеей стало колдовство. Это была квинтэссенция двуличия церковников. Церковь всегда считала колдовство обманом или иллюзией, а вера в колдовство признавалась грехом. Однако в 1484 году позиция Церкви внезапно изменилась: папа издал буллу, осуждающую колдовство и требующую, чтобы его признали ересью со всеми вытекающими последствиями. Та же булла давала разрешение инквизиции допрашивать, арестовывать и наказывать ведьм, которых удалось выявить[143]. Доминиканцам не нужно было повторять дважды — они начали действовать.

По всей Европе, в городах и деревнях, началась охота на ведьм — за исключением Испании, где инквизиция почувствовала искусственность кампании против ведьм и решила проигнорировать ее. Там считали, что навязчивая идея поиска и сожжения ведьм приводит к массовой истерии, которая, в свою очередь, способствует появлению ведьм. Тем не менее, несмотря на это локальное проявление здравого смысла, в остальной Европе арестовывали, пытали и сжигали женщин. Инквизиция хвасталась, что за 150 лет было сожжено около тридцати тысяч женщин — все это невинные жертвы большой фантазии Церкви.

Организованность и фанатичность доминиканцев привели к тому, что они составили инструкцию для инквизиторов и гражданских властей, которым приходилось иметь дело с ведьмами. Это одна из самых знаменитых книг в истории человечества: «Malleus Maleficarum» — «Молот ведьм» — яркий пример высокой науки, поставленной на службу безумию. Книга была написана в 1486 году двумя высокообразованными доминиканцами из Германии — Яковом Шпренгером и Генрихом Крамером. Эти два монаха страшились всего, что связано с женщиной, считая ее порождением дьявола; как говорят, нет ничего хуже страха.

Они несколько не сомневались в том, что женщина является источником всего дьявольского, что существует в мире. Два эксперта обнаружили самые злые пороки, присущие женщинам. Для них женщины неисправимо несовершенны и предрасположены к обману. Они слабее мужчин и поэтому их легче испортить, и они склонны портить других. У них отсутствует дисциплина, «смотреть на них приятно, прикасаться опасно, а иметь их смертельно»[144]. Эти два серьезных исследователя приходят к выводу, что «все колдовство исходит из похоти, которая в женщинах неистребима»[145].

Почему же Церковь считала женское начало разрушительным, дьявольским и противным роду человеческому? Почему она так боялась женщин? Что послужило причиной таких жестокостей?

Причина заключалась в сексе. Церковь панически боялась его. «Сексуальное наслаждение не может быть не греховным», — говорится в труде «Responsum Gregorii», который приписывают — возможно, ошибочно — папе Григорию I [146]. В начале пятнадцатого века один из отцов Церкви Иоанн Хризостом (Златоуст) прямо указывал, где таится опасность:

«Среди людей много может ослабить ревность души и остановить её стремление к Богу; и прежде всего обращение с женщинами... Взор не только невоздержной, но и целомудренной женщины поражает и смущает душу...»[147]

Столкнувшись с такой неприкрытой враждебностью, многие современные женщины-теологи просто перестали считать подобные заявления достойными упоминания. Ута Ранке-Хейнеман, профессор истории религии Эссенского университета, прибегает к резким выражениям, которые нечасто можно услышать в научных кругах:

«В целом, с учетом преследования, клеветы и демонизации женщин, вся история Церкви свидетельствует о капризном, ограниченном мужском деспотизме в отношении женского пола. Этот деспотизм сохраняется и сегодня»[148].

И это правда. Возьмите, к примеру, ярость, которую вызывает любое предложение о том, что женщина может быть священником.

Но откуда взялся этот страх и вытекающий из него деспотизм?

Вероятно, он связан с одержимостью Церкви идеями вечной девственности и безбрачия.

Церковь любила мать Христа, Деву Марию, поскольку она никогда не знала мужчину. Она родила Иисуса благодаря всемогуществу Бога. Другими словами, Церковь подразумевает, что «Бог подобен человеку» [149]. Более того, последний папа Иоанн Павел II в вышедшей в 1987 году энциклике *Redemptoris Mater* установил, что девственная плева Марии осталась целой [150]. Это настоящее чудо.

По крайней мере, было бы чудом, будь это правдой. Но к сожалению, эта история, как и многое из того, что приписывается «Иисусу веры», не выдерживает даже малейшего столкновения с реальным Иисусом.

Из четырех Евангелий, якобы содержащих основную историческую информацию, только два, от Матфея и от Луки, упоминают о Деве Марии. Лука даже противоречит богословской интерпретации, когда описывает Марию и Иосифа как родителей Иисуса или называет Иосифа отцом Иисуса [151]. Иоанн в своем Евангелии также утверждает, что Иисус был сыном Иосифа [152].

Самыми древними текстами Нового Завета являются послания Павла, но в них ничего не говорится о непорочном зачатии. На самом деле Павел в своем Послании к римлянам отрицает его, утверждая, что Иисус «родился от семени Давидова по плоти» [153]. Самым старым евангелием считается Евангелие от Марка, который тоже ничего не говорит об этом чуде и больше интересуется крещением Иисуса, чем его рождением.

Упоминание о непорочном зачатии появилось в третьем веке до н. э. после того, как Еврейская Библия — Ветхий Завет у христиан — была переведена на греческий язык. Пророк Исайя предсказал, что молодая женщина «во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» [154]. Еврейское слово *alma*, или молодая женщина, было переведено как *parthenos*, то есть девственница. Когда Матфей впервые упоминает о рождении Иисуса, он подчеркивает, что исполнились слова «пророка» — то есть Исайи. Затем он говорит о деве, *parthenos*, которая забеременела и родила сына. Однако для исполнения пророчества Исайи требовалось лишь одно: молодая женщина должна родить сына; это событие, даже если его считать чудом, вовсе не было уникальным, и для него не требовался постулат о сексуально активном боге. В

действительности рассказанная Матфеем история по сути своей метафорична[155]. Однако последствия ее оказались — не побоюсь этого слова — судьбоносными.

Церковь принялась создавать культ девственности, и этот культ привлекал многих мужчин, которых можно назвать «возбужденными», а в худшем случае даже патологическими доктринерами, наподобие одного из отцов Церкви Оригена, который кастрировал себя в возрасте восемнадцати лет, чтобы стать совершенным христианином, или блаженного Августина, который обличал любые удовольствия, и особенно те, которые были связаны с сексом. Целые поколения таких мужчин боролись за введение обязательного безбрачия для всех проповедников веры, и эта цель была достигнута в 1139 году, когда священникам Римско-католической церкви был предписан целибат.

Однако Иисус никогда не говорил о безбрачии, а Павел указывал, что не существует даже устных свидетельств на этот счет[156]. «Относительно девства я не имею повеления Господня», — писал он.

Более того, апостол Петр, которого считают основателем Римско-католической церкви и первым папой, был женат и путешествовал вместе с женой. Павел в Первом послании к коринфянам говорит о том, что он сам женат — точно так же, как другие ученики и братья Иисуса[157]. Память о том, что апостол Павел имел жену, сохранялась вплоть до конца второго века н. э. — последний раз упоминание об этом мы встречаем у епископа Александрии Климента[158]. После этого статус Павла постепенно, но неуклонно менялся — в сторону безбрачия. По мере того, как вопросы веры переходили в ведение девственников-мужчин, женщины исключались из всех ее проявлений.

Любой независимый анализ дошедших до нас фрагментов, рассказывающих о жизни Иисуса и о той эпохе, позволяет сделать вывод, что сам Иисус тоже имел жену. В книге «Святая Кровь и Святой Грааль» мы вместе с коллегами предположили, что Иисус был женат на Марии Магдалине и что свадьба в Кане — по свидетельству Нового Завета Иисус каким-то образом нес за нее ответственность — была свадьбой самого Иисуса[159].

В то время позиция фарисеев, одного из главных течений иудаизма в первом веке н. э., состояла в том, что «женитьба была безусловной обязанностью каждого мужчины»[160]. Жившему в те времена рабби Элиазару приписывают следующее высказывание: «Тот, кто пренебрегает продолжением рода, подобен проливающему кровь»[161]. Поэтому если Иисус не был женат, в чем нас старается убедить Церковь, то почему его противники фарисеи — о которых так много говорит Новый Завет — не использовали это обстоятельство для критики его самого и его учения? Почему женатые ученики не попросили Иисуса объяснить свое безбрачие?

До того как принять христианство, Павел был фарисеем. И если Иисус не был женат и дал обет безбрачия, почему Павел не упоминает об этом? Профессор Ранке-Хайнеман делает важный вывод: когда Павел писал о безбрачии, утверждая, что у него нет никаких указаний Иисуса на этот счет и он может высказать лишь собственное мнение, «он не мог не упомянуть о необычном примере жизни самого Иисуса — если бы Иисус подал такой пример»[162]. Элейн Пейджелс в интервью одной телевизионной программе, вышедшей в эфир в 2005 году, отмечала: «Не подлежит сомнению, что большинство евреев были женаты, и особенно раввины. Не исключено, что жена была также у Иисуса»[163].

Но непорочное зачатие и непорочная жизнь были очень важны для усиливающегося ортодоксального течения в христианстве, и особенно после того, как оно отказалось от своих иудаистских корней и стало набирать приверженцев среди язычников. Безбрачие высоко ценилось многими философами языческого мира и особенно стоиками. Похоже, что одним из мотивов, подталкивавших христианство к девственности, было желание — в борьбе за место в мире, где преобладали язычники — продемонстрировать, что христиане тоже могут достигнуть нравственных высот языческих философов. И они добились некоторых успехов на этом пути,

заставив уважать себя. Во втором веке н. э. врач императора Марка Аврелия Гален писал о христианах:

«У них есть не только мужчины, но и женщины, которые всю жизнь проводят в сексуальном воздержании. Среди них есть такие, кто достиг уровня самодисциплины и самоконтроля, сравнимого с тем, что демонстрируют истинные философы»[164].

Однако епископ Антиохийский Игнатий Богоносец — он принял смерть на арене цирка, разорванный на куски дикими львами на потеху римской публике — в своем письме епископу Смирны прозорливо заметил, что некоторые христиане «живут в целомудрии из уважения к плоти Господа», но затем признался, что они не вызывают у него восхищения. На самом деле он осуждал их «гордыню» и предупреждал, что возвеличивание своей непорочности убивает эту непорочность[165]. К сожалению, те, кто добился успехов в утверждении ортодоксальных взглядов и сумел обожествить Иисуса, также стремились к введению безбрачия для иерархов Церкви и к лишению женщин какой-либо роли в церковных делах. Они приходили в ярость от одной мысли о женщине-священнике. Они забывали о том, что даже Павел упоминал — с симпатией и восхищением — о роли женщин как учителей веры.

В своем Послании к римлянам апостол Павел называет диаконисе, «сотрудников моих во Христе Иисусе»: Фиву, Прискиллу, Акилу, Мариам, Юнию, Трифену, Трифосу и Перейду Юлию[166]. В Первом послании к коринфянам он говорит, что и мужчины, и женщины «молятся и пророчествуют» в церкви. Профессор Ранке-Хейнеман указывает, что термин «пророчествует» указывает на акт официальной прокламации и его лучше переводить как «проповедают»[167]. Однако в то же самое время Павел говорит, что женщины в церкви должны вести себя скромно:

«Жены ваши в церквях да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении... Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают [о том] дома у мужей своих...»[168]

Однако к концу второго века н. э. какое-либо участие женщин в деятельности христианской Церкви окончательно отошло в прошлое. Те, кто не хотел допускать женщин к вопросам веры, пользовались влиянием на всех уровнях. Особенно выделялся среди них Тертуллиан, учившийся в Карфагене и принявший христианство в 197 году н. э. Он яростно нападал на женщин:

«Ты была дверью для дьявола, ты получила от него для нашей гибели запрещенный плод... наконец исправление вины твоей стоило жизни Самому Сыну Божию»[169].

Естественно, Тертуллиан не мог бы обвинять женщин во всех грехах человечества и в смерти Иисуса, если бы им позволялось проводить богослужения в церкви:

«Но может ли оказаться вероятным, чтобы тот [Павел], кто определенно не разрешил женщине учиться, дал ей власть учить и крестить? Пусть молчат, — спрашивают дома у своих мужей!»[170]

Несмотря на то, что такая позиция вполне предсказуема, здесь мы должны остановиться и спросить: что означает этот выпад? А означает он следующее: в некоторых христианских церквях — и об этом знал Тертуллиан — женщины исполняли роли, описанные апостолом Павлом — и не только. Это значит, что женщины были священниками, давали святое причастие, проповедовали и крестили новообращенных. Но где такое могло происходить? И насколько распространенной была такая практика? Тертуллиан хранит молчание на этот счет. Подобно многим отцам церкви, он яростно нападает на ересь, но никогда не упоминает об общинах, предоставлявших женщинам равные с мужчинами права в том, что касается отправления богослужений. Он просто замалчивает этот аспект. Спрашиваете, почему?

Ставка была очень высока. В ту эпоху Рим только начинал утверждать свою власть. Сама идея «апостольского наследования» — один из краеугольных камней, на которых держатся аргументы в пользу главенства Рима и законности наследования святого престола, — возникла совсем недавно.

Как сказано в Евангелии от Матфея, Петр был камнем, на котором строилась церковь Христа[171]. Игнорируя вопрос, зачем правоверному еврею основывать церковь, Ватикан настаивает, что этими словами — о них не упоминают другие евангелисты — Христос передает Петру право на управление христианской Церковью. Далее это право переходит ко всем последующим епископам Рима. Таким образом, согласно этой версии, Петр становится первым епископом Рима, а затем избранный епископом Рима в 440 году н. э. папа Лев I объявляет, что это наследие дает Риму право возглавить весь христианский мир. Это крайне важное положение в свете притязаний Ватикана на духовное лидерство. Без него все величественное здание папской власти рассыплется в прах. Более того, на нем базируется поистине удивительное утверждение, что католическая Церковь — это единственный путь к истине, а папа является непосредственным наместником Христа — то есть Бога — на земле. Реальный Иисус ужаснулся бы, узнав о том, что провозглашается его именем.

Мы можем не без оснований утверждать, что Иисус был женат и что его женой была Мария Магдалина. Но у нас мало доказательств, и все они косвенные. Тем не менее, когда дело касается разницы между отношением к женщинам Римско-католической церкви и самого Иисуса, мы ступаем на твердую почву. Иисус, как неоднократно указано в Евангелиях, легко находил общий язык со своими последователями из числа женщин — их отношения были настолько близкими, что это вызывало неудовольствие учеников-мужчин. В Евангелии от Иоанна описывается путешествие Иисуса по Самарии. Ученики покинули его, чтобы купить еды. Оставшись один, утомленный долгим переходом Иисус присел у колодца. Когда к колодцу пришла женщина, Иисус завел с ней разговор. Ученики, вернувшись, были крайне удивлены, что Иисус беседует с женщиной, но никто не осмелился перечить учителю[172]. Они поняли, что слова Иисуса предназначались всем.

После того как в 1977 году были опубликованы тексты Наг-Хаммади, близкие отношения между Иисусом и Марией Магдалиной стали предметом оживленных дискуссий как в научных кругах, так и в обществе. В главном источнике этих сведений, Евангелии от Филиппа, некоторые слова пришлось восстанавливать — в переводе они указаны в скобках — но даже с учетом этого очевидны близкие и особые отношения между Иисусом и Марией.

«И спутница (Сына — это Мария) Магдалина. (Господь любил Марию) более (всех) учеников, и он (часто) лобзал ее (уста). Остальные (ученики, видя) его (любящим) Марию, сказали ему: Почему ты любишь ее более всех нас?»[173]

Но это не просто эмоции или секс. Если мы внимательно вчитаемся в это Евангелие, а также в другие тексты, датируемые вторым веком н. э. и запрещенные Церковью, мы обнаружим, что Мария Магдалина отличается глубоким знанием учения Иисуса — пониманием и проникновением в суть, которое не всегда присутствует у других учеников. Евангелие от Филиппа, упомянув о близких отношениях Иисуса с Марией, далее объясняет его отношения с учениками:

«Остальные (ученики, видя) его (любящим) Марию, сказали ему: Почему ты любишь ее более всех нас? Спаситель ответил им, он сказал им: Почему не люблю я вас, как ее? Слепой и тот, кто видит, когда оба они во тьме, они не отличаются друг от друга. Если приходит свет, тогда зрячий увидит свет, а тот, кто слеп, останется во тьме»[174].

Иисус подразумевает, что Мария способна «увидеть свет», а остальные ученики нет. Другими словами, она, в отличие от других, до конца понимает, чему учит Иисус.

Этот аспект подчеркивается и в другом древнем тексте, найденном на территории Египта, Евангелии от Марии. Здесь ученики Иисуса желают учиться, и Петр спрашивает Марию Магдалину:

«Сестра, ты знаешь, что Спаситель любил тебя больше, чем прочих женщин. Скажи нам слова Спасителя, которые ты вспоминаешь, которые знаешь ты, не мы, и которые мы и не слышали».

И Мария отвечает:

«То, что сокрыто от вас, я возвещу вам это»[175].

Но мужчин не устраивает ее объяснение, и Андрей заявляет:

«Что касается меня, я не верю, что Спаситель это сказал. Ведь эти учения суть иные мысли».

Недовольный Петр позволяет себе заметить об Иисусе:

«Разве говорил он с женщиной втайне от нас, неоткрыто? Должны мы обратиться и все слушать ее? Предпочел он ее более нас?»[176]

Именно здесь кроется источник проблемы: взаимоотношения Иисуса и Марии тесно связаны с тайнами, касающимися Иисуса, которые Церковь изо всех сил пыталась и пытается скрыть. Эти тайны ученики Иисуса, изображенные в Евангелии от Марии, сознательно игнорировали и отрицали.

Что же это за тайны? И кем на самом деле был Иисус?

Мы должны вернуться во времена Римской империи к раздираемой противоречиями Иудее, чтобы задать конкретные вопросы и найти более точные ответы, чем те, которыми мы удовлетворялись до сих пор.

Мы должны вернуться в Иерусалим.

Глава 7. ПЕРЕЖИВШИЙ РАСПЯТИЕ

Иисус въехал в Иерусалим на осле. Этот факт выглядит случайным. Еще раньше, по пути из Иерихона в Иерусалим на праздник Пасхи, Иисус остановился на Масличной горе.

Он попросил двух своих учеников найти для него осла. Для него это было важно, и Матфей объясняет нам, почему: «...да сбудется реченное через пророка»[177]. К сожалению, краткая реплика Матфея больше скрывает, чем объясняет. Попробуем немного раскрыть ее.

Пророки Ветхого Завета очень много говорили о мессии. Они подробно описывали, как он придет в Иерусалим, чтобы занять престол и освободить свой народ. Они также рассказывали, как именно он будет действовать: пророк Захария предсказывает, что царь Израиля придет в Иерусалим с триумфом, но в то же время скромно — на таком презренном животном, как осел[178]. Иисус действовал в точном соответствии с этим предсказанием. В тот день, когда он появился в Иерусалиме, толпы людей собрались у ворот города и на улицах, ведущих к Храму. При его приближении они кричали: «Осанна Сыну Давидову!» Прибытие Иисуса в Иерусалим быстро превратилось в общественное событие. Толпа заполнила улицу перед ним. Множество людей следовали за ним, образовав некое подобие процессии. В самом городе царил суматоха. Совершенно очевидно, что и население, и власти знали, что происходит, и понимали всю важность этого события. Перед ними был обещанный освободитель Израиля, направляющийся по улицам Иерусалима к Храму, где власть должна была — по крайней мере, они на это надеялись — перейти к нему.

Чтобы люди знали об этом событии, их должны были предупредить заранее, однако в Новом Завете ничего не говорится, каким образом это могло произойти. Шумное ликование толпы описывается таким образом, чтобы мы посчитали его стихийным, но можно не сомневаться, что о прибытии Иисуса было объявлено заранее и что шумные приветствия носили организованный характер.

Слабый намек на такую подготовку содержит Евангелие от Иоанна. Евангелист сообщает, что многие люди, пришедшие в Иерусалим на праздник Пасхи, «искали Иисуса» и спрашивали друг друга, придет ли он на праздник в Храм, потому что всем было известно, что первосвященники издали указ о его аресте[179]. Очевидно, его уже рассматривали как угрозу существующей власти. Далее Иоанн рассказывает, что в тот день, когда горожане услышали, «что Иисус идет в Иерусалим», они взяли в руки пальмовые ветви и пошли встречать его[180]. Его явно ждали — и неприятностей тоже.

Иисус вместе со своей все время увеличивавшейся свитой, заполонившей улицы, двигался к Храму, где он — этот инцидент хорошо известен — изгнал из Храма менял. Этот поступок также должен был продемонстрировать одну из примет царя Израиля, тешиха, о которой рассказывали пророки. Исаяя называл Храм чистым «домом молитвы»[181], а Иеремия приводил слова Господа: «Не соделался ли вертепом разбойников в глазах ваших дом сей, над которым наречено имя Мое?»[182] Это пророчество прямо цитируется Матфеем[183]. Отрицать это невозможно: Иисус прибыл в Иерусалим намеренно и вел себя так, чтобы предстать в образе избранного мессии Израиля, помазанного царя, приход которого предсказали пророки.

Он знал это. И ничего не скрывал.

Однако все мессии по определению являются помазанниками Божьими. Когда же был помазан Иисус? В Евангелиях от Матфея, Марка и Луки ничего не говорится о помазании до прихода в Иерусалим, и поэтому, если судить только по этим текстам, Иисус, строго говоря, еще не был мессией. Более того, по свидетельству этих Евангелий он только собирался сделать свое заявление, и для этого ему требовалось признание и поддержка народа.

Далее нам рассказывают, что после того, как Иисус изгнал менял из храма, к нему за исцелением подошли слепые и хромые, а дети закричали: «Осанна Сыну Давидову!» Так в третий раз исполнились требования, предъявляемые к мессии: он должен исцелить увечных и быть признан детьми. В Псалме 8 сказано: «Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу»[184]. Книга мудрости Соломона добавляет, что «мудрость открывает уста немым и дает речь младенцам»[185]. Матфей свидетельствует, что сам Иисус в споре ссылался на эти тексты[186]. Затем, после третьей демонстрации отведенной ему роли, Иисус покидает город и уходит в Вифанию, где проводит ночь.

Утром он возвращается в Иерусалим. На этот раз он начинает проповедовать в Храме, рассказывая притчи народу, который собирается, чтобы послушать его. Это раздражает враждебно настроенных священников, которые внимательно следили за всеми его действиями. Именно на второй день произошло главное событие, напрямую связанное с важнейшей проблемой Иудеи — вопросом об уплате налогов римскому императору.

Иисус прекрасно ориентировался в политической ситуации в Иудее, находившейся под властью римлян. Составители Евангелий тоже понимали деликатность этого вопроса. По свидетельству Матфея, фарисеи и сторонники Ирода — обе эти партии поддерживали проримскую власть — подошли к Иисусу и прямо спросили: «...позволительно ли давать подать кесарю, или нет?»[187]

Следует признать, что это был провокационный вопрос. А если рассматривать в контексте тогдашних событий, то даже взрывоопасный. Это был вопрос об уплате налогов, послуживший поводом к восстанию 6 г. н. э., которое возглавил Иуда Галилеянин; это восстание стало началом кровопролития, продолжавшегося пятьдесят лет. Для zelотов — а также многих менее фанатичных евреев — налог был символом угнетения со стороны Рима. Можно не сомневаться, что Иисус понимал, какими последствиями чреват ответ на этот вопрос. Он должен был проявить осторожность, потому что любой ответ приводил к конфликту с одной из политико-религиозных партий. Ответив положительно, он восстанавливал против себя zelотов, а отрицательный ответ вызвал бы неодобрение римлян и тех священников, которые их поддерживали.

Как же поступил Иисус? Ответ нам хорошо известен. Иисус попросил принести монету. Ему дали римский динарий. Он взглянул на монету:

«И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу»[188].

В то время и в том месте это был не просто мудрый и остроумный ответ — нечто вроде цитаты из речи современного политика, — но беспрецедентный и провокационный вызов zelотам.

Представьте себе проблему: zeloty, целью которых было освобождение из-под власти Рима, устроили династический брак между Иосифом, потомком Давида, и Марией из рода священника Аарона, чтобы у них родился ребенок, Иисус «спаситель» Израиля — который одновременно являлся законным царем и первосвященником.

Иисус приступает к исполнению своей роли: входит в Иерусалим как мессия, ведет себя в соответствии с пророчествами, делает все, что от него ожидают, — но лишь до самого важного момента. Поначалу zeloty могли быть довольны развитием событий. Но затем их мессия неожиданно меняет курс. «Платите налоги, — заявляет он. — Это не имеет никакого значения». Его истинное царство — он сам неоднократно это подчеркивал — находится не на земле.

Сторонники Иисуса из числа zeloty, вероятно, были в ярости из-за такого неожиданного и публичного поворота событий. Выпестованный ими мессия отверг их. И они в гневе отвергли его.

Проведя второй день в Храме, Иисус вновь на ночь вернулся в Вифанию. Согласно Евангелию от Матфея до Пасхи оставалось два дня, и Иисус остановился в доме «Симона прокаженного». Однако в Евангелии от Иоанна говорится, что он нашел приют в доме Марии, Марфы и Лазаря[189]. Совершенно очевидно, что одно из Евангелий ошибается, но где бы ни заночевал Иисус, в этом доме произошло необычайное событие: Иисус был помазан. Было ли это признанием его мессией Израиля? Вполне вероятно.

Евангелие от Матфея описывает «женщину», которая подошла к Иисусу «с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову»[190]. В те времена алебастровый сосуд и масло стоили очень дорого. Драгоценное масло и сосуд для него — это не те предметы, которые всегда можно было найти в доме крестьянина или ремесленника. Весь этот инцидент намекает на некий источник богатства, стоящий за близкими к Иисусу людьми. Марк рассказывает ту же историю и добавляет, что драгоценное масло было сделано из нарда — одного из благовоний, которые сжигались в Храме[191]. Иоанн, как всегда, добавляет интересные подробности, называя имя женщины: Мария из Вифании, сестра Лазаря[192].

Большинство современных читателей Евангелий почти ничего не знают о политике и жизни людей той эпохи, и поэтому для них это помазание не имеет особого смысла — возможно, знак уважения или, как утверждают некоторые церковные комментаторы, экстравагантная церемония приветствия почетного гостя. Эти версии вполне логичны, но в данном контексте маловероятны. Для тех, кто жил в первом веке н. э., смысл таких действий однозначен: это помазание на царство. По традиции цари и первосвященники Израиля принимали помазание драгоценным маслом: его лили на голову царя по кругу, как символический венец, и голова священника поливалась по диагонали, крест накрест.

Следует также обратить внимание на утверждение Матфея, что сразу же после помазания Иуда связался с «первосвященниками», чтобы договориться о выдаче Иисуса. По времени это событие настолько близко к помазанию, что между ними нельзя не заподозрить связи. Действия женщины из числа последователей Иисуса явно встревожили власти. Теперь мы можем быть уверены в том, о чем пытается умолчать Евангелие: Матфей волей-неволей свидетельствует, что Иисус был признан и объявлен мессией.

В 1988 году в окрестностях Кумрана неподалеку от Мертвого моря была сделана удивительная находка — завернутый в пальмовые волокна маленький кувшин с маслом, идентифицировать которое так и не удалось; кувшин датируется эпохой Ирода[193]. Археологи предположили, что это мог быть бальзам, которым в древности славился этот регион и который ценился очень дорого — в два раза дороже серебра; этот бальзам использовался для помазания царей. Кувшин мог быть привезен сюда из Иерусалима или использоваться в самом Кумране для помазания «альтернативного» первосвященника. Из рукописей Мертвого моря становится понятным, что кумранская община поддерживала интерес к Храму — целый свиток

со всеми подробностями описывает ритуалы и обряды, которые проводились в этом священном месте[194].

Тем не менее сам метод помазания Иисуса скрывает глубокую тайну — как будто вокруг личности Иисуса накопилось недостаточно тайн. Естественно предположить, что такая церемония должна проводиться группой облеченных властью лиц, либо священников, либо представителей Синедриона, официального или «альтернативного», который создали zeloty — если конечно кто-либо из zeloty захотел иметь дело с Иисусом после инцидента с динарием.

Тем не менее такой человек присутствовал во время помазания. По свидетельству Матфея, Иисус был помазан просто «женщиной» — в Евангелии от Иоанна называется ее имя, Мария «из Вифании» — и происходило это в доме, где она жила с сестрой и братом Лазарем, «которого Он воскресил из мертвых»[195]. В истории миропомазания царей и первосвященников это беспрецедентный случай: церемонию проводила женщина. Неужели женщина подтвердила статус Иисуса и провозгласила его мессией? Именно эта церемония нашла свое отражение в скупых словах Евангелий — подобно комете, закрытой темными облаками[196].

Это событие остается необъясненным по сей день, но игнорировать его нельзя. Оно имело такое значение в христианском мире, и знание о нем получило такое широкое распространение, что изъять упоминание о нем не представлялось возможным. Оно осталось в тех воспоминаниях, которые дошли до наших дней в виде Евангелий. Более того, удивительным представляется тот факт, что церемонию миропомазания Иисуса должна была провести Мария из Вифании, а не другая женщина, которая пользовалась гораздо большим уважением среди его учеников — Мария Магдалина. Если только речь не идет об одной и той же женщине — то есть Мария из Вифании на самом деле была Марией Магдалиной.

В Новом Завете это две разные женщины. Тем не менее, существовала традиция, объединяющая их — традиция, которая была закреплена в официальной доктрине в шестом веке н. э. папой Григорием I. Доказательства такого отождествления, однако, отсутствуют, и оно больше не поддерживается Ватиканом. Но это еще не конец истории.

Любопытная — и довольно убедительная — гипотеза была выдвинута в 1993 году Маргарет Старберд в книге «The Woman with the Alabaster Jar». Как мы отмечали выше, все значимые поступки Иисуса в течение нескольких дней, предшествовавших распятию, полностью соответствовали пророчествам Ветхого Завета. Даже миропомазание Иисуса может рассматриваться как провозглашение еврейского мешиха, чье появление было предсказано. Маргарет Старберд предполагает, что мы можем обнаружить происхождение имени Марии Магдалины в одном из этих пророчеств[197]. Она имеет в виду ветхозаветного пророка Михея, который писал: «А ты, башня стада, холм дочери Сиона! к тебе придет и возвратится прежнее владычество, царство — к дочерям Иерусалима»[198].

Фраза «башня стада» означает высокое место, с которого пастух мог следить за своим стадом. Согласно официальному переводу Ватикана — «Иерусалимской Библии» — здесь имеется в виду Иерусалим. Под «стадом» подразумеваются верующие. Упоминание о холме служит дополнительным доказательством, потому что «холмом» (Офел) назывался район Иерусалима, в котором находился царский дворец. На древнееврейском языке «башня стада» называется Migdal-eder; Migdal переводится как «башня», но имеет еще одно значение — «великий». Маргарет Старберд высказала вполне логичное предположение, что именно от этого слова произошел эпитет «Магдалина» — а не от города Магдала[199]. Другими словами, если это объяснение верно, то Мария из Вифании, Магдалина, жена мессии, была известна как Мария Великая[200].

Если приход Иисуса в Иерусалим был организован таким образом, чтобы исполнились предсказания ветхозаветных пророков, то Мария Магдалина тоже имеет отношение к пророчеству Ветхого Завета о восстановлении царской власти в Израиле.

Получается, что Иисус был миропомазан как мессия собственной женой!

По какой-то причине она имела на это право и обладала достаточной для этого властью. У тех, кто защищает верховенство мужской апостольской власти в Церкви, появляется еще одна неприятная загадка. Совершенно очевидно, что в религиозном движении Иисуса влиянием обладали не только ученики мужского пола.

Что же дальше? Высказывались предположения, что церемония миропомазания представляет собой священный брак. Но это маловероятно: миропомазание не было характерной чертой мистерий классического периода[201]. Не встречается оно и в месопотамских религиях[202], в этом регионе существовала всего лишь одна, если не считать иудаизма, древняя традиция помазания священным маслом — в религии древних египтян. В Египте жрецам во время обряда посвящения лили на голову священное масло.

Ни для кого не секрет, что Новый Завет отличают серьезные контекстные недостатки. Отрицать это невозможно. Составляющие его тексты противоречат друг другу, отрывочны, туманны и пристрастны. Если вскрыть все противоречия Нового Завета, то не останется ничего, кроме в высшей степени предвзятой, догматичной мифологии христианства — и тогда мы можем утверждать, что воспоминания об Иисусе, призывающем платить налоги, представляют собой просто более позднюю вставку с целью убедить греко-римских язычников, принявших христианство, что новая вера политически безопасна и не несет угрозы для Римской империи.

С другой стороны, если признать, что в этих рассказах все же содержатся зерна истинной истории — хоть и скрытой туманом недомолвок, — тогда нужно заняться поиском фактов, сохранившихся под более поздней мифологической надстройкой. Как уже отмечалось выше, сами языческие историки, и особенно Тацит и Плиний, сообщают скудные сведения — а значит, подтверждают факт о том, что еврейский мессия был распят на кресте в бытность Понт и я Пилата прокуратором Иудеи и что в конце первого века н. э. действительно существовало религиозное движение, носившее имя этого мессии. Следовательно, мы вынуждены признать, что Евангелия содержат историческую правду. Но какова ее доля? Оценка зависит от того, какое мы им придаем значение.

Именно теперь на первый план выступают противоречия, содержащиеся в Евангелиях. Одно из них представляется нам особенно значительным.

Мы уже упоминали о том, что Иисус был миропомазан через два дня после прихода в Иерусалим, когда в Вифании сестра Лазаря Мария помазала его драгоценным народным маслом. Таким образом, когда Иисус появился в Иерусалиме перед праздником Пасхи, он еще не был помазан. Строго говоря, он еще не был мессией, прихода которого ждали.

Однако Евангелие от Иоанна рассказывает совсем другую историю. По словам Иоанна, Иисус был миропомазан за шесть дней до Пасхи, еще до прихода в Иерусалим[203]. Поэтому когда он вошел в город и был встречен как мессия, эта восторженная встреча была обоснованной — Иисус уже получил божественное благословение. Кто же говорит правду? Иоанн или трое других евангелистов? Неизвестно. Единственное, что мы можем сказать — в рассказе Иоанна обретает смысл триумфальное появление Иисуса в Иерусалиме, тогда как другие Евангелия не дают этому факту правдоподобного объяснения. Любопытно также, что Иоанн единственный называет имя женщины, помазавшей Иисуса, — Мария, сестра Лазаря.

Попытаемся дальше развить выдвинутую гипотезу: нетрудно представить, что zeloty, разгневанные тем, что Иисус принял мессианское миропомазание и отверг навязываемую ему политическую роль, решили свести ущерб к минимуму. Им требовалось избавиться от Иисуса, чтобы его место занял более послушный лидер — возможно, его брат Иаков, который сочувствовал политическим амбициям zelotov. И действительно, после удаления со сцены

Иисуса руководителем еврейской общины Иерусалима, придерживавшейся мессианских взглядов, стал Иаков[204].

Вполне логично предположить, что именно zeloty выдали Иисуса — если не удалось заполучить лидера, пусть будет хотя бы мученик. Иисус знал, что они должны предать его; интересно также отметить, что считающийся предателем человек, Иуда Искариот, принадлежал к радикальному крылу zelотов, сикариям. Можно предположить, что он, предав Иисуса, остался верен zelотам. Он сделал то, что они хотели. Он указал на Иисуса вооруженным стражникам, которые пришли арестовать его. Когда Иисуса схватили в Гефсиманском саду, он сказал: «...как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями»[205]. Этими словами Иисус показывает — а вместе с ним и Матфей, перу которого принадлежит Евангелие, — что ему были известны политические реалии той эпохи.

Если священники саддукеи хотели избавиться от Иисуса потому, что видели в нем мессию и угрозу собственной власти, и если zeloty жаждали — хотя и по другим причинам — того же, об этом не мог не знать Пилат. И эта информация ставила его в затруднительное положение. Пилат был официальным представителем Рима в Иудее, а главная проблема состояла в том, что евреи отказывались платить налоги императору. И тут появляется лидер — законный царь, — который говорит своему народу, что налоги платить надо. Неужели Пилат мог предать суду, не говоря уже о том, чтобы осудить, человека, который — по крайней мере внешне — поддерживал политику Рима? Пилата самого бы обвинили в нарушении долга, если бы он вынес обвинительный приговор такому человеку.

В Новом Завете говорится, что крови Иисуса требовали евреи. И это обвинение против евреев поддерживалось на протяжении многих веков — Ватикан признал его ложным и исключил из официальных догматов только в 1960 году. Но теперь становится ясно, что ареста и казни требовали не евреи вообще, а непримиримые zelоты, ненавидевшие римлян и ради достижения политических целей готовые принести в жертву даже кого-то из своих. Пилат оказался перед серьезной дилеммой: чтобы сохранить мир в провинции, он должен был судить, вынести обвинительный приговор и казнить еврея, который поддерживал Рим, но само существование которого вызывало беспорядки, раздуваемые недовольными zelотами. Пилату, который должен был совершить невозможное, требовалась сделка.

И эта сделка, как мне представляется, заключалась в следующем: он будет судить Иисуса и обвинит его в политической агитации, тем самым умиротворив zelотов, которые грозили массовыми беспорядками. Меньше всего Пилату были нужны волнения во вверенной ему провинции — он знал, что и без этого утрачивает расположение Рима. Но обвинив Иисуса и приговорив его к распятию, он не мог допустить, чтобы весть о его смерти дошла до Рима. Поэтому Пилат предпринял меры к спасению Иисуса. Он поговорил с членом Синедриона и другом Иисуса Иосифом Аримафейским.

Но как удалось симитировать распятие? Каким образом Иисус остался жив? Можно ли выжить, провисев некоторое время на кресте?

Распятие представляло собой не столько казнь, сколько смертельную пытку. Процедура была очень проста: жертву связывали и подвешивали на крест таким образом, чтобы ее ноги опирались на деревянную колоду у основания креста. Обычно ноги осужденного тоже привязывались к колоде, хотя археологи обнаружили, что как минимум в одном случае использовались гвозди, вбиваемые в лодыжки[206]. Вес висящего тела затруднял дыхание, и для того, чтобы дышать, нужно было постоянно отталкиваться ногами, ослабляя нагрузку на грудную клетку. В конечном итоге силы оставляли жертву, и она больше не могла отталкиваться ногами. Тело обвисало, дышать становилось невозможно, и распятый погибал от удушья. Пытка длилась около трех дней[207].

В качестве акта милосердия — только жестокие римляне могли назвать это милосердием — жертве перебивали ноги, лишая возможности поддерживать вес тела. Тело

повисало на кресте, и жертва быстро задыхалась. Об этом можно прочитать в Новом Завете. Иоанн рассказывает, что голени двух золотых, которых распяли, рядом с Иисусом, были перебиты, но когда воины подошли к Иисусу, чтобы тоже перебить ему ноги, то «увидели Его уже умершим»[208].

Таким образом, выжить после распятия было очень трудно, но возможно. Так, например, Иосиф Флавий рассказывает, как увидел трех своих бывших товарищей среди большой группы распятых. Он подошел к Титу и попросил помиловать их. Тит согласился и приказал снять этих троих с крестов. Двое несчастных умерли, несмотря на помощь лекарей, а третий выжил[209].

Может быть, Иисус тоже пережил распятие, как человек из рассказа Иосифа Флавия? В исламе есть легенды, которые утверждают именно это. Строки Корана о том, что «они не распяли его», можно перевести и по-другому: «они не убили его на кресте»[210]. Однако Коран был написан гораздо позже, хотя при его составлении, вне всякого сомнения, использовались старые документы и предания. Возможно, более убедительным следует считать утверждение Ириней Лионского, жившего во втором веке н. э. Критикуя воззрения египетских гностиков, последователей Василида, он объясняет: эти еретики верят, что Иисуса подменили по пути на Голгофу и что вместо него на кресте умер Симон Кириянин.

Но если Иисуса не подменили, а он все же остался жив, как это могло случиться? Хью Шонфилд в книге «The Passover Plot» высказывает предположение, что Иисус на кресте находился в состоянии наркотического опьянения, так что он казался мертвым, но затем, после снятия с креста, пришел в себя[211]. Эта довольно правдоподобная гипотеза нашла своих сторонников. Так, например, в телевизионной программе BBC «Умер ли Иисус?», посвященной распятию Христа и вышедшей в эфир в 2004 году, Элейн Пейджелс ссылаясь на книгу Шонфилда, «которая предполагает, что Христос находился на кресте в бессознательном состоянии и что его сняли довольно быстро, благодаря чему он смог выжить». Далее она делает вывод, что такой сценарий вполне вероятен[212].

В Евангелиях приводится любопытная подробность, которая находит объяснение в этой гипотезе: распятый Христос пожаловался на жажду. На длинном шесте ему подали губку, смоченную в уксусе. Однако вместо того, чтобы придать Иисусу сил, уксус ускорил его смерть. Эта странная реакция заставляет предположить, что губка была смочена не уксусом, а какой-то жидкостью, которая должна была не взбодрить Иисуса, а наоборот, привести его в бессознательное состояние — возможно, это был наркотик. На Ближнем Востоке были знакомы с таким веществом.

Известно, что губка, пропитанная смесью опиума с другими компонентами, например, белладонной и гашишем, использовалась в качестве анестетика. Такие губки могли вымачиваться в растворе, а затем высушиваться, что делало их удобными для транспортировки. При необходимости привести человека в бессознательное состояние — например во время хирургической операции — губку вымачивали в воде, чтобы активировать наркотики, а затем прикладывали к носу и рту пациента, в результате чего он быстро терял сознание. Жалоба на жажду, поднесение губки с уксусом и быстрая «смерть» Иисуса дают основание предположить, что причиной «смерти» была пропитанная наркотиками губка. Несмотря на всю тщательность «инсценировки» (предназначенной для того, чтобы Иисус выжил), никто не мог предсказать, какое воздействие окажет на него перенесенный шок. Как бы то ни было, распятие — это тяжелейшая физическая и психическая травма. Бессознательное состояние ослабляет травматическое воздействие и повышает шансы выжить — так что наркотик был полезен и в этом отношении.

В Евангелиях приводятся и другие удивительные подробности: Иоанн говорит о том, что бок Иисуса проткнули копьем, и из раны потекла кровь. На первый взгляд из этого утверждения следуют два вывода. Во-первых, копье пронзило не сердце и не голову Иисуса, и поэтому рана не представляла непосредственной угрозы для жизни. Во-вторых, вытекающая из раны кровь свидетельствовала, что Иисус еще жив.

Таким образом, Иисуса, не подававшего признаков жизни, но на самом деле находившегося в бессознательном состоянии, могли снять с креста и отнести в частный склеп, где с помощью лекарств его привели в чувство. А затем быстро увезли. Именно об этом свидетельствуют Евангелия: Лука и Иоанн сообщают, что Иисуса положили в находившийся неподалеку новый гроб. Матфей добавляет, что гроб принадлежал богатому и влиятельному человеку по имени Иосиф Аримафейский. Иоанн, который обычно приводит многочисленные подробности, говорит, что гроб находился в саду[213], из чего можно сделать вывод, что это было частное владение — не исключено, что Иосифа Аримафейского.

Иоанн также подчеркивает, что Иисуса спешили снять с креста и положить в гроб. Затем он добавляет любопытный факт: у Иосифа Арифамейского был помощник по имени Никодим, который приходил к гробу ночью и принес большое количество благовоний, мирра и аллоя[214]. Вполне возможно, что это действительно были благовония, хотя существует и другое, не менее правдоподобное объяснение. Оба вещества применялись в медицине — особенно мирр, который применялся для остановки кровотечения. Нам неизвестно, чтобы какое-то из этих благовоний использовалось для умащения мертвого тела. Марк и Лука так же касаются этой темы, дополняя историю о гробе рассказом о том, что две женщины — Мария Магдалина и Мария, «мать Иакова» — пришли к гробу по окончании субботы и принесли с собой масла и благовония[215].

Вызывает удивление также, что Иисуса распяли рядом с садом и гробом, причем последний — как минимум — принадлежал Иосифу Аримафейскому. Странное совпадение, если не сказать больше. Может быть, распятие тоже было приватным? Чтобы исключить лишних свидетелей? Лука говорит, что толпа наблюдала за казнью издали[216]. Возможно, их держали на расстоянии? Описание событий, происходивших на Голгофе, вызывает подозрение, что на самом деле распятие происходило в долине Кедрон, где до наших дней сохранились вырубленные в скале гробницы и где расположен Гефсиманский сад, который мог быть тем самым частным садом и который хорошо знал Иисус.

Нельзя не отметить и еще одну странность: в Евангелии от Марка говорится, что Иосиф Аримафейский пришел к Пилату и попросил отдать ему тело Иисуса. Пилат спросил, умер ли Иисус, и был удивлен ответом — по его мнению, смерть наступила слишком быстро. Но поскольку Иисус умер, Пилат разрешил Иосифу снять его тело с креста. Если мы обратимся к оригинальному греческому тексту, то заметим важную особенность: когда Иосиф просит отдать ему тело Христа, он употребляет слово *soma*. В греческом языке его употребляют по отношению к телу живого человека. Когда же Пилат дает разрешение Иосифу снять тело Иисуса с креста, он употребляет слово *ptoma*[217]. Оно означает мертвое тело, или труп. Другими словами, греческий текст Евангелия от Марка не оставляет сомнений в том, что Иосиф просил тело живого Иисуса, а Пилат отдал ему тело, которое считал мертвым. Здесь, в оригинале Евангелия, раскрывается тайна — Иисус остался жив.

Если бы составитель Евангелия хотел скрыть этот факт, то сделать это было очень легко — нужно было просто использовать одно и то же слово в речи Иосифа и Пилата, то есть, *ptoma*, или труп. Однако Марк предпочел оставить противоречие. Может быть, этот факт был слишком хорошо известен и не оставлял возможности для манипуляций? Пришлось ждать перевода Нового Завета с греческого на латынь: в латинской Библии — Вульгате — и Пилат, и Иосиф Аримафейский используют одно и то же слово *corpus*, которое означает просто «тело», а также «труп». Тайна распятия теперь была надежно скрыта.

И вновь, лишь небольшое отступление от богословских догм позволяет по-новому взглянуть на распятие.

Во время допроса Иисус сказал Пилату: «Царство Мое не от мира сего»[218]. Далее он объясняет: «...если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня». Это еще одно заявление, помимо совета платить налоги, которое должно было рассердить непреклонных zelотов.

Но что в действительности означают эти слова? Более того: откуда у Иисуса такие взгляды, отличавшиеся от взглядов его политически активных соратников и современников?

Вряд ли он почерпнул эти идеи в Галилее, поскольку Галилея была оплотом zelотов. Zelоты должны были руководить образованием и подготовкой Иисуса, особенно с учетом предназначенной ему роли. И даже если он по какой-то причине склонялся к убеждениям и политическим взглядам, которые совпадали с интересами римлян, zelоты должны были знать о том, что его точка зрения изменилась, и помешать ему войти в Иерусалим как будущему messии.

Все это позволяет предположить, что у Иисуса был свой план — в него входило не только миропознание на роль messии женщиной близкого круга, но и меры предосторожности, чтобы zelоты узнали об этом слишком поздно. Нам ничего не остается, кроме как прийти к выводу, что мировоззрение Иисуса формировалось в другом месте.

Ключ к этой загадке можно отыскать в очень странном заявлении Иисуса, которое приводится в одном из Евангелий. Иисус говорит: «... если око твое будет чисто, то и все тело твое будет светло»[219].

С таким откровенным мистицизмом, который больше не встречается ни в Новом Завете, ни в учениях zelотов, мы сталкиваемся в рукописях Мертвого моря. Это уникальное явление для иудаизма. Мы вынуждены сделать вывод, что Иисус был посвящен в других землях. Он был знаком с Божественным Светом, о котором говорили мистики на протяжении нескольких тысячелетий.

Необходимо подробнее разобраться в этих словах Иисуса, поскольку мы считаем их очень важными. Они являются той осью, на которой держится вся правда об Иисусе. Если мы сумеем понять это заявление, то сумеем понять Иисуса: мы поймем, почему он порвал с zelотами и почему с тех пор Церковь распространяет о нем лживые сведения. Церкви приходится поддерживать эту ложь, потому что если правда откроется, это будет означать ее крах. Именно это важно.

Есть лишь одно место, где могли сформироваться подобные взгляды Иисуса. Единственное место, где жили евреи и где такого рода мистические учения открыто обсуждались и преподавались, и где политика не имела такого влияния, как в Иудее. Этим местом был Египет.

Невозможно понять Иисуса, его учение и события первого века н. э. в Иудее, не познакоившись с жизнью евреев в Египте.

Глава 8. ИИСУС В ЕГИПТЕ

Никто не знает, где именно жил Иисус с отрочества и до того момента, как он появился в Галилее, чтобы принять крещение от Иоанна Крестителя. Апостол Лука говорит, что Иисус крестился в пятнадцатый год правления императора Тиберия — это 28 или 29 год н. э. — и добавляет, что в это время Иисусу было около тридцати лет[220]. Уверенным можно быть лишь в одном: Иисус мог жить где угодно, только не в Израиле.

Этот вывод подсказывает логика самих Евангелий: если бы Иисус жил в Иудее, Галилее или Самарии, этот факт несомненно упоминался бы вместе с необычными, и даже чудесными, признаками его будущего величия — точно так же, как Матфей, Марк, Лука и Иоанн описывают события его детства и те, что произошли уже после крещения.

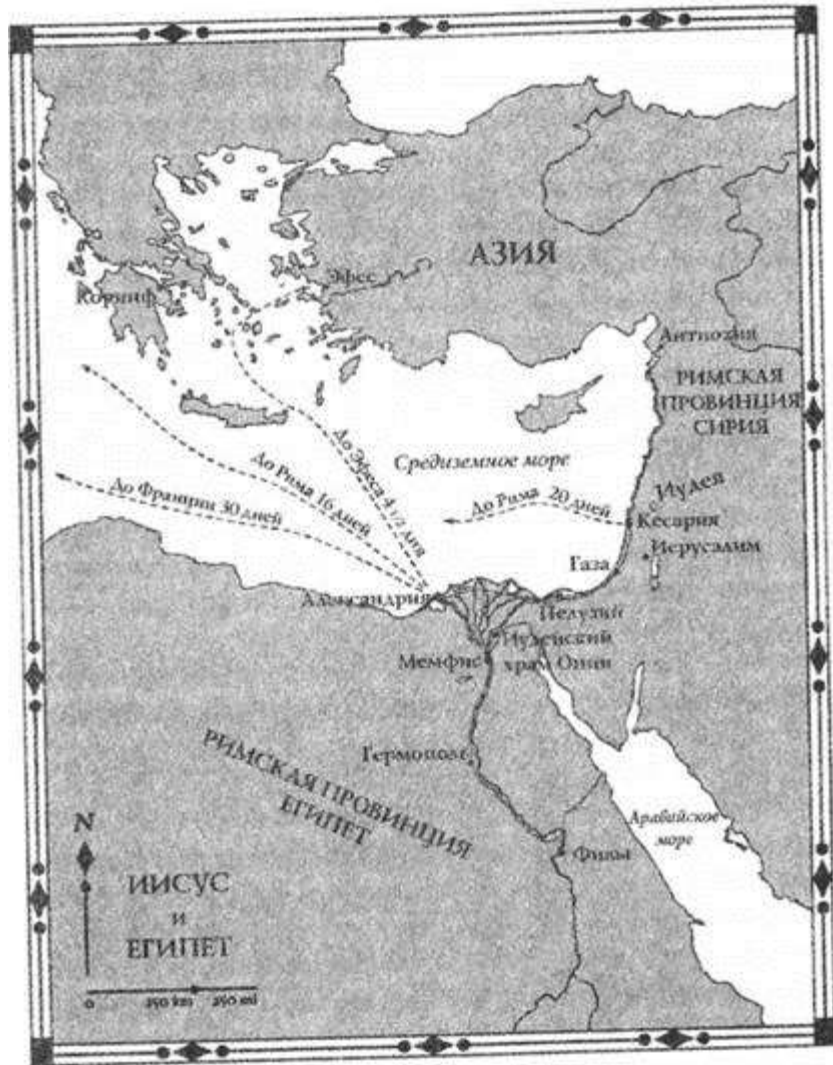
Несмотря на то, что Евангелия в первую очередь рассказывают о деяниях Иисуса после крещения, в них также приводятся некоторые подробности его рождения, переездов его семьи, а также — что примечательно — его спора со священниками Храма, когда ему исполнилось двенадцать лет[221]. Рассказывая об этом свидетельстве глубокого понимания Иисусом вопросов веры, хотя бы одно из Евангелий должно было упомянуть о других подобных случаях, особенно после того, как он стал взрослым. Но удивительное дело — во всем Новом Завете ни слова не говорится о следующих восемнадцати годах — лучшей поре жизни Иисуса.

Есть и еще одна странность: Матфей, Марк и Лука сообщают, что Иисус жил в Галилее, в городе Назарете.

Лука добавляет некоторые подробности: Иисус провел там детство, а его родители каждый год отправлялись в Иерусалим на праздник Пасхи. Именно во время одного из таких посещений Иисуса обнаружили в Храме среди ученых-богословов, обсуждающего вопросы веры. К сожалению, у нас нет доказательств даже того, что город Назарет действительно существовал во времена Иисуса. Первое упоминание о нем появляется только в третьем веке н. э. [222]. Не может ли этот рассказ о дискуссии в Храме быть своего рода иллюстрацией к тому периоду жизни Иисуса, о котором ничего неизвестно?

Судя по Евангелиям, Иисус как будто «исчез» в период отрочества и юности. Однако именно в эти годы он приобрел убеждения и знания, которые затем проповедовал. Кем же тогда он был? И почему его местопребывание держалось в тайне? Может быть, его нашли «охотники за талантами» из числа священников или раввинов, а затем увезли, чтобы почти два десятилетия обучать тайным знаниям? Не подлежит сомнению, что ученики должны были знать, где жил Иисус. Но чему могло угрожать раскрытие этой информации? Какие проблемы могли возникнуть? Нам никак не удастся уйти от вопроса, какие причины заставляли авторов Евангелий скрывать правду.

Пробел в сведениях о жизни Иисуса был замечен учеными много лет назад и открыл дорогу к многочисленным спекуляциям. Высказывались предположения, правдоподобные и не очень, о его путешествиях на Восток, за пределы Римской империи, в Парфию, Персию или даже в Афганистан и Индию. Даже в наши дни многие верят, что гробница Юз-Асаф в Кашмире принадлежит Иисусу, который выжил после распятия и вернулся на Восток, где и умер. Существуют даже гипотезы, что в детстве Иисус изучал буддизм — по мнению их приверженцев, это объясняет параллели, которые можно усмотреть в учениях Христа и Будды. Члены одной из первых христианских общин, центр которой находился в индийском городе Малабар, утверждали, что она была основана апостолом Фомой. Значит, Иисус вполне мог добраться до тех мест, куда добирался Фома[223].

Главные дороги в Египет в эпоху переселения Святого Семейства

На первый взгляд утверждение — в любой его форме — о путешествии Иисуса на Восток достойно внимания, однако доказать его крайне сложно. Хью Шонфилд в своей работе «The Essene Odyssey», впервые изданной в 1984 году, исследует гипотезу, связанную с Кашмиром. Ему удалось выяснить, что некая группа или лидер мессианского течения иудаизма — зелотов — действительно покинул территории, контролируемые римлянами, и направился на северо-восток, добравшись в конечном итоге до Индийского субконтинента.

Шонфилд был твердо убежден в существовании документов, подтверждающих этот «исход». В 1988 году, незадолго до смерти, он в личной беседе со мной рассказал, что сузил круг поисков решающих доказательств до несторианского монастыря в окрестностях иракского города Мосула, но тамошние монахи — их называют ассирийскими христианами — отказали ему в доступе к этим документам. Он не объяснил мне, о каком монастыре и каких документах идет речь. Думаю, он все еще надеялся получить их и решил не раскрывать эту информацию. Тем не менее ключ к разгадке этой тайны можно найти в самой книге «The Essene

Odyssey», в том фрагменте, где автор ссылается на арабского историка Абд-аль-Джаббара, который, по всей видимости, имел доступ к ценным иудео-христианским документам шестого или седьмого века н. э. Эти документы хранились в монастырях, предположительно несторианских, в окрестностях Мосула[224]. Разумеется, все это было задолго до двух иракских войн против Саддама Хусейна. Остается только гадать, сохранились ли эти монастыри и документы.

По мнению Шонфилда, эти сторонники мессианского течения в иудаизме, а также другие группы покидали Палестину из-за гонений, которые к концу первого века постепенно усиливались. Можно понять их стремление просто перебраться в более безопасное место, где удалось бы без помех сохранить верования общины. Однако Иисус не укладывается в эту схему. До того момента, как он принял крещение и приступил к исполнению своей миссии, он не привлекал к себе внимания ни римлян, ни проримски настроенных официальных властей Иудеи. В любом случае имелось множество других zelotim, жаждавших конфликта — особенно с учетом того, что римляне не оставляли попыток поместить изображения императора в Иерусалимском Храме. Решительное сопротивление евреев этим попыткам свидетельствовало, что ненависть к римлянам не ослабевала. Чем бы ни занимался Иисус в это время, до нас не дошло никаких сведений о его причастности к этому сопротивлению, которое имело все признаки того, что здесь не обошлось без zelotim. Поэтому у него не было причин бежать за пределы Римской империи. Его отъезд из Иудеи или Галилеи мог быть только добровольным, а не вынужденным. Но куда он мог направиться и почему?

В Библии имеется один-единственный намек — в Ветхом Завете, но нашедший отражение и в Новом Завете. Мы уже отмечали, что для Иисуса было крайне важно вести себя в точном соответствии с предсказаниями ветхозаветных пророков, описывавших приход мессии. Эти предсказания исполнились во время прихода Иисуса в Иерусалим, когда он, наконец, публично заявил о своих претензиях на мессианство. Поэтому можно ожидать, что любые пророчества Ветхого Завета, имевшие отношение к мессии, не останутся без внимания и найдут применение.

В действительности же эти пророчества ограничивали Иисуса. Они устанавливали набор правил, с помощью которых должно было выражаться мессианство Иисуса. Особый интерес вызывает предсказание пророка Осии: «Когда Израиль был юн, Я любил его и из Египта вызвал сына Моего»[225]. Матфей ссылается на это древнее пророчество, довольно туманно рассказывая о том, что Святое семейство бежало в Египет, когда Иисус был еще ребенком: «...да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: из Египта воззвал Я Сына Моего»[226].

Тут неизбежно возникает вопрос: почему «из Египта»? Это незначительная деталь в рассказе апостола Матфея, и именно так к ней относится Римско-католическая церковь. Но для коптской церкви Египта, которая отделилась от Рима в 451 году после Вселенского собора в Халкидоне, этот вопрос имеет огромное значение. На протяжении тысячи лет коптская церковь хранит легенду о путешествии Святого семейства в Египет, о городах, которые они посетили, и о чудесах, происходивших в присутствии Иисуса. Эта легенда называется «Видение Феофила». Феофил был патриархом Александрийским и главой Египетской церкви с 385 по 412 г. н. э., но «Видение» было записано лишь в одиннадцатом или двенадцатом веке.

Учитывая в высшей степени религиозный характер этой истории, а также ее использование для доказательства уникальности и божественности Иисуса, можно прийти к выводу, что ее теологическое значение выходит далеко за рамки верований еврейской общины в Египте — общины, которая могла дать приют семье Иисуса. Более того, те же самые факторы позволяют отнести происхождение ее теологии к эпохе, следовавшей за Никейским собором 325 г. н. э. Не подлежит сомнению, что «Видение» является продуктом христианского мировоззрения четвертого века н. э., а не иудаизма или иудео-христианства. Поэтому этот текст не может считаться достоверным историческим свидетельством, хотя в нем вполне могут

содержаться некоторые фрагменты реального путешествия. Необходимо задаться вопросом: чьи интересы обслуживает эта история? Кто выиграл от ее появления?

Несмотря на чисто христианский контекст, «Видение» свидетельствует, что в эпоху крестовых походов, когда Египет уже несколько столетий находился под властью мусульман, нашлись люди, стремившиеся связать Иисуса с Египтом. Может быть, эту историю сочинили для того, чтобы побудить крестоносцев вторгнуться в Египет и освободить коптскую церковь из-под власти мусульман? Не исключено, хотя при более глубоком анализе эта гипотеза выглядит не очень убедительной: коптская церковь уже шестьсот лет спорила с Римом, а мусульманские правители относились к ней терпимо. Больше всего выигрывало от появления этой истории Евангелие от Матфея: подтверждались приведенные в нем сведения о бегстве Святого семейства в Египет. Пользу могла извлечь и коптская церковь, хотя это и не так очевидно. Если Евангелие от Матфея получит подтверждение, то многочисленные святые места Египта, упомянутые в нем, станут официальными местами паломничества. А паломники — это торговля и деньги.

Несмотря на все недостатки этого текста, в его основу, по всей видимости, легли устные легенды и предания. А местные легенды отвергать опасно, потому что народная память очень сильна. Вне всякого сомнения, присутствие евреев в Египте было давним и значительным... достаточно значительным, чтобы оправдать появление этой истории уже в исламскую эпоху.

Еврейская община Египта была не только многочисленной, но и очень влиятельной. Как союзники греческих завоевателей из династии Птолемеев они по своему общественному положению были выше коренных египтян, которые с приходом завоевателей превратились в граждан второго сорта в собственной стране и были практически бесправными. Птолемеи даже не стремились выучить египетский язык. Только последняя представительница этой династии, Клеопатра, знала язык страны, которой правила. Естественно, унижения и обиды стали причиной сопротивления завоевателям. Крупные восстания произошли в Фивах (современный Луксор) в конце третьего века до н. э., когда там за короткий период времени были провозглашены три фараона. Этот националистический мятеж был подавлен, но на протяжении всего второго века до н. э. предпринимались серьезные попытки избавиться от иноземного ига.

Тем не менее небольшой группе завоевателей удавалось держать в узде огромные массы местного населения при помощи бесчисленных правил и ограничений, а также социального гнета, который вел к психологической деградации и разрушал уверенность в себе. Подобные методы и приемы искусно применялись Британской империей в Индии.

Еврейская эмиграция в Египет была значительной, и особенно ей способствовало упразднение границ между Израилем и Египтом с 302 по 198 г. до н. э., когда Израиль входил в состав империи Птолемеев. Эти иммигранты быстро усваивали господствовавшую в стране греческую культуру; они учили греческий язык, брали себе греческие имена, перенимали многие греческие обычаи в коммерции и общественной жизни — например, объединялись в торговые ассоциации, собрания которых проводились в синагогах. Они практически забыли родной язык, выбрав для повседневного общения греческий. Во многих синагогах даже богослужения велись на греческом языке.

Все это можно приписать влиянию Александра Македонского. Он завоевал Египет в 332 году до н. э., а после окутанного тайной посещения храма Амона в оазисе Сива был объявлен «Сыном Бога» и фараоном. В 331 г. до н. э. он основал город Александрию — как эллинистический город в Египте, а не как египетский город. Правда, ему не было суждено увидеть, как Александрия превратится в величайший греческий город эллинистического мира: по величине и влиянию Александрия превзойдет даже Афины[227]. Александр умер загадочной смертью в 323 г. до н. э. во время похода на Вавилон. Созданная им империя была разделена между полководцами. Птолемей получил Египет и стал основателем прославленной

династии Птолемеев, которая прервалась лишь со смертью знаменитой Клеопатры в 60 году н. э. Селевку досталась Сирия, и он сделал своей столицей Антиохию.

При Птолемеях экономика Египта расцвела. Во-первых, он поставлял зерно Риму, и можно без преувеличения сказать, что судьба императоров была неразрывно связана с бесперебойностью этой торговли. Экономические успехи позволяли Птолемеям содержать мощную армию и флот. Страна процветала — ежегодный доход был эквивалентен примерно 288 тоннам золота. Царский банк Александрии: принимал вклады, выдавал закладные под недвижимость и денежные ссуды. Чрезвычайно богатой была и культурная жизнь — во многом благодаря крупнейшей в мире библиотеке.

Пассажиры любого судна, прибывавшего в порт Александрии, обыскивали, и найденные у них книги копировались; оригиналы затем конфисковывали и передавали в библиотеку, а копии вручали бывшим владельцам. Кроме того, Птолемеи покупали библиотеки по всему миру; говорят, что в конечном итоге в Александрийской библиотеке было собрано около семисот тысяч свитков, большая часть которых хранилась на стеллажах семи больших залов главного здания, Музеона, а чуть более сорока тысяч рукописей размещались в малой библиотеке, в храме Сераписа.

Результатом расцвета экономики и культуры стало появление новых городов и рост старых. Еврейская община Александрии была самой многочисленной во всей Римской империи, если не считать Израиля. В Египте жили триста тысяч евреев — половина в провинциальных городах или в сельской местности, а половина в Александрии.

Еврейская община имела собственный квартал в восточной части Александрии, но его ни в коем случае нельзя назвать гетто, потому что евреи жили и в других районах города, а еврейская община пользовалась огромным уважением. Еврейская община имела относительную автономию. Здесь были свои суды, в которых председательствовал этнарх, а образованные члены общины занимали высокие должности по всей стране. Так, например, при правлении Птолемея VI и Клеопатры II во втором веке до н. э. управление всем Египтом, а также контроль над армией и флотом находились в руках двух евреев, Они и Досифея. В армии Клеопатры III, занимавшей трон с 115 по 101 год до н. э., тоже были два военачальника еврея[228].

Разумеется, у евреев были давние связи с Египтом — даже если не принимать в расчет факты, стоящие за историей Иосифа или Моисея. Достоверно известно, что еврейские воины нанимались на службу к фараонам еще в седьмом веке до н. э., когда они принимали участие в военных походах на юг, в Нубию. Пророк Иеремия, изливая свой гнев на еврейские колонии в Египте, говорил о том, что Мемфис, который в ту эпоху был столицей Египта, служил базой для одной из таких экспедиций, а также упоминал другие города в Верхнем и Нижнем Египте[229].

Судя по текстам на древних папирусах, обнаруженных археологами, в пятом веке до н. э. было основано еврей с кое военное поселение на острове Элефантина, неподалеку от современного города Асуан. Этот остров на Ниле служил форпостом, защищавшим южные границы страны[230]. Колония состояла из крепости, таможни, поселка для воинов и их семей; причем всем были пожалованы участки земли, которые могли прокормить их после демобилизации.

На острове был храм египетского бога Хнума, а для еврейской общины построили храм Иеговы. Эти два храма стояли рядом. Почти весь шестой век до н. э., после того, как Иерусалимский Храм был разрушен, а население Израиля угнали в вавилонский плен, храм на острове Элефантина был единственным действующим иудейским храмом, поддерживающим пламя веры при помощи обязательных жертвоприношений.

К сожалению, отношения между евреями и египтянами оставались напряженными, и при царе Дарий (522–486 г. до н. э.), когда в Египте правили персы, египтяне, жившие на острове

Элефантина, разрушили храм Иеговы. Разрешение официальных властей на его восстановление было получено лишь в 406 г. до н. э., и в 401 г. до н. э. храм вновь открылся. Однако вскоре его снова разрушили, и с тех пор о еврейском военном поселении на Элефантине ничего не было слышно[231]. В 400 г. до н. э. Египет освободился от персидских завоевателей, и на трон взошел новый фараон. Вероятно, главную роль в уничтожении еврейской колонии сыграл националистический фактор.

Специалисты из немецкого археологического института в Каире до сих пор ведут раскопки этой крупной еврейской колонии. Несмотря на то, что их находки замалчиваются — маленький музей в Элефантине не упоминает о том, что это было еврейское поселение, — археологи считают раскопки многообещающими.

При посещении этого места меня поразили грандиозные развалины еврейского города: почерневшие руины многоэтажных домов из глиняных кирпичей, разделенные узкими улицами, примостились на высокой южной оконечности острова, откуда открывался вид на Нил и проплывающие по нему фелюги с парусами, похожими на белые крылья чаек над синей водой, на скалистые островки и огромные золотистые дюны на восточном берегу реки.

Археологи, работавшие на месте раскопок, рассказали мне, что они находили острака — глиняные черепки, которые использовались для записей — с арамейским текстом, содержащим еврейские имена, а также названия улиц. Судя по руинам, еврейскую общину на острове ждал трагический конец: все дома были уничтожены огнем. Та же судьба постигла храм Иеговы. Разрушенный храм Хнума датируется эпохой Птолемеев и, вероятно, был возведен на фундаменте более древней еврейской постройки. Доказательством тому служит его расположение рядом с еврейским городом — странное место для языческого храма. Однако храм Иеговы на острове Элефантина был не последним еврейским святилищем в Египте.

Это почти тайна. И ее явно скрывали. При жизни Иисуса в Египте был действующий иудейский храм, в котором священники совершали обязательные ежедневные жертвоприношения — точно так же, как это делалось в Иерусалиме. Более того, этот храм претендовал на то, что он единственный во всем еврейском мире, где проводят богослужения законные священнослужители. Он на несколько лет — как минимум — пережил разрушение Иерусалимского Храма.

Его претензия на то, чтобы считаться единственным храмом, в котором служат истинные священники иудейской веры, находит подтверждение в многочисленных источниках, дошедших до наших дней. Практически каждый из этих источников признает, что его священники, в отличие от священников Иерусалима, были настоящими садокидами — то есть законными преемниками или наследниками священников из рода Аевиев, «сынов Садока», о которых пророк Иезекииль говорил, что Бог позволил им лицезреть его и совершать богослужения в храме[232].

Это наследие имело большое значение для членов общины, которые были авторами рукописей Мертвого моря: они называли себя «сынами Садока» и очень серьезно относились к своим обязанностям. И действительно, в одной из рукописей, так называемом «Дамасском документе», который раньше называли «Садокидский документ», мы находим такие слова:

«Сыны Садока — это избранники Израиля»[233].

Профессор Джоан Тейлор из новозеландского университета Ваикато, одна из немногих современных ученых, исследовавших храм, пришла к выводу, что он явно считался центром садокидов[234]. Это сближает его с рукописями Мертвого моря и связывает с нашей историей.

Одна из многочисленных тайн, окружающих рукописи Мертвого моря, имеет отношение к пещере № 7 в Кумране. Все обнаруженные в этой пещере тексты — фрагменты Исхода, отрывок из послания Иеремии и семнадцать небольших фрагментов, идентифицировать которые не удалось, написаны на греческом языке на листах папируса. Все остальные рукописи, найденные в других пещерах, написаны на пергаменте на древнееврейском или

арамейском языке. Учитывая тот факт, что кумранская секта крайне враждебно относилась к иноземцам, трудно предположить, что она принимала в свои ряды греков. Единственное логичное объяснение состоит в том, что среди членов общины были zeloty, родным языком которых был греческий и которые не знали ни древнееврейского, ни арамейского. Где могли жить такие евреи, и в добавок к тому zeloty? Теперь мы знаем, что они могли жить в Египте.

Невероятно, но даже сегодня существование руин этого храма является довольно деликатной темой. Давным-давно историк Иосиф Флавий, движимый какими-то своими мотивами, решил ограничиться туманными заявлениями, описывая некую раскольническую секту, которая действовала в нарушение еврейских законов. Считается, что цель этого заявления — объявить незаконным любой храм, кроме Иерусалимского Храма. Даже современная «Еврейская энциклопедия» вторит Иосифу, принижая значение этого храма:

«Храм выполнял религиозную функцию в еврейской общине Египта, сохранявшей преданность исключительно Храму в Иерусалиме»[235].

Ученое сообщество единодушно поддерживает эту точку зрения: историк из Оксфорда профессор Геза Вермес описывает этот храм как нелегитимное сооружение, построенное «в прямое нарушение библейского закона»[236]. Он заявляет — не приводя доказательств, — что его строительство «должно было возмутить любого благочестивого жителя Палестины и даже тех священников, которые принадлежали к династии садокидов или являлись ее сторонниками»[237]. Интересно, что он имеет в виду?

История основания этого еврейского храма в Египте очень проста: в первые годы своего правления династия Птолемеев владела и Израилем, и Египтом. Но поскольку налоги платились исправно, правители Египта с радостью отдали Израиль под юрисдикцию первосвященника и его совета. Первосвященник был чем-то вроде наместника. Ему подчинялась еврейская армия, которую он предоставлял в распоряжение Птолемеев.

В 200 г. до н. э. правитель Сирии Селевкид захватил Израиль. В 175 г. до н. э. на престол взошел Антиох Эпифаний, который решил усилить свое влияние в Иудее и Египте; в 170 г. до н. э. он напал на Иерусалим и на Египет. Первосвященник из династии садокидов Ония III, близкий друг Птолемея VI, поддержал египтян, и еврейская армия вместе с египетской выступила против Селевкидов. Но сирийцы оказались сильнее, и Ония вместе с другими священниками был вынужден бежать в Египет. Тем временем Иерусалимский Храм перешел в ведение священников, не принадлежавших к династии садокидов и поддерживавших сирийского правителя.

В 169 г. до н. э. Антиох Эпифаний вновь вторгся в Израиль, на этот раз захватив сокровища Храма. В следующем году он напал на Египет, но Рим, мощь которого неуклонно росла, вынудил его отступить. Римляне хотели обеспечить бесперебойную поставку зерна. В 167 г. до н. э. Антиох Эпифаний запретил проводить богослужение в Иерусалимском Храме и устроил в нем святилище Зевса. Это оскорбление привело к восстанию оставшихся в Иудее евреев; восстание возглавили Маккавеи.

Находившийся в изгнании Ония хотел, чтобы предначертанные законом храмовые богослужения не прерывались. В дельте Нила он нашел храм Бубастиса, давно лежавший в руинах, и обратился к Птолемею, чтобы тот позволил ему восстановить здание и использовать его в качестве иудейского храма. Птолемею согласился. Говорят, что новый храм был построен по образцу иерусалимского. Примечательно, что богослужения в нем вели священники из рода Садока. В этом смысле он действительно был единственным легитимным храмом евреев. Но поскольку он находился за пределами Иудеи, статус его оставался неопределенным. Скорее всего, эти легитимные богослужения предполагалось поддерживать в Египте до тех пор, пока Храм в Иерусалиме вновь не перейдет в руки законных священников, и после этого священники храма в Египте немедленно вернуться туда.

К сожалению, этого не произошло, и храм в Египте просуществовал еще двести лет.

Совершенно очевидно, что этот египетский храм был нелегитимен и его сооружение противоречило еврейскому закону. Сохранились записи теологических дискуссий, связанных с этим храмом, и особенно споры по поводу того, молено ли присягать в египетском храме, а не в Иерусалиме и допустимо ли священнику из Египта проводить службу в Иерусалимском Храме[238]. Эти дебаты свидетельствуют, что богословы того времени находили аргументы для обеих точек зрения. Другими словами, в Торе не содержится прямого запрета на существование построенного Онией храма.

Поэтому мы имеем полное право подробнее познакомиться с историей этого храма и попытаться понять, почему его существованию придавали такое значение и тщательно замалчивали, в результате чего о нем знали лишь немногие. И почему вплоть до 1929 года ни один археолог не проявил интереса к этому месту? Почему в этом месте никогда не велись систематические раскопки, несмотря на то, что здесь были найдены фрагменты рукописей на древнееврейском языке?[239] Британский археолог Флиндерс Петри сообщал также о еврейских надгробных плитах и фрагменте текста, в котором встречается имя Авраам[240].

Скорее всего, именно политические причины сделали это место нежелательным дополнением к египтологии. Печально, но это препятствие играло на руку тем, кто желал бы навсегда стереть из памяти это место. Телль-эль-Иеху-деи («холм Иудеи») находится в двадцати милях от Каира; он подвергся варварскому разрушению и совсем скоро будет захвачен пригородами стремительно растущего современного города Шибин-эль-Канатира. Время стремительно уходит.

История этого храма дошла до нас в изложении еврейского писателя Иосифа Флавия. В своей первой работе, «Иудейская война», он описывает строительство храма в Египте первосвященником Онией, сыном бывшего первосвященника Симона и другом Птолемея VI. Этот первосвященник остался в истории под именем Ония III, который был законным наследником рода садокидов[241].

Примерно через пятнадцать лет появилась другая работа Иосифа, «Иудейские древности». Однако в этой книге он несколько изменяет историю, приписывая строительство храма в Египте Онии IV, сыну Онии III. Это не только отодвигает во времени сооружение храма, но и — что важнее для Иосифа — приписывает его основание человеку, который не был первосвященником из рода Садока. Ония IV был военачальником в египетской армии — как и двое его сыновей. Этим изменением Иосиф отказывается в легитимности иудейскому храму в Египте. Зачем ему это потребовалось?

Эта ошибка дожила до наших дней. Геза Вермес из Оксфорда называет Онию IV основателем храма в Египте, поддерживая таким образом исключение этого храма из серьезной научной дискуссии[242]. В данном случае логика абсолютно ясна: если признать, что основателем храма в Египте был Ония III, значит, этот храм был легитимен, а храм в Иерусалиме нет. Если историческая наука при этом знает основателем храма Онию IV, то нелегитимным окажется именно египетский храм. Однако по свидетельству «Иудейской войны» Иосифа Флавия, а также древних раввинистических документов, именно Ония III построил храм в Египте. В этом случае мы неизбежно приходим к выводу, что легитимным был именно этот храм[243].

Папирусы с текстами на греческом языке, найденные в пещере № 7 в Кумране, свидетельствуют о тесной связи между зелотами за пределами Иудеи и особенно жившими в Египте, и теми зелотами, которые действовали в Иудее и Галилее. По всей видимости, и те, и другие были членами общины «сынов Садока». Однако существовали еще более тесные связи, которые сближают построенный Онией храм с зелотами. Это можно проиллюстрировать при помощи календаря.

Большинство течений иудаизма пользуется лунным календарем, в котором новый месяц начинается с новолуния, а началом дня считается заход солнца. Это очень ненадежный

календарь, и пользоваться им можно в том случае, если при необходимости вводить дополнительные дни. Зелоты, которым принадлежали рукописи Мертвого моря и база которых, скорее всего, находилась в Кумране, пользовались совсем другим календарем. Их календарь был солнечным, и день в нем начинался с восхода солнца[244]. В двух древних еврейских текстах, найденных в Кумране, «Книге Юбилеев» и «Книге Еноха», также используется солнечный календарь. То же самое относится к сектантскому «Храмовому свитку».

В храме Онии религиозное летоисчисление тоже могло вестись по солнечному календарю. По свидетельству еврейского философа и аристократа Филона Александрийского, современника Иосифа Флавия, главная свеча в семи-свечнике Иерусалимского Храма символизировала солнце. Однако по словам Иосифа Флавия, в храме Онии вместо семисвечника была подвешена золотая лампада, от которой исходил «лучистый свет». По всей вероятности, она символизировала солнце[245], и это означает, что в храме Онии действительно применялся солнечный календарь[246]. В таком случае есть все основания включить храм в более широкий мир зелотов.

Пришло время связать вместе все эти запутанные нити и попытаться понять, почему храм в Египте вызвал такую враждебность — и почему это так важно и в наши дни. То, что на первый взгляд кажется мелочью, впоследствии приобретает смысл. Это касается и других, якобы незначительных фактов из жизни Иисуса, о которых упоминалось выше — миропомазание народным маслом и загадочный ночной визит Иосифа Аримафейского и Никодима к гробу Иисуса с лекарствами и благовониями. Составив представление о той эпохе и помня об этих деталях, мы получаем возможность совсем по-другому взглянуть на описываемые события.

Когда Иосиф Флавий сочинял свои исторические труды среди роскоши императорского дворца в Риме и размышлял о том, что будет после разрушения Иерусалимского Храма и уничтожения многих тысяч его соотечественников, у него были веские причины очернять зелотов и их учение. Это самое меньшее, что он мог сделать для своих новых покровителей, римской императорской семьи.

Как мы помним, именно зелотов он обвинял в развязывании разрушительной войны, которая привела к катастрофе. Он искусно манипулировал своим прошлым как одного из военных командиров зелотов, чтобы обезопасить себя от любых обвинений. Аналогичным образом он изо всех сил старался обелить весь еврейский народ: преданный повелителям, Птолемям в Египте и римлянам в Иудее, он был введен в заблуждение фанатичными агитаторами и убийцами зелотов. Именно в этом заключается суть проблемы: как мы видели, священники иудейского храма в Египте были садокидами, зелоты Иудеи и Галилеи также были садокидами, а те, кому принадлежали рукописи Мертвого моря, были садокидами и зелотами. Разрушительную войну спровоцировали и вели зелоты, «ревнители закона». Разумеется, Иосиф был обязан принизить статус иудейского храма в дельте Нила, в котором богослужения вели законные священники из рода «сынов Садока». У него просто не было выбора, если он хотел сохранить свое привилегированное положение среди римской аристократии.

Кроме того, мы не должны забывать, что еврейская община в Египте, и особенно многочисленное городское население Александрии, хотела избежать бед, которые обрушились на их братьев в Израиле. Когда бежавшие из Израиля зелоты появились в Александрии, начали вести агитацию и убили несколько знатных евреев, которые осмелились противоречить им, иудейская община без колебаний выдала их римлянам, и мятежники были замучены до смерти[247]. Совершенно очевидно, что евреи Александрии хотели дистанцироваться от зелотов, о чем с видимым удовольствием сообщает Иосиф Флавий.

Следует также отметить, что несмотря на существование иудейского храма в дельте Нила лидеры еврейской общины Александрии хранили верность Иерусалимскому Храму; отсутствие легитимных священников садокидов их, вероятно, не очень беспокоило — по крайней мере тех, кто обладал богатством и властью. Управлявший египетскими финансами знатный еврей Александр Лисимах был главным жертвователем Иерусалимского Храма. Он из личных средств

оплатил облицовку толстыми золотыми и серебряными пластинами двустворчатых ворот высотой пятьдесят футов, отделявших женский притвор[248]. Его сын, военачальник Тиберий Александр, занимавший пост наместника Иудеи в 46–48 г. н. э. и наместника Египта в 60 г. н. э., был близким другом Тита и начальником ставки римской армии, которая в 70 г. н. э. разрушила Храм. Ни отец, ни сын не испытывали теплых чувств к зелотам — а следовательно, и к садокидам. Выше уже упоминалось о том, что Тиберий Александр был близким другом Иосифа Флавия.

У Александра Лисимаха был знаменитый брат — философ Филон Александрийский. Филон попытался соединить философию Платона и иудаизм, применив мистический подход к мировоззрению евреев. В тех его трудах, которые дошли до нас, упоминается о многочисленных религиозных течениях и группах, которые он считал заслуживающими внимания. Он стремился лично познакомиться с группами, склонявшимися к мистическому и даже эзотерическому мировоззрению, — группами, иудаизм которых, по его мнению, соответствовал традициям греческой философии, которыми он восхищался, то есть воззрениям платоников и пифагорейцев. Тем не менее в своих исследованиях различных течений иудаизма Филон ни разу не упоминает храм, построенный Онией в дельте Нила.

Такое молчание вызывает удивление, но единственный вывод, который мы можем сделать, заключается в том, что Филон по каким-то причинам решил игнорировать его существование. Но это само по себе показательно. Было бы логично предположить, что знатные евреи Александрии должны гордиться иудейским храмом с такой великой родословной, который продолжает действовать в Египте. Однако они не испытывали чувства гордости и, подобно Филону и его брату, продолжали хранить верность Иерусалимскому Храму, в котором проводили богослужения яростные противники зелотов. Может быть, молчание Филона связано с тем, что священники из храма в дельте Нила были известны своими симпатиями к зелотам? Может быть, он знал о политических амбициях зелотов и не одобрял их? Это вполне правдоподобное предположение, способное объяснить странное молчание Филона.

Этот храм находился на пути из Александрии в Гелиополь, крупный египетский город (сегодня на этом месте находится каирский аэропорт). Путешественники, которые направлялись по суше из Иудеи в Египет, обязательно начинали свой путь с дороги, ведущей в Гелиополь. Дорога в греческие города Навкратия и Александрия ответвлялась на запад, тогда как прямой путь вел к храму и далее в Гелиополь, Мемфис и Верхний Египет. Если Иисус и его родители приходили в Египет и, будучи сторонниками зелотов, хотели держаться подальше от еврейских общин, находившихся под сильным греческим влиянием, они должны были двигаться на юг по дороге, которая проходила мимо построенного Онией храма. Миновать его было просто невозможно.

Маловероятно, что Иисус и его семья, выросшие в окружении зелотов, которые молились и надеялись на возвращение священников садокидов в Иерусалимский Храм, прошли мимо иудейского храма в Египте. Все эти рассуждения естественным образом подводят нас к мысли, что храм Онии был первым местом обучения Иисуса. Возможно, именно здесь он познакомился с активной политической позицией зелотов.

В некотором смысле этот храм можно рассматривать как заморское представительство Галилеи, где говорящие на греческом языке зелоты имели возможность обучаться своему ремеслу. Кроме того, это было самое подходящее место для юного Иисуса — здесь он мог понять, что значит быть мессией Израиля, поскольку в его распоряжении имелись все тексты, описывающие роль мессии, и комментарии к ним. Таким образом, мы обнаружили вескую причину для переселения Святого семейства в Египет, а также причину скупого объяснения Матфея, который описывал это переселение как бегство от «избиения младенцев», устроенного по приказу Ирода. На самом деле это похоже не на бегство, а на сознательные

действия, которые позволят Иисусу расти, учиться и проповедовать вдали от беспокойных Иудеи и Галилеи.

Несмотря на воспитание в духе zelotim, Иисус, как мы уже убедились, втайне избрал другой путь — он открыл его только после того, как был миропомазан в качестве мессии, когда никто уже не мог бросить ему вызов. Этот путь был связан с мистикой. Но в каких еврейских общинах Египта он мог познакомиться с подобными взглядами? Для ответа на этот вопрос нам требуется внимательно присмотреться к одному из мистических течений того времени, о котором рассказывает Филон Александрийский.

К юго-западу от Александрии находится озеро Мариут. Между озером и морем, на расстоянии около восемнадцати километров от городских стен, высится известняковый холм.

Во времена Филона Александрийского по обеим сторонам холма тянулась низменность, на которой были построены частные дома — вероятно, летние виллы богатых жителей Александрии. Здесь же располагались небольшие городки и деревни. Из-за близости к морю и озеру известняковый холм постоянно обдувался ветрами, в результате чего воздух здесь был свежее и прохладнее, чем в городе. На холме обосновалась маленькая община еврейских философов, которые воспользовались преимуществом сельской тиши, относительной безопасности в окружении вилл и деревень, а также прохлады здорового морского воздуха, чтобы посвятить свою жизнь размышлениям[249].

Эта община получила название «терапевты», что, как объясняет Филон, имело двойной смысл — врачевания (не только тела, но и души) и почитания Бога[250]. Основу мировоззрения терапевтов составляла вера в «сущее», единую божественную реальность, которая не была создана, а существовала вечно. Эта концепция божественного почти не поддавалась описанию при помощи слов.

У терапевтов имелось одно важное отличие от других религиозных групп, описанных Филоном. Женщины считались тут полноправными членами общины и принимали активное участие в духовной жизни. Ессеи же, наоборот — по свидетельству Филона, Иосифа Флавия и Плиния, — гордились тем, что не допускали в свои ряды женщин, которые, по их мнению, только отвлекали от духовной практики[251]. Здесь уместно вспомнить о благожелательном отношении Иисуса к женщинам из его окружения и недовольстве, которое вызвало такое отношение у его учеников мужского пола, поскольку предпринимались необоснованные попытки найти связь между Иисусом и ессеями.

Терапевты представляли собой элитную секту, состоявшую, по всей видимости, из богатых и образованных евреев Александрии, принадлежавших к тому же привилегированному классу, что и Филон. Они добровольно отказались от собственности и предпочли простую совместную жизнь, посвященную молитвам. Судя по комментариям Филона, носящим личный характер, он посещал эту общину и участвовал в их богослужениях[252].

Но такая община была не одна. Филон Александрийский описывает другие группы, принадлежавшие к различным религиозным культам Египта, также практикующие медитативное созерцание[253]. Как поясняет Филон, замечая, что подобные секты существуют во всем мире независимо от религии, терапевты представляют собой иудейскую версию широко распространенной мистической традиции, встречающейся во всех землях.

Тот факт, что членами общины терапевтов были женщины, указывает, что в процессе созерцания высшего духовного опыта — внутренним взором, который один лишь дает понимание истины и лжи — пол верующего не имеет значения. Нам это представляется очевидным, но в мире Филона и Иисуса такие идеи были поистине революционными.

Терапевты были мистиками и провидцами. Филон пишет, что терапевты учили в первую очередь воспользоваться зрением, чтобы «возжелать видения сущего и воспарить над солнцем чувств»[254].

Члены общины терапевтов стремились к прямому постижению реальности — или сущего, если пользоваться термином Филона — чтобы ощутить то, что реально существует за хаосом этой мимолетной жизни. Эту же цель преследовали многочисленные философские группы классического периода, и особенно великие и таинственные культы, получившие название мистерий. Похоже, в случае с терапевтами мы имеем дело с еврейским вариантом мистерий, идущим к той же цели, но в более строгих рамках иудейской традиции.

Терапевты совершали молитву на восходе и закате солнца. Днем они изучали священные тексты, но воспринимали их не как историю еврейского народа, а как аллегорию.

По словам Филона, они рассматривали текст как символ чего-то скрытого, что можно найти лишь в том случае, если искать его[255].

Каждый седьмой день они собирались вместе и слушали речь одного из старейшин; каждый пятидесятый день они устраивали большой праздник — надевали белые одежды, ели простую пищу и составляли хор — мужчины и женщины вместе, — чтобы петь гимны. Праздник продолжался всю ночь, до самой зари, что указывало на связь их верований с культом солнца. Они стояли, повернувшись лицом к востоку, и, увидев восходящее солнце, простирали к нему руки в молитве, прося светлых дней и постижения истины[256].

Совершенно очевидно, что это совсем другой иудаизм, совсем не связанный с богослужениями в храме. Терапевты, взгляды которых очень похожи на взгляды пифагорейцев, не придавали значения культу иудаизма, который был так важен для священников Иерусалимского Храма и храма в дельте Нила, благочестию священнослужителей, оправляющих богослужения, о котором так беспокоились zeloty, а также приходу мессии из рода Давида. Для мужчин и женщин из общины терапевтов молитва была просто возможностью духовного постижения божественного.

Их царство было действительно не от мира сего — Иисусу бы это пришлось по душе.

Во взглядах терапевтов есть еще одна особенность, мимо которой мы не можем пройти: они придавали Ветхому Завету символическое значение. Все предсказания пророков о появлении мессии они воспринимали иносказательно. По их мнению, не было никаких причин ждать прихода реального мессии, который освободит Израиль, Иисусу нет смысла быть настоящим царем, а пророчества о приходе мессии являются просто символами чего-то более глубокого и таинственного. Мы уже убедились, что звезда может быть символом мессии, и теперь было бы логично немного развить эту идею. Может быть, одно из заявлений апостола Петра в Новом Завете отражает ту же мысль, только в христианском контексте? Нельзя ли фразу: «...взойдет утренняя звезда в сердцах ваших», — понимать как призыв к мистическому свету прорваться из глубин души?[257]

По всей видимости, подобные взгляды получили широкое распространение, и поэтому не стоит удивляться, что иудаизм, а затем и христианство в Египте имели мистическую окраску: именно в Египте зародилось христианское монашество, именно в Египте, в Наг-Хаммади кто-то спрятал гностические тексты. Это коллекция христианских и античных мистических текстов — в том числе одно произведение Платона и одно Гермеса Трисмегиста, «Асклепий» — была собрана и использовалась монастырем в пустыне.

Даже в третьем веке н. э. в христианской церкви Египта были такие склонные к мистицизму личности, как Климент Александрийский и Ориген. Египетские традиции проникали в иудаизм и в глубокой древности — во времена Иосифа и Моисея, и в более поздние эпохи, о чем свидетельствуют труды Филона Александрийского. И в этой атмосфере существовали разнообразные группы, вроде общины терапевтов, которые исповедовали мистический вариант иудаизма, а также храм Онии, в котором совершали богослужение истинные еврейские священники садокиты.

Напрашивается вопрос: что такого особенного было в Египте, что придало мистическую направленность иудаизму и зародившемуся в его недрах христианству? На какую почву были пересажены эти чужеземные религии?

Ирония этих вопросов заключена в том, что питала эти религии не только земля, но и солнце, льющее свой живительный свет с небес. Ключом к ответу на них может стать тот факт, что и терапевты, и садокиды переняли солнечный календарь у египтян, главное божество которых, Ра, было олицетворением, солнца как источника жизни, создателя всего сущего. Древние тексты свидетельствуют о том, что фараоны — по меньшей мере — стремились к мистическому единению с Ра как к «высшему проявлению божественной души человека»[258].

Глубокий мистицизм, лежащий в основе египетских представлений о мире, вне всякого сомнения, оказал влияние на другие религии, укоренившиеся на этой земле. Этот египетский мистицизм, включавший толкование мифов и тайные ритуалы, нередко проводившиеся в скрытых от посторонних глаз подземных залах и храмах, претендовал на то, чтобы соединить наш мир с другим, соединить небо и землю.

Мировоззрение египтян не было ни философией, то есть размышлением над божественными возможностями, ни верой, построенной исключительно на надежде на лучшую жизнь после смерти. Мистика в сознании египтян уживалась с необыкновенной практичностью. Они не желали рассуждать о небесах — они хотели туда попасть. И вернуться назад. Как Лазарь.

Пришла пора познакомиться с тайными мистериями Египта.

Глава 9. МИСТЕРИИ ЕГИПТА

Как считали древние египтяне, в самом начале мир был совершенен. Любое отклонение от этого состояния вечной гармонии, которое называлось Маат, объяснялось человеческими пороками, и величайшим из пороков были те, в основе которых лежала жадность.

Поэтому делом каждого — не менее важным, чем скромность — считалась работа по поддержанию этого совершенства и восстановлению нарушенного равновесия. Высшая ответственность лежала на фараоне, и помощниками ему в этом деле служили многочисленные храмы, сеть которых покрывала весь Египет.

Каждое утро в храмах совершался один и тот же ритуал пробуждения богов, когда в момент восхода солнца открывались двери внутреннего святилища. Директор музея Петри в Лондоне доктор Стивен Квирк полушутливо сравнивал египетский храм с «машинной для сохранения вселенной, и эта особая операция требовала особых знаний и обученного персонала... чтобы важнейшая работа по поддержанию жизни всегда исполнялась должным образом»[259].

В то же время храм служил вратами в потусторонний мир: это было место, где соединялись небо и земля — точно так же, как на линии горизонта, — и по этой причине во многих текстах храм называется небесным горизонтом. У термина акхет, которым в древности обозначали горизонт, есть несколько значений: это не только место соединения неба и земли, но и та часть горизонта, где бог Солнца каждое утро поднимается из «дальнего мира», или Дуэта, а каждый вечер возвращается назад[260]. Не подлежит сомнению, что для египтян горизонт также был дверью в «дальний мир».

Этим же свойством обладали пирамиды. Великая пирамида фараона Хуфу в Гизе называлась «акхет Хуфу». Более того, корень слова акхет имеет значение «сиять, излучать»[261]. Этот термин не только указывает на сияние при закате или восходе солнца, но имеет еще один, тайный смысл, о котором стоит поговорить подробнее.

Главная задача фараона — служить гарантом Маат. Единственное — и величайшее — требование к человеческим существам состоит в том, чтобы жить в Маат, способствуя гармонии космоса и материального мира. Это состояние высшего равновесия персонифицировалось

богиней Маат, которую изображали со страусовым пером в волосах. Она приносила в мир плоды гармонии — истину и справедливость.

Параллельно этому универсальному совершенству существовали два мира: материальный мир, в котором мы рождаемся и живем, и потусторонний мир, куда мы попадаем после смерти, Дуат, или «дальний мир»[262]. Дуат не воспринимался как отдельный мир, как некое небо или ад, не связанный с земной жизнью. Скорее он был вездесущим. Считалось, что он существует параллельно материальному миру, тесно переплетаясь с ним, подобно двум змеям на магическом жезле Гермеса. Он все время с нами, но мы не можем видеть его или переместиться в него, пока не умрем.

Эти два мира каким-то мистическим и необъяснимым образом занимали одно и то же пространство — только реальный мир существовал во времени, а потусторонний вне времени. Время появилось после сотворения материального мира, но потусторонний мир считался вечным — но не в том смысле, что он простирался в бесконечное прошлое и бесконечное будущее, а в том смысле, что он находился вне времени. Повелителем потустороннего мира был бог Осирис, а роль проводника умерших исполнял Тот, который вел их в царство богов.

Еще одна особенность потустороннего мира состояла в том, что он воспринимался как вечная основа всего, что существует в видимом мире. Он считался божественным источником всех вещей, источником силы и источником жизни. Сама жизнь происходит из потустороннего мира, который пронизывает материальный мир и проявляется во всех формах, которые мы видим вокруг.

Для древних египтян мир мертвых был очень близок к миру живых — они были тесно связаны. Как это ни парадоксально, но мир мертвых был источником жизни для мира живых. Только мертвые считались по-настоящему живыми.

Надпись на одной из гробниц эпохи Нового царства (1550–1070 гг. до н. э.) напоминает нам, что жизнь мимолетна, а удел мертвых — вечность[263]. В Фивах, в гробнице жреца Неферхотепа, относящейся к эпохе Среднего царства (2040–1650 гг. до н. э.), были найдены несколько «Песен арфиста», и вторая из этих песен оканчивается такими словами:

«Земная жизнь что мимолетный сон. Счастливого пути желают тому, кто достиг Запада».

«Запад» для египтян — это страна мертвых. Гробницы и пирамиды всегда строились на западном берегу Нила, где солнце исчезает за горизонтом в подземном мире[264].

Чтобы понять это, следует познакомиться с представлениями египтян о времени. Они считали, что параллельно существуют два времени: циклическое время, или нехех, отражающееся в природных явлениях, таких как смена времен года, движение звезд и так далее, и время джет, которое, строго говоря, вообще не было временем, а представляло собой состояние вне времени. В движении находилось только время нехех; джет стояло на месте[265]. Время нехех могло кончаться, а время джет было вечным. Как сказано в одной древней египетской надписи: «Вещи джет-вечности не умирают»[266].

Эта двойственность разительно отличается от современных представлений о времени, согласно которым мы стремительно движемся в будущее и можем лишь надеяться, что оно будет совершенным, — надежда, которая во многих религиях основана на обещании, что когда-нибудь появится мессия и выиграет решающую битву против сил зла и возвестит о создании совершенного мира. Наша политическая философия тоже опирается на линейную теорию времени как траекторию, протянувшуюся из прошлого в будущее, где — при условии исполнения законов — мы добьемся удовлетворения желаний всех граждан, как будто законы это нечто большее, чем штукатурка на трещинах.

Однако те представители нашей культуры, которые освободились от оков времени — мистики, — вслед за древними египтянами утверждают, что мир мертвых есть мир живых, что он всегда рядом с нами. С учетом разницы в культуре и языке можно смело утверждать, такое же ощущение близости божественного мира присутствует в откровениях великого мистика

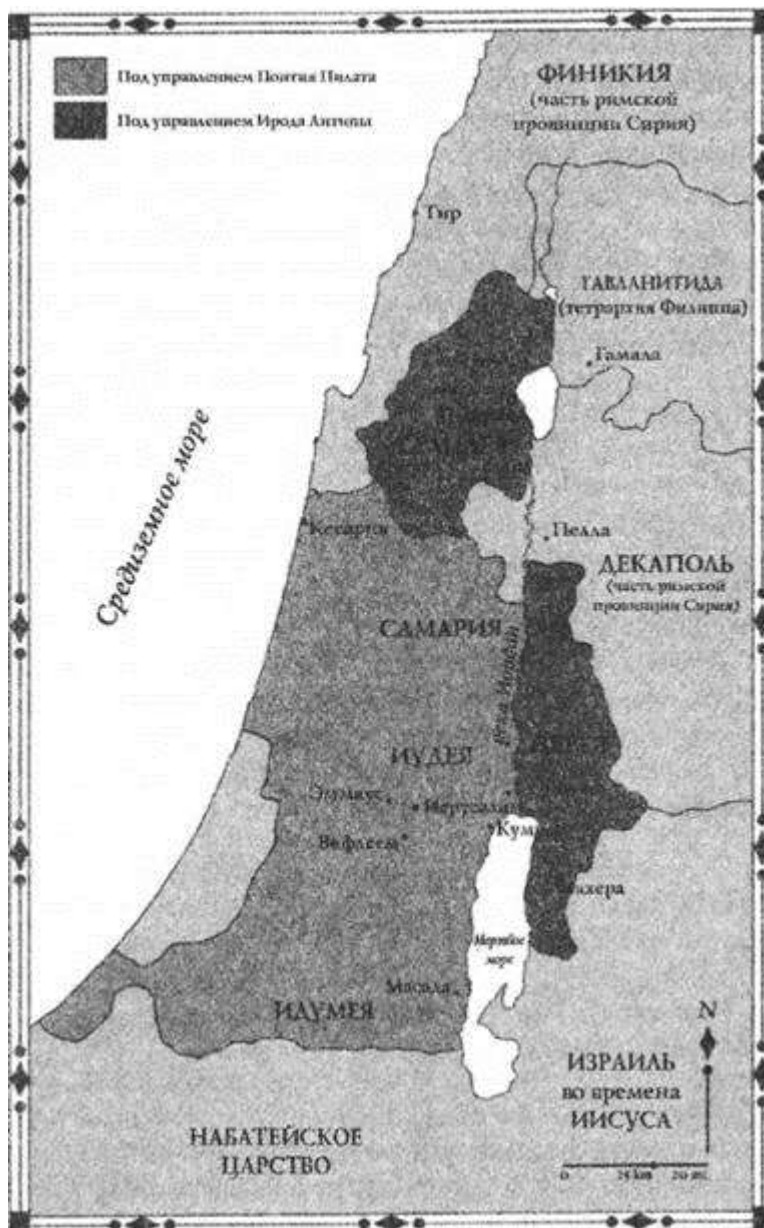
шестнадцатого века, святой Терезы Авильской, которая часто впадала в мистический «восторг», полностью «растворяясь» в божественном царстве. Говоря о Боге, она подчеркивала:

«В начале я не знала одной вещи. Я не понимала, что Бог присутствует во всем, и, когда Он показался мне таким близким, я подумала, что это невозможно»[267].

Главным помощником для тех, кто стремился сохранить Маат, был великий бог Техути, которого греки называли именем Тот и отождествляли с Гермесом. Он знал все тайны Маат и мог посвятить в его мудрость и живых, и мертвых. Тот «знал тайны ночи»[268]. В потустороннем мире правило совершенство, и с помощью Тота — то есть посредством знаний и правильных приемов — человек может попасть туда. Он может посетить царство богов и вернуться назад.

Самые древние надписи свидетельствуют, что все храмовые обряды были предназначены для сохранения вселенской гармонии. В этих храмах в божественные тайны посвящались и мужчины, и женщины. Но эти же надписи призывают хранить увиденное в тайне. И действительно, все, что было связано с храмовыми секретами, тщательно охранялось. Среди многочисленных текстов, вырезанных на стенах храма Гора в Эдфу, есть и прямое предупреждение: «Не рассказывай никому, что ты видел в храмовых мистериях»[269].

Как же нам узнать, что происходило во время этих мистерий? Может быть, кто-то приоткрыл завесу тайны и выдал их секреты?

Основные достопримечательности современного Египта

Одна из самых больших трудностей, с которыми мы столкнулись при изучении религиозных обрядов древних культур, состояла в том, что до изобретения письменности — причем не только изобретения, но и дальнейшего развития, чтобы появилась возможность записывать идеи и верования — не было надежных способов рассказать о том, во что верили наши предки. Символьное письмо на глиняных табличках, использовавшихся для записи торговых сделок, появилось примерно за 8000 лет до новой эры, однако в полноценную письменность оно превратилось лишь к 3000 г. до н. э. [270].

Примером такого рода трудностей могут служить раскопки гигантского зиккурата в Эриду, крупного города Шумера, расположенного на территории современного Ирака. Сам зиккурат датируется приблизительно 2100 г. до н. э., и по свидетельству древних текстов он был построен в честь бога-покровителя города по имени Энки, бога мудрости, знаний и подземных вод. Однако более тщательные раскопки позволили обнаружить в нижних культурных слоях под зиккуратом остатки двадцати трех храмов, самый древний из которых датируется приблизительно 5000 г. до н. э. и представляет собой скромное святилище, сооруженное прямо на песчаной дюне. Восемнадцать культурных слоев относятся к так называемому Убаидскому периоду, который предшествовал появлению письменности[271].

Сам зиккурат был посвящен богу Энки, но о чем могут рассказать предыдущие культурные слои? Можно ли утверждать — имея в виду, что это один и тот же храм, — что культ Энки существовал здесь с самого начала? Разумеется, нет. Так, например, иноземные завоеватели вполне могли заменить один культ другим; и действительно, это было весьма распространенным явлением. Или культ мог переместиться в другое место, а пустой храм становился святилищем совсем другого бога. Известно множество храмов, которые использовались для поклонения совсем не тем богам, в честь которых они строились. Мы уже рассказывали о храме, основанном Онией в дельте Нила, который строился как храм Бубастиса, но был покинут и превратился в оплот иудейской веры. Само здание свидетельствует лишь о существовании организованного культа: оно почти — или совсем — ничего не рассказывает о самом культе.

Не помогает даже символика. Без сопутствующих текстов мы не знаем, что значил тот или иной символ для людей, которые его использовали. Голые каменные стены странных внутренних помещений Великой пирамиды, к примеру, разительно отличаются от стен в камерах других пирамид плато Гизы, заставляя нас гадать о назначении этого сооружения. И наоборот, город Чатал-Хюк на севере Турции, который считается древнейшим неолитическим поселением на Ближнем Востоке и датируется приблизительно 8000 г. до н. э., насчитывает более сорока святилищ с богатой символикой, распределенной по большому числу культурных слоев. Внутренние стены некоторых святилищ украшены росписью, в одном святилище на карнизах изображены рога вымершего дикого быка, или тура, в другом гипсовый барельеф состоит из голов и рогов тура, в третьем встречаются женские груди и бычьи рога, — и везде в изобилии присутствует геометрический орнамент. Каждое святилище не похоже на все остальные, и в этой разнообразной символике трудно найти что-либо общее, за исключением бычьих рогов. Возле каждого святилища были обнаружены маленькие статуэтки богинь[272]. Но почему их нет внутри? Это место изобилует символами, но без текстов у нас нет ключа к разгадке их смысла.

Тем не менее мы можем составить представление об общих тенденциях: огромное внимание древние уделяли взаимоотношениям между нашим и «другим» миром, то есть миром мертвых. После появления литературы один из текстов считался настолько важным, что его постоянно копировали: это грандиозный «Эпос о Гильгамеше», царе Урука, который путешествует в потусторонний мир в поисках бессмертия. Он терпит неудачу, потому что у него не получается остаться «бодрствующим», и он возвращается домой, чтобы рассказать историю своих духовных поисков.

Маловероятно, что эпос создавался просто для того, чтобы воспользоваться преимуществами письменности. Не подлежит сомнению, что устные легенды и предания древней Месопотамии рассказывали о взаимоотношениях между миром мертвых и материальным миром. Происхождение этих представлений теряется в глубине веков — возможно, это произошло тогда, когда люди впервые стали совершать погребальные обряды над умершими, проведя границу между этим и «тем» миром. Так они признали существование двух миров и выработали приемлемую церемонию перехода из одного мира в другой.

Древнейший из известных нам похоронных обрядов совершали еще неандертальцы: в центральной Азии была найдена могила юноши, погребенного около ста тысяч лет назад. Русские археологи обнаружили его останки в окружении пар козьих рогов. Другой скелет неандертальца был найден во Франции, в местечке Ае-Мустье, и его возраст оценивается приблизительно в семьдесят пять тысяч лет. Это захоронение тоже сопровождалось погребальным обрядом. Умерший мужчина был покрыт красной охрой, голова его покоилась на холмике из осколков кремня, а вокруг были разложены обугленные кости животных. Захоронения, возраст которых составляет около шестидесяти тысяч лет, были обнаружены в большой пещере Шанидар в Ираке. В одной из могил тело лежало на подстилке из цветов, которые обладают лекарственными свойствами[273]. В Европе и Азии нашли тридцать шесть ритуальных захоронений, датируемых следующими тысячелетиями. Таким образом, можно не сомневаться, что потусторонний мир занимает умы людей уже — как минимум — несколько десятков тысяч лет. А за этим интересом скрывается вопрос об источнике самой жизни и о самосознании человека.

Тем не менее перед нами остается препятствие в виде отсутствия текстов внутри Великой пирамиды и некоторых других пирамид на плато в Гизе. Они были построены в эпоху Четвертой династии фараонов приблизительно за 2500 лет до начала новой эры. Древнейшие тексты относятся к концу Пятой династии и к Шестой династии — это примерно 2300 г. до н. э. Самый старый из них вырезан на стенах подземных комнат пирамиды Унаса, последнего фараона Пятой династии. Затем на протяжении следующих двухсот лет были возведены еще пять пирамид, тоже испещренных надписями. Эти надписи, по вполне понятной причине получившие название «Текстов пирамид», снабдили нас ценной информацией, одновременно скрыв ее покровом тайны. Похоже, тексты были скрупулезно переведены, но плохо поняты.

Это непонимание нас несколько не удивляет, поскольку археологи потихоньку начинают «умывать руки». Они чувствуют себя неловко; они знали, что все скоро запутается. Но никто и не говорил, что этого не произойдет.

Откровенно говоря, это был лишь вопрос времени.

Поскольку тексты были обнаружены в пирамидах, которые, как считалось, связаны со смертью и погребением, ученые полагали, что содержание текстов посвящено умершим. Эту точку зрения вроде бы подтверждало изречение, высеченное в подземных камерах пирамид:

«Душа отправляется на небо, труп отправляется в землю»[274].

Однако среди надписей встречаются и странные, на которые невозможно не обратить внимания. Так, например, в одной из строк «Текстов пирамид» мы читаем:

«О Царь, не ушел ты мертвым — ушел ты живым»[275].

Смысл этого изречения неясен: можно понять, что умерший царь вступает в вечную жизнь, и в загробном мире он жив, или что в данном случае он отправился в иной мир живым.

Тогда это значит, что он должен вернуться из своего путешествия. Или наше воображение слишком разыгралось? Но, возможно, основания для такого предположения найдутся в самих текстах?

Еще одна строка из «Текстов пирамид» гласит:

«Я ушел и вернулся... сегодня я отправился в путь как живая душа...»[276].

Совершенно очевидно, что это подтверждение идеи о том, что живые могли посещать загробный мир.

В погребальной литературе, обнаруженной в гробницах и саркофагах, встречается множество изображений души, или ба, как ее называли в Древнем Египте. Ба изображали в виде птицы с головой и лицом умершего человека. Во многих случаях птица держит в когтях значок шен, символизирующий вечность — дар из того мира, в котором она обитает.

Обычно термин ба переводят как «душа», но смысл его гораздо шире. Это внутренняя, тайная сущность умершего, необыкновенно подвижная, которая сразу покидает мертвое тело и возвращается к своему божественному источнику.

Однако этим объяснение не ограничивается: ба существует всегда, а не просто появляется после смерти. По словам египетских жрецов, это неотъемлемая часть каждого человека. Если это так, то почему бы человеку не почувствовать свою ба до смерти?

Доктор Джереми Найдлер, изучавший тайны, сокрытые в египетских текстах, подчеркивает, что мы ни в коем случае не должны забывать об эмпирическом характере древних религиозных текстов. Он делает важное наблюдение: «Ба может быть определена как индивидуум во внетелесном состоянии»[277]. Он объясняет, что в момент смерти данное состояние «достигается спонтанно», но при жизни «это существование вне тела должно быть индуцировано»[278]. Другими словами, оно должно быть вызвано при помощи ритуала или другого метода инициации. Из анализа Найдлера можно сделать вывод, что древние египтяне владели какой-то необычной методикой инициации, которая давала знание потустороннего мира и позволяла человеку уходить туда, а затем возвращаться.

И действительно, в египетских храмовых обрядах есть одна интересная особенность, которую ученые не могут до конца понять: судя по найденным текстам, совершающий богослужение священник должен сесть в тихое место и при помощи специальной техники войти в состояние, которое обозначается иероглифом кед. В обычных обстоятельствах мы перевели бы его как «сон», но в данном контексте, связанном с ритуалами, это скорее состояние транса или медитации. Ученые полагают, что это состояние использовалось в основном в ритуале освящения статуй, который назывался «Открытие рта», когда божественную силу призывают спуститься на статую, и после этого она считается священной. Этот же ритуал был частью похоронных обрядов. Очевидно, в этом случае жрец, пребывающий в ритуальном состоянии, каким-то образом перемещается в мир мертвых, или потусторонний мир, чтобы по возвращении он мог рассказать, что он испытывал, будучи мертвым[279]. К этому следует относиться серьезно, потому что древние тексты описывают не просто то, что случилось, а то, что регулярно происходило во время этих обрядов.

Думаю, можно не сомневаться, что это ритуальное путешествие было не просто изощренной выдумкой, разыгрываемым жрецом представлением, «праведным обманом», где много «шума и дыма», но почти нет истинного «огня».

В конце третьего и в начале четвертого века н. э. на территории современного Ливана жил философ Ямвлих Апамейский, один из выдающихся представителей школы неоплатонизма. Основу его учения составляла так называемая теургия, о которой мы вкратце упоминали раньше — то есть «воздействие» на богов. Он противопоставлял теургию теологии, или «разговорам» о богах. Его интересовал практический эффект, а не интеллектуальный спор; он хотел, чтобы его ученики знали, а не просто верили.

Ямвлих был хорошо знаком с тайными учениями египтян. Одна из его основных работ получила название «О египетских мистериях», и в ней он раскрывает основы тайных знаний, которые хранились в храмах. Он открыто говорит о способности жрецов отделять сознание от тела и переноситься в потусторонний мир. Ямвлих утверждает, что боги призывают к себе души жрецов, «управляя их единением с собой и приучая их, пусть даже пребывающих в телах, отделяться от тел и приближаться к своему вечному умопостигаемому началу»[280].

Далее Ямвлих прямо говорит, что жрецы получают знания о мире богов не только при помощи «чистого ума» — что было открытым и преднамеренным вызовом теории Аристотеля, — но и посредством жреческой теургии, позволяющей им «восходить к высшим, всеобщим и превосходящим рок вещам»[281].

Ямвлих рассказывал не о возможностях или фантазиях. Он просто приводил факты, касающиеся египетских жрецов. Он подтверждал, что они умели переноситься в

потусторонний мир. В связи с этим возникают следующие вопросы. Должны ли мы удивляться? Что мы приобрели и что потеряли из-за свойственного современному человеку недоверия и скептицизма?

Во втором тысячелетии до н. э. на внутренней поверхности деревянных саркофагов начали появляться разнообразные надписи. Они являются вторичными по отношению к «Текстам пирамид», но позволяют больше узнать о верованиях египтян. Их суть передается заклинанием 76, которое озаглавлено: «Вознесение на небо... и превращение в ах».

Термин ах имеет значение «сияющий» или «состоящий из света» и является корнем слова ахет, или «горизонт». При помощи него описывается конечная цель ба: превратиться в чистый божественный свет. В применении к усопшему это означает, что после смерти человек, освобожденный от тела и существующий в форме ба, в конечном итоге возносится на небеса, чтобы перейти в высшее состояние совершенства и слиться с сияющим источником всего сущего. Стивен Квирк поясняет, что «ах есть преображенная душа, ставшая единым целым со светом»[282]. Термин, который используется в текстах для обозначения этого процесса — саху, — можно перевести как «превращение [умершего] в ах... существо из света»[283].

Дальнейшее развитие этих текстов привело к появлению в пятнадцатом веке до н. э. так называемой египетской «Книги мертвых». Оригинальное название этого собрания текстов звучит как «Слово устремленного к свету» — хотя правильнее, возможно, было бы перевести его как «Инструкции для устремленного к свету». В названии, относящемся к концу второго тысячелетия до н. э., присутствует слово саху, или «преображение», что позволяет предположить, что эти тексты использовались для трансформации «человека в ах»[284].

Можно показать, что эта традиция имеет более древние корни. Собрание «Текстов пирамид» и «Текстов саркофагов», хранившееся в библиотеке храма Осириса в Абидосе, было скопировано — или повторно скопировано — на папирус в четвертом веке до н. э. в том же порядке, в каком его записали пятнадцатью столетиями раньше. Рукопись получила название «Тексты преображения»[285]. Жрецы храма — в отличие от современных переводчиков — понимали их смысл.

Греческому историку и писателю Плутарху еще не исполнилось и тридцати лет — вполне возможно, он еще учился в Афинах — когда в 70 году н. э. римские солдаты разрушили Иерусалимский Храм. Он был посвящен в Дельфийские мистерии и с конца первого века н. э. исполнял обязанности жреца в этих мистериях. Поэтому ему были известны некоторые тайные стороны религии. Из-за того, что египетские жрецы были обязаны соблюдать тайну, описания этих мистерий не сохранилось. Единственный подробный текст, принадлежащий перу Плутарха и дошедший до наших дней, представляет собой пересказ легенды об Исиде и Осирисе. В этом труде есть одна любопытная деталь. В описании коридоров и помещений египетских храмов мы находим следующую фразу: «...а частью имеющие под землей тайные и темные ризницы»[286].

Плутарх не приводит никаких дополнительных подробностей и не развивает дальше эту интригующую тему. В большинстве египетских храмов действительно имелись подземные комнаты и галереи. Так, например, в Дендерах насчитывается десять таких помещений — отдельные комнаты, коридоры и длинные галереи — на трех разных уровнях[287].

В храме Гора в Эдфу проход в стене святилища Осириса, владыки подземного мира, ведет в туннель, проходящий внутри самой стены и позволяющий попасть в две подземные комнаты. Я спуускался туда несколько раз, чтобы медитировать в темноте и абсолютной тишине.

Многие археологи утверждают, что эти тайные комнаты использовались для хранения предметов культа или ценностей. Однако в рассказе Плутарха содержится намек на тайну, стоящую за их существованием. Так, в Дендерах подземные помещения испещрены иероглифами и символическими изображениями — маловероятно, что так украшали кладовые.

Гелиодор из Эмесы, живший в третьем веке н. э., приводит дополнительные сведения о ритуалах во время мистерий Исиды и Осириса. Он утверждает, что история этих богов содержит тайны, которые недоступны непосвященным, и что те, кому известны секреты природы, обучают желающих постигнуть эти тайны в святилищах при свете свечей[288].

Этими вопросами занимаются лишь немногие египтологи. Большинство ученых, зная о мистических материях, желают сохранить «научный» характер археологии, отдавая предпочтение рациональным объяснениям всего, что они находят, — даже если это напоминает попытки втиснуть надувную игрушку в заводскую упаковку[289].

Тем не менее у некоторых ученых достало мужества и уверенности открыто говорить о тайных аспектах египетских культов. Так, например, профессор Клаас Блеекер, специалист по истории религии из университета Амстердама, с готовностью признает, что «в Египте действительно существовали определенные культовые мистерии, известные только посвященным». Он пишет о том, что один из участников этих тайных обрядов гордо заявлял:

«Я посвящен... но об этом я никому не расскажу»[290].

Египтолог Уолтер Федерн тоже осознает эзотерическую основу египетской религиозной литературы и поясняет, что некоторые заклинания из «Текстов пирамид» и «Текстов саркофагов» были доступны и для живых, а в последствии трансформировались в тексты посвящения[291].

Существует еще один необычный текст, к которому мы до сих пор не обращались — это «Книга Амдуат», или «Книга того, что в Дат», первые копии которой датируются приблизительно 140 г. до н. э. и в оригинальном названии которой содержится фраза:

«Послание из Сокрытого помещения». В книге описывается двенадцатичасовое путешествие бога солнца Ра в своей лодке по подземному миру, которое он совершает каждую ночь, а также содержатся указания на все трудности и опасности, которые поджидают странника на этом пути. По всей видимости, это инструкция для умершего фараона, которая должна помочь ему совершить это путешествие. Примечательно, однако, что в тексте прямо указывается, что он может быть полезен не только мертвым, но и живым[292].

Эта связь с материальным миром регулярно подчеркивается в тексте, не оставляя никаких сомнений в том, что путешествие по загробному миру доступно не ТОЛЬКО мертвым, но и живым. И действительно, книга заканчивается совершенно недвусмысленными строками:

«Кто знает эти таинственные изображения, тот является хорошо обеспеченным светлым духом. Всегда выходит он и входит в Дат, всегда (выходит) к живым. Воистину так было подтверждено миллионы раз!»[293]

Яснее выразиться невозможно. Это путешествие предполагает опыт. И посвящение. Данный аспект не ускользнул от внимания ученых. Египтолог из Чикагского университета профессор Эдвард Венте пришел к выводу, что некоторые тексты, в том числе «Амдуат» и «Книга врат», изначально были предназначены для использования в материальном мире, а не для совершения погребальных обрядов[294]. Он объясняет, что они являют собой примеры «практической теологии», когда живые люди отождествляли себя «с существами, населяющими потусторонний мир и пребывающими в разных состояниях и стадиях», причем для этого необязательно было ждать смерти[295]. Такое отождествление — это ритуал. Далее Венте развивает свою мысль: «На мой взгляд, гораздо проще предположить, что „Книга Амдуат“ и „Книга врат“ сначала предназначались и для земного, и для потустороннего мира, и только потом они были адаптированы, превратившись в описание царских погребальных обрядов»[296].

Сама «Книга Амдуат» признает, что ее содержание является тайной, доступной лишь немногим посвященным. Венте приходит к выводу, что «можно рассматривать эти два великих произведения как дополняющие друг друга по смыслу или, возможно, как „два пути“ попадания в потусторонний мир и участия в процессе смерти и воскрешения»[297].

Можно не сомневаться, что существовали эзотерические в своей основе и тайные ритуалы, регулярно проводившиеся в скрытых от посторонних глаз комнатах и святилищах египетских храмов, и что мужчины — а также женщины, например жрицы Исиды, — посвящались в секреты царства богов и учились путешествовать по вечной ночи, избегая внезапных опасностей, пока не уподоблялись звездам.

Последние несколько лет я возил в Египет группы из 20–30 человек. Обычно во время таких туров туристы кучками собираются вокруг разных храмов и, стараясь оказаться как можно ближе к гиду, выслушивают лекцию, изобилующую сведениями о вторжениях, битвах, архи тектурных шедеврах и фараонах. И, как правило, ничего не говорится о назначении этих храмов, о том, какие ритуалы в них совершались и какое значение они имели для древних египтян. Другая характерная особенность таких туров заключается в том, что толпы народа и жесткий график — который, похоже, вертится вокруг ресторанов, принадлежащих братьям или кузнам — не позволяют проникнуться атмосферой этих мест.

Меня не очень интересует, кто построил эти храмы. Гораздо важнее, что в них происходило. В наших группах мы сами старались почувствовать это, и такие попытки нередко вызывали к жизни нечто значительное, вроде всплеска неожиданных эмоций — настолько же глубоких, насколько далеко от нас прошлое, и настолько же непосредственных, насколько прошлое всегда с нами. Мы научились предвкушать эти моменты как часть впечатлений, которые дает нам эта земля, и воспринимать их как свидетельство того, что где-то глубоко в нашем сознании живет память предков, которая только и ждет подходящего момента, чтобы вырваться на свободу. Чаще всего кто-то из нашей группы вдруг начинал рыдать или просто чувствовал себя «не в своей тарелке». Я хорошо помню, как один турист, как во сне, бродил вокруг Осириса в Абидосе и беспрерывно повторял: «Потрясающе! Потрясающе!»

Разумеется, он был абсолютно прав. Когда мы уезжали, мне пришлось проверить, сел ли он в автобус.

Я также помню случай, произошедший во время поездки в Абу-Симбел на самом юге Египта. Когда мы уезжали, два наших круизных судна медленно описывали круг по озеру Насер перед двумя храмами: храмом Рамсеса II с двумя гигантскими фигурами у входа и более скромным сооружением его дочери Нефертити. Когда наше судно проплывало мимо, из динамиков над палубой зазвучала музыка — отрывки из опер «Аида» и «Набукко». Мы буквально застыли от удивления.

То, что могло оказаться слишком театральным и даже неуместным, неожиданно доставило удовольствие. Музыка и грациозный танец судна перед храмами и древними богами задели какие-то струны в моей душе, и я почувствовал, что меня бьет дрожь. Я застыл, замороженный обрушившимся на меня ощущением бесконечного покоя. Мне хотелось, чтобы это мгновение длилось вечно. И в каком-то смысле так и случилось. Спутники потом признались мне, что в то солнечное утро вторника, вроде бы ничем не отличавшееся от остальных, они были растроганы до слез.

Я помню, как впервые привез свою падчерицу в Долину царей. Она работает редактором в одном из крупных английских журналов мод для молодежи. Ее жизнь заполнена современной модой, путешествиями и дизайном; она не из тех людей, что тратят много времени на размышления о прошлом. Рано утром наш автобус повернул к узкому проходу, и мы впервые увидели выбеленную солнцем скалистую долину с отверстиями гробниц на склонах цепочки высоких холмов. Вдруг моя падчерица разрыдалась. Слезы лились нескончаемым потоком. Какая-то мощная волна поднялась из глубин ее души и целиком завладела ею. «Я чувствую, что была здесь раньше», — все, что смогла вымолвить девушка. И этого было достаточно.

Всплывающие воспоминания не всегда носят личный характер; бывает и совсем другая память, которая навязчиво преследует вас, иногда прорываясь наружу. Как будто прошлое отделено от нас тонкой завесой времени, которая иногда спадает, открывая то, что прячется

за ней. Мне нравится беседовать с охранниками, которые дежурят в этих местах по ночам, которые спят там и знают укромные уголки и «тихие» моменты. Мне также нравится разговаривать с египтологами, погружающимися в атмосферу этих мест и тоже знающими их укромные уголки. Я слышал рассказы о внезапных видениях, в которых присутствовали древние обряды, группы жрецов у священного озера, идущие по коридорам и комнатам боги. Меня приводили в маленькие святилища в дальних уголках больших храмов, где ощущалась какая-то особая атмосфера.

Однако некоторые из этих мест всегда держались в тайне, и туда приходили только те, кто мог оказать им должное уважение и принять их дары. Удивительное дело — в Египте небольшие группы таких посетителей, или паломников, каждый день ищут и находят такие ощущения. Они учатся понимать живое прошлое этой поразительной страны.

Для всех паломников очевидно, что пирамиды — это нечто большее, чем необычные гробницы, в чем нас пытаются убедить археологи. Стивен Квирк откровенно заявляет, что пирамиды вместе с другими сооружениями, разрушенными неумолимым временем, образуют элемент сложного комплекса, посвященного культу фараона как божества, и утверждает, что «они лишь вторичные гробницы»[298]. Пирамида Джосера и другие сооружения в комплексе Саккары, поясняет он, «ясно указывают» на их ритуальную функцию — в данном случае связанную с праздником сед — великим праздником, который устраивался примерно один раз в тридцать лет, чтобы обновить власть фараона[299].

Самое глубокое исследование этого вопроса было выполнено доктором Джереми Найдлером, и его результаты изложены в книге «Shamanic Wisdom in the Pyramid Texts». Он объяснил, что праздник сед устраивался для того, чтобы помочь фараону установить гармонию между материальным миром и потусторонним миром, что принесет пользу всему Египту. Во время «главного ритуала» праздника сед «царь переходил границу между мирами», чтобы вступить в «прямой контакт с недоступными в обычных обстоятельствах божественными силами». Для того, чтобы это произошло, царь во время самых таинственных частей обряда погружался в экстатическое состояние, сопровождаемое видениями[300]. Это состояние преднамеренно вызывалось теми, кто проводил обряд, кто хорошо понимал связь между двумя мирами и значение фараона как точки их контакта.

Найдлер не скрывает своего мнения. Изучая «Тексты пирамид», он пришел к выводу, что «не являясь погребальными текстами, они в первую очередь имели отношение к мистическому опыту, похожему на тот, который живой царь получал во время „тайных обрядов“ праздника сед, поскольку они явно относятся к категории первичного человеческого опыта, приобретаемого в точке пересечения нашего мира с миром божественным»[301].

Конечно, большинство ученых будут возражать против такого утилитарного подхода к текстам и обрядам. Принято считать, что подавляющее большинство произведений древнеегипетской литературы, описывающей загробный мир, являются не реальными знаниями — то есть истиной, — а результатом нескольких тысячелетий творчества многих поколений жрецов, которые могли верить в то, что писали, но которые тем не менее пытались описать то, что знать невозможно. «Однако, — возражает Найдлер, — с таким же успехом можно предположить, что это знание было результатом мистического опыта, включавшего пересечение порога смерти живым человеком»[302].

Здесь мне опять вспоминается необычный эпитет «ахет Хуфу», применявшийся в отношении Великой пирамиды фараона Хуфу в Гизе, о котором я говорил в начале этой главы. Может ли этот термин, который имеет значение «сиять, излучать свет» и указывает на точку горизонта, являющуюся входом в потусторонний мир, свидетельствовать о том, что пирамида была тем местом, откуда Хуфу перешел в мир мертвых? А также тем местом, из которого он вернулся?

Может быть, Хуфу, в чью обязанность входило поддерживать Маат, искал ответ на вопрос, как сохранить гармонию, у божественных существ из другого мира? И если он действительно переступал порог царства богов, то как ему это удалось? Какие особые приемы были известны египетским жрецам, помогавшим Хуфу, а также многим другим египтянам до и после него?

Внимательный анализ обрядов посвящения, практиковавшихся в других частях света, поможет нам ответить на эти вопросы, и именно им посвящен следующий этап нашего путешествия.

Глава 10. ПОСВЯЩЕНИЕ В ТАЙНЫ

Некоторые места недоступны пониманию. Общая логика их устройства ясна, но отдельные части упорно не поддаются объяснению, отказываясь подчиняться очевидным правилам целесообразности. За многие годы исследований я изучил множество таинственных крипт, галерей и гробниц, но самое загадочное место из всех, где мне удалось побывать, находится в Италии, в северо-западной части неаполитанского залива, над небольшим портом Байя. Узкий вход искусно спрятан среди римских развалин, разбросанных по террасам на склоне холма.

Я осторожно перелез через каменную стену, нашел металлическую лестницу и спустился примерно на пятнадцать футов к началу узкого прохода в вулканической породе, высеченного примерно 2600 лет тому назад. Там меня ждал хороший знакомый — писатель и ученый Роберт Темпл, специалист по древним технологиям и механизмам. После многолетней переписки с итальянскими властями Роберт, наконец, получил разрешение попасть в это место; он предложил мне сопровождать его, рассчитывая на мой опыт в области подземных исследований и фотографии. Это было 24 мая 2001 года.

Перед нами был узкий дверной проем, вырезанный в скале и ведущий в загадочный подземный комплекс. Для нас это был волнующий момент — никто из ныне живущих людей еще не спускался в это место. Мы надели каски, включили фонари и сменили яркий солнечный свет на неожиданно густую тьму. Такая резкая перемена сбивала с толку.

Поначалу мы даже колебались, следует ли двигаться дальше, потому что абсолютно не представляли, что нас ждет впереди. Все предположения не сулили ничего хорошего. Итальянские власти долго пытались убедить нас, что подземные ходы заполнены ядовитыми газами, и поэтому обязали нас подписать бумагу, которая снимала с них ответственность за нашу возможную смерть.

Высота туннеля на входе составляла около шести футов, но ширина не превышала двадцати одного дюйма — спускаться вниз можно было только по одному. По обеим сторонам мы заметили углубления, расположенные на равном расстоянии друг от друга и явно предназначенные для ламп. К нашему глубокому удивлению, туннель под небольшим уклоном шел строго с востока на запад. Ярко освещенный вход позади нас быстро исчез из виду, и мы очутились в зловонной тьме.

Жара была терпимой, но усугублялась сильной влажностью; скоро наша одежда насквозь промокла от пота. Туннель был заполнен тучами огромных комаров, которые, к счастью, оказались скорее любопытными, чем агрессивными. Мы надели респираторы с химическими фильтрами, чтобы не отравиться ядовитыми парами. Фонари освещали дорогу: туннель шел прямо вперед, постепенно спускаясь вниз. Довольно быстро мы ощутили неприятное одиночество, но продолжали идти.

Примерно через четыреста футов туннель изменился. Слева показалась странная конструкция, напоминавшая заложенный кирпичом дверной проем, а сразу же после нее туннель повернул направо, и спуск стал круче. Мы продвигались вглубь скалы. Еще через сто пятьдесят футов мы были вынуждены остановиться: дорогу преграждала вода. Туннель исчезал под водой, как будто его затопила поднявшаяся подземная река. Но это была не река, а рукотворный канал. Несколько пологих ступенек спускались в воду, но ее уровень был явно

выше, чем в древности, и постепенно понижавшийся свод туннеля в конце концов касался воды. Дальше дороги не было.

Незадолго до того, как путь нам преградили подземные воды, мы заметили отверстие в правой стене туннеля. Вернувшись, мы пролезли в него: для этого пришлось опуститься на четвереньки. Вскоре мы оказались в боковом туннеле, который резко поворачивал влево, а затем круто поднимался вверх; вероятно, когда-то здесь были ступени, но теперь пол туннеля был засыпан обломками камней. Мы с трудом карабкались вверх.

Поднявшись футов на двадцать, мы наткнулись на нечто необычное: заложенный кирпичом вход в подземную комнату или галерею — возможно, небольшой храм или зал с колоннами. Здесь туннель разветвлялся. Мы повернули направо. Еще футов через двадцать дорогу нам преградила гора булыжника, но из отчетов о предыдущих исследованиях мы знали, что этот туннель соединяется с дальним концом подземного канала.

Мы вернулись к замураванному входу в святилище и пошли по левому туннелю. Он тоже разветвлялся, и один из ходов, похоже, вел в том направлении, откуда мы попали в подземный комплекс, только на более высоком уровне, минуя подземную реку.

Когда-то этот туннель тоже засыпали булыжником, но за две тысячи лет, прошедших с той поры, насыпь осела, и под сводом туннеля образовалась щель шириной восемнадцать дюймов. Она тянулась вперед, насколько хватало света наших фонарей, а затем исчезала в темноте. Я решил исследовать ее.

Угроза клаустрофобии была более чем реальной. Но у меня уже имелся опыт исследования пещер и туннелей на местах археологических раскопок на Ближнем Востоке, и я знал, что способен справиться с внезапным приступом паники, который охватывает человека, оказавшегося в одиночестве под землей, в узком и тесном пространстве, которое вдруг кажется ему могилой.

Я собирался исследовать этот проход, но Роберт отказался составить мне компанию. Двое итальянских рабочих, Джино и Пепе, тоже начали искать другой путь и занялись своими рюкзаками и веревками. Тем не менее они предложили мне привязать одну веревку к ноге. Думаю, они рассуждали так: если у меня вдруг случится сердечный приступ, и я умру, они без труда вытащат меня из щели. Довольно мрачная перспектива, а вскоре выяснилось, что и маловероятная.

Свод туннеля находился так низко, что мне приходилось ползти на животе — каска защищала меня от острых камней сверху, — отталкиваясь ногами и подтягиваясь на руках. Я не мог поднять голову, чтобы посмотреть, куда я ползу. Я не мог повернуть назад, потому что ширина щели оставалась прежней — примерно двадцать один дюйм. Я просто надеялся, что туннель приведет меня в такое место, где я смогу развернуться и проползти его в обратном направлении. В противном случае пришлось бы пятиться назад. Это довольно трудно, но возможно, и поэтому я не особенно волновался. Я полз вперед, почти прижавшись лицом к земле и радуясь, что надел респиратор. Кофр с фотоаппаратами пришлось толкать перед собой, потому что узкое пространство не позволяло закинуть его за спину.

Извиваясь, я полз по узкому проходу, стараясь двигаться как можно быстрее, и при этом оценивал пройденное расстояние. Время от времени я останавливался и свистел, а ответный свист служил сигналом, что товарищи слышат меня. Но вскоре до меня перестали доходить какие-либо звуки. Затем кончилась веревка. Я отвязал ее от ноги и пополз дальше.

Свод и стены туннеля постепенно сближались. Я был один. В абсолютной тишине. Несколько раз мне пришлось останавливаться, чтобы отдохнуть. Несмотря на все попытки, мне не удавалось избавиться от мысли о том, с какой огромной силой давит на свод туннеля вес скалы над ним. Моя голова касалась свода, локти задевали за стены, тело распласталось на булыжнике, насыпанном здесь две тысячи лет назад. Позади остался длинный лаз, а впереди

ждала неизвестность. Внезапно вся эта затея показалась мне чистым авантюризмом, если не безумием.

Если свод рухнет, никто никогда меня не найдет. Меня захлестнула волна паники. Несмотря на жару, меня била дрожь, тело отказывалось повиноваться. Разыгравшееся воображение рисовало мне следующую картину: я лежу в могиле и жду, когда меня начнут засыпать землей. Я должен был взять себя в руки — туннель существует много лет, и тот факт, что я оказался внутри, никак не может стать причиной его обрушения.

Я сделал несколько глубоких, медленных вдохов и почувствовал, что понемногу успокаиваюсь. Толкая сумку с фотоаппаратом перед собой, а пополз вперед. Вскоре я миновал стофутовую — по моим прикидкам — отметку, а горизонтальный туннель по-прежнему уходил в толщу скалы.

Приблизительно через сто двадцать футов туннель вновь изменился: свод стал немного выше, а ширина удвоилась. Начался спуск — примерно на один фут каждые три фута длины.

Я испытал облегчение — при необходимости я смогу здесь развернуться. Но тут я увидел, что туннель раздваивается. Два черных входа смотрели на меня, как дула двустволки. Я решил сначала исследовать правый туннель и пополз туда на четвереньках.

Но этот проход оказался коротким: он внезапно заканчивался в ста пятидесяти футах от входа. Это казалось бессмысленным. Может, его замуровали? Беглый осмотр не выявил никаких следов кладки. Слева виднелось отверстие в скале, которое вело в еще один туннель.

Я протиснулся в него и оказался в конце левого туннеля. Такая сложная система выглядела абсолютно бессмысленной. Зачем прокладывать два туннеля, заканчивающихся в одном месте? Впереди я увидел нишу — что-то вроде дверного проема, замурованного каменными блоками, плотно прилегавшими друг к другу. Слева от него обнаружилась еще одна стена с отверстием. Я просунул голову в отверстие и увидел еще один туннель, но и он оказался засыпан булыжником. Я топнул ногой по заваленному булыжником полу, и странный звук подсказал мне, что подо мной пустота. В такие предприятия я всегда беру с собой лопатку, но время для раскопок было не очень подходящим.

Тем не менее я вытащил лопатку и несколько раз ударил ею по каменной кладке дверного проема и крикнул изо всех сил. Ответа не последовало, но, как выяснилось впоследствии, Роберт Темпл слышал меня. Я стоял по другую сторону каменной кладки, которую мы прошли перед тем, как главный туннель повернул направо.

Создавалось впечатление, что изначально этот туннель тоже позволял попасть в «святилище» или «храм» глубоко под землей, открывая проход, который был выше другого туннеля и проходил над искусственным каналом. Теперь мне стала понятна логика этого места: как и предполагал Роберт Темпл, оно было предназначено для людей, которые пришли сюда узнать тайны загробного мира. Эти инициаты, как их называли, спускались под землю, шли по правому туннелю — такие рекомендации содержатся во всех древних текстах — и перевозились на лодках по искусственной реке к внутреннему святилищу, служившему дверью, или воротами, в преисподнюю, которую они искали, а также в царство богов. Возвращались посвященные тоже по подземной реке, тогда как другой туннель позволял священнослужителям быстро попасть в святилище, где они ждали прибытия инициатов.

Все это напоминало визиты в подземный мир, описанные древними классиками. Сначала того, кто осмелился спуститься в ад, перевозил через подземную реку Стикс молчаливый лодочник Харон. Затем, попав в царство богов, он увидел, как сказано у Вергилия, священные рощи, в которых пребывали души умерших[303].

Я вернулся к кофру с фотоаппаратами, не без труда извлек из него одну из моих любимых «Леек», несколько объективов и вспышку и принялся тщательно фотографировать все, что видел. Богатая практика исследований научила меня действовать так, как будто я больше

никогда не вернусь в это место. Принцип «фиксируй все» — очень полезная вещь. А в данном случае он оказался еще и пророческим.

Примерно через час я вернулся в туннель, где нашел Джино и Пене, которые явно нервничали. Некоторое время они не слышали моих движений, а я не отвечал на их крики. Когда веревка ослабла, они вытянули ее, но меня на другом конце не оказалось. Вероятно, они сообщили о своих опасениях властям, потому что при последующих посещениях этого места они не позволяли мне проникнуть в туннель. Делалось это неявно — никто не сказал ни слова, — но один из них всегда находился рядом со мной, и как только я приближался к узкому лазу, располагался между мной и входным отверстием. Они явно получили соответствующие указания: туннель считался слишком опасным. Поэтому цветные снимки, сделанные в первый раз, оказались единственными.

Нам не известно, кто проложил эти подземные туннели. Это могли сделать греки еще в седьмом веке до н. э. Никто не может сказать, для чего они использовались. Точно так же никто не знает, когда их замуровали и почему их существование держалось в тайне. Наиболее правдоподобной выглядит гипотеза, что Марк Випсаний Лгривпа, выдающийся римский полководец и флотоводец эпохи императора Августа и дед императора Нерона, по неизвестным нам причинам посчитал это место слишком опасным и решил уничтожить его, засыпав булыжником. Это произошло в 37–36 гг. до н. э., когда неподалеку строился его флот, а матросы тренировались на озерах Аверн и Лукрин, прежде чем принять участие в последнем, победоносном морском сражении Сицилийской войны[304].

Кто бы ни сделал это, он проявил завидное упорство. Разрушение подземного комплекса потребовало колоссальных усилий — по нашим прикидкам, нужно было спуститься туда около тридцати тысяч раз — что свидетельствовало о страстном, если не навязчивом, желании навсегда закрыть доступ в это место[305]. Если это дело рук Агриппы, то что так напугало его? А если это сделал не он, то кто и зачем?

Это произошло около двух тысяч лет назад. Вход в подземелье был обнаружен во время археологических раскопок в 1958 году, но тогда исследователи проникли в туннель лишь на небольшое расстояние. То, что это сложный подземный комплекс, выяснил в 1962 году бывший инженер-химик Роберт Пейджет, который исследовал, но не смог раскопать систему туннелей. После усилий, предпринятых Пейджетом, вмешались итальянские власти: вход в туннель был замурован, а само его существование держали в тайне. Почти сорок лет никто не спускался туда — пока не пришли мы с Робертом Темплом, Джино и Пене. В сущности это место просто исчезло из поля зрения археологов. Если кто-то интересовался им, ему отвечали, что это не представляющий ценности туннель, ведущий к горячему источнику — его построили во времена Римской империи, и он использовался для устройства термальных бань. Большинство ученых утратили к нему всякий интерес. И только Роберт Темпл серьезно относился к этому месту[306].

21 сентября 1962 года Роберт Пейджет вместе с коллегой спустился в подземные коридоры, куда две тысячи лет не ступала нога человека. Что ему удалось найти и почему итальянское правительство так странно отреагировало на его открытия?

Пейджета давно занимала гипотеза, что в этой местности существует оракул мертвых.

Он был убежден, что описание Вергилием путешествия Энея в подземное царство основано на опыте реального путешествия к этому оракулу. Примечательно, что Вергилий дает понять, что оракул СИВИЛЛЫ в Кумах, в реальности которого нет никаких сомнений, и оракул мертвых — это два разных места. Тем не менее оракул мертвых находился где-то в окрестностях озера Аверн, которое представляет собой заполненный водой кратер вулкана, примерно в миле от Кум и в миле или двух к северу от Байи[307].

В «Энеиде» Вергилия Эней приходит к Сивилле из Кум и спрашивает, как попасть в подземный мир. «В Аверн спуститься нетрудно», — отвечает прорицательница[308]. Другими

словами, Вергилий утверждает, что вход в подземный мир расположен неподалеку — как мы могли убедиться, в пределах мили.

Что это: литературный вымысел или знания, полученные Вергилием в результате личного опыта? Пейджет был твердо убежден, что Вергилий посещал это место. Исключать такую возможность нельзя, потому что, как известно, Вергилий действительно некоторое время жил неподалеку[309]. Пейджет не сомневался, что этот оракул, как и оракул в Кумах, реально существовал. Скорее всего, он был прав: Ганнибал, захвативший эту местность в 209 г. до н. э., считал себя обязанным совершить жертвоприношение в священном месте, или оракуле, который якобы находился поблизости от озера Аверн[310]. Конечно, скептики могут сказать, что именно это событие послужило источником для поэмы Вергилия и поэтому Вергилию было вовсе не обязательно самому видеть оракул.

Чтобы доказать свою теорию, Пейджет и его жена переехали в Байю. Вместе с Китом Джонсом, таким же любителем археологии, служившим в ВМС США на базе НАТО в Неаполе, они решили начать методичные поиски с целью найти следы оракула.

Поиски начались с древнегреческого города Кумы примерно в двух милях к северо-западу от Байи. Они изучили множество туннелей и пещер в этой местности, в том числе знаменитый оракул Сивиллы, который был открыт в 1932 году и на месте которого в последствии проводились раскопки. Но им не удалось найти ничего, что напоминало бы оракул мертвых.

Затем Пейджет и Джонс занялись озером Аверн, которое во многих легендах указывалось как местоположение оракула. Они обнаружили свидетельства существования доков Агриппы и его фортификационных сооружений, в том числе два длинных туннеля; один из них длиной в милю и шириной десять футов был проложен под землей от озера Аверн до самых Кум. Они исследовали множество туннелей и пещер, но так и не смогли найти ничего, что подходило бы под описание оракула мертвых. Поэтому они перешли на новое место.

На морском побережье примерно в двух милях от озера Аверн находится древний город Байя, большая часть которого в результате тектонических процессов в этом нестабильном регионе сегодня покоится на дне моря. Когда-то это был крупный центр Римской империи. Римский географ и историк Страбон — он умер в 24 г. н. э., за несколько лет до крещения Иисуса — так характеризовал это место, славившееся горячими источниками: «Оно приспособлено для веселого времяпрепровождения и для лечения болезней»[311]. В те времена это был шикарный морской курорт, где римские аристократы проводили праздники. Здесь также находились огромные виллы императора и римских патрициев, развалины которых до сих пор можно увидеть на склонах холмов или на дне моря. Земля в этом месте опустилась, и древние руины протянулись под водой примерно на милю вокруг залива Поццоли — их можно наблюдать из лодки со стеклянным дном. На склонах холма в Байе среди развалин бассейнов сохранились остатки трех храмов, посвященных Диане, Меркурию и Венере. Современная Байя — это небольшой рыбацкий порт, в центре которого масса маленьких, но превосходных ресторанчиков — тихое место, куда итальянские бизнесмены с удовольствием привозят на ленч своих хорошеньких подруг.

Раскопки развалин на склоне холма в Байе, которые проводились в 1958–1959 гг., позволили обнаружить целый комплекс римских купален, но везде царил полный хаос — возможна, в результате многочисленных перестроек после землетрясений, нередких в этом регионе. Мощное землетрясение 63 г. н. э. вызвало оползни, накрывшие многие из первоначальных построек.

Пейджет и Джонс начали исследовать все туннели в этом районе — точно так же, как делали это в окрестностях Кум и озера Аверн. По их оценкам, к этому моменту число туннелей, в которые они спускались, уже перевалило за сто. Здесь их особенно привлекло одно место: платформа, на которой был построен древний греческий храм, датируемый пятым веком до н. э. [312] Под платформой имелось множество туннелей и подземных комнат.

Пейджет пришел к выводу, что это жилища жрецов оракула мертвых, которые — по словам греческого историка Эфора — никогда не видели света и общались друг с другом при помощи подземных туннелей[313]. Директор раскопок в Байе рассказал Пейджету и Джонсу, что под храмом находится еще один туннель, который они не видели. Он утверждал, что нижний туннель очень опасен из-за «плохого воздуха». Археологи, открывшие его, смогли пройти лишь небольшое расстояние, а затем были вынуждены повернуть назад. Пейджет говорил, что инспектор департамента древностей дал указания запретить дальнейшие исследования, чтобы не подвергать людей риску[314]. Пейджет и Джонс решили отложить изучение этого туннеля.

Тем временем они исследовали все остальные туннели. В одном из них они проползли сто пятьдесят футов, прежде чем поняли, что им негде развернуться. Пришлось пятиться назад. Наконец, пришло время взглянуть на туннель, считавшийся слишком опасным. Добровольца из группы Пейджета привязали к концу веревки длиной двадцать пять футов. Процедура напоминала военную операцию:

«Идея состояла в том, что он шел вперед на длину веревки. Если он оставался на ногах, мы делали вывод, что воздух годен для дыхания... если же он падал, мы надеялись, что сможем вытащить его в безопасное место»[315].

Он не упал.

Пейджет и Джонс решили сами спуститься в туннель, чтобы осмотреть его. Они продвигались вперед с большой осторожностью:

«На слое пыли, покрывавшем пол, мы различали следы археологов, которые спускались в туннель в 1958 году. Затем следы исчезли, и мы увидели впереди себя нетронутую пыль на полу уходящего в темноту туннеля...»[316]

По мере того, как они продвигались вперед, их охватывал страх. Температура все время повышалась, и примерно через четыреста футов они решили, что с них хватит, и быстро вернулись на поверхность, на свежий воздух. Они решили ничего не говорить о проникновении в туннель итальянским властям, которые по-прежнему считали, что он заполнен ядовитыми газами.

Вскоре Пейджет и Джонс спустились в туннель еще раз. Теперь они прошли около пятидесяти футов, прежде чем дорогу им преградила вода. В туннеле было очень жарко и влажно, и они жаловались на недостаток кислорода. Они смогли простоять у кромки воды всего пятнадцать минут, отсняв за это время множество слайдов, которые при помощи проектора можно было просмотреть на большом экране. Именно на экране они увидели плиту на своде туннеля над водой.

Вернувшись в туннель, они попробовали толкнуть плиту. Она поддавалась. Им удалось сдвинуть ее в сторону, и Кит Джонс протиснулся в образовавшееся отверстие. Он оказался в туннеле, который круто шел вверх. Туннель вел прямо к замураванному входу в подземное святилище, которое, как они впоследствии вычислили, располагалось в шестистах футах от склона холма и на глубине примерно ста сорока футов. Они попали в загадочный подземный комплекс, который им предстояло подробно изучить[317].

Пейджет рассказывал, что температура воздуха в туннеле доходила до 120 градусов по Фаренгейту, а воды — до 85 градусов. В мае 1965 года подводный пловец армии США полковник Льюис вместе с сыном исследовали заполненный водой канал. Они обнаружили, что на другом конце канала — его длина составляла около восьмидесяти футов — находилась площадка, от которой отходил туннель, приводивший прямо к подземному святилищу. На глубине тридцати футов Льюис увидел две искусственные пещеры с горячими источниками, температура которых превышала 120 градусов по Фаренгейту.

Дальше вода была такой горячей, что Льюису пришлось отступить[318]. С того времени температура — по крайней мере, в доступной части канала — значительно снизилась. Когда

мы исследовали это место, температура воды составляла всего 83 градуса по Фаренгейту, а воздух в самом туннеле был на один градус холоднее.

Как выяснилось, у Роберта Пейджета и Роберта Темпла было много общих интересов.

В 1984 году Роберт Темпл написал увлекательную книгу *Conversations with Eternity*, в которой анализировались оракулы и пророчества в Древнем мире. В книге он упоминает необычный подземный комплекс в Байе и подробно описывает его. Я купил книгу почти сразу же после ее появления на прилавках и был поражен необычностью этого места. Самое сильное впечатление на меня произвела точность инженерных расчетов: длинный входной туннель ориентирован на точку восхода солнца во время летнего солнцестояния, а подземное святилище ориентировано на точку захода солнца в тот же день[319].

Это описание вскрывало еще одну непостижимую загадку: откуда строители комплекса знали о существовании подземной реки или источника на расстоянии шестисот футов от входа в туннель и на глубине ста сорока футов от поверхности земли? Роберт Темпл обращал внимание на следующие факты:

«Здесь нет никаких следов разведки, пробных ходов или ошибок. В монолитной скале из туфа нет никаких естественных пещер, туннелей или каналов, которые ПОЗВОЛИЛИ бы провести разведку или обнаружить под земные реки»[320].

Когда Роберта Пейджета спрашивали об этой странности, он отделялся бесстрастным заявлением, что «существует несколько инженерных проблем, которые требуют обсуждения»[321]. Заинтересовавшись, я решил, что должен когда-нибудь увидеть подземный комплекс собственными глазами.

С Робертом и Оливией Темпл я познакомился в такси; это случилось в Каире в 1998 году. Мы были в числе участников тура по Египту, организованного для писателей моим хорошим знакомым Робертом Бьювэлом — вместе с Грэмом Хэнкоком он является автором книги «*Keener of Genesis*», посвященной египетским мистериям. Мы собирались побеседовать с участниками поездки.

Первым делом я спросил у Роберта Темпла: «Как мне увидеть то странное подземное святилище, о котором вы писали?» Ему явно польстило, что я знал о его книге, написанной четырнадцать лет назад, но мой вопрос вызвал у него замешательство. Он объяснил, что сам не спускался под землю, потому что по распоряжению итальянских властей в 70-х годах вход в туннель был завален булыжником и камнями. Вход туда был запрещен. «Но, — добавил он, — я пытаюсь получить разрешение». Эти безуспешные попытки продолжались почти двадцать лет. Даже из британской школы в Риме ему пришел ответ, что туннель «полностью закрыт из соображений безопасности» и что, по утверждению итальянских властей, подземные ходы «заполнены ядовитым газом»[322].

И только три года спустя, в 2001 году, Роберт Темпл, с которым мы регулярно виделись после той первой встречи, позвонил мне и сообщил волнующую новость: итальянские власти разрешили ему спуститься в подземный комплекс в Байе. Роберт спрашивал, не хочу ли я присоединиться к нему и — учитывая мой опыт как фотографа — сделать подробные снимки этого места. Я согласился не раздумывая. В мае того же года вместе с моей женой Джейн, а также с Оливией и Робертом Темпл я приехал в Неаполь. До Байи мы добирались на такси.

На все время своего пребывания в городе мы сняли квартиру над рестораном с окнами, выходящими на причал.

В первый же день после превосходного ленча мы с Робертом исследовали дальние уголки подземного комплекса, ища следы дверных проемов в туннеле, когда вдруг до нас донеслись отзвуки женских голосов. Может, древний оракул вернулся к жизни? Оказалось, что это наши жены отважно прокладывают путь к подземной реке. Для двух женщин, испытывающих страх перед замкнутыми пространствами, это был настоящий подвиг. Ни одна из них не хотела

лишать себя необычайных открытий этого дня. Теперь у нас есть общие воспоминания о том, как мы стояли у подземной реки, ведущей в «преисподнюю».

В тот день мы также поняли, почему итальянские власти так странно относятся к этому месту. По мнению главного археолога, доктора Паолы Миниеро, туннель служил для подачи горячего воздуха в римские термы. Этот район славился горячими источниками, и в склонах холмов имелись другие туннели, использовавшиеся именно с этой целью. Однако те туннели были примитивными и грубыми, а наш отличался прямизной и гладкими стенами. Как бы то ни было, это была официальная точка зрения. Поэтому медлительность властей, сообразили мы, могла быть вызвана не антипатией, а просто отсутствием интереса.

Чтобы переубедить доктора Миниеро, мы пригласили ее спуститься в подземный комплекс вместе с нами. Она была поражена его сложностью и признала, что туннель не похож на обычные каналы, проложенные к горячим источникам. Она сказала, что должна подумать, что все это может означать[323]. Более того, мы увидели, что ее отношение к этому комплексу изменилось и теперь она понимает, что вызвало наш интерес.

Тем временем мы с Робертом пришли к выводу, что необходимо организовать систематические раскопки этого места. Нам также казалось, что тот, кто был недоволен существованием этого места и приказал засыпать его камнями, вряд ли что-то взял из святилища. Скорее всего, все, что находилось внутри, было разбито вдребезги, а затем проходы заполнили булыжником. Эти люди не могли ничего взять с собой из страха, что их будут преследовать разгневанные духи. Если наши рассуждения верны, то внутри все еще могут лежать предметы культа, которыми пользовались в святилище.

Мы обратились к итальянским властям за разрешением вести раскопки и в ожидании ответа сделали два кратких доклада на конференции специалистов по древним греческим культам в Италии, которая проходила в июне 2002 года в Кумах[324]. Мы пригласили нескольких ученых спуститься в туннели, что бы они увидели это место своими глазами; все согласилось, что оно заслуживает внимания. На конференции Роберт говорил о Байе и возможных связях этой местности с оракулами, описанными в классической литературе древности. Мое краткое выступление было посвящено внутренней логике архитектурных особенностей этого места: мне хотелось представить слушателям свидетельства того, что это не просто канал для подачи воды, а культовое сооружение, заслуживающее археологических раскопок.

Я подчеркивал, что этот туннель был точно рассчитан и искусно выполнен и что для простого водовода он слишком совершенен. Главный туннель был точно ориентирован в направлении восток — запад, что характерно для религиозных святилищ: он заканчивался подземным помещением неизвестной величины и был связан со сложной системой туннелей. Логика, утверждал я, подсказывает путешествие, особенности которого совпадают с мифологическими мотивами, встречающимися в классической литературе, описывающей места инициации и вход в царство мертвых. По всей видимости, смысл путешествия по этому туннелю заключался в том, чтобы вызвать определенные ощущения у человека, который его совершает. В заключение я сказал, что это место достаточно необычно и, чтобы понять его, требуются раскопки. Отклики в прессе убедили нас, что нам удалось донести до слушателей свою точку зрения, и многие ученые предложили посильную помощь в организации раскопок, которые позволят больше узнать об этом подземном комплексе.

Разрешение от итальянских властей на проведение раскопок еще не пришло, но надежда не покидала нас: по крайней мере, мы вступили в переговоры относительно стоимости и продолжительности первого этапа. Мы с Робертом надеялись, что сбор средств и получение официального разрешения займет не слишком много времени. А пока Роберт включил рассказ о наших поисках в Байе в свою последнюю книгу, посвященную оракулам и пророчествам, «Netherworld», которая вышла в 2002 году, а также опубликовал несколько фотографий, сделанных внутри подземного комплекса.

Нельзя не упомянуть и еще об одной загадке. В поэме «Энеида» Вергилий описывает, как Эней, спускаясь в царство мертвых, пересек реку Стикс, но прежде чем попасть в «священные рощи», он должен был оставить у ворот ветку омелы. Эней останавливается у входа и кладет на брус ворот принесенную с собой ветку[325]. Казалось бы, это незначительный эпизод поэмы, но когда мы стояли у замурованного входа в подземное святилище в Байе, нас поразила одна деталь. Справа от двери находилась маленькая закругленная ниша с плоским дном, предназначенная для приношений. Вывод очевиден: описанное Вергилием путешествие в подземный мир не просто литературный вымысел. В его основе лежат реальные события, происходившие в реальном месте — в подземном комплексе в Байе.

Роберт Пейджет, который хорошо знал поэму Вергилия и обнаружил нишу, был убежден, что это действительно так; он назвал подземный канал «Стиксом». Совершенно очевидно, что, по меньшей мере, часть пути нужно было преодолеть на лодке по этому каналу, поскольку ступени на другом его конце вели к туннелю, заканчивавшемуся у подземного святилища. Роберт Темпл, тоже знакомый с произведением Вергилия, был согласен с Пейджетом.

Сама идея о путешествии в царство мертвых имеет долгую историю в греческом мире. Первое упоминание о таком путешествии содержится в одиннадцатой книге великой поэмы Гомера «Одиссея». Во время долгого пути домой после покорения Трои Одиссей по требованию волшебницы Цирцеи спускается в Гадес, где царствовала Персефона, чтобы спросить совет у души фиванца Тиресия. Гомер пишет, что Одиссей приплыл в местность, покрытую «влажным туманом и мглой облаков», где «никогда не являет оку людей там лица лучезарного Гелиоса»[326]. Именно там Одиссей спускается в царство мертвых.

Страбон утверждает, что мрачное место, описанное у Гомера, это область Байи; когда-то она была покрыта непроходимыми лесами, внушавшими суеверный страх, а также изобиловала серой и горячими источниками. Все это свидетельствует об опасной вулканической активности, за которой стояли те же тектонические процессы, которые не давали потухнуть вулкану Везувий, расположенному примерно в пятнадцати милях от этого места[327].

Страбон ссылается на своего предшественника, греческого историка Эфора, жившего в четвертом веке до н. э. Эфор рассказывал об опасном оракуле, расположенном в окрестностях древней Байи. Жрецы, обслуживавшие этот оракул, жили под землей и никогда не видели солнечного света, сообщаясь между собой при помощи подземных туннелей. По этим туннелям они проводили посетителей в центр оракула, расположенный глубоко под землей[328]. Страбон, пересказавший эту историю, считает ее вымыслом.

Некоторые современные ученые полагают, что этот древний оракул был расположен на берегу озера Аверн или где-то поблизости от него[329]. Другие, признавая значение оракула, указывают на неточность древних источников и вполне допускают, что ссылки на озеро Аверн на самом деле указывают на древнюю Байю[330]. Однако у тех, кто спускался в туннели и видел доказательства собственными глазами, не осталось сомнений. Этот грандиозный подземный комплекс в Байе, охраняемый жрецами, которые не видели дневного света — если верить Эфору, — был знаменитым оракулом мертвых. Другого подходящего кандидата в этой местности нет.

Оракулы, широко распространенные в Древнем мире, были теми местами, куда за советом приходили цари и герои. Кроме того, к ним мог прийти каждый — или по крайней мере тот, кто был в состоянии уплатить требуемую сумму — за ответами на вопросы, касающиеся важных решений, которые ему предстояло принять. Некоторые из этих оракулов считались особенными — те самые, которые получили известность как «оракулы мертвых».

В Древнем мире существовали четыре главных оракула, где было возможно общение с умершими. Первый из них находился здесь, в Байе (иногда это место называли Аверн), в северо-восточной части Неаполитанского залива; второй в Ахероне неподалеку от древней Эпиры в Фес-проти на северо-востоке Греции; третий в районе Герак-леи в Понте на севере

Турции, на берегу Черного моря; четвертый у Тенарона в Лаконии, на самом юге материковой Греции. От двух последних оракулов не осталось никаких следов. На развалинах Ахерона, обнаруженных под христианской церковью, построенной на этом месте, раскопки ведутся с 50-х годов двадцатого века. Однако некоторые специалисты сомневаются, что это развалины оракула; они утверждают, что это остатки укрепленного жилого дома и что оракул мертвых нужно искать в другом месте — если он вообще существует[331]. Другими словами, в настоящее время Байя — если наша идентификация верна — является единственным оракулом мертвых, который сохранился с древних времен, что лишь подчеркивает значение этого места.

Все оракулы Древнего мира были окутаны тайной, но у оракулов мертвых была одна особенность: они служили входом в преисподнюю и позволяли встречаться с богами. По этой причине некоторые из них предполагали посвящение в тайны того, что мы называем потусторонним миром.

Доктор Питер Кингсли в своей книге «Ancient Philosophy, Mystery, and Magic» указывает, что самые первые представления о путешествиях в потусторонний мир у народов, еще не знавших письменности, сохранялись при помощи шаманов, которые учили, что невозможно достичь «небес», не спустившись сначала в «ад», и что эти древние путешествия в мир богов начинались со спуска в преисподнюю посредством «смерти», после которой человек оказывался в месте, которое позволяет попасть и в верхний, и в нижний мир[332]. О таком путешествии рассказывает еще один греческий писатель, живший в Риме — Луций Апулей. Вот его знаменитое и загадочное описание посвящения в культ Исиды:

«Достиг я рубежей смерти, переступил порог Прозерпины и вспять вернулся, пройдя через все стихии; в полночь видел я солнце в сияющем блеске, предстал пред богами подземными и небесными и вблизи поклонился им»[333].

Трудно отрицать определенную связь между оракулами мертвых и посвящением, но у нас нет конкретных доказательств этой связи. Примечательно, что оракул мертвых в Байе и оракул Аполлона в Кларосе, недалеко от Колофона в Турции, имеют много общего; кроме того, имеются свидетельства того, что оракул в Кларосе был также местом посвящения[334]. Нет необходимости предполагать существование каких-то механизмов и звуковых эффектов; достаточно того, что ищущий ответа на вопросы спускался в Гадес — так греки называли мир мертвых, или потусторонний мир — встречался там с богами, а затем его посвящали в божественные тайны, совсем как Апулея.

Для древних греков посвящение и смерть были неразрывно связаны. Это отражалось даже в языке. Слово *telos* означает окончание, завершение, доведение до совершенства. Множественное число, или *telea*, «служило названием для ритуалов посвящения, которые вели к законченности и совершенству, но в то же время предполагали завершение, или смерть»[335]. Различные формы этого термина неоднократно повторяются в обрядах посвящения: *telein* означает «посвящать»; *telesterion* — это помещение, в котором проводится обряд посвящения; *telestes* — это проводящий посвящение жрец; *telete* означает саму церемонию посвящения, а *teloumenoi* — это люди, которых посвящают в божественные тайны[336].

Когда греческого философа Сократа приговорили к смерти за неуважение к богам Афин, он должен был совершить самоубийство, выпив чашу с ядом. Платон в своем произведении «Федон» приводит беседы с Сократом в день его смерти, причем это не репортаж с места события, а воображаемый диалог, основанный на том, что Платон знал о Сократе и его мировоззрении.

Естественно, разговор заходит о смерти и о том, как относится к ней философ. Платон устами Сократа объясняет, что хотя широкая публика может об этом не знать, что «те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле только одним — умиранием и смертью»[337]. Затем он подчеркивает, что философские занятия как раз и состоят в том,

чтобы отделить душу от тела и освободить ее. На самом деле истинные философы постоянно упражняются в умирании[338].

Описание, приписываемое трактату Фемистия (вполне возможно, что на самом деле оно принадлежит Плутарху[339]) «О душе», раскрывает секрет обучения — посвященный должен получить те же знания, что и умирающий, но с той лишь разницей, что он возвращается в наш мир.

В момент смерти, полагает Фемистий, «душа испытывает такие же ощущения, что и те, кого посвящают в великие мистерии».

Это утверждение может быть воспринято как свидетельство человека, который сам был посвящен в великие мистерии. Это не просто абстрактная вера, а опыт, приобретенный во время такого путешествия в мир мертвых.

«Поначалу ты беспокоишься и устало мечешься туда-сюда, — продолжает Фемистий, — и с опаской пробираешься сквозь тьму, как при обряде посвящения; затем приходит ужас перед последним посвящением — вместе с ознобом, потом и изумлением. Потом тебя ошеломляет божественный свет, и ты попадаешь в чистейшие луга, наполненные голосами и танцами, волшебством божественных звуков и форм. Прошедший посвящение прогуливается среди них, свободный и раскрепощенный, и присоединяется к божественному сообществу, беседа с благочестивыми и святыми людьми».

Затем Фемистий описывает унижение тех, кто никогда не стремился к посвящению: путник может видеть тех, «кто живет здесь без посвящения... мучимых страхом смерти и неверием в здешнее блаженство»[340].

Римский государственный деятель и мыслитель Сенека, живший в первом веке н. э., понимал смысл и значение посвящения, отворяющего «не городское святилище, но огромный храм всех богов, именуемый миром»[341]. Платон утверждал, что «умереть значит быть посвященным»[342]. Мирча Элиаде, который на протяжении многих лет занимал должность профессора религиозной истории Чикагского университета, объяснял, что, в сущности, посвящение — это встреча с божественным[343].

Как и в Древнем Египте, в Древней Греции посвящение лежало в основе духовной жизни, которая нашла отражение в самых древних из дошедших до нас источников, хотя впоследствии этот факт был забыт или сознательно вычеркнут из памяти.

Период между Гомером и Платоном — это загадочное время в греческой истории. Тогда философы не просто сидели и дискутировали друг с другом за кувшином вина, а вели активную жизнь: врачевали, учили, пели, писали и декламировали стихи, участвовали в священных обрядах, медитировали, применяли известные только им приемы, чтобы перенести ищущего истину к глубочайшим божественным истокам реальности. Выше всего они ставили молчание и неподвижность. Вместо того, чтобы рассуждать о философии, они постигали ее; они жили в реальном мире, а не в идеализированном мире узкого круга интеллектуальной элиты. Сегодня мы называем этих первых религиозных наставников досократиками, но это всего лишь название, современный нонсенс, порожденный нашим навязчивым стремлением к классификации.

История сохранила для нас имена философов этой группы: Парменид, Эмпедокл, Гераклит, Пифагор. Их изучал Платон, который некоторое время жил в общинах их последователей на острове Сицилия и в самой Италии. Он воспринял их идеи и превратил в научную теорию, отсеяв все экспериментальные аспекты. Ученик Платона Аристотель завершил процесс обожествления человеческого разума, утверждая, что все наши знания могут быть получены только путем рассуждений и что истина выявляется посредством дискуссий и логических построений. Признавая обучение на основе опыта, он ограничивал опыт источниками знаний, считавшимися приемлемыми. Досократики рассмеялись бы ему в лицо.

И мы согласились бы с ними. Истина, как мы могли убедиться, это нечто такое, что постигается непосредственно, а не выводится при помощи рассуждений. Можно верить, что пламя причиняет боль, но, не поднеся руку к огню, невозможно почувствовать боль. Само собой разумеется, что знания надежнее веры.

Все это не очень хорошо известно — благодаря политикам, как древним, так и современным. Платон и Аристотель были афинянами; Парменид, Пифагор и другие являлись гражданами греческих поселений на юге Италии и на Сицилии, которые часто воевали с Афинами. Кроме того, они поддерживали тесные контакты с мистическими и шаманистическими течениями, проникавшими в бассейн Эгейского моря из Малой Азии. Эти города также поддерживали связи с египтянами, и самые известные их философы нередко обучались в египетских храмах. Сам Пифагор в возрасте двадцати двух лет уехал учиться в Египет, где на протяжении тринадцати лет жил в храмах, прежде чем его увезли в Вавилон захватившие Египет персы[344].

Современные университеты «афиноцентричны» в своем подходе к древней истории и философии — то есть они ориентируются на политику и философию, родиной которых были древние Афины. Этим идеям придается гораздо большее значение, чем они того заслуживают, а из-за веры современного человека в разум и мыслительные способности это искусственно преувеличенное значение Афин и афинской философии считается самоочевидным и не подлежащим обсуждению. Критика этой точки зрения приравнивается к радикализму и даже подрывной деятельности. Но на самом деле, утверждает специалист по философии досократиков Питер Кингсли, «многие культурные центры Греции принимали сторону Персии, а не Афин. Они считали персов более цивилизованными»[345].

«Совершенно очевидно, — добавляет он, — что Платон и Аристотель не были самыми главными фигурами греческой философии и не все дороги вели в Афины»[346].

Я с удовольствием вспоминаю речь, которую Кингсли произнес перед группой из примерно двадцати университетских преподавателей — все они были специалистами по классической философии — в Олл-Соулз-Колледж в Оксфорде. Кингсли говорил о Пармениде. «Невозможно не учитывать, — вежливо сказал он слушателям, ловившим каждое его слово, — эмпирическое в трудах Парменида». Затем его кулак с грохотом опустил на стол, так что все присутствующие вздрогнули. «Как смеете вы игнорировать эмпирическое в трудах Парменида?» — прорычал он, открыто бросая вызов всему, чему учились и чему учили других его слушатели. Они с изумлением смотрели на Кингсли; такого в колледже Оксфорда еще не видели.

Мысль Кингсли очень важна. Парменид не просто один из первых «философов», что соблаговолили признать афиняне — в снисходительной манере, сохранившейся до наших дней. Он не просто предшественник интеллектуальных игр, которые они называли философией.

Значение Парменида состоит в том, что он сам совершил путешествие в загробный мир и вернулся назад. И он написал об этом путешествии удивительную поэму.

Кингсли объясняет: «Труды Парменида не оставляют сомнений, что знания, которыми он обладал, получены в мире мертвых. Сделать это можно было, умерев раньше, чем пришел его срок, — по собственному желанию»[347].

Парменид начинает свою философскую поэму следующими словами: «Кони, несущие меня, куда только желание достигает...» Следует обратить внимание на смысл, который вкладывает Парменид в слово «желание» — это внутренняя потребность вернуться в наш настоящий дом.

Далее Парменид говорит, что кони «мчали, вступивши со мной на путь божества многовещий, что на крылах во Вселенной ведет познавшего мужа»[348].

Это был путь в другой мир.

В 1879 году итальянский археолог, проводивший раскопки в окрестностях древнего города Фурии, который был основан греческими колонистами приблизительно в 444 г. до н. э., обнаружил большое количество могил. Четыре могилы были необычно большими, и археолог исследовал их.

В двух могилах рядом с телами умерших было найдено несколько золотых пластин. Они были сложены, наподобие амулетов, широко распространенных в ту эпоху. Когда пластины развернули, оказалось, что на них нанесен текст на древнегреческом языке.

Как это ни удивительно, надписи на золотых пластинках не только были предназначены для того, чтобы облегчить умершему путешествие в загробный мир, но и оказались очень похожими на египетскую «Книгу мертвых» и другие тексты, рассказывающие о путешествии в загробный мир. Поэтому не увидеть связи между ними было просто невозможно. Похоже, что древнегреческие культы, нашедшие отражение в этих текстах, и особенно те, которые существовали в Италии, либо происходили от египетских храмовых культов, либо каким-то образом использовали почерпнутые у них знания[349].

«О счастливый и благословенный, ты уже больше не смертный, а бог», — читаем мы обращение к умершему человеку на одной из пластин из Фурии, датированной третьим или четвертым веком до н. э. [350] Эта фраза почти слово в слово повторяет изречения «Текстов пирамид», которые на две тысячи лет старше.

В городке Петелия на юге Италии была найдена еще одна золотая пластина той же эпохи с чрезвычайно интересным текстом. Рассказывая о неких стражниках, охранявших священный источник и, по всей видимости, требовавших от пришедшего в загробный мир, чтобы он назвал свое имя, текст советует:

«Скажи: я дитя Земли и звездного Неба, но род мой принадлежит только Небу»[351].

На золотой пластине, найденной в могиле недалеко от города Пелинней в греческой Фессалии, упоминается некий праздник или ритуал, который происходит под землей под руководством «посвященных»:

«...и ты спускаешься под землю и совершаешь обряд с другими посвященными»[352].

Упоминание о «посвященных» очень показательное: в пьесе «Лягушки» греческого комедиографа Аристофана, сочинявшего свои комедии в четвертом и пятом веке до н. э., Геракл рассказывает о путешествии в подземный мир и о веселом празднике. Дионис спрашивает его: «А кто же там?». «Собрание посвященных», — отвечает Геракл[353]. Очевидно, он имеет в виду тех, кто прошел обряд посвящения в мистерии.

Ничего не поделаешь: мы просто вынуждены серьезно отнестись к идее инициации в подземных святилищах, и к тому, что посвященные знакомились с тайными обрядами и тайными знаниями, доступными только мертвым. Это довольно странные для современного человека идеи, но чтобы понять древних, мы должны взглянуть на вещи их глазами: именно так они объясняли происходящее, причем нисколько не сомневались в верности своих представлений. Тот факт, что нам в это трудно поверить, еще не причина считать, что древние неправильно понимали происходящее или, того хуже, делали его частью «лжи во спасение». Все имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства подталкивают к выводу, что люди, прошедшие обряд посвящения, не обманулись в своих ожиданиях. Никто не потребовал «вернуть деньги».

Теперь, наверное, пора посмотреть, как жрецы это делали — как они помогали тем, кто проходил обряд посвящения, покидать свои тела и перемещаться в мир мертвых.

На первый взгляд эти таинства не имеют никакого отношения к нашему рассказу об Иисусе и источнике его знаний. Однако Иисус, как мы вскоре убедимся, также исповедовал эмпирический подход к своему мистицизму. Может быть, мыслители, подобные Пармениду, перенесли эти идеи в эпоху классицизма, то есть во времена Иисуса?

Может быть, эти идеи внесли свой вклад в формирование благодатной смеси мистических практик, центром которой была Александрия, а также в мировоззрение еврейской секты терапевтов, община которой, как писал Филон Александрийский, обосновалась недалеко от города?

В 1958 году в Италии археологи сделали удивительное открытие. При раскопках древней Велии, родины философа досократика Парменида, они обнаружили в древнем здании остатки тайной галереи. Там находились каменные постаменты трех статуй. Сами статуи, разумеется, давно исчезли, но на постаментах сохранились надписи, которые свидетельствовали о существовании в Велии целой династии жрецов-врачевателей бога Аполлона, основателем которой был не кто иной, как сам Парменид. Последняя надпись была сделана через 446 лет после смерти Парменида — то есть в начале христианской эры. Возможно, династия жрецов существовала и позже, поскольку нам неизвестно, была ли найденная на каменном постаменте надпись последней.

Следует отметить одно важное для нас обстоятельство: этих жрецов-врачевателей называли Pholarchos, или «хозяином убежища». То есть они специализировались на технике посвящения, которая была широко распространена в Древнем мире и носила название «инкубация»[354].

«В древности самым надежным способом установить контакт с божествами или с загробным миром была „инкубация" — ожидание сна или видения у человека, спящего на земле или под землей»[355].

Обряд инкубации предполагает, что человек должен лежать тихо и неподвижно в подземной комнате или пещере, чтобы вызвать вещий сон или впасть в промежуточное между сном и бодрствованием состояние. Именно в этих темных, скрытых от глаз помещениях происходил переход в потусторонний мир, где человек получал видение от божественного источника всего сущего. Богом инкубации считался Аполлон[356].

Богом-покровителем священных рощ в окрестностях озера Аверн, которые генерал Агриппа приказал вырубить, чтобы построить флот, тоже был АПОЛЛОН. Таким образом, можно ожидать, что и в этой местности проводились обряды инкубации. Что вновь приводит нас к подземным туннелям в Байе.

Путешествие в загробный мир предпринимали либо ради исцеления от болезни, либо для получения божественных откровений. Жрецы-врачеватели Аполлона специализировались на инкубации, и, как поясняет Кингсли, «использовали магию для перехода в измененное состояние сознания»[357].

Как мы можем видеть, эти древнегреческие обряды, использовавшие подземные туннели, как в Байе, или пещеры и галереи, как в Велии, очень похожи на ритуалы, проводившиеся в подземных святилищах под храмами Древнего Египта. В темных, скрытых от посторонних глаз помещениях после соответствующей подготовки жрецы проводили обряд посвящения, после чего инициат оставался лежать неподвижно, переходя в измененное состояние сознания. Нам ничего не остается, кроме как серьезно рассматривать возможность, что душа в форме ба (по египетским поверьям) или psuche (как считали греки) действительно отделялась от тела и отправлялась в загробный мир.

Во времена Иисуса эти две традиции, египетская и греческая, сблизилась еще больше.

И действительно, в эпоху греческого и римского владычества египтяне изо всех сил старались сохранить свои тайные знания. В герметическом тексте «Асклепий», датированном вторым веком н. э., мы читаем:

«...придет время, когда будет казаться, что египтяне напрасно с таким благочестием соблюдали культ богов и что все их святые воззвания окажутся тщетны и не исполнены. Божество покинет землю и вернется в небо, оставляя Египет, свое старинное обиталище, вдовую религии, лишенной присутствия богов. Чужестранцы наводнят страну и землю и будут

не только пренебрегать вещами святыми, но, что еще более прискорбно, религия, набожность, культ богов будут запрещены и караемы законами. Тогда земля сия, освященная столькими святилищами и храмами, будет изрыта могилами и усеяна мертвецами. О Египет, Египет! От твоих верований останутся только неясные рассказы, в которые потомки уже не будут верить, набожные слова, высеченные в камне»[358].

Очевидно, египтяне принимали меры для сохранения секретов: философ Ямвлих сообщает, что египетские жрецы обучались выражать свои взгляды греческими философскими категориями, что привело к появлению целого собрания текстов, «которые находятся в обращении как принадлежащие Гермесу» и уходят корнями в египетскую традицию[359]. Как это ни удивительно, это собрание мудростей является квинтэссенцией тайн еще более древних источников, таких как «Тексты пирамид», «Тексты саркофагов» и «Книга мертвых», а также содержит не всегда последовательную космологию древних египтян[360].

Эти произведения приписывались древнему египетскому богу Тоту, который в классическую эпоху был известен под именем Гермеса Трисмегиста, то есть Гермеса Трижды Величайшего. До нас дошло большое количество этих текстов, но первым — и во многих отношениях основополагающим — считается «Пэмандр» — в оригинале Poimandres.

В этом названии почти ничего не говорит о его египетском происхождении, однако «Poimandres» представляет собой греческую транслитерацию древнеегипетского выражения P-eime nte-re, что означает «знания Ра» — бога солнца в пантеоне Древнего Египта[361]. Можно показать, что картина сотворения мира, описанная в этом тексте, имеет египетское происхождение[362]. В герметических текстах также нашла отражение египетская традиция магического освящения статуй и других олицетворений богов[363]. И самое главное для нашего исследования — согласно герметическим представлениям, человек «скорее космическое, чем земное существо»[364]. Лучше всего эта мысль выражена на греческой золотой пластине:

«...род мой принадлежит только Небу»[365].

Особую ценность герметическим текстам придает то обстоятельство, что они — несмотря на относительную новизну — происходят из самого древнего источника мистерий и поэтому могут играть роль линзы, через которую нужно смотреть на более древние тексты, чтобы понять их истинный смысл[366]. Примечательно, что в самой основе герметических текстов лежит концепция мистического посвящения: «... я поднялся, обретя силу, познав природу Всего в великом видении».

Еще более удивительным можно считать факт, что книги Гермеса начали появляться во времена Иисуса, параллельно с развитием христианства. В конце второго века н. э. Климент, епископ Александрии, писал, что они «содержат всю философию египтян»[367]. Языческий философ Ямвлих, живший после Климента Александрийского, тоже признавал их значение:

«Наши предки приписывали ему открытия собственной мудрости, подписывая именем Гермеса все свои сочинения»[368].

Собрание текстов, приписываемых Трисмегисту, оказало огромное влияние на мышление западного человека, причем влияние это трудно переоценить. Не будет преувеличением сказать, что без них развитие западного мира пошло бы в другом направлении. Сама наука не развивалась бы без того импульса, который ей придали мужчины и женщины, вооруженные содержащимся в этих трудах знанием. Герметические тексты были заново открыты в эпоху Возрождения и переведены с греческого Марсилио Фичино в 1463 году по заказу богатого флорентийского банкира Козимо ди Медичи. Когда эти манускрипты попали к Козимо, он решил, что до своей смерти обязательно должен прочесть их. Тогда он пригласил к себе Фичино, приказал отложить в сторону все другие переводы и сосредоточиться на герметических текстах. Такое им придавалось значение.

Тексты, обнаруженные в эпоху Возрождения, носили фрагментарный характер, но с тех пор были найдены новые фрагменты и новые тексты. Выяснилось также, что в Средние века их подвергли цензуре — почти все, что относилось к магии и обрядам, было удалено, чтобы сделать тексты более «философскими». Однако это уже не так важно, поскольку суть этих трудов сохранилась. И мы многое можем из них почерпнуть.

Одно из самых важных открытий, которое мы делаем в первых строках «Пэмандра», состоит в том, что человек, ищущий знаний, которому в видении впервые открывается истина, оказывается в компании других посвященных, для которых остальные люди находятся в состоянии, похожем на сон или опьянение. В конце этого текста становится понятной задача, которая стоит перед каждым из них — это «обожествление», когда душа возвращается в материальный мир, чтобы показать другим путь в мир божественный.

Нам предстоит убедиться, что именно такую цель ставил перед собой Иисус.

Глава 11. ИСТОЧНИК МУДРОСТИ

Я люблю приезжать к священным местам, чтобы почувствовать их ауру и попытаться понять их. И я не устаю удивляться — даже по прошествии стольких лет, — что многие места, с которыми я не связывал особых надежд, оказываются наполненными священным умиротворением и неподвижностью. Это вершина горы Синай, раки с мощами святых в полу темных часовен, руины церквей и храмов или древние обветренные скалы, господствующие над местностью, которая часто становилась ареной кровавых событий и земля которой, черная и плодородная, до сих пор полна глиняных черепков.

Это действительно необычные, священные места, или мы сами сделали их такими? Возможно, и то, и другое. Священные места требуют вовлечения тех, кто к ним приходит, связи с ними, чувственного опыта. Именно этим отличается паломник от туриста.

Ни один человек и ни одна культура не обладают монополией на истину. Поэтому мы не должны совершать ошибку, полагая, что техника путешествий в загробный мир была известна только египтянам и грекам. Двери в этот мир открыты для всех, кто, движимый страстным желанием, решает переступить порог.

И таких людей было гораздо больше, чем те, кого крестил в реке Иордан Иоанн Креститель — это было уникальное событие, которое даже католические редакторы «Иерусалимской Библии» признают посвящением[369]. Может быть, именно в этом заключался истинный смысл слов евангелиста Иоанна: «...приблизилось Царство Небесное»?[370]

Не подлежит сомнению, что Иисус приобрел свои знания среди мистических иудейских общин Египта, однако учения и приемы, с которыми он там познакомился, впитали мистицизм нескольких древних традиций. Ярким примером этого может служить рассказ о «лестнице Иакова» в Ветхом Завете.

Иаков вышел из Вирсавии и направился в Харран. После захода солнца он остановился на ночлег, положил себе под голову камень и заснул. Ему приснился сон: он видит огромную лестницу, низ которой стоит на земле, а верх уходит в небо, и «Ангелы Божий восходят и нисходят по ней». Над лестницей Иаков видит Бога, который обещает ему и его потомкам землю, на которой он спит. Проснувшись, Иаков понимает, что он находится в священном месте: «...истинно Господь присутствует на месте сем». Встав рано утром, Иаков берет камень, который он использовал в качестве подушки, устанавливает его в виде памятника и льет на его вершину елей. Он называет это место Вефиль, или «дом Божий»[371].

Разумеется, такого рода рассказы в Ветхом Завете — это не история, а скорее пересказ мифов — таких, как миф о царе Урука Гильгамеше, который искал дорогу в мир мертвых.

Важна не историческая достоверность этих мифов, а то, что мы узнаем из них о верованиях и представлениях культур, внутри которых они возникли. Нам неважно, существовал ли на самом деле Гильгамеш; главное для нас заключается в том, что люди той эпохи верили в возможность попасть в загробный мир, чтобы проникнуть в тайны человеческой

жизни. Для понимания истории недостаточно просто собирать и связывать между собой факты; необходимо разобраться в верованиях, которые определяли поведение наших далеких предков. Именно эти верования часто служили толчком к историческим событиям, записи о которых дошли до наших дней.

Вполне возможно, что описанный в Ветхом Завете Вефиль находился среди камней святилища на вершине одного из холмов Ханаана — такие святилища традиционно строились на «высоких местах». Это идеальное место для пророческого видения в традициях инкубации. Тот факт, что утром Иаков поставил один из камней в виде памятника и полил его вершину елеем, свидетельствует, что на этом месте уже существовало святилище, или «дом Божий». В тексте этот аспект не подчеркивается, но Иаков явно чувствовал, что камень имеет какое-то отношение к его видению и обладает магическими свойствами. Вероятно, эта история была написана для тех, кто сразу же поймет смысл всех действий Иакова. Как бы то ни было, древние израильтяне были знакомы с религией Ханаана. Смысл действий Иакова непонятен только современному человеку.

Более того, «сон» Иакова лучше воспринимать как видение, которое объясняет нам очень важные вещи. Возможно, самый важный урок содержится в утверждении, что ангелы «восходят и нисходят» по лестнице. Это символическое описание динамической связи между небом и землей, предполагающей постоянный обмен божественными сущностями. Это выражение идеи, встречавшейся еще у древних египтян: потусторонний мир и материальный мир тесно — и динамически — связаны. Это доказательство — если таковое требуется, — что видение Иакова возникло из живой традиции, для которой ветхозаветный рассказ всего лишь фрагмент, мимолетный взгляд на пышный ландшафт Земли обетованной.

Можно не сомневаться, что в основе явной озабоченности Ветхого Завета вопросами наследственности, неверности, греха, насилия и смерти в бою лежит древнее представление о связи между земным миром и миром богов. Однако в этой версии — которая была сформулирована для нас неизвестными писцами древности — связь между двумя мирами рисуется разорванной. Ангелы с огненными мечами охраняют вход в райский сад, а Иакова не пригласили подняться по лестнице на небо. Вероятно, религиозные наставники взяли под контроль традицию и ограничили распространение знания о пути к загробному миру — точно так же Ватикан впоследствии обошелся с учением Иисуса.

Как мы можем видеть, для понимания Ветхого Завета нужно не копать землю в поисках материальных свидетельств тех или иных событий, чем занимались археологи на протяжении двух последних веков, а воспринять его содержание символически. Именно так поступала иудейская секта терапевтов из Египта. Филон Александрийский сообщает, что они читали священное писание и искали мудрость в философии предков, воспринимая текст как аллегорию, поскольку считали слова символами чего-то такого, чья тайная суть открывается при изучении глубинного смысла[372].

Лестница Иакова, стоящая в священном месте, также символизирует представления, с которыми мы уже встречались: веру в существование особых мест, в которых потусторонний мир соприкасается с миром материальным — мест, служащих для связи этих двух миров.

Очень жаль, что Ветхий Завет не рассказывает нам, как Иаков взбирается по лестнице в иной мир, чтобы вернуться с приобретенными там знаниями. В противном случае история Ближнего Востока развивалась бы совсем в другом направлении — в последние два с половиной тысячелетия подобные истории оказывали огромное влияние на этот регион и населяющие его народы.

Чтобы подробнее познакомиться с более древними традициями, которые оставили свой мистический отпечаток на иудаизме, необходимо обратить внимание на два мощных фактора, повлиявших на формирование этой религии. Первый из них имеет египетское происхождение и находит отражение в историях о Иосифе и Моисее — в Египте на протяжении многих веков

жили еврейские воины, торговцы, крестьяне и чиновники. Второй фактор связан с Месопотамией и явился результатом «вавилонского плена», когда в шестом веке до н. э. вавилонский царь Набу-кudurри-усур — известный нам как Навуходоносор — осадил Иерусалим. В 587 году до н. э. он захватил город и взял в плен царя Иудеи вместе с тысячами его подданных. Остальные жители Иерусалима бежали в Египет.

Так, например, вавилонский ритуал очищения лег в основу еврейской традиции очищаться перед религиозными обрядами; цель его состоит в освобождении человека от оков земного мира и в установлении чистых взаимоотношений с миром небесным[373]. Еврейский календарь также основан на системе летоисчисления, использовавшейся в Вавилоне. Даже традиционные ритуальные чаши, которыми пользуются еврейские раввины, тоже имеют вавилонское происхождение. «Вавилонский Талмуд» содержит сведения по медицине из древних вавилонских преданий и астрологических текстов, которые, как выяснилось, имели хождение среди еврейских общин[374]. По мнению некоторых ученых, даже вера в единого бога, перешедшая в христианство и ислам, зародилась в Месопотамии: имя верховного бога ассирийцев, Ашур, означает «Один», «Единственный» или «Всеобщий бог»[375].

Влияние Месопотамии также прослеживается в некоторых мистических картинах из книг ветхозаветных пророков, особенно из Книги Иезекииля. В начале своего рассказа Иезекииль описывает свое видение, в котором Бог предстал перед ним в образе человека, сидящего на сапфировом троне в окружении сияния[376]. На самом деле трон был сделан не из сапфира — ошибка переводчика, — а из лазурита, высоко ценившегося вавилонянами[377]. Но самое главное — эта конкретная картина полностью соответствует существовавшей во времена Иезекииля традиции.

Иезекииль жил в Вавилоне, и это видение посетило его в 593 году до н. э. на берегу Великого канала, соединяющего реки Тигр и Евфрат неподалеку от Вавилона. Совершенно очевидно, что в основу видения Иезекииля положен древний вавилонский текст, описывающий бога Мардука, сидящего на троне из лазурита и освещенного лучами, исходящими от янтаря[378]. Это очень важный момент, поскольку он позволяет сделать вывод, что Иезекииль был посвящен в эзотерические мистерии Вавилона. Дело в том, что вавилонский текст оканчивается такими словами: «Тайна великих богов: пусть посвященный откроет ее посвященному, но не позволит ее увидеть непосвященному»[379].

Текст не только указывает на связь между вавилонскими и еврейскими священнослужителями, но также свидетельствует, что эта связь была теснее и глубже, чем предполагалось раньше[380]. Очевидно, еврейские священники могли быть посвящены в самые сокровенные тайны вавилонского культа.

Кингсли объясняет, что «в раввинистической традиции иудаизма основа видения Иезекииля осталась эзотерическим, тщательно охраняемым секретом, как и в предшествующей традиции вавилонского жречества». Другими словами, это не просто заимствование символов или идей из другой культуры, а живая связь «между самой сутью обеих традиций». Отсюда можно сделать вывод, что Иезекииль стоит у истоков еврейского мистицизма. Однако он занимает место рядом с другим, гораздо более мощным каналом для передачи мистических и космологических идей, который уходит в прошлое на несколько столетий до Иезекииля[381].

Месопотамское влияние также прослеживается в происхождении Древа Жизни, которое сегодня является основой мистического учения иудаизма, или Каббалы. Выдающийся финский ученый профессор Симо Парпола, внесший неоценимый вклад в перевод эзотерических текстов времен ассирийской и вавилонской империй, заинтересовался одной странной деталью барельефов, найденных в ассирийских и вавилонских дворцах. На сотнях изображений священного древа рядом с ним присутствовали фигурки священнослужителей в странных одеждах — в рыбьей чешуе, с крыльями, с головой орла — причем все они в одной руке держали ведро для воды, а в другой сосновую шишку. Описания этих изображений не

встречались на глиняных табличках, использовавшихся для записей жителями древней Месопотамии, и они долгое время оставались без объяснения.

Парпола указывает, что тайное учение о священном дереве было запрещено записывать, и знание о нем сохранялось небольшой группой посвященных. И действительно, археологи уже давно знали, что в месопотамских империях тайные культы существовали еще во втором тысячелетии до н. э. [382] Однако Парпола убежден, что они гораздо старше. По его мнению, представления, связанные, к примеру, со священным деревом, уходят корнями в третье тысячелетие — «если не раньше», добавляет он в набранном мелким шрифтом примечании[383].

Эта гипотеза заставляет задуматься о вероятности того, что в данном случае мы имеем дело с материалом, который появился еще до изобретения письменности или даже на протяжении многих тысячелетий являлся частью тайных учений, передававшихся из уст в уста. Трудно не рассматривать священное Древо Жизни вне связи с древнейшей мифологией культуры, то есть с «деревом познания добра и зла», которое росло в райском саду. Необходимо понять, что священное дерево так же старо, как само человечество.

Здесь мы соприкасаемся с теми верованиями, которые существовали во всех древних культурах и которые впервые проявились в ритуализированных погребениях. Мне кажется, неразумно игнорировать вероятность того, что в представлениях о священном дереве мы сталкиваемся с остатками — какими бы замаскированными они ни были — знаний, которыми обладали неандертальцы, стоявшие вокруг могилы своего соплеменника более шестидесяти тысяч лет назад в пещере Шанидар, к северо-востоку от тех земель, которые впоследствии станут частью месопотамских империй.

Считалось, что символ дерева изображает «мировой порядок, поддерживаемый ассирийским царем», причем самому царю в этом мировом порядке отведена роль «совершенного человека»[384]. Сравнение образной и числовой символики ассирийского дерева жизни и Древа Жизни в Каббале выявляет удивительные совпадения. Парпола приходит к выводу, что каббалистическое дерево, вне всякого сомнения, имеет своим предшественником ассирийское[385].

В Каббале древо символизирует способ, посредством которого Единый Бог проявляется во всем многообразии материального мира. Созидательная сила представляется в виде вспышки света, которая исходит из аморфного творца и, ударяя в землю, рождает все сущее. Древо состоит из десяти сефирот, которые являются символами божественных эманации, или принципов. Древо имеет три опоры, в виде центрального ствола, и сефироты, распределенные по вертикали по обе стороны ствола. Две боковые опоры представляют противоположности, существующие в земном мире, такие как жестокость и милосердие, дисциплина и терпимость, теория и практика, мужчина и женщина; центральный ствол символизирует сбалансированный путь между ними, на что указывают его названия — столп святости, путь познания[386].

Древо также символизирует пути, по которым люди могут вернуться из земного мира в мир небесный — то есть это своего рода карта и метод духовного «пути». В этом смысле оно похоже на «лестницу Иакова».

Примеры более древних мистических традиций, оказавших влияние на иудаизм, продолжают появляться: в 1768 году шотландский исследователь Джеймс Брюс предпринял путешествие вверх по Нилу, чтобы отыскать его истоки. Путешествие было трудным, и продвигаться вперед удавалось лишь при помощи денег, мушкетонов и пистолетов. Опасности поджидали повсюду, и к ним добавлялись болезни из-за плохой воды и испорченных продуктов. Через два года он добрался до Эфиопии, в которой буше вала гражданская война. Брюсу посчастливилось остаться в живых, и он вернулся в Европу вместе с сокровищами, в

числе которых были три копии эфиопской версии древнего еврейского текста под названием «Книга Еноха».

Этот текст признавали отцы Церкви, жившие во втором и третьем веке н. э., например Климент Александрийский и Тертуллиан. Однако даже они не были уверены, включен ли он в официальный перечень священных текстов иудаизма; Тертуллиан упоминал о том, что этот текст признают не все раввины[387]. Однако христиане того времени не испытывали сомнений. Они признавали текст каноническим, поскольку некоторые его фрагменты можно было трактовать как пророчество о появлении Христа; кроме того, о нем упоминается в Послании Иуды[388]. Однако после Никейского собора, состоявшегося в 325 г. н. э., «Книга Еноха» стала считаться второстепенной, а в конце четвертого и начале пятого века такие богословы, как Иероним и Августин, вообще запретили ее.

Несмотря на то что «Книга Еноха» предстает перед нами как единое произведение, совершенно очевидно, что она написана несколькими авторами. В действительности это собрание фрагментов, принадлежащих перу разных писателей и объединенных именем Еноха. Тем не менее это выдающееся произведение — невзирая на внутреннюю противоречивость.

В нем мы сталкиваемся с уже знакомыми мотивами: Еноха посещает видение; он обращается за объяснением к Древу Жизни; он упоминает трое восточных ворот, через которые звезды проходят на восточный горизонт — в полном соответствии с вавилонской и ассирийской астролябиями, датируемыми приблизительно 1100 г. до н. э.; он также говорит о взвешивании поступков людей, что напоминает представления египтян о суде над умершими[389].

Все здесь нам уже знакомо: эзотерические знания передаются человеку через видения загробного мира, причем в иудаистском контексте. Как мы уже видели, эти видения являются частью обряда посвящения, а для их прихода необходимо удалиться в тихое и темное место, например в подземную пещеру или крипту храма, и использовать специальные приемы, чтобы обрести неподвижность, открывающую доступ в загробный мир. Поэтому мы с полным основанием можем ожидать, что в «Книге Еноха» мы найдем ссылку на духовный опыт, на посвящение в тайны. И наши ожидания не обманулись.

«И случилось после сего, — читаем мы, — что дух мой был перенесен, и вознесся он в небеса; и увидел я святых сынов Божьих»[390]. Очень похоже на описание событий, случившихся с автором текста, — мистического опыта, который мог быть получен тем, кто стремился к посвящению в эзотерические традиции иудаизма.

Енох был взят «из среды живущих на земле... был он превознесен на колесницах духовных»[391]. Этот образ очень похож на крылатую ба египтян. Нет никаких сомнений в том, что это рассказ о посвящении, потому что в тексте рассказывается о том, что увидел Енох на небесах, однако сначала его душа преобразилась:

«И ангел Михаил (один из архангелов) взял меня за правую руку, и поднял меня и ввел меня во все тайны, и показал он мне все тайны праведности. И показал он мне все тайны концов небесных»[392].

Анонимный автор описывает, что случилось потом:

«И пал я на лицо свое, и все тело мое расслабилось, и дух мой преобразился»[393].

Точно такой же опыт можно ожидать, к примеру, от общины терапевтов. Очень важно, что в тексте подчеркивается — на тот случай, если мы не поняли, — что Енох был вознесен на небо живым, или, как сказано в тексте, «из среды живущих на земле». Эта фраза почти в точности совпадает с объяснением в «Текстах пирамид»: «О Царь, не ушел ты мертвым — ушел ты живым»[394]. Трудно не заметить, что в обоих случаях описывается очень похожий опыт, полученный в результате посвящения в тайны иного мира.

Эти фантастические тексты не могут быть ничем иным, кроме как рассказами о посвящении — рассказами, объединенными именем Еноха. Аналогичным образом в Египте тексты, приписываемые Трисмегисту, были объединены в Книгах Гермеса.

Учитывая фантастическую природу этих текстов, мы с удивлением обнаружили, что семь фрагментов «Книги Еноха» содержатся в рукописях Мертвого моря[395]. Все они были найдены в 1952 году в кумранской пещере неподалеку от развалин поселения; в настоящее время эта пещера в известняковой скале известна под названием пещеры № 4. Таким образом, на первый взгляд, и община zelотов, которой принадлежали рукописи Мертвого моря и которая играла важную роль в политической жизни страны во времена Иисуса, и мессианское течение иудаизма, давшее начало христианству, были знакомы с «Книгой Еноха». Однако более глубокий анализ позволяет выявить один интересный факт.

Как уже отмечалось выше, «Книга Еноха» является компиляцией текстов разных авторов. Ученые разделили ее на пять глав, каждая из которых существенно отличается от остальных[396]. Вторая глава, содержащая рассказ о вознесении на небо и преображении души, получила название «Книга Притчей». Этот мистический, связанный с посвящением раздел полностью отсутствует в текстах, найденных в Кумране.

Рукописи Мертвого моря содержат фрагменты — на арамейском языке — только из первой, четвертой и пятой глав «Книги Еноха». Отсутствует не только мистическая глава, но и следующий раздел, связанный с астрономией и календарем — примечательно, что в нем объясняются основы солнечного календаря, которым, как мы помним, пользовались в иудейском храме Онии, построенном в дельте Нила.

Здесь имеет место то же столкновение традиций, что и в истории об Иисусе, когда он отверг взгляды zelотов относительно уплаты налогов императору. Иисус выбрал мистический подход, zelоты — земной. «Книга Еноха» zelотов явно отвергает мистический подход. Это служит еще одним, доказательством, что — как мы указывали выше — Иисус не мог получить свои знания, от zelотов Галилеи.

Мистические тексты, вроде «Книги Еноха», которые высоко ценились общиной терапевтов, также должны были цениться теми, кто учил Иисуса. В «Книге Еноха» мы, наконец, нашли текст, который, похоже, отражает атмосферу того иудаизма, в котором был воспитан Иисус, а также воззрения группы людей, интересовавшихся посвящением в тайные знания, связанным с вознесением на небо и воздействием Божественного Света. «Книга Еноха» не оставляет в этом сомнений: «И свет яркий озарит вас»[397].

Мы зашли в своих изысканиях достаточно далеко. И хотя мы собрали не все, что хотели, но мы взяли столько, сколько в состоянии унести.

Пришло время вернуться в Иудею и Египет к человеку, который остался в истории как мешиха Иисус — к Христу.

Глава 12. ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

В иудаизме и развившемся из него христианстве всегда существовали тайны; на них намекали — а иногда и указывали открыто, — но они не вошли в воспоминания и послания, которые были записаны и превратились в тексты христианского Нового Завета. Эти тайны передавались из уст в уста. Первые отцы Церкви прекрасно знали об этих тайных учениях: даже если они и не сталкивались с ними сами, то признавали их существование в Евангелиях[398].

В субботний день перед казнью Иоанна Крестителя Иисус проповедовал на берегу Галилейского моря: толпа, собравшаяся послушать его, была настолько велика, что ему пришлось сесть в лодку и говорить оттуда. Он обращался к слушателям посредством притч — простых историй, которые объясняли, как нужно жить. Позже, когда Иисус остался лишь со своими учениками, они спросили его, почему он всегда говорит притчами. Он дал неожиданное

объяснение: притчи предназначены для масс, откровенно признался он, однако ученики достойны более глубоких знаний: «...вам дано знать тайны Царствия Небесного»[399].

Из прямого ответа Иисуса можно понять, что существовало два уровня объяснений: более глубокие секреты раскрывались близкому кругу, а внешнее учение преподносилось широкой публике. Это учение для посвященных было связано с «тайнами Царства Небесного».

В Евангелии от Марка при описании того же разговора используется несколько другое выражение — «Царство Вожие». Оно же встречается у Луки и Иоанна, хотя последний использует его в другом контексте. Термин «царство» также встречается в других текстах, не вошедших в Новый Завет, например в Евангелии от Фомы. Речь может идти о «Царстве», «Царстве Небесном». «Царстве Божьем», «Царстве Отца», но все это, несомненно, одно и то же. Что же это за царство?

За исключением туманной фразы, что это царство связано с какими-то тайнами, не предназначенными для широкой публики, в Новом Завете не содержится никакой информации. Неизвестно, как до него добраться и как узнать его. По мнению комментаторов, это будущее идеальное царство, в котором с приходом мессии установится рай на земле — нечто вроде мессианского тысячелетнего Рейха. Но сначала нас ждет Армагеддон — по крайней мере, так утверждается в Откровении Иоанна, самом загадочном тексте Нового Завета.

Тем не менее в Новом Завете имеются намеки, в которых мы — познакомившись с мистическими традициями Греции и Египта — узнаем известные мотивы.

Дело не только в том, что путь к Царству Небесному открывался исключительно посвященным. Похоже, это «царство», единожды открытое, оставалось с человеком навсегда. Под царством подразумевалось не то, что придет к нам в отдаленном будущем, а нечто, больше похожее на то, что древние египтяне называли временем джет — некое состояние вне времени. Более того, в словах Иоанна Крестителя, которые уже приводились раньше: «...и приблизилось Царствие Божие»[400], — есть утверждение имманентности. Мы можем понимать их в том смысле, что оно достижимо в данный момент, а не придет через месяц, год или десятилетие и не будет провозглашено началом проповеднической миссии Иисуса в Израиле — именно так чаще всего интерпретировали эти слова. Скорее, Царствие Божие уже достижимо для тех, кто знает путь.

К тому же для этого нужна смелость: путь к Царству Небесному требует глубокого сосредоточения, крепких нервов и полной самоотдачи.

«Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия», — говорил Иисус[401].

Он также порицал тех, кто претендовал на духовность, но не открывал врата небесные для тех, кто ищет их:

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете»[402].

Это не описание проповеднической миссии Иисуса в Иудее и даже не будущий тысячелетний закон. Иисус хотел, чтобы мы поняли, что Царство Небесное есть то место, куда мы можем путешествовать, место, куда мы можем войти.

Все это мы уже где-то слышали.

Апостол Лука добавляет еще кое-что интересное. Фарисеи спросили Иисуса, когда придет Царствие Божие. Вероятно, они имели в виду, что оно придет на землю, наподобие того самоуправляющегося государства, о котором мечтали зелоты, когда впервые строили планы относительно Иисуса, который должен был стать первосвященником и царем во главе независимой Иудеи и который неожиданно отказался от этой роли, взяв монету с изображением императора и заявив о необходимости платить налоги. Прямота Иисуса должна была шокировать фарисеев, которые задавали вопрос, движимые скорее сарказмом, чем

искренним любопытством. Он ответил: «...не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть»[403].

Мы не можем увидеть это царство — не можем обнаружить его при помощи логики и физических наблюдений. Ранее Иисус уже говорил, что это царство достижимо и в него можно попасть. Теперь он объясняет, что оно «внутри». Но как попасть внутрь себя? Мы это уже знаем: погрузившись в молчание. Иисус возвращает нас к идее инкубации в темных и тихих подземных криптах и пещерах, где ищущий знаний посвящался в секреты мира, где мертвые были живыми — загробного мира.

Может быть, под «Царствием Небесным» Иисус имел в виду загробный мир? Вполне возможно. Но для такого вывода требуются дополнительные свидетельства.

В январе 1941 года, когда английские города подвергались налетам «Люфтваффе», а Вторая мировая война развивалась по сценарию Гитлера (он еще не вторгся в Россию) и Соединенные Штаты официально оставались нейтральными (до трагедии Перл-Харбора было еще одиннадцать месяцев), молодой американский докторант по имени Мортон Смит проходил обучение в Иерусалиме[404].

Смит жил в греческой гостинице рядом с храмом Гроба Господня в старом городе Иерусалима. Среди постояльцев этой гостиницы был один из высших иерархов Греческой православной церкви Израиля отец Кириакос Спиридонидис. Они подружились. После Рождества отец Кириакос пригласил Смита посетить расположенный в пустыне монастырь Мар Саба, один из самых старых действующих монастырей. Его башни и толстые стены находились в глубине высохшего русла реки, соединяющего Иерусалим с Мертвым морем. Монастырь Мар Саба существовал уже более пятнадцати веков.

Служба по греческому православному обряду начиналась за шесть часов до рассвета, и Смигу она показалась необыкновенно красивой, но трудной: служба была «не просто долгой — бесконечной»[405]. Ритуал напоминал ежедневную службу в святая святых египетских храмов. Для Смита это стало настоящим откровением:

«Служба не приближалась к своему финалу; она просто шла, как будто уже длилась вечно и никогда не закончится. Исчезало не только ощущение времени, но и ощущение того, что ты находишься в определенном месте»[406].

Он поднял глаза к куполу церкви, и маленькие свечи над его головой показались ему звездами, мощные стены церкви как будто раздвинулись, а фрески с изображениями святых и монахи как будто «присутствовали среди звезд, вне времени и пространства, в неизменном небесном царстве, где бесконечная служба посвящалась вечному Богу»[407].

На Смита увиденное в монастыре Мар Саба произвело глубокое впечатление. Однако, присутствуя на литургии, он понял, что служба предназначалась не для него; он воспринимал ее как выражение высшей красоты, тогда как для монахов это была в первую очередь духовная обязанность. Литургия предполагала строго определенные слова и действия; по сути своей, понял Смит, это был магический обряд. Это открытие побудило его к изучению магических и мистических техник, применявшихся в иудаизме и раннем христианстве.

Он пробыл в монастыре шесть недель, а перед отъездом нашел время заглянуть в пещеры, которые служили пристанищем для монахов, живших здесь пятнадцать веков назад, а затем стали частью монастырского комплекса. Первая церковь находилась в самой большой из этих пещер. Смит также увидел множество икон, хотя самые ценные из них были уничтожены ужасным пожаром, случившимся в восемнадцатом веке. Огонь также уничтожил или сильно повредил многие древние рукописи: большинство тех, что удалось спасти, были перевезены на хранение в Патриархальную библиотеку Иерусалима. Тем не менее в двух монастырских библиотеках все еще оставалось большое количество книг. Главная библиотека располагалась в новой церкви, а малая библиотека занимала комнату внутри громадной башни — груды книг

на пыльных полках. Эта маленькая комната и стала местом важного открытия, которое определило всю дальнейшую жизнь Смита.

Смит закончил докторскую диссертацию в Иерусалиме и вернулся к себе в Гарвард, где приступил к работе над второй диссертацией. Не теряя связи с владыкой Кириакомом, он закончил докторантуру, и началась его блестящая преподавательская и исследовательская карьера в Колумбийском университете Нью-Йорка. В 1958 году Смит, почувствовав, что ему необходим отдых, решил вернуться в тишину и спокойствие монастыря Мар Саба. Там он решил заняться составлением каталога старых рукописей и книг, в беспорядке расставленных по шкафам или просто лежавших на полу библиотеки в башне. Каждое утро на рассвете он преодолевал двенадцать лестничных пролетов в башне, где находилась библиотека, брал несколько книг или манускриптов и относил к себе в келью для изучения и внесения в каталог.

Он обнаружил, что во многих книгах имеются длинные рукописные пассажи, копии более древних текстов, вписанные на свободные места, пустые страницы и даже поля. Эти рукописные дополнения датировались восемнадцатым и девятнадцатым веками и указывали на то, как трудно в те времена было достать бумагу. Ему также попадались части старых манускриптов, которые использовались для переплетения книг — материал, который мог бы заинтересовать ученых. Но среди книг и бумаг этой пыльной библиотеки Смицу было суждено найти настоящее сокровище.

В один из дней после обеда он сидел в своей келье и просматривал стопку книг, которые он принес из библиотеки утром. Ему на глаза попался рукописный текст на пустых страницах издания семнадцатого века, содержащего письма святого Игнатия.

Это была копия письма епископа Александрии Климента, жившего в конце второго века н. э. Смит знал, что Климент написал множество писем, но ни одно из них не сохранилось. Таким образом, Смит сделал уникальное открытие огромной важности. Он сфотографировал текст, чтобы иметь несколько копий — для перевода и для демонстрации другим специалистам. Перевод стал настоящей сенсацией.

Приблизительно в 195 г. н. э. Климент писал Феодору, одному из своих священников, чтобы обсудить очень деликатную тему. Она касалась Тайного Евангелия от Марка: Климент объяснял, что распушенная еретическая секта карпократов нечестным путем завладела Тайным Евангелием, впоследствии исказив его текст.

Таким образом, Климент подтверждал, что это Евангелие действительно существует, но также признавал, что ни он, ни Феодор не могут объявить об этом публично, чтобы не поддерживать секту еретиков.

Климент просил Феодора солгать во имя истины и под присягой отрицать существование Тайного Евангелия от Марка.

Климент объяснил, что Марк некоторое время провел в Риме с апостолом Петром и там начал записывать деяния Иисуса — и эти записи впоследствии оформились в Евангелие от Марка. Петр тоже вел записи. После смерти Петра Марк уехал в Александрию, захватив с собой все записи, и свои, и Петра. Здесь он написал свое Евангелие, но не включил в него некоторые истории, которые приберег для особого, «тайного» Евангелия. Это Евангелие он передал Александрийской церкви, где во времена Климента оно надежно хранилось, «прочитываемое только посвящаемым в великие таинства»[408].

«Великие таинства»? В христианстве? Что имел в виду Климент?

Климент не мог не знать о посвящении и мистериях. Он был знатоком античной философии. Его труды пестрят цитатами из Платона, Парменида, Эмпедокла, Гераклита, Пифагора, Гомера и десятков других древних классиков. Совершенно очевидно, что он глубоко изучил и критически проанализировал все философские течения своего времени, прежде чем в конце второго века н. э. решил принять христианство. Более того, он знал, что египтяне скрывают тайные знания в символике своих текстов и рисунков, он знал о герметических

текстах, знал мистический смысл чисел и пропорций, знал о тайной сути историй Ветхого Завета[409]. Можно не сомневаться, что Климент был далеко не глуп.

Его лексика свидетельствует о том, каким разнообразным и сложным был христианский мир Александрии. Вполне возможно существование в нем тайных обрядов; кроме того, мы не должны забывать, что первые гностики, такие как Василид и Валентин, были выходцами из Александрии. Сам гностицизм возник на основе тайных традиций раннего христианства[410]. В начале третьего века христианский богослов, епископ, ученик Ириния Лионского и Оригена, Ипполит записал гностический псалом, который заканчивался таким утверждением:

«Я вручу вам тайны священного пути, которые носят имя Гнозис»[411].

Гностики считали себя хранителями истинного христианства: в основе их учения лежало посвящение в истинное знание божественного.

Климент Александрийский постоянно спорил с гностиками, даже несмотря на то, что испытывал некоторую симпатию к их идеям. Мистерии и посвящения были характерной чертой александрийского христианства любого толка, но обычно эти учения не записывались, а передавались из уст в уста. Климент прямо говорит об этом в самом начале своего труда «Строматы»:

«И тайны эти, как богоданные, не доверяют письменному слову, но передают изустно»[412].

Призвав Феодора хранить молчание, Климент признает существование Тайного Евангелия, приводя его текст. Речь идет о двух отрывках, первый, и самый важный из которых, является вставкой в главу 10 Евангелия от Марка, между строками 34 и 35. Второй, меньший по размеру отрывок, служит дополнением к строке 46, где оригинальный текст плохо читается.

Смысл отрывка из Тайного Евангелия Марка состоит в том, что некий юноша был посвящен Иисусом в тайну Царства Божиего.

Как оказалось, это произошло в Вифании, в том самом месте, где был «воскрешен» Лазарь. Может быть, это не два разных события, а одно?[413] После всего, что мы узнали, возникает естественный вопрос: что на самом деле означает воскрешение Лазаря «из мертвых»? Его в буквальном смысле вернули из мира мертвых? Или же из потустороннего мира после обряда посвящения в темном и тихом месте — в пещере, вход в которую, по свидетельству Евангелия, закрывал камень?[414] Может быть, он вернулся, как выразился бы Иисус, из Царствия Небесного?

И не связан ли этот текст с еще одним загадочным эпизодом в Евангелии от Марка, который до сих пор не нашел объяснения? Когда Иисуса брали под стражу в Гефсиманском саду, его ученикам удалось бежать — после короткой стычки, во время которой лишился уха один из рабов первосвященника. Далее Марк говорит, что за Иисусом следовал юноша, одетый точно так же, как тот, кого, по свидетельству Тайного Евангелия, посвятил Иисус. Объяснить это не удастся. Однако не видеть связи между двумя этими эпизодами просто невозможно.

Как заметил Смит, «правдоподобие еще не доказательство». Но, добавляет он, «история... по определению есть поиск наиболее правдоподобных объяснений известных событий»[415].

Найдя письмо, Смит должен был в первую очередь доказать его подлинность: это вполне могла быть подделка, изготовленная после 1646 года, когда была выпущена кии га с письмами Игнатия, в которую скопировали письмо. Или это была точная копия старого документа, который, в свою очередь, являлся подделкой. С другой стороны, письмо могло действительно принадлежать перу Климента Александрийского.

Известно, что в монастыре Мар Саба еще в восемнадцатом веке хранилось собрание из, как минимум, двадцати одного письма Климента — три отрывка из них встречаются в трудах святого Иоанна Дамаскина, который в то время жил в монастыре[416]. Это единственная известная коллекция писем Климента. Смит полагает, что письма скорее всего были

уничтожены пожаром, который нанес такой большой урон монастырю в восемнадцатом веке; одно из сохранившихся писем впоследствии было найдено и скопировано от руки в сборник писем Игнатия. Эта гипотеза объясняет примитивный способ копирования — перепись от руки в печатное издание.

Первым делом Смит показал фотографии текста ведущим специалистам в этой области. Только двое из четырнадцати экспертов, к которым он обратился, ответили, что текст не мог быть написан Климентом. Тогда Смит решил в качестве «рабочей гипотезы» принять предположение, что письмо подлинное. Затем он потратил несколько лет на тщательный анализ стиля письма, сравнивая его со стилем других трудов Климента, и также на сравнение отрывков из Тайного Евангелия Марка с текстом канонического Евангелия от Марка. Результаты обоих исследований подтверждали рабочую гипотезу[417].

К сожалению, у Смита не было возможности предоставить другим ученым рукописную копию письма Климента для тщательного исследования, что послужило основой для критики. Подобное упущение было несвойственно для ученого, отличавшегося точностью и скрупулезностью. Но мне очень хорошо известно, что не всякий документ удастся передать специалистам для проверки подлинности и тщательного изучения — как бы вам этого ни хотелось. Особенно часто такое происходит с рукописями, имеющими большую коммерческую ценность, находящимися в частных коллекциях или теми, которые, по мнению владельцев, являются спорными или даже провокационными.

Следует однако заметить, что текст, который не смог предоставить в распоряжение научного сообщества Смит, видели и другие специалисты. С письмом ознакомились двое ученых из Еврейского университета Иерусалима, профессор сравнительного религиоведения Гай Стромса и специалист в области раннего иудаизма и происхождения христианства профессор Дэвид Флассер. В 1976 году они специально приезжали в монастырь Мар Саба, чтобы взглянуть на этот документ.

Двух минут оказалось достаточно, чтобы убедиться, что книга стоит на той же полке, где ее оставил Смит. Ученые получили разрешение передать книгу в Патриаршую библиотеку Иерусалима. Они хотели выполнить химический анализ чернил, чтобы установить дату записей. Однако в Иерусалиме выяснилось, что подобный анализ может сделать только израильская полиция. Греческая православная церковь отказалась передать книгу полиции, и больше никаких анализов не проводилось.

Впоследствии Стромса обнаружил, что письмо было вырезано из книги и спрятано в надежном месте. Можно смело предположить, что в ближайшее время ученые его не увидят[418].

Если письмо все-таки подлинное, что может подразумеваться под Царствием Небесным? И как туда попасть? Как бы то ни было, кое-какую информацию мы можем получить и без этого письма — нужно лишь уметь распознать ее.

Евангелие от Луки приводит следующие слова Иисуса: «...если око твое будет чисто, то и все тело твое будет светло»[419]. Это объяснение — чистейшая мистика, достойная таких восточных религий, как буддизм или даосизм. Но что имел в виду Иисус? В сущности он говорил о том, что если нам в видении является Господь, то мы оказываемся в окружении божественного света. Мы как бы растворяемся в «Боге» — так, как рассказывает об этом мистик шестнадцатого века Тереза Авильская.

Она часто погружалась в состояние, которые называла «восторгом» — когда духовное желание «мгновенно охватывает душу, и она начинает томиться и поднимается ввысь, над телом и над всем мирозданием»[420]. На короткое время взлетевшая душа растворяется в «Боге». При этом чувственное восприятие происходящего оказывается невозможным. В состоянии «восторга» душа «полностью слепа, растворена». Тереза Авильская объясняет, что когда душа «смотрит на это божественное Солнце, она ослеплена его яркостью»[421].

Осознавая сходство между такими сильными ощущениями и смертью, святая Тереза пишет:

«Я почти избавилась от страха смерти, который всегда мучил меня. Теперь мне казалось, что для слуги Господа это очень легко — душа мгновенно освобождается из тюрьмы и обретает покой. Момент, когда Бог возвышает душу и переносит ее, чтобы показать высшее совершенство, представляется мне похожим на тот, когда душа покидает тело»[422].

Почему же нас не учат этому? Часть ответа заключается в том, что Церкви не нравится свобода, которую открывает человеку мистицизм.

Святая Тереза, к примеру, жила в постоянном страхе, что ее обвинят в ереси и бросят в мрачные застенки инквизиции. Ее дед был евреем, принявшим христианство. К сожалению, к таким обращенным инквизиция относилась с особым подозрением. Терезе требовался совет, и хотя она ступила на очень скользкую с точки зрения церковной доктрины дорожку и многие, кому она рассказывала о своих видениях, относились к ней с подозрением, ей удалось выжить — благодаря своей искренности, скромности, глубокой набожности и не в последнюю очередь хорошим отношениям со своим исповедником иезуитом. Другим повезло меньше: им были уготованы тюрьма и костер.

Нелюбовь к мистике была настолько велика, что Церковь исказила смысл высказывания Иисуса, приведенного Лукой, навязав другую интерпретацию; в сущности, все мистическое из него было выхолощено. Официальные комментарии к этому тексту исключают любой намек на мистический опыт, что можно подтвердить следующей цитатой.

«Они говорят о необходимости неискаженного взгляда, чтобы увидеть свет Иисуса... Смысл этого высказывания представляется таким: „Когда человек посредством неискаженного взгляда наполняется внутренним светом, и в нем не остается и следа тьмы (зла), тогда и только тогда его полностью пронизывает свет извне, зажженный Богом свет Иисуса”»[423].

Таким образом, даже «Новый католический комментарий к Священному Писанию» не дает точной интерпретации этих слов, а прибегает к оговорке «представляется».

Но теперь нас не так легко провести. Мы можем не сомневаться в смысле этих слов: это описание мистического состояния и совет, как постичь Божественный источник всего сущего — то есть как совершить путешествие в Царство Небесное.

Дополнительные сведения о Царстве Небесном можно почерпнуть в Евангелии от Фомы. Профессор Гарвардского университета Гельмут Кестер твердо убежден, что это Евангелие следует включить в канонический Новый Завет, и многие специалисты согласны с ним. Это наследие египетского христианства второго века н. э., необычайно продуктивного периода в истории этой религии.

В 367 году на Пасху епископ Александрии Анастасий объявил о том, что все неканонические священные книги в Египте должны быть уничтожены. Сохранились лишь немногие тексты. Вполне возможно, что монахи монастыря, расположенного в окрестностях Наг-Хаммади, решили не сжигать священные книги, а спрятать их внутри большого сосуда, который был закопан в пустыне недалеко от берега Нила. В декабре 1945 года сосуд был найден рабочим, который добывал удобрения. Внутри он обнаружил двенадцать рукописей на папирусе и восемь страниц тринадцатой рукописи — всего сосуд содержал сорок шесть разных текстов. Некоторые страницы были сожжены, но в конечном итоге все рукописи были проданы Каирскому музею, где они хранятся по сей день.

Со временем древние тексты попали в руки ученых. Некоторые переводы появились почти сразу же, но пока ЮНЕСКО не собрала международный коллектив специалистов для их перевода, они оставались достоянием небольшой группы ученых. Глава международного коллектива профессор Джеймс Робинсон, рассказывая о странных задержках в публикации переводов и трудностях в допуске к текстам других специалистов, причем к документам не только из этой коллекции, но и к рукописям Мертвого моря, с грустью отмечает:

«Эти рукописи вызвали к жизни худшие инстинкты у нормальных во всех других отношениях ученых»[424].

Собрание манускриптов, найденных в Наг-Хаммади, в настоящее время известно как «гностицистские евангелия», а самым известным комментатором этих текстов считается Элейн Пейджелс из Принстонского университета. Интересно, что в этом собрании присутствуют разные тексты, которые считались церковными — не только гностицистские тексты разных направлений, но также работы Платона и герметические тексты. Монастырь, в котором они изначально хранились, мог быть и христианским, но монахи были готовы признать духовный характер этих текстов, от кого бы они ни исходили. Похоже, главным для них было послание, содержащееся в этих текстах, а не религиозное или философское течение, внутри которого они появились. Монахов интересовало Царство Небесное, а не соперничество между разными сектами.

Среди текстов, найденных в Наг-Хаммади, было Евангелие от Фомы. Совершенно очевидно, что эта информация содержалась в тайных преданиях, которые передавались только избранным, поскольку текст начинается следующей фразой:

«Это тайные слова, которые сказал Иисус живой и которые записал Дидим Иуда Фома»[425].

Это Евангелие в определенном смысле ближе всего к каноническим текстам Нового Завета. В отличие от остальных гностицистских текстов, оно содержит несколько историй и притч, совпадающих с теми, что включены в Евангелия Нового Завета. Но этим его содержание не ограничивается. Оно дает нам новую информацию о «царстве» — или «Царствие Отца». Ученики спрашивают Иисуса, когда придет это царство, и он отвечает:

«Тот (покой), который вы ожидаете, пришел, но вы не узнали его»[426].

Евангелие от Фомы объясняет, где искать «Царствие Небесное»:

«Но царствие внутри вас и вне вас»[427].

Это реальность, но не отражение реальности видимого мира. В Евангелии сказано:

«Но Царствие Отца распространяется по земле, и люди не видят его»[428].

Но как нам достичь его? Ответ на этот вопрос напоминает слова Иисуса, которые мы уже приводили.

«Иисус сказал: Когда вы сделаете двух одним, вы станете Сыном человека»[429].

Он советует, что нужно делать, чтобы разглядеть за многообразием мира единого Бога:

«Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и внешнюю сторону как внутреннюю сторону, и верхнюю сторону как нижнюю сторону, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним... — тогда вы войдете в [царствие]» [430].

Далее его объяснения совпадают с тем, что говорится в Евангелии от Матфея:

«Фарисеи и книжники взяли ключи от знания. Они спрятали их и не вошли и не позволили тем, которые хотят ВОЙТИ»[431].

Даже апостол Павел, несмотря на ортодоксальность, сквозящую в каждом его слове, каждой интонации, был вхож в круг тех, кто знал, что новая вера содержит нечто большее, чем можно доверить бумаге:

«Мудрость же мы проповедуем между совершенными... премудрость Божию, тайную, сокровенную»[432].

Выражение «тайная премудрость» является переводом греческого *sophian en musterio*, что означает «мудрость в тайне», то есть мудрость, которая является секретом. Она, утверждает Павел, открывается только *teleiois*, «совершенным», а это слово имеет один корень

с telete, церемонией посвящения, и telestes, жрецами, которые проводят обряд посвящения в мистерии. Павел пользуется терминологией, характерной для мистерий античной эпохи.

Но Павел не был знаком с Иисусом. Они никогда не встречались. И он не был вхож в мессианскую иудейскую общину Иерусалима. Это неудивительно, если вспомнить его прошлое, когда он жестоко преследовал приверженцев Иисуса. В Иерусалиме не верили Павлу. В Деяниях Апостолов стыдливо, но достаточно определенно указывается, что его довольно быстро выпроводили в Таре, на север Турции[433]. Предполагается, что это было сделано, чтобы защитить его, однако точно нельзя сказать, кто именно нуждался в защите[434].

В любом случае его удалили из Иерусалима. Зелоты желали устранить Павла со своего пути.

На самом деле многие люди хотели бы раз и навсегда избавиться от него.

Тем не менее его слова совпадают с многими другими свидетельствами существования эзотерического и мистического учения, которое тайно распространялось среди христиан[435]. Однако в конце второго века это учение отошло на второй план. Его ценность отрицалась, оно утратило свое влияние и постепенно исчезло совсем. Стромса предполагает, что в основе этого процесса лежали две главные причины. Во-первых, еретические течения христианства вобрали в себя эзотерические учения, а поскольку ереси были запрещены, вместе с ними под запрет попали и тайные знания. Во-вторых, отцы Церкви понимали, что для распространения христианства необходимо избавиться от доктрин, которые скрывались от основной массы верующих[436]. В то же время появление письменных Евангелий привело к ослаблению устной традиции, которая служила основным средством передачи тайных учений.

Мы не можем не упомянуть еще об одном тексте, который связывает между собой множество нитей, распутанных в процессе нашего исследования.

В 1896 году в Каире был найден папирус с рукописью на коптском языке, датируемой пятым веком н. э. Рукопись содержала четыре новых текста — один из них впоследствии также обнаружили среди рукописей Наг-Хаммади — и все они оказались очень древними. Один из них, который раньше никто не видел и который был известен только Коптской церкви, получил название Евангелия от Марии Магдалины. Датируется он началом второго века н. э. [437] Таким образом, этот текст вместе с Евангелием от Фомы имеет не меньше оснований считаться истинным, чем канонические Евангелия, вошедшие в Новый Завет.

Впоследствии были найдены еще два фрагмента Евангелия от Марии, однако до нас дошла лишь половина оригинального текста. Тем не менее содержание его крайне интересно.

Подобно другим текстам, которые мы анализировали выше, Евангелие от Марии содержит предупреждение Иисуса тем, кто ищет материальные признаки Царства Божьего. Язык этого Евангелия удивительно современен. Переводчик текста, профессор Карен Кинг из Гарвардской школы богословия, заменила традиционное «Сын человеческий» на «Сын человека», чтобы избавиться от сектантского и догматического налета.

«Берегитесь, как бы кто-нибудь не ввел вас в заблуждение, говоря: „Вот, сюда!“ или „Вот, туда!“ Ибо Сын человека внутри вас. Следуйте за ним! Те, кто ищет его, найдут его. Ступайте же и проповедуйте Евангелие Царствия»[438].

В этом Евангелии есть один любопытный поворот. Когда ученики Иисуса рассуждают о смысле его учения, Петр обращается к Марии Магдалине:

«Сестра, ты знаешь, что Спаситель любил тебя больше, чем прочих женщин. Скажи нам слова Спасителя, которые ты вспоминаешь, которые знаешь ты, не мы, и которые мы и не слышали»[439].

Получается, что Мария Магдалина получила от Иисуса тайные знания, неизвестные остальным ученикам. Мария отвечает Петру:

«То, что сокрыто от вас, я возведу вам это»[440].

Некоторых учеников раздражают знания Марии, и они сомневаются, действительно ли Иисус говорил с ней, или протестуют, что он предпочел им женщину — факт, в который им было трудно поверить. Петр хочет знать:

«Разве говорил он с женщиной втайне от нас, неоткрыто? Должны мы обратиться и все слушать ее? Предпочел он ее более нас?»[441]

Однако ученик по имени Левий вступает за Марию Магдалину:

«Разумеется, Спаситель знал ее очень хорошо. Вот почему он любил ее больше нас»[442].

Можно не сомневаться — свидетельством тому служат не только Евангелие от Марии, Евангелие от Марка и обнаруженные Смитом фрагменты Тайного Евангелия Марка — что Иисус проповедовал тайные учения, связанные с посещением Царства Небесного. Это метафора, как уже отмечалось выше, для того, что египтяне называли загробным миром, а греки преисподней. Все это описания мира богов. Из всех учеников Иисуса лучше всего понимала его учение Мария Магдалина — он любил ее больше всех и, как свидетельствует Евангелие от Филиппа, «(часто) лобзал ее (уста)»[443].

Может быть, это поможет нам понять, почему церемонию миропомазания в Вифании — то есть провозглашения мессией — совершила женщина, Мария из Вифании, сестра Лазаря, который был воскрешен из мертвых, причем этот ритуал был очень похож на искаженное описание обряда посвящения в тайны загробного мира?[444]

Я также предположил, что нужно согласиться с древними преданиями и рассматривать Марию из Вифании и Марию Магдалину как одну и ту же женщину: доверенное лицо Иисуса и, возможно, его жену. Она была спутницей Иисуса — путь Иисуса в Царство Небесное доступен не только мужчинам.

Именно Мария лучше других понимала тайны Царства Небесного, именно она стояла над зелеными пастбищами Земли обетованной, и ей были известны секреты путешествия в загробный мир. И конечно, только она должна была помазать Иисуса на роль мессии.

Важной особенно-стью такого ритуала, как миропомазание, является то, что его должен проводить человек, понимающий смысл своих действий и способный распознать мессию — миропомазание лишь завершающий акт долгого процесса, подробности которого не нашли отражения в Евангелиях.

Неудивительно, что влиятельные лица в Риме хотели избавиться как от знания этого тайного пути, так и от информации о других Евангелиях. К несчастью — для них — они уже ничего не могли сделать с Евангелиями, которые вошли в Новый Завет. Разве что контролировать их интерпретацию — то есть контролировать «обман». Тщеславие заставляет их полагать, что современные теологи по прошествии сотен или даже тысяч лет лучше понимают смысл Евангелий, чем их авторы. Почему же мы так долго верили в это?

Разумеется, во все времена были ученые и комментаторы, видевшие обман, но лишь в последнее время подтасовки и ошибки стали очевидны широкой публике. Но ничего не изменилось — особенно в роскошных залах Ватикана. Власть предпочитает ложь правде.

Глава 13. БУМАГИ ИИСУСА

В тот январский день в кибуце Калия было жарко, и все будто уснуло — несмотря на то, что в этой местности январь считается самым холодным месяцем. На протяжении нескольких лет этот сельскохозяйственный кибуц, расположенный неподалеку от Мертвого моря, становился базой для археологической экспедиции Калифорнийского университета под руководством профессора Роберта Эйзенмана, заведующего кафедрой религиоведения. Мы надеялись найти новые свитки рукописей Мертвого моря. Но сначала нужно было методически обследовать все пещеры в протянувшихся на несколько миль почти вертикальных скалах, высота которых доходила до двенадцати сотен футов над плоским берегом моря.

Мы остановились в домиках мотеля, построенного жителями кибуца, чтобы извлекать прибыль из потока туристов, которых привлекали древние развалины Кумрана на соседнем склоне — каменные руины, ставшие знаменитыми в 1347 году после открытия рукописей Мертвого моря. Члены кибуца Калия управляли мотелем, а также обслуживали ресторан и книжный магазин у входа; прохлада кондиционера в них неизбежно влекла к себе любого посетителя.

Наш рабочий день начинался рано, а заканчивался в полдень, потому что даже в это время года после обеда становилось слишком жарко. Мы возвращались в кибуц и обедали вместе со всеми членами коммуны в одной большой столовой. После этого мы удалялись в мотель, чтобы проанализировать сделанные за день находки, почистить и привести в порядок оборудование или, когда жара с падет, до захода солнца побродить по окрестностям в тишине пустыни, неспешно разглядывая каменные развалины, глиняные черепки, наблюдая за мелкими животными и птицами. Но после наступления темноты соображения безопасности требовали вернуться под защиту ограждения и вооруженных патрулей кибуца. Как-никак это была граница. Каждый сезон нам приходилось переживать как минимум одну тревогу. В этот раз мы читали лекцию, когда в комнату ворвался патруль и напряженным шепотом скомандовал: «Выключите весь свет. Ложитесь на пол». На территорию кибуца проникли чужаки — доказательством тому служила маленькая лодка, на которой они пересекли Мертвое море. За день до этого житель соседнего кибуца потерял ногу, подорвавшись на mine.

В тот самый день, 17 января 1992 года, руководитель экспедиции Роберт Эйзенман поехал в Иерусалим — это примерно сорок миль — на встречу с израильским археологом. Я сидел на невысокой стене и беседовал с библеистом Джеймсом Табором, который занимал должность приглашенного профессора в университете Северной Каролины и специализировался на изучении Нового Завета, а также с аспирантом из Калифорнии Деннисом Уолкером. Остальные участники экспедиции отдыхали или тихо беседовали, разбившись на мелкие группы. Нашу идиллию нарушили два одетых с иголки израильтянина, их окружала аура едва сдерживаемого самодовольства, присущего чиновникам. В руках у них были папки документов, что вызывало подозрение. В Израиле стремление регламентировать все стороны жизни переходит в паранойю. Кипа официальных документов всегда сулит неприятности. Я услышал краткий обмен репликами.

— Профессор Эйзенман здесь?

— Нет.

— Когда он вернется?

— Позже, — последовал осторожный ответ.

Проблемы? Но откуда? Мы думали, что монополия на рукописи Мертвого моря, сохранявшаяся почти сорок лет, была разрушена два месяца назад, когда библиотека Хантингтона в Калифорнии решила сделать доступными для ученых полный комплект снимков рукописей Мертвого моря, находившийся в их распоряжении. Эйзенман был первым, кто обратился в библиотеку в тот день.

Совершенно очевидно, что за внешними событиями стояла борьба влиятельных сил, стремившихся использовать любой шанс, чтобы получить права на все материалы, связанные с рукописями Мертвого моря. Эти манускрипты, возраст которых составлял около двух тысяч лет, открывали реальность, неприятную и для иудаизма и для христианства, которую долго прятали от всех и которой манипулировала небольшая группа ученых.

Первые рукописи Мертвого моря были обнаружены в 1947 году. История эта так до конца и не выяснена, поскольку молодой бедуинский пастух по имени Мохаммед ад-Диб, который нашел их, возможно, не только пас коз — события, приведшие его в район Кумрана, скрыты завесой тайны. Однако, как мы уже отмечали выше, рассказанная им история чрезвычайно проста: он искал отбившуюся от стада козу среди скал и вад, когда заметил вход в пещеру.

Затем он бросил в пещеру камень, надеясь услышать блеяние козы, но вместо этого раздался звон разбитой посуды. Мохаммед забрался в пещеру, чтобы посмотреть, что там такое.

Он нашел несколько запечатанных глиняных кувшинов высотой около двух футов; часть кувшинов была разбита. Считается, что в пещере было не меньше восьми кувшинов, хотя точно этого не знает никто. Внутри каждого кувшина находились кожаные свитки с текстом на древнем языке. Пастух признался, что взял как минимум семь свитков. Известно, что властям были переданы и другие СВИТКИ, но мы даже не представляем, сколько их было всего. По оценкам археологов, глиняных черепков в пещере хватило бы на сорок кувшинов.

Но мы не можем сказать, как давно они были разбиты и находились ли внутри свитки, впоследствии уничтоженные или спрятанные в другом месте для перепродажи.

Первая находка — в списке рукописей Мертвого моря ее обозначают как пещера № 1 — дала семь более или менее полных рукописей, а также фрагменты еще двадцати одного текста. Неизвестно, почему одни манускрипты оказались поврежденными, а другие остались целыми. Объяснение может быть чрезвычайно простым: кувшины разбивались камнями, падавшими со свода пещеры, а выпавшие из них свитки растащили дикие животные. Я видел более двухсот пещер в этих местах и могу подтвердить, что камнепад в них случается довольно часто и что вокруг полно диких зверей, например шакалов.

Бедуинский пастух передал свитки Халил Искандер Шахину, известному также как Кандо, торговцу древностями, державшему лавку в Вифлееме. Он был хорошо известен на черном рынке, и, по слухам, сам отправился в пещеру и извлек оттуда другие тексты и фрагменты. В апреле 1947 года один из свитков попал к митрополиту Сирийской православной яacobитской церкви, резиденция которого расположена на территории монастыря Св. Марка в Иерусалиме. Митрополит не смог прочесть его, но понял, что это очень древний и ценный документ. Он купил четыре свитка, а три остальных были проданы кому-то еще.

Митрополит показал принадлежащие ему рукописи одному из сотрудников министерства древностей, а затем ученому из Иерусалимской библейской археологической школы, которая находилась под управлением ордена доминиканцев и которой с 1945 года руководил отец Ролан де Во. Оба полагали, что тексты были написаны не очень давно, а еще один специалист из библейской археологической школы предупредил митрополита о большом количестве подделок у так называемых торговцев древностями.

Вскоре после этого о рукописях узнал профессор Эли-зер Сукеник, заведующий кафедрой археологии Еврейского университета Иерусалима, и ему удалось посмотреть на них. После нескольких неудачных попыток приобрести все свитки Сукеник смог купить три рукописи, не попавшие к митрополиту. В конце 1947 года у профессора оказались Свиток Исайи, Свиток Войны и Благодарственные Гимны. Однако четыре свитка, которые приобрел митрополит — еще одна Книга Исайи, Комментарии к Книге пророка Аввакума, Устав Общины и апокрифическая Книга Бытия на арамейском языке — ему получить не удалось. Три свитка, купленные профессором Сукеником, были опубликованы израильянами в 1955–1956 гг.

Митрополит связался с Американским институтом археологии в Иерусалиме и в начале 1948 года предложил рукописи этому учреждению. Кроме того, он разрешил сделать фотографии трех манускриптов и выпустить факсимильное издание в надежде, что стоимость их увеличится. Снимки были сделаны в марте 1948 года.

В 1949 году закончилась первая арабо-израильская война, и по условиям договора о прекращении огня Кумран перешел к Палестине. 24 апреля 1950 года Палестина официально вошла в состав Иордании. Теперь разрешение на дальнейшие исследования выдавало иорданское министерство древностей и его директор Джеральд Ланкастер Хардинг. Однако митрополит уже вывез рукописи в Соединенные Штаты, где в 1949 году была устроена выставка. Одновременно их выставили на продажу.

В конце концов в 1954 году благодаря усилиям Игадя Ядиия, сына профессора Сукеника, рукописи были приобретены израильским правительством. Сегодня все семь манускриптов — а также восьмой, Храмовый свиток, приобретенный в 1967 году, — выставлены в Иерусалиме в Храме книги.

Поначалу рукописи не произвели большого впечатления на ученых. Одни подозревали, что это подделка, другие известные специалисты считали их относительно новыми. В 1949 году профессор Годфри Драйвер из Оксфорда датировал их шестым или седьмым веком н. э., а через год скорректировал датировку на 200–500 гг. до н. э. — но все же после иудео-христианского периода. Другой ученый из Манчестерского университета пришел к выводу, что манускрипты были написаны в одиннадцатом веке. Часть ученых впадала в другую крайность; так, отец Ролан де Во, директор Иерусалимской библейской археологической школы, считал, что рукописи относятся к дохристианской эпохе. Он датировал кувшины и найденные в них рукописи эллинистическим периодом, предшествовавшим римскому господству над Египтом и Иудеей — то есть началом первого века до н. э. [445]

В конце января 1949 года два офицера иорданской армии нашли пещеру, из которой были извлечены рукописи. 5 марта того же года Ролан де Во и Джеральд Ланкастер Хардинг провели раскопки в пещере. Они обнаружили обрывки ткани, глиняные черепки и маленькие фрагменты рукописей, принадлежащие двадцати одному тексту. События развивались медленно. Раскопки были увлекательными, но не выявили почти ничего — или совсем ничего, — что могло бы встревожить Церковь. Но вскоре все изменилось.

К концу 1949 года все рукописи оказались в руках израильтян или американцев. Но события развивались согласно собственной логике и вскоре вышли из-под контроля. В начале 1950 года появился первый том публикаций Американского института восточных исследований под названием «The Dead Sea Scrolls of St. Marks Monastery». Книга содержала фотографии и транслитерацию Свитка Исаяи и Комментариев к Книге пророка Аввакума — в настоящее время она известна как пещер Хаббакук. В рукописях Мертвого моря термин пещер обычно используется для обозначения интерпретации древнего текста членами кумранской общины — особенно в отношении «последних дней», когда враг будет повержен и во главе Израиля встанет царь из рода Давида.

Изучая интерпретацию текстов Ветхого Завета, ученые могут сделать вывод об идеологии и мышлении этой религиозной группы. Специалисты со всего мира приступили к изучению содержания рукописей Мертвого моря и особенно тех, которые относились к категории пещер, выдвигая собственные гипотезы относительно авторов этих текстов, а также относительно их смысла. Параллели с христианством были неизбежны.

Первый шок случился 26 мая 1950 года, когда Андре Дюпон-Соммер, профессор кафедры древнееврейского языка в Сорбонне, прочитал публичную лекцию о «пещере Хаббакук» в Академии надписей и изящной словесности. Лекция произвела настоящий фурор. Дюпон-Соммер проник в самое сердце запретной территории: он открыто и публично связал рукописи Мертвого моря с христианством. Многие были обескуражены тем, что они восприняли как вызов вере, другие пришли в ярость и не замедлили высказать свое возмущение.

Гипотеза Дюпон-Соммера заключалась в том, что Комментарии к Книге пророка Аввакума были написаны в раннехристианский период, что эти манускрипты были спрятаны во время войны 66–70 гг. н. э., что кумранская община — они были озабочены соблюдением «нового завета»[446] — была общиной ессеев, о которых писал Иосиф Флавий, и что руководитель общины, имя которого не называется и который был известен как «Учитель Праведности», считался богом, и после смерти от рук врагов он воскрес из мертвых. Дюпон-Соммер был поражен сходством Иисуса и Учителя Праведности, которого он считал прототипом Иисуса.

Создавалось впечатление, что он покушается на самую идею уникальности Иисуса. Суммируя свои выводы в книге, опубликованной в этом же году, Дюпон-Соммер писал:

«Теперь совершенно очевидно — и это одно из главных открытий в рукописях Мертвого моря, — что в первом веке до н. э. иудаизм рассматривал веру в страдающего мессию, призванного стать спасителем мира, как формирующуюся вокруг фигуры Учителя Праведности»[447].

Дюпон-Соммер не только поставил под сомнение уникальность Иисуса, но и предположил, что и он, и само христианство имеют иудаистские корни:

«Документы из Кумрана ясно показывают, что примитивная христианская церковь возникла на основе иудаистской секты „Нового завета“, секты ессеев, и расширила свое влияние до пределов, которых никто не мог предположить, и что она позаимствовала у этой секты организацию, обряды, доктрины, „шаблоны мышления“, а также мистические и этические представления»[448].

Реакция Ватикана указывала на то, что церковные власти встревожены и собирают силы для ответного удара. А силы эти были весьма значительными. Несмотря на то, что инквизиция больше не сжигала людей на костре, в задачу Священной Канцелярии по-прежнему входила защита церковных догматов — любой ценой.

Как упоминалось выше, в 1902 году папа Лев XIII создал Папскую библейскую комиссию, которая должна была надзирать за работой теологов и направлять ее. Особую неприязнь у нее вызывал модернизм — работы ученых, группировавшихся вокруг семинарии Сен-Сюльпис в Париже, прежде чем в конце девятнадцатого века это течение не было официально осуждено. Папская библейская комиссия предоставляла экспертов — «консультантов» — для Священной Канцелярии. Это была первая линия обороны против нападков на веру. Одна из ее важнейших функций заключалась в установлении и объявлении «правильного толкования... священных книг»[449]. То есть это был «центр лжи» Ватикана.

Библейская комиссия и Священная Канцелярия считались двумя независимыми учреждениями, но это была иллюзия; обычно ими руководили одни и те же люди. Близость этих двух учреждений была официально подтверждена в 1971 году, когда Папскую библейскую комиссию подчинили главе инквизиции, переименовавшей свое название на вполне невинное — «Священная конгрегация доктрины веры». Руководство обеих организаций располагалось в Риме, в одном и том же здании. В 1981 году главой их — «великим инквизитором» — назначили кардинала Ратцингера. В 2005 году, как нам известно, он был избран папой.

В 1951 году усилилось противодействие ученым, которые связывали рукописи Мертвого моря с христианством: для тех, кто отстаивал уникальность и божественность Иисуса, ставка была слишком велика. В феврале этого года появилась статья известного ученого иезуита в научном издании ордена иезуитов. Его позиция была ясна: он «встревожен тем, что несло угрозу доктрине уникальности Иисуса»[450]. Примерно в это же время Церкви был нанесен очередной удар, который еще больше встревожил католических богословов. При раскопках в пещере № 1, проведенных Джеральдом Ланкастером Хардингом и отцом де Во, были найдены фрагменты ткани. Один из фрагментов отправили для исследования в Соединенные Штаты, и радиоуглеродный анализ позволил установить дату: 33 г. н. э. плюс минус двести лет — то есть период с конца второго века до н. э. до начала третьего века н. э. [451]. Это значит, что манускрипты вполне могли быть написаны в христианскую эпоху. С этой информацией Церкви нужно было что-то делать.

В 1951 году отец де Во, который пытался установить контроль над всем, что касалось рукописей, опубликовал в журнале «Revue Biblique» — который сам же и редактировал — резко отрицательный отзыв на лекцию и книгу Дюпон-Соммера. Де Во даже не пытался скрыть сарказм:

«Его тезис представлен в чрезвычайно соблазнительном виде и с очаровательным вдохновением. В нем много науки и еще больше фантазии»[452].

Однако отец де Во сам часто ошибался, и в его статье есть одна серьезная ошибка. В качестве аргумента против теории Дюпон-Соммера он выдвигает «факт», что «компетентные археологи, видевшие кувшины, в которых хранились рукописи, датируют их концом эллинистического периода, до прихода римлян в Палестину». Это утверждение отца де Во, как и многие другие, оказалось не соответствующим действительности, и он был вынужден дезавуировать его. Тем не менее ему удалось добыть «первые очки» в стычках, которые скоро превратятся в серьезную битву.

В конце 1951 года отец де Во и Джеральд Ланкастер Хардинг приступили к раскопкам на развалинах Кумрана. Здесь их ждало новое потрясение: все найденные монеты, которые удалось идентифицировать, относились к периоду окончания иудейской войны 70 г. н. э. — то есть к началу христианской эры[453]. Кроме того, в полу одной из комнат они нашли точно такой же кувшин, как и те, в которых хранились рукописи из пещеры № 1[454]. Все эти находки свидетельствовали, что и Кумран, и рукописи относятся к христианской эпохе.

Затем, в сентябре 1952 года, появился бедуин с картонными коробками, заполненными фрагментами рукописей. Бедуин нашел пещеру № 4. Из нее извлекли тысячи фрагментов, принадлежавших примерно восьмистам разным текстам. Но все эти фрагменты были маленькими — очень маленькими. И ни одного целого манускрипта. Предстояло соединить, а затем перевести такое огромное количество фрагментов, что одному человеку такая задача была не по плечу. Требовалось собрать специальную группу из ученых, чтобы восстановить, перевести и опубликовать весь найденный материал. У отца де Во появилась возможность хотя бы отчасти восстановить контроль над текстами.

В 1953 году была сформирована небольшая международная группа ученых для работы с текстами. Руководил группой отец де Во, а все работы велись под эгидой Иерусалимской библейской археологической школы. После того как группу почти сразу же покинул немецкий ученый, в ее составе осталось пять человек: четыре католических священника и монсеньор Патрик Скехан, профессор Американского католического университета в Вашингтоне, впоследствии директор Американской школы восточных исследований и член Папской библейской комиссии. Ему приписывают следующие слова:

«Непременная обязанность любого ученого, изучающего Ветхий Завет, состоит в том, чтобы проследить в священной истории формирование готовности признать Христа, когда он придет»[455].

Совершенно очевидно, что его нельзя назвать бескомпромиссным защитником научной объективности.

Рукописи хранились в палестинском археологическом музее, который впоследствии был переименован в Рокфеллеровский музей. Директором Рокфеллеровского музея стал отец Ролан де Во.

В 1955 году отец де Во стал членом Папской библейской комиссии. Как глава Иерусалимской библейской археологической школы он был влиятельной фигурой в библейской археологии. И действительно, после него каждый из директоров Иерусалимской библейской археологической школы становился членом Папской библейской комиссии.

Де Во издавал журнал «Revue Biblique», который считался печатным органом Иерусалимской библейской археологической школы и был посвящен научным и археологическим исследованиям, имеющим отношение к Библии. «Revue Biblique» также доминировал в новом журнале «Revue de Qumran», материалы которого были посвящены рукописям Мертвого моря. В 1956 году вышел новый перевод католической Библии, получивший название «Иерусалимской Библии», главным редактором которой тоже был отец де Во. Он также выпустил объемный труд, посвященный истории древнего Израиля, рукописям Мертвого моря и раскопкам, которые он проводил в Кумране. Отец де Во был очень влиятельным человеком.

Избранные ученые, допущенные к рукописям, тщательно охраняли их, позволяя работать с ними только тем, кто имел «разрешение». Но затем разразился скандал. В то время, как одни ученые, в частности, Джон Аллегро, довольно быстро опубликовали свои тексты, другие медлили с публикацией. Прошло сорок лет, а многие важные рукописи все еще оставались неопубликованными. В научных кругах усиливалось подозрение, что католические богословы придерживаются материал, ставящий под сомнение уникальность Иисуса.

У английского члена международной команды, Джона Аллегро, имелись свои подозрения. Узнав, что отец де Во и другие члены группы решили опубликовать открытое письмо в «The Times» с нападками на его интерпретацию рукописей — беспрецедентный поступок, — Джон Аллегро в марте 1956 года отправил отцу де Во письмо с предупреждением.

«На каждой моей лекции, посвященной рукописям Мертвого моря, всплывает старый вопрос: правда ли, что Церковь боится... можем ли мы быть уверены, что будет опубликовано все... Вряд ли стоит объяснять, какой эффект произведут подписи трех священников Римско-католической церкви под предполагаемым письмом»[456].

Однако отец де Во и его сторонники проигнорировали предупреждение и публично выступили против Аллегро, пытаясь дискредитировать его. Они не собирались прощать ему независимость... Им требовалось сохранить контроль над рукописями Мертвого моря.

С их точки зрения, это было разумно. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на текст «Сын Божий».

Жарким июльским днем 1958 года к исследователям попал новый текст; он был написан на арамейском языке и принадлежал к свиткам из пещеры № 4.

Один из присутствовавших при этом специалистов, священник-иезуит Джозеф Фицмайер, в настоящее время профессор библеистики в Американском католическом университете и консультант Папской, библейской комиссии, рассказал мне, что им удалось прочесть текст буквально на следующее утро. Следует пояснить: 10 июля 1958 года специалисты из международной группы знали, что у них оказался фрагмент текста, где речь шла о человеке, «которого будут называть сыном Божиим»[457]. До сих пор ведутся споры, поддерживал ли этот человек священников-садокидов из Кумрана или нет, но это не имеет особого значения. Важно другое: титул «сын Божий», который, как считалось прежде, в иудаистском мире использовался только по отношению к Иисусу, существовал и раньше.

Естественно, это противоречило официальной доктрине. Католические богословы изо всех сил старались сохранить дистанцию между рукописями Мертвого моря и христианством, и опубликование этого текста показало бы всю слабость их аргументации. Поэтому они сделали все что могли: на протяжении многих лет скрывали текст. Само его существование было тайной. В конце концов отвечавший за него ученый — отец Джозеф Милик — упомянул о нем в своей лекции, прочитанной в 1972 году. В 1990 году текст попал в популярный журнал «Biblical Archaeology Review» и был опубликован. Это случилось через тридцать два года после его появления и перевода. При невозможности принять радикальные меры, например уничтожить текст, оставалось лишь тянуть время.

Тактика задержек исчерпала себя в 1991 году, когда Калифорнийская библиотека Хантингтона опубликовала полный комплект фотографий рукописей Мертвого моря. Затем ее примеру последовали другие учреждения во всем мире, опубликовав фотографии, которые были переданы им на хранение. Люди, стремившиеся сохранить контроль над рукописями Мертвого моря, после потери контроля над исходным материалом были вынуждены сосредоточиться на интерпретации содержания манускриптов. Эти попытки не прекращаются и по сей день.

Можно не сомневаться, что Ватикан обеспокоен. Отрицание уникальности и божественности Иисуса — это очень серьезно.

Косвенным образом политика Ватикана, не выпускавшего рукописи из своих рук, заставила остальных искать объяснения в других местах.

Но сначала требовалось опровергнуть некоторые ошибочные выводы отца де Во. Так, например, в период монопольного обладания текстами он пришел к убеждению, что кумранская община представляла собой нечто вроде монастыря с «трапезной», где ели монахи, и «скриптори-ем», где работали весен, авторы рукописей. Эта модель определила все последующие интерпретации — а также раскопки. Однако дальнейшие исследования заставили сомневаться в том, что свитки вообще были написаны в Кумране. Скорее всего, их привезли из Иерусалима и спрятали в пещерах.

Поскольку отец де Во не оставил отчета о раскопках, работавшие с его записями археологи пришли к заключению, что Кумран был, скорее всего, не изолированным монастырем, а центром сельскохозяйственного производства — возможно, он специализировался на производстве ароматических масел. Судя по всему, отец де Во принял вертикальные пласты слежавшейся земли за стены из глиняных кирпичей, образовывавших комнаты, но ему не удалось раскопать эти помещения. Эти ошибки легли в основу его ошибочной «монастырской» версии.

Я пригласил археолога, имевшего опыт работы с постройками из глиняных кирпичей в Месопотамии, взглянуть на кумранские «стены». Он посмотрел одну стену и рассмеялся, заявив, что это вовсе не стена, а спрессованная земля. Этот вывод оказался верным: в середине декабря в Кумране прошел сильный дождь, что нечасто бывает в этих местах. Одна из «кирпичных стен» отца де Во была смыта потоком воды, и под ней обнаружили глиняный кувшин. Мой информатор, чиновник израильского министерства, ведавшего древностями, прислал мне цветную фотографию. Он тоже смеялся.

В конечном итоге мы смогли доказать научную несостоятельность краеугольного камня теории отца де Во, который составлял основу исторической реконструкции, предложенной международной группой исследователей: утверждения, что кумранская община погибла в результате землетрясения 31 г. н. э. и вызванного землетрясением пожара. Отец де Во утверждал, что нашел трещину в развалинах, которая возникла в результате землетрясения. Именно поэтому, утверждал он, жители покинули Кумран[458]. В 1992 году мы привезли на место раскопок оборудование для эхолокации и двух специалистов в этой области. Мы выяснили, что разлома, якобы появившегося в результате землетрясения, не существует и что разрушения, которые де Во приписывал землетрясению, скорее всего — по мнению двух специалистов, имевших опыт работы в этой области — были обусловлены естественным оседанием почвы[459].

Главный вывод этих открытий в контексте наших непростых исследований состоит в следующем: рукописи Мертвого моря принадлежали реальной группе людей, сторонников мессианского течения иудаизма, которые жили в реальном мире — в том самом мире, которые видели возвышение Иисуса и зарождение христианства. Поэтому эти рукописи дают нам уникальную возможность познакомиться с их верованиями и тревогами, а также — до определенной степени — с историей этой группы и с их отношением к событиям той эпохи.

В них мы находим множество параллелей с ранним христианством и с тем, что нашло отражение в Новом Завете. Не следует, однако, забывать и о серьезных отличиях. Христианство отделилось от иудаизма и порвало с его законами.

Важная особенность рукописей Мертвого моря состоит в том, что это оригинальные документы; они не искажены переводом или исправлениями, как большинство дошедших до нас документов той эпохи. Тем не менее их достаточно трудно понять, не взглянув на них сквозь призму современных религиозных убеждений.

Главная проблема библеистики заключается в том, что большинство специалистов в этой области получили образование как теологи или специалисты по библейской истории. А те

историки, которые отважились вступить в эту область, часто подвергались яростным нападкам богословов, потому что их беспристрастный анализ фактов нередко приводил к выводам, нежелательным для церковного учения[460].

Рукописи Мертвого моря напрямую связаны с христианством. Они ставят две проблемы перед убежденными сторонниками христианской теологии — теми, кто безоговорочно поддерживает решения Никейского собора, утвердившего уникальность и божественность Иисуса.

Во-первых, рукописи сдержат многочисленные свидетельства того, что Новый Завет и сам Иисус появились в среде мессианского иудаизма. Это значит, что христианство основано не на уникальном событии в истории человечества, а было частью существовавшего течения, которое уже использовало термин «сын Божий», который, как считалось прежде, был неизвестен в иудаизме и, следовательно, является характерным признаком христианства.

Во-вторых, рукописи подвергают сомнению теологическое единство Евангелий. Они дают ключ к раскрытию глубоких богословских противоречий между Иаковом — братом Иисуса и главой мессианской общины Иерусалима — и Павлом, который никогда не встречался с Иисусом. Это противоречие вскрывает глубокий и непреодолимый раскол в Новом Завете, особенно в вопросе необходимости соблюдения еврейского закона. Так, например, в Посланиях апостола Павла провозглашается свобода от закона, а в Послании Иакова подчеркивается необходимость его соблюдения[461].

В результате рукописи Мертвого моря дают нам дополнительную информацию относительно аргументов, которые мы тщательно анализировали, исследуя вопрос о божественности Иисуса.

Тем не менее основания для альтернативной точки зрения содержатся не только в рукописях Мертвого моря: даже сами Евангелия не в состоянии поддержать доктрину, утвержденную на соборе в Никее. Действительно ли Иисус объявил себя Богом? По всей видимости, нет. В связи с этим удивительное признание сделал Джозеф Фицмайер:

«Евангелия не содержат этого утверждения...»[462]

Это очень серьезный вопрос: в основе христианства лежит признание уникальности — и божественности — Христа. Однако в Евангелиях об этом ничего не сказано, а рукописи Мертвого моря доказывают, что христианство невозможно отделить от мессианского иудаизма, в котором не существовало понятия божественного мессии. По этой причине — как минимум — у Ватикана не было выхода, кроме как можно дольше скрывать свитки, противоречившие официальной доктрине. У него не было выхода, кроме как хвататься за любую возможность, чтобы дистанцировать христианство от общины, владевшей свитками. Более того, Ватикану ничего не оставалось, кроме как попытаться контролировать интерпретацию этих текстов, раз уж они стали достоянием публики; потенциальная опасность была слишком велика.

По мнению Бертона Мака, профессора Клермонтской школы теологии в Калифорнии, специализирующегося на Новом Завете, главная проблема заключается в том, что реальное религиозное учение Иисуса было заменено мифологией. Это привело к нестабильной ситуации, когда Церковь «объявляла христианский миф историей и призывала своих последователей верить, что это истина»[463]. Он указывает на опасность такого положения: если будут найдены альтернативные объяснения этой смеси истории и мифологии, то «христианское Евангелие столкнется с огромными трудностями», а христианская вера окажется перед необходимостью серьезного пересмотра своих взглядов, поскольку Евангелия составляют основу «мифического мира христианства»[464]. Мак не скрывает своего критического отношения к официальной доктрине:

«Миф о Христе создал гораздо более фантастический мир, чем все, с чем мы сталкиваемся в учении Иисуса»[465].

Учение Иисуса неразрывно связано с иудаизмом, а миф о Христе нет.

Теперь уже не остается сомнений в том, что исторического Иисуса и «Иисуса веры» разделяет глубокая пропасть. Ревностные хранители христианского богословия настаивают на их идентичности, но любой историк, взглянув на факты, скажет, что это не так. Мы уже видели, к примеру, как Ватикан был вынужден защищать свою позицию при помощи сокрытия фактов и манипуляций. Однако защищать эту жесткую позицию становится все труднее — появляются трещины, и дамба дает течь. Представляется неизбежным, что в какой-то момент давление станет слишком сильным, и вся конструкция рухнет под весом ложных допущений, откровенной лжи и намеренных искажений.

Следует также отметить, что устройство общины, владевшей рукописями Мертвого моря, в точности совпадало с устройством общины первых христиан в Иерусалиме под руководством брата Иисуса Иакова, о которой рассказывается в Деяниях Апостолов[466]. Так что в определенном смысле рукописи Мертвого моря можно считать раннехристианскими документами, и они помогают нам по-новому взглянуть на обширную мифологию, сформировавшуюся вокруг личности Иисуса. Но это лишь небольшая часть большого целого.

Тем не менее мы можем с полным основанием утверждать, что после смерти Иисуса его брат Иаков примкнул к зелотам в вопросах сопротивления Риму и неукоснительного соблюдения еврейского закона. А Павел взял только часть учения Иисуса и создал христианство, предназначенное для неевреев. Иакова занимал только иудаизм и Иудея. Павел же, несмотря на свою идиосинкразию, смотрел гораздо дальше. Но он, похоже, вышел из-под контроля.

Сможем ли мы когда-нибудь избавить Иисуса от догмы, в которую он так долго был закован?

В этой книге я высказал предположение, что Иисус с помощью ближайших друзей и при попустительстве римского прокуратора Понтия Пилата сумел избежать распятия. Вне всякого сомнения, это был рискованный план. Когда Иосиф Аримафейский пришел с просьбой отдать ему тело Иисуса, Пилат, вероятно, подумал, что план не увенчался успехом и Иисус действительно умер, о чем свидетельствует слово *ptoma* (что значит «труп»), которое он — как сказано в Евангелии от Марка — использовал, говоря о теле Иисуса.

Иисус не умер, но ему, похоже, требовалась квалифицированная медицинская помощь. Его сняли с креста и положили в пустую гробницу. Затем, когда настала ночь, к нему пришли (по свидетельству Евангелия от Иоанна) Иосиф Аримафейский и Никодим с лекарствами. Мне представляется, что, когда опасность миновала, они вынесли Иисуса из гробницы и укрыли в надежном месте, где он мог спокойно выздоравливать. Именно это событие — вынос живого Иисуса из гробницы — запечатлено на раскрашенном барельефе церкви в Ренн-ле-Шато, изображающем четырнадцатую остановку Крестного пути.

Что произошло потом? Этого мы не знаем, но Иисус — в противовес мифам о нем — не исчез с лица земли. Он куда-то уехал.

Одна из задач любого исторического исследования состоит в том, чтобы попытаться дать оценку фактам. К сожалению, в данном случае факты отсутствуют — по крайней мере те, которые можно считать достоверными. У нас не ни текстов, рассказывающих об Иисусе, ни римских документов, ни семейных хроник. Все, что мы имеем — это утверждение, пересказанное преподобным Дугласом Уильямом Гестом Бартлетом, что «Иисус был жив в 45 году нашей эры» и что ему помогли избежать смерти «фанатичные зелоты».

Преподобный Бартлет слышал это заявление из уст своего учителя, каноника Альфреда Лиллея, который переводил некий оригинальный документ и воспринимал (Это как факт. Бартлет не сомневался в достоверности информации. Тем не менее речь шла о документе, который Лиллей читал за сорок лет до того, как рассказал о нем Бартлету. И мы вправе задаться вопросом, насколько точны эти сведения.

Выражение «фанатичные zeloty» больше похоже на оценку, чем на цитату из самого документа. Определение «фанатичный» само по себе является оценочным суждением. Но кому принадлежит эта оценка? Может быть, канонику Лиллеу? Более того, мы уже убедились, что zeloty ненавидели Иисуса — после того, как он отказался поддерживать их нежелание платить налоги римлянам. Поэтому эту оценку трудно обосновать, и она, скорее всего, является личным мнением.

Здесь обращает на себя внимание сама дата, 45 г. н. э., когда Иисус якобы был еще жив. Точная дата очень важна, поскольку не допускает интерпретаций: такую дату, как 45 г. н. э., легко вспомнить даже через много лет, и этот факт остается истиной, даже если вокруг него нагромоздить гору лжи. Это единственный аспект письма Бартлета, который я могу принять без всяких сомнений и подозрений в том, что он искажен предвзятостью.

Но что произошло с Иисусом после спасения? Куда он уехал? Где он жил в 45 г. н. э.? Моги ли он быть в это время в Риме и стать причиной волнений в еврейской общине, о которых сообщает Светоний?

Об этом я могу только строить предположения — правда, не выходя за рамки того, что нам известно о той эпохе. По всей вероятности, Иисус мог надежно укрыться лишь в одном месте — в Египте. Если он действительно пользовался тайной поддержкой римлян — причины для этого были самые циничные, — то проще всего было тайком пробраться в порт Кесарии и уплыть оттуда на корабле. И логично было бы предположить, что в этом путешествии его сопровождала жена — по моему убеждению, это I Мария Магдалина. Она исчезает из поля зрения авторов Евангелий через несколько дней после распятия. О ней не упоминается в Деяниях Апостолов.

Но где именно мог скрываться Иисус в Египте? Маловероятно, что он направился в Александрию, в которой большим влиянием пользовалась семья Филона и римского генерала Тиберия Александра. Вряд ли они обрадовались бы приезду еврейского мессии, даже если он был мистиком. Кроме того, в Александрии многие симпатизировали zelotam — несколько тысяч их сторонников были убиты Тиберием Александром в 66 г. н. э., в самом начале губительной войны в Иудее, когда они начали открыто агитировать против римлян. Вне всякого сомнения, сторонники zelotam заметили бы, что Иисус остался жив, и это им не понравилось бы. Поэтому Иисусу и его семье было бы разумно держаться подальше от Александрии.

В тот период, когда Иисус и Мария прибыли в Египет, положение осложнялось усиливавшимися разногласиями между греческой и еврейской общинами Александрии, а также других крупных еврейских центров, таких как Эдфу на юге страны. Взаимную ненависть разжигал римский наместник, и закончилось все тем, что в один из дней августа 38 г. н. э. всех евреев Александрии выгнали из домов, избили и ограбили. Многие погибли. Это произошло через два года после распятия Иисуса — если придерживаться новой датировки Хью Шонфилда, который переносит распятие на Пасху 36 г. н. э.

Лично мне кажется, что Иисус и Мария могли найти убежище в храме Онии, который придерживался мистических традиций, в котором служили священники садокиды, но который не принадлежал к политическому течению zelotam. Филон и александрийская знать просто не замечали приверженцев этого храма; взоры сочувствовавших zelotam жителей Александрии были устремлены на Иерусалимский Храм, а zeloty Иудеи игнорировали храм Онии как соперника и как отвергавшего их земные планы захвата политической власти.

Представляется, что в этом убежище они пробыли достаточно долго, чтобы мистическое учение Иисуса и Марии Магдалины получило распространение и нашло поддержку в устной традиции.

Возможно, Иисус продолжал проповедовать. Возможно, он вернулся в круги, в которых учился. Возможно, именно поэтому к началу первого века н. э. в Египте появилось множество христианских общин, не связанных с апостолом Павлом, причем многие из них склонялись к

гностическому течению. Куда же они несли учение Иисуса? Эти вопросы побудили нас внимательнее всмотреться в тексты, которые пришли из Египта и которые были отвергнуты Церковью, находившейся под влиянием Павла. Скорее всего, именно в этих текстах звучит подлинный голос Иисуса.

А что случилось после того, как все рухнуло? После войны в Иудее, после закрытия храма Онии, где, как я полагаю, скрывался Иисус? Иисус вместе с семьей должен был уехать задолго до этих событий. Мне кажется — хотя это лишь мои догадки и предположения, — Иисус мог оставаться в Египте до беспорядков 38 г. н. э. После этого разумнее было уехать в безопасное место, подальше от Египта и Иудеи. Туда, где еврейская община была защищена от ненависти греков.

В Нарбонне, крупном торговом порту римлян, расположенном в устье реки Од, имелась старейшая еврейская община в регионе. Это была территория Римской империи, и в отличие от Марселя, Лиона и долины Роны христианству потребовалось много времени, чтобы занять здесь доминирующее положение — свидетельство того, что миссионерские усилия приверженцев Павла оказались неэффективными. Первые документальные свидетельства существования еврейской общины во Франции также относятся к этой местности, причем согласно этим; документам еврейское население было многочисленным. Именно с Нарбонной и Марселем, двумя крупнейшими городами региона, связаны легенды о Марии Магдалине, которая якобы приплыла морем с Ближнего Востока.

Вполне убедительно также выглядит гипотеза, что еврейская община юга Франции является источником документа, который видел каноник Лиллей и в котором говорится, что Иисус был жив в 45 г. н. э. Каноник Лиллей был убежден, что рукописью когда-то владела французская гностическая секта, катары. Это предположение также свидетельствует в пользу южной Франции как источника документа.

Возможно, этот текст имел отношение к генеалогии и бережно хранился членами семей, заявлявших о своей принадлежности к роду Давида — известно, что такие семьи жили в Нарбонне в Средние века. Известный еврейский путешественник и писатель Вениамин из Туделы побывавший в Нарбонне в 1166 году, сообщал, что глава еврейской общины Нарбонны был «потомком Дома Давида, что указано в его генеалогическом древе»[467].

С другой стороны, это мог быть средневековый французский перевод более древнего документа, привезённого в эти места из самого Иерусалима и датированного первым веком н. э. Далее мы убедимся, что находка таких документов не была таким уж невероятным событием.

Странный мир ближневосточных древностей всегда был полон слухов, новых открытий и тайных сделок. Среди намеков и переданных через третьих лиц слухов всегда присутствовали разговоры о неких документах, представлявших опасность для Ватикана; эти документы выставляли Иисуса в непривычном для нас виде и представляли собой нечто вроде явной улики. Однако никто не приводил никаких подробностей. Тем не менее слухи эти не исчезали, и мне захотелось проследить их.

Только через восемь лет после выхода книги «Святая Кровь и Святой Грааль» мне удалось — благодаря обширным связям в этой сфере — выйти на источник слухов и владельца, документов, которые были предметом слухов.

Это был израильтянин, долгое время живший в крупном европейском городе. Успешный бизнесмен, он считал делом своей жизни — древние предметы религиозной символики, которые он коллекционировал, не обращая внимания на цену. Свои мотивы он объяснял так: «Все человечество ищет способы прямого общения с Богом. Символизм способен помочь нам вознестись к Богу».

Это был человек высокой культуры и безупречного воспитания, необыкновенно умный и отличавшийся удивительной хитростью и интуицией. Требовалось обладать немалым мужеством, чтобы попытаться превзойти его в том, что касалось древностей. Он пригласил

меня к себе в дом и предложил кофе. Сидя на диване, я разглядывал стоявший передо мной низкий столик с прозрачной стеклянной столешницей. Под ней располагалось большое панно из серой керамики: на нем во всех подробностях было изображено богослужение в ханаанском храме. Место богослужения было огорожено священными камнями, а маленькие керамические фигурки молящихся застыли в разнообразных позах. Каждая из фигурок была непохожа на остальные, исполняя свою роль в священном обряде. Я с изумлением смотрел на необычное панно, позволявшее понять древний ритуал. Но, насколько мне было известно, ни один ученый не видел этот предмет — по крайней мере, официально.

Дом был полон специальных витрин, в которых поддерживалась постоянная температура и влажность. В витринах хранились уникальные предметы, которые был бы счастлив заполучить любой музей мира. Хозяин провел меня по дому и показал некоторые из своих сокровищ, а затем мы вернулись к диванам. Его супруга принесла кофе, он немного рассказал о себе.

В прошлом он дружил с Кандо, торговцем древностями, к которому попали рукописи Мертвого моря. Обычно он выступал в роли посредника между Кандо и израильскими властями и был замешан в истории с Храмовым Свитком, которая настроила Кандо против израильтян. Кандо пытался продать манускрипт. Мой знакомый пришел с фрагментом рукописи к Игалю Ядину, который распорядился купить рукопись за любую цену. Переговоры успешно продвигались, когда началась «шестидневная война». В июне 1967 года после захвата израильтянами Западного берега реки Иордан Я дин пришел в дом Кандо в Вифлееме, чтобы самому забрать рукопись. Кандо увезли и допрашивали в течение пяти дней.

В конечном итоге рукопись нашли в дымоходе — именно поэтому края манускрипта обгорели.

Кандо был в ярости от подобного обращения и отказался иметь дело с израильтянами, однако он сообщил моему знакомому, что у него есть большая коллекция манускриптов и фрагментов, которую он переправил в Дамаск. Он также рассказал, что существуют пещеры, которые неизвестны археологам и в которых бедуины нашли другие рукописи. К сожалению, бедуины обычно резали манускрипты на небольшие фрагменты и продавали их по частям — так получалось гораздо выгоднее. Мой знакомый рассказал, что в прошлом году получил двадцатисантиметровый фрагмент большого свитка — содержание текста было скорее сектантским, чем библейским — стоимостью 500 тысяч долларов; весь манускрипт предлагался за 10 миллионов. Разумеется, торг был уместен.

Он также рассказал мне историю о Игале Ядине, которую я слышал и из других источников. При раскопках в Масаде Ядин нашел большое количество фрагментов рукописей. Часть он перевел сам, а остальные привез в Лондон и положил на хранение в сейфы нескольких банков под вымышленными именами.

К несчастью, в 1984 году Ядин умер, не оставив записей, в каких банках хранились рукописи и на какие имена были зарегистрированы сейфы. Таким образом, пока банки не вскроют сейфы, чтобы проверить их содержимое, эти тексты останутся недоступными для научного сообщества.

Затем разговор коснулся «Бумаг Иисуса».

Услышав эти слова, жена моего нового знакомого пришла в сильное волнение, всплеснула руками и, громко и сердито крича, выбежала из комнаты. Я не знал языка, на котором она говорила, и поэтому ничего не понял, но она явно не хотела, чтобы мы обсуждали эти бумаги.

Хозяин рассказал мне следующую историю. В начале 60-х годов он, занимаясь поиском древностей, купил дом в Старом городе Иерусалима. Он начал вести раскопки в погребке, намереваясь добраться до коренной породы; в эпоху раннего христианства это место считалось окрестностями храма. В 1961 году он нашел два папируса с текстами на арамейском языке, а также несколько предметов, которые позволили датировать находку приблизительно 34 г. н. э.

Это были два письма в еврейский суд, или Синедрион. Автор, объяснил мой новый знакомый, называл себя бани мешиха — мессия Сынов Израиля. Я был потрясен. Неужели это правда? Я внимательно вслушивался в каждое слово.

Человек, называвший себя мессией Сынов Израиля, защищался от обвинения, выдвинутого Синедрионом — его обвинили в том, что он объявил себя «сыном бога», и ему пришлось оправдываться. В первом письме он объяснял, что он не называл себя «Богом», а лишь говорил, что в нем пребывает «Дух Божий» — то есть он не сын Бога в телесном смысле, а нечто вроде его приемного сына по духу.

Далее он добавлял, что любой, кто ощущает в себе «дух», также является «сыном Бога».

Другими словами мессия — вероятно, проповедник, которого мы знаем как Иисуса — открыто отрицал свою божественность. По крайней мере, у него было не больше оснований называться богом, чем у любого другого. Можно не сомневаться, что это заявление Ватикан предпочел бы не обнародовать.

Слушая эту историю, я удивлялся ее сходству с очень странным инцидентом, описанным в Евангелии от Иоанна: в кратком отрывке рассказывается, как «евреи» хотели побить Иисуса камнями за богохульство. Они обвиняли его: «Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом». В ответ Иисус процитировал Псалом 82: «...не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги? Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие, и не может нарушиться Писание»[468]. Может быть, в Евангелии отражена искаженная версия расследования, которое проводил Синедрион по делу мешиха?

Обнаружив эти два папируса, мой знакомый показал их археологам Игалю Ядину и Нахману Авигаду и попросил высказать свое мнение. Оба специалиста согласились, что документы подлинные и что ценность их чрезвычайно велика.

К несчастью, они рассказали об этих документах католическим ученым — скорее всего, кому-то из Иерусалимской библейской археологической школы, консультанту Папской библейской комиссии. Новость дошла до папы Иоанна XXIII, и он направил письмо израильским экспертам, требуя уничтожить рукописи.

Мой знакомый отказался это сделать, но пообещал, что они не будут опубликованы в течение двадцати пяти лет. К моменту нашей встречи двадцать пять лет давно прошли, но он по-прежнему отказывался публиковать письма, полагая, что это осложнит отношения между Ватиканом и Израилем, а также спровоцирует всплеск антисемитизма.

Теперь я понимал, почему так расстроилась его жена.

Естественно, мне очень хотелось увидеть бумаги Иисуса собственными глазами. Я хотел быть уверен, что они действительно существуют, и с полным основанием заявлять:

«Да. Они существуют. Я их видел». Однако хозяин дома отклонил мою просьбу, пояснив, что не готов показать мне их прямо сейчас. Но у него хранились и другие сокровища, возбуждавшие мое любопытство, и поэтому следующие несколько месяцев я не раз приходил к нему, чтобы поболтать и полюбоваться последними приобретениями. Однажды хозяин встретил меня одетым.

— Пойдемте со мной, — сказал он. — Надеюсь, у вас есть время? Разумеется, я не отказался от приглашения.

Мы поехали на другой конец города, где он привел меня к банковскому сейфу, такому большому, что в него можно было войти. Подобно витринам в доме моего знакомого, сейф был оборудован устройствами для поддержания постоянной температуры и влажности. Мне были продемонстрированы два папируса — в рамках и под стеклом. Длина каждого составляла восемнадцать дюймов, а ширина девять. Я взял их. Это были «бумаги Иисуса», письма Иисуса в Синедрион. Они существовали. Я держал их в руках. Я молчал, наслаждаясь моментом.

Но к моей радости примешивалось сильнейшее разочарование. Больше всего на свете я жалел, что не знаю древних языков — в отличие от многих экспертов, с которыми я был знаком. Это все равно, что держать ларец с сокровищами, но не иметь ключа, чтобы открыть его. К сожалению, тут я был бессилён. Мне неоднократно приходилось иметь дело с рукописями, но значение документов, которые я держал в руках, потрясло меня. Я не мог вымолвить ни слова, размышляя об изменениях в нашей истории, которые могут быть вызваны этими письмами, если их опубликовать. По крайней мере, бумаги в безопасности. Я вернул папирусы хозяину. Он улыбнулся, и мы отправились на ленч.

Я не чувствовал вкуса еды, потому что был полностью поглощён возможными последствиями того, что я только что видел. Мне хотелось, чтобы все узнали об этих бумагах. Меня подмывало выбежать на улицу и кричать прохожим, что «неопровержимые улики» существуют: я видел их, я держал их в руках!

В тот день я принял решение сделать все, что в моих силах, чтобы эти бумаги попали к квалифицированному специалисту, который проверит их подлинность и переведет. И мне известен такой человек.

Все произошло так, как я и предполагал, когда получил сообщение от преподобного Дугласа Бартлета о существовании рукописи, в которой содержатся неопровержимые доказательства того, что Иисус был жив в 45 году н. э. Мне всегда казалось, что такие доказательства будут иметь вид мирских, а не религиозных документов. Именно сухой и прозаичный характер такого рода документов делает их в высшей степени убедительными — как свидетельские показания человека, защищающего себя в суде. Я уже говорил раньше, что если нам когда-либо суждено узнать подлинную историю Иисуса, то самые важные ключи и факты мы найдем именно в таких земных документах.

Множество архивов по всему миру до сих пор остаются неисследованными; многие мили полок с оригинальными документами стоят в громадных библиотеках и архивных собраниях Ватикана, Стамбула, Каира, Лондона, Берлина и многих других городов. И везде исследователи регулярно находят неизвестные или давно утерянные документы. Фрагменты текстов или даже целые рукописи могут лежать неисследованными, особенно в библиотеках мусульманских стран, поскольку многие мусульманские ученые в начале Средних веков изучали древние тексты, цитируя длинные отрывки в своих комментариях. Более того, многие эти тексты основаны на материале более древних рукописей на сирийском языке — разновидности арамейского, на котором говорил Иисус — из несторианских общин, а затем и монастырей, которые начиная с пятого века н. э. часто становились убежищем для иудео-христиан и их манускриптов. Поэтому вполне вероятно, что древние рукописи, свидетельствующие о жизни Иисуса и о событиях той эпохи, могут быть найдены среди не попавших в каталоги манускриптов из этих собраний.

Кроме того, как мы уже отмечали, существуют частные коллекционеры, которые могут платить наличными и поэтому имеют право первого выбора среди материала, извлеченного из древних библиотек, а также найденного в потайных комнатах или занесенных песком древних развалинах.

Новые открытия неизбежны, и скоро мы сами в этом убедимся.

Глава 14. ТАЙНЫЙ РЫНОК

День клонился к вечеру. В моем кабинете становилось темно. Английское небо готовилось перейти темный горизонт ночи. Мы с профессором Эйзенманом сидели рядом и тихо беседовали, но мысли наши были далеко. В условленное время заработал факс, наполнив комнату неприятным жужжанием. Мы замолчали, гадая, что нам предстоит увидеть.

На какое-то время я был захвачен необычностью этого момента. Мы надеялись получить из одного швейцарского отеля текст рукописи Мертвого моря, возраст которой составлял около двух тысяч лет. И вот, на бумаге, строчка за строчкой, начали появляться буквы.

Когда была отпечатана первая страница. Эйзенман нетерпеливым движением извлек ее из факса, быстро пробежал глазами и разочарованно уронил листок мне на колени. Я сразу же увидел, что волнения наши были напрасными. Эта оказалась копия текста из свитка еврейской Торы сто- или двухсотлетней давности — неплохое приобретение, но довольно распространенное и явно не имеющее отношения к рукописям Мертвого моря. Нам обоим было очевидно, что мусульмане, владевшие этой рукописью, просто не представляли разницы между ними. Но мы несколько не удивились. В поисках текста, который мы рассчитывали получить, быстрой удачи ждать не приходилось. Следовало настойчиво идти к цели, потому что никто не знает, когда именно появится что-то действительно ценное. И такие шансы выпадают довольно часто, причем в ситуациях, когда этого меньше всего ожидаешь — в чем я вскоре имел возможность убедиться.

Следующей весной нас с супругой пригласил на ленч один знакомый американец, живший на средиземноморском острове Майорка. Среди прочих гостей на ленче присутствовал бизнесмен, с которым мы уже несколько раз встречались.

— Я читал вашу книгу о рукописях Мертвого моря, — вдруг заявил он, наклоняясь ко мне. Я удивился. Мне было известно, что он предприниматель, действующий в рамках — а иногда и на грани — закона, и рукописи Мертвого моря не входили в круг его интересов. Он жил в одном из Арабских Эмиратов со своей новой женой, заработав и потеряв несколько состояний. Я понятия не имел, на какой стадии этого цикла он теперь находится.

— Мне известно, где находятся другие рукописи, — добавил он.

— Другие рукописи Мертвого моря? — переспросил я, несколько обескураженный неожиданным поворотом нашего разговора.

— Да. В Кувейте, — ответил он и добавил тоном, который в устах другого человека звучал бы невинно. — А они дорого стоят?

— Дорого, — сказал я, тем же рассеянным тоном, хотя от меня не укрылся подтекст его последнего вопроса. — Но не все. Высоко ценятся рукописи сектантов, то есть принадлежащие конкретной еврейской общине и описывающие ее устав, а также отношение к Храму. Ценятся пещер, или комментарии на библейские тексты. Стандартные библейские тексты стоят дешевле.

Он ничего не ответил. Я ждал, затаив дыхание.

— Вы должны поговорить с одним моим другом, — после минутного молчания сказал бизнесмен. — Он из разведки, — затем он назвал одно из государств Персидского залива и добавил, — и у него обширные связи. Но сначала я сам должен связаться с ним.

— ОТЛИЧНО, — спокойно отозвался я. — Сообщите мне подробности, когда будете готовы.

Несколько дней от него не было никаких известий, и я вернулся домой, в Англию. Но вскоре мне пришел факс. «Позвоните Сааду, — прочел я сообщение. Далее следовали номера телефонов, а заканчивался текст следующим предупреждением: — Он не хочет, чтобы рукописи попали к израильтянам». Без политики, как всегда, не обойтись, подумал я.

Я тут же позвонил Сааду и, не очень доверяя заявлению, что он имеет доступ к каким-то рукописям, начал расспрашивать его. Саад был откровенен: его семья знакома с Кандо, торговцем древностями из Вифлеема, к которому попали рукописи Мертвого моря и который, по всей видимости, часть из них оставил у себя. Далее Саад повторил то, что я уже слышал: рукописи, о которых шла речь, находятся в Кувейте и принадлежат одному из его родственников.

— Вы можете прислать их подробное описание? — поинтересовался я, помня о конфузе со свитком Торы, который ждал нас с Эйзенманом. Саад обещал перезвонить.

Через неделю он связался со мной и сообщил нужные мне сведения: это были две отдельных рукописи, но обе на тонком пергаменте. Меня охватило волнение: похоже на подлинник. Однако для того, чтобы предпринимать дальнейшие шаги, мне требовалась дополнительная информация.

— Саад, — сказал я. — Я могу собрать деньги, чтобы купить эти тексты, но для того, чтобы начать переговоры о цене, мне нужно знать, что это за рукописи и какую ценность они могут представлять. Можете ли вы предоставить мне фотографии небольшого фрагмента текста из каждой рукописи?

Саад вновь пообещал перезвонить позже, но прежде чем повесить трубку, повторил свое условие. Он хотел, чтобы я пообещал не отдавать рукописи израильтянам.

Я ответил, что не могу этого обещать, потому что не знаю, что произойдет с ними после продажи, но отметил, что деньги, которые я намерен привлечь, имеют американское происхождение. Похоже, Саада удовлетворил мой ответ.

Я тут же занялся сбором средств, предполагая, что начальная цена составит 1–2 миллиона долларов. За несколько лет до этого случая ко мне обратилась группа американских финансистов. Они объяснили, что хотят вложить деньги не в акции, а в древние документы, и просили меня сообщить, если в поле моего зрения попадут такие манускрипты, и особенно рукописи Мертвого моря. Этот источник денежных средств мог пригодиться мне в будущем, и поэтому я согласился — нос одним условием. После приобретения документов к ним должен быть открыт доступ ученых с целью изучения и перевода. Если инвесторы согласны на это условие, то все права на публикацию также будут принадлежать им. Такой договор финансисты посчитали разумным, заверив меня, что выполнят мое условие.

Я позвонил инвесторам, и они, как и ожидалось, проявили интерес к рукописям. Я обещал связаться с ними, когда получу фотографии и смогу точно сказать, что именно нам предлагают. Затем я стал ждать звонка Саада. К сожалению, я жду до сих пор: от него больше не было вестей. Скорее всего, его напугало участие неизвестных инвесторов, а также неопределенность в вопросе, в чьи руки попадут рукописи.

Как бы то ни было, мы знаем, что подобные рукописи хранятся в Кувейте в семье Саада и в других семьях в качестве инвестиций. Рано или поздно деньги переходят из рук в руки, и ученые в конце концов получают доступ к этим текстам. Инвестиции ценны лишь своей потенциальной прибылью — даже если продажи придется ждать несколько поколений. Недостаток такой стратегии состоит в том, что без надзора специалистов рукописи могут сильно пострадать и даже погибнуть. Остается надеяться, что даже новичок поймет это и предпримет меры для защиты своих инвестиций.

Совершенно очевидно, что эти две рукописи лишь часть многочисленных документов, о которых известно, что они «где-то есть». Маген Броски, бывший директор Храма Книги в Иерусалиме, где выставлены рукописи Мертвого моря, рассказывал мне, что другие, неизвестные ученым манускрипты действительно существуют. Однажды я заинтересовал его рассказом о том, как рукописи Мертвого моря предлагали главе отделения ЦРУ в Дамаске Майлзу Копленду. Выслушав меня, Броски предложил своего рода сделку. «Если вы добудете информацию об этом, взамен я... — он запнулся, подыскивая точные слова, — я поделюсь с вами сведениями, касающимися исчезнувших рукописей»[469].

Не так давно появились сведения из надежных источников о еще одном собрании гностических текстов, выставленных на продажу. Это были манускрипты из Наг-Хаммади, где в 1945 году были впервые найдены гностические тексты. Если они действительно являются частью той же монастырской библиотеки, то велика вероятность, что это неизвестные нам тексты. Другими словами, это настоящая сокровищница для ученых и источник данных для нового поколения исследователей. Я с волнением жду появления этих текстов.

Призрачные законы этого нерегулярного рынка не нравятся ни ученым, ни официальным властям, но всем им приходится принимать правила игры, потому что — по разным причинам — это единственный способ получить доступ к материалам, тайно циркулирующим внутри этого рынка. Но сделки заключаются с большой осторожностью, даже тайно. Очень трудно получить достоверную информацию о том, что могло или не могло быть продано и по какой цене. Все соглашения заключаются в устной форме. Личные договоренности — если таковые имеются — соблюдаются неукоснительно. Крупные сделки совершаются легко, как будто по наитию. Однако внешняя непринужденность обманчива: торговцы никогда не упустят своей выгоды, а коллекционеры прекрасно представляют ценность товара. И те и другие не дураки.

Все участники этого рынка твердо знают лишь одно: если на этом можно заработать, то древности рано или поздно появятся и внесут свой вклад в мировое культурное наследие.

За долгие годы знакомства с этим рынком я слышал много разных историй и даже встречался с некоторыми людьми, с которых эти истории начинались. Одна из таких историй, особенно взволновавшая меня, была связана с древним еврейским городом Хайбар, расположенным на Аравийском полуострове примерно в девяноста милях от Медины. Во времена пророка Мухаммеда это был богатый торговый центр с мощными крепостными стенами и сторожевыми башнями, однако Мухаммеду все же удалось взять его. После смерти Мухаммеда большинство евреев были изгнаны из города, причем многие переселились в Иерихон.

В 80-х годах двадцатого века правительство Саудовской Аравии решило построить в этой местности дорогу. Бульдозер строителей наткнулся на древние развалины, которые оказались домом, принадлежавшим состоятельному ученому — об этом свидетельствовала библиотека, полная манускриптов и книг. Всего их насчитывалось несколько сотен. Мне рассказывали, что среди книг были пьесы греческих и римских авторов, причем некоторые из них не сохранились больше нигде. Но самой ценной находкой была рукописная книга — одно из первых изданий трудов Иосифа Флавия. Все известные нам копии произведений Иосифа были сделаны в Средние века и изобилуют христианскими вставками (и кто знает, что из них исключили). Найденная рукописная книга была старше всех политических манипуляций, о которых мы упоминали, и хранилась у образованного иудея. Можно предполагать, что это оригинал. Мне говорили, что в ней содержались все оригинальные ссылки на «саддиким», или «праведных» — очевидно, ту самую группу иудеев, которой принадлежали рукописи Мертвого моря, — исключенные из всех изданий Иосифа Флавия, дошедших до наших дней.

Большая часть найденных в исламских странах материалов, имеющих отношение к иудеям, была уничтожена — как следствие современной политики и желания стереть любые следы еврейского присутствия в этих странах, — однако кое-что сохранилось и время от времени выставляется на продажу. Я встречался с владельцем подобных текстов, которые занимали шесть чемоданов. Он хранит рукописи до сих пор, вероятно, надеясь заработать на них. К сожалению, он не разрешил ни посмотреть на них, ни пригласить ученых для составления каталога.

Более того, это мое желание стало причиной серьезных неприятностей. Я рассказал о существовании этих рукописей одному из ученых. Затем я познакомил этих двух людей в надежде, что они найдут общий язык и в конце концов ученый получит возможность изучить и опубликовать древние документы. На следующей неделе — не предупредив меня о своих планах — ученый и руководитель университета, в котором он преподавал, нанесли визит владельцу рукописей и предложили основать научный центр и многомиллионный фонд для хранения манускриптов, если он передаст их университету.

В тот же день владелец рукописей перезвонил мне и, явно сердясь, сообщил, что вышвырнул двух ученых из своего дома и что, если я еще раз поставлю его в такое положение, наши контакты прервутся. Я был недоволен и разочарован, что ученые действовали за моей

спиной, но несколько не удивился. Следует признать, что с точки зрения ученых такая попытка была оправданна. Насколько мне известно, рукописи до сих пор не проданы.

Никто не знает, как долго продлится это «перетягивание каната» между учеными, торговцами и коллекционерами.

Я надеюсь, что в скором времени многие находки станут доступными для специалистов, однако существует множество разнообразных причин, чтобы держать их в тайне. В первую очередь, это вопросы законодательства.

В 1970 году была созвана конференция ЮНЕСКО, целью которой было наметить пути борьбы с нелегальной торговлей древностями и обеспечить защиту культурного наследия стран. В результате появилось предложение возвращать на родину все украденные или вывезенные древности, оказавшиеся в других странах. К сожалению, результат этих усилий оказался невелик, потому что одни государства отказались подписать документ, а другим для этого потребовалось много лет.

В 1995 году под эгидой UNIDROIT, международного юридического агентства, базирующегося в Риме и занимающегося координацией национальных законодательств, была разработана конвенция на основе соглашения ЮНЕСКО 1970 года. Эта конвенция была посвящена возвращению украденных культурных ценностей. В предыдущем соглашении речь шла только о предметах, украденных из музеев, церквей и других учреждений, тогда как конвенция 1995 года приравнивала к украденным все культурные ценности, нелегально хранящиеся у коллекционера — независимо от того, были они найдены в результате официально разрешенных раскопок или украдены. Даже если эти предметы были законно приобретены ничем не подозревающим коллекционером, их все равно надлежало вернуть в страну происхождения. Добросовестному покупателю компенсировался материальный ущерб. Требование компенсации поставило бедные страны в невыгодное положение, и в результате некоторые из них не ратифицировали конвенцию.

Появление этих законодательных актов, даже не ратифицированных, заставило многих коллекционеров еще тщательнее скрывать предметы, которые могли вызвать подозрения. Как уже отмечалось выше, многие ближневосточные страны стремились уничтожить все исторические свидетельства присутствия евреев на их территории. Любые древности, подтверждающие это присутствие, подлежали уничтожению. Естественно, большая часть их не уничтожалась, а контрабандой вывозилась за границу в дипломатическом багаже или среди обычных документов, а затем тайно продавалась коллекционерам. При строгом соблюдении соглашений ЮНЕСКО или UNIDROIT эти предметы следовало вернуть на родину, где они, вне всякого сомнения, были бы уничтожены. В этой ситуации коллекционеры сохраняют ценное культурное наследие. Проблема состоит в том, что они не могут официально продемонстрировать их музеям и научным коллективам, поскольку это неминуемо приведет к применению конвенций ЮНЕСКО и UNIDROIT.

Однажды мне показывали иудео-христианский символ в виде семисвечника — теноры, — вырезанный на каменном равноплечном кресте. Размеры этого предмета составляли примерно метр на метр. Затем его владелец показал мне фотографию из старой книги, где такой же крест был виден на стене синагоги в Сирии. «Они очень похожи...» — смущенно пробормотал я. «Да, — ответил коллекционер. — Это один и тот же крест. Сирийцы разрушили здание и проложили на этом месте дорогу, но мне удалось выкупить резьбу. Вы действительно хотите, чтобы этот камень вернулся в Сирию?»

Тем не менее подобные примеры не могут оправдать тайную торговлю культурными ценностями, поскольку объект как таковой — таблички с надписями или резьба — составляет лишь небольшую часть его ценности для культуры страны. Для ученых самое важное — это контекст, в котором были найдены эти объекты, поскольку именно контекст позволяет получить информацию о далеком прошлом. К сожалению, черный рынок функционирует в

условиях строгой секретности; более того, после завершения раскопок невозможно привести это место в прежнее состояние. Поэтому, когда тот или иной объект появляется на рынке без информации о происхождении, его ценность в качестве культурного наследия катастрофически уменьшается — вместе с ценностью того места, где он был найден.

На черном рынке циркулирует огромное количество рукописных текстов, манускриптов и светских документов — в этом нет никакого сомнения. Часть этих материалов неизбежно попадет в руки ученых, которые смогут перевести тексты. И это позволяет нам надеяться на новые открытия. Однако, как уже отмечалось выше, перевод текста — это лишь начало серьезного процесса интерпретации и извлечения информации об авторах. Роль контекста в этом процессе невозможно переоценить — он становится мерой истины и лжи.

В процессе работы над этой книгой мы стремились изучить конкретный контекст — обстановку в Египте и Иудее в первом веке н. э., периоде, о котором известно не так уж много достоверных фактов. Мы увидели, как контекстом можно манипулировать ради поддержки той версии, которая никак не может быть правдивой. Исторический Иисус не может быть таким, каким его навязывают нам богословы.

Наши исследования позволили выяснить, что Иисус отвергал политическую деятельность zelотов, которые его поддерживали. Это очень важная информация, которой до сих пор не уделяли должного внимания. Мы также убедились в отсутствии доказательств смерти Иисуса на кресте; как раз наоборот — имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства указывают, что он остался жив. А если он не умер на кресте, то как быть с воскресением? А с Божественностью? А с единством Святой Троицы? Истина опровергает все эти утверждения.

Мы обнаружили, что все эти представления об Иисусе возникли гораздо позже, в результате приукрашивания исторических событий, которые намеренно искажались в угоду жестким богословским догмам, которые настаивают — вплоть до настоящего времени — на крайне странных идеях. Среди них важное место занимает утверждение, что ближайшими соратниками Иисуса были только мужчины и поэтому женщины не имеют права быть священниками, епископами и папами. Опровержение этой догмы приведет к окончанию мужского доминирования в апостольском наследии, а также к краху представлений о Риме как о центре этого наследия.

Крайне важным является также то, что нам не удалось найти доказательств желания Иисуса, чтобы ему поклонялись как богу. Его проповеди свидетельствуют: он хотел, чтобы каждый человек имел возможность перенестись в иной мир, чтобы найти Бога для себя, или, как он выражался, перенестись в Царство Небесное, чтобы наполниться «Духом Божиим».

Где же сформировалось подобное мировоззрение Иисуса? На наш взгляд, это произошло не в Галилее, а скорее в Египте, где еврейские общины были более разнообразными, чем в Палестине, и придерживались мистического направления в иудаизме.

Более того, мы не нашли фактов, подтверждающих, что Иисус планировал основать новую религию, не говоря уже о том, что он не поощрял других записывать его слова и делать из них официальный сборник высказываний. Скорее всего, наоборот. Я подозреваю, что он не стал бы возражать, если бы люди забыли его; для него главное, чтобы люди не забыли путь к Царству Небесному, представление о котором не ограничено христианством или иудаизмом. «Наихудший порок состоит в незнании божественного», — сказано в герметическом тексте, который приписывается египетскому мудрецу Гермесу Трисмегисту[470].

Совершенно очевидно, что история — очень податливый материал. У нас есть факты, но их никогда не бывает достаточно, чтобы мы могли поклясться, что знаем, что именно произошло. Вся история — это миф, созданный для того, чтобы придать смысл тем немногим фактам, о которых нам известно; прошлое представляет собой гипотезу, служащую для того, чтобы объяснить и оправдать настоящее.

В каком-то смысле это неважно, потому что мифы предназначены для передачи смысла, а не истории. Но сегодня, в век науки, мы желаем знать, что миф, к которому мы привыкли, если и не истина, то по крайней мере некое приближение к ней. Мы хотим убедиться, что Иисуса действительно распяли, что Цезарь действительно был убит Брутом, что Павла действительно посетило видение по пути в Дамаск. Все эти события вполне правдоподобны, и нет никаких серьезных оснований считать, что это выдумка.

Но как относиться к утверждению, что Иисус ходил по воде? Что он воскрес из мертвых? Что Петр основал Римско-католическую церковь с непогрешимыми папами? Ни одно из этих утверждений не выглядит правдоподобным, и нет никаких серьезных оснований считать их истинными. Тем не менее многие люди верят и в то, и в другое.

В современном мире доминируют «религии Книги» — христианство, иудаизм и ислам. Совершенно очевидно, что если в основании истины лежит письменное слово, то сама истина становится уязвимой перед интерпретациями и переводами, не говоря уже о религиозных искажениях. Опасность состоит в том, что книги поощряют опору на веру, а не на знание. Через все наше путешествие красной нитью проходила одна мысль: мы должны самостоятельно преодолеть этот путь, пережив все опасности и испытав радость открытий, а не узнавать о нем из вторых рук.

Этим призывом я завершаю наше путешествие — не потому, что дальше дороги нет, а потому, что мы уже проделали большой путь, и теперь пора остановиться и подумать, как далеко нам удалось продвинуться.

Остается лишь процитировать великого персидского суфия Джелалиддина Руми, который — как всегда, проникнув в самую суть вопроса — обращался ко всем, кто желал его слышать: «Ведь всей реки в кувшин не перелить»[471].

Пить из реки — наше право по рождению.

И никому не позволено лишать нас этого права!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не секрет, что в феврале и марте 2006 года я и мой коллега Ричард Ли присутствовали в Верховном суде Лондона в качестве истцов по делу против автора «Кода да Винчи». Мы обвиняли его в том, что он нарушил права интеллектуальной собственности, позаимствовав идеи из нашей книги «Святая Кровь и Святой Грааль».

Естественно, когда была объявлена дата начала судебных заседаний, я забеспокоился: судебное разбирательство могло помешать распространению моей новой книги «Бумаги Иисуса», готовившейся к выпуску моим новым издателем, «HarperCollins». Я закончил работу над рукописью летом 2005 года и ожидал, что книга будет выпущена в Соединенных Штатах 28 марта 2006 года — именно такую дату назначили в «HarperCollins» с самого начала.

Но волнения оказались напрасными: суд начался позже, чем я ожидал, и продлился дольше — только сбор свидетельских показаний закончился за восемь дней до выхода книги. Тем временем я прочитал в Интернете, что издательство «Random House» — по какому-то странному совпадению — планирует выпустить пятимиллионный тираж «Кода да Винчи» в бумажной обложке в день выхода моей книги!

Разумеется, каждое мое интервью в средствах массовой информации начиналось с вопросов о судебном процессе. Это было неизбежно и не вызывало затруднений. Тем не менее мне все время задавали один и тот же вопрос: «Почему „Код да Винчи“ пользуется такой популярностью?» Если бы я знал! Предыдущие книги Дэна Брауна продавались не очень хорошо. Почему же его последнее произведение оказалось таким успешным? Совершенно очевидно, что его стиль несколько не изменился.

Из комментариев в прессе и реакции Церкви стало ясно, что внимание публики, и особенно в Соединенных Штатах, привлекли именно религиозные вопросы. Причем как сторонников, так и противников книги. В чем же дело?

Я довольно долго думал над этим. На самом деле эти мысли появились у меня давно — суть претензий, которые мы с моим соавтором предъявили в суде, заключалась в том, что эти вопросы были позаимствованы из нашей книги «Святая Кровь и Святой Грааль». Независимо от того, кто окажется прав в споре об интеллектуальной собственности — на данный момент мы проиграли дело в Верховном суде Лондона, но добились разрешения на рассмотрение дела в Апелляционном суде, — создается впечатление, что изложенные в обеих книгах радикальные идеи, касающиеся Иисуса, Марии Магдалины и возникновения христианства, а также вытекающие из них вопросы завладели вниманием американского читателя, причем это внимание выходило за рамки шумной рекламной кампании, организованной издателями. Подобный интерес наблюдался и в других странах.

Мне кажется, что причина отчасти кроется в некоем «духовном бесправии» многих людей, которые занимают умеренную позицию внутри трех великих религий — то есть большинства верующих.

Неудивительно, что большинство христиан, иудеев и мусульман придерживается разумной середины в своей вере; умеренность формирует их взгляды, служит отражением культуры, частью которой они себя считают, и предлагает приносящую удовлетворение и удобную веру, позволяющую найти смысл жизни и соблюдать нравственные нормы, но не требующую от них самоотречения, как от священнослужителей или монахов. Не менее важен и тот факт, что умеренность позволяет избежать серьезных конфликтов: христиане, иудеи и мусульмане умеренных взглядов могут проявлять сдержанность, гибкость и терпимость по отношению друг к другу.

Однако со временем эту умеренную позицию стало разъедать самодовольство. Никто не мог предположить, что эти три религии попадут под воздействие мощных разрушительных сил, как это происходит теперь. Лишь немногие ощущали потребность ставить под сомнение свою веру. Преобладало спокойное удовлетворение верой, позволявшей придерживаться принципа «каждому свое».

Однако в последние два десятилетия внутри трех великих религий стали брать верх радикальные элементы: они придерживались жестких догматов веры, претендовали на то, чтобы выражать мнение всех верующих, и не допускаям возражений тоном требовали, чтобы к их жесткой позиции примкнули те, кого удовлетворяли умеренные взгляды.

Еще большее беспокойство вызывает то обстоятельство, что непримиримые религиозные проповедники стали объединять веру и политику. Христианские фундаменталисты — приводя в качестве доводов специально отобранные тексты и крайне эксцентричные интерпретации — утверждали, что войны на Ближнем Востоке, развязанные Бушем и Блэром, являются частью божественного плана, в результате которого Иисус вернется во главе могучего войска. Еврейские фундаменталисты говорили, что древние тексты закрепляют их право на территорию Израиля и окрестных земель и что разрушение Храма Скалы и восстановление Иерусалимского Храма станет предвестником прихода мессии. Исламские фундаменталисты находили в священных текстах оправдание для террористов-смертников, взрывающих себя в автобусах и кафе и уносящих жизни невинных людей, в том числе — причем не так уж редко — других мусульман; они также предсказывали появление мессианского духовного лидера — махди. Вопрос, являются ли Иисус, мессия и махди одной и той же фигурой, не подлежит обсуждению. Сторонним наблюдателям стало казаться, что эти трое пытаются оккупировать одно и то же духовное пространство; в случае успеха это будет тройное чудо.

Есть ли оправдание у таких крайних взглядов? Перед лицом этой безжалостной атаки на их простой подход к вере забеспокоились те, кто никогда не ставил под сомнение основы своей

религии. Но их никогда не учили обсуждать эти основы, и они даже не знают, какие задавать вопросы, не говоря уже о том, чтобы искать ответы на них. Слишком часто им кажется, что проще принять ортодоксальные доктрины, которые, по крайней мере, предлагают определенность, — доктрины, исключающие необходимость задавать вопросы.

Но вопросы от этого не исчезают. «Код да Винчи» как будто открыл шлюз, через который хлынули разнообразные гипотезы, касающиеся Иисуса и возникновения христианства, а также теории, исследующие различия между историческим и теологическим Иисусом, о чем мы говорили в книге «Святая Кровь и Святой Грааль», а также в этой работе. Многие из этих вопросов вполне разумны. А почему бы и нет? Так, например, меня часто спрашивают, действительно ли я верю в то, что Иисус был женат на Марии Магдалине. В ответ я могу лишь сказать, что не существует убедительных доказательств ни в пользу этой гипотезы, ни против нее, и поэтому я не вправе верить или не верить. Поэтому самым честным будет ответ, признаю и такую возможность: «А почему бы и нет?»

Возникает и другой вопрос: является ли для христианина признание брака Иисуса богохульством? Возможно, однако при этом мы упускаем суть: такая постановка вопроса неуместна по отношению к историческому Иисусу, жившему задолго до того, как богословы сочинили свои теории о нем.

Как часто мы забываем об очевидном! Иисус был евреем. Мы имеем в виду лишь то, что еврейский мужчина был обязан жениться и иметь детей. Неужели последующие богословские теории способны как-то повлиять на очень высокую вероятность этого простого человеческого поступка? Поступка, полностью соответствовавшего — и этого не следует забывать — не только требованиям священных книг иудаизма, то есть Ветхого Завета, но и обычаям того времени. Богохульство? Не думаю.

Совершенно очевидно, что самая резкая реакция на попытку исследования подобных теорий исходит от тех, кому есть что терять, — от тех, чья вера держится на поддержании различий между религиями, а не на поисках гармонии между ними. Мы обязаны все время спрашивать таких критиков: «Почему подобные идеи вас так пугают?»

В самом начале книги я уже излагал свои взгляды: к вершине горы ведут множество дорог, и кто возьмет на себя смелость сказать, какая из них лучше? Я считаю, что утверждение о единственности пути не имеет ничего общего с пониманием духовности и ввергает нас в опасность сектантского тщеславия, с которым так часто приходится сталкиваться в этом мире.

Естественно, я сосредоточил свое внимание на христианстве — я воспитан в этой традиции. Но я призываю других исследователей распространить свою деятельность на иудаизм и ислам. Тем не менее внутри христианской традиции слова Иисуса, проповедовавшего любовь, прощение и сострадание, могут стать тем трамплином, с которого начнется процесс примирения теологических различий и поиск гармонии, способной объединить людей.

Конечно, это может показаться безрассудством и даже авантюризмом на фоне оскорблений и враждебности, с которыми сталкиваются подобные попытки, но никто не посмеет сказать, что они противоречат учениям, записанным в священных книгах — даже если эти книги были тщательно отобраны из огромного количества текстов, имевшихся в распоряжении богословов в конце второго века новой эры.

Наша книга также обращает внимание на важную роль того, что я называю тайным рынком древностей. Жаль, что большая часть этого рынка остается недоступной для ученых.

Но вопреки заявлениям некоторых комментаторов тайный характер этого рынка не уменьшает его значения. Как бы то ни было, без него мы были бы гораздо беднее.

Рукописи Мертвого моря могли бы остаться незамеченными или вообще были бы уничтожены, если бы не их ценность на этом тайном рынке. К счастью, бедуин, нашедший

древние манускрипты, отнес их торговцу из Вифлеема. И какой они оказались ценной находкой для всего мира!

Когда два бедных крестьянина, добывавшие удобрения для своих полей, нашли тексты Наг-Хаммади, они отнесли рукописи домой, где использовали их для растопки печи; для них это было единственное практическое применение находки, а для нас — настоявшая трагедия.

И только после того, как родственники рассказали крестьянам, какую ценность имеют эти странные рукописные книги для торговцев черного рынка древностей, рукописи были доставлены в Каир и проданы посредникам. Они тоже оказали огромное влияние на мировую науку.

Несмотря на неоспоримую ценность этого рынка, я подвергся жесткой критике за то, что принимал его всерьез и писал о текстах, которые я видел, но которые не в состоянии предъявить, — как будто это была ошибка. Моя позиция остается неизменной — настоящей ошибкой было бы игнорировать их.

По удивительному совпадению в период моей рекламной кампании в Соединенных Штатах Национальное географическое общество с большой помпой выпустило «Евангелие от Иуды». Мое воодушевление объясняется двумя причинами. Во-первых, этот текст попал к нам непосредственно с тайного рынка древностей, о котором я писал, и к нему отнеслись очень серьезно. И действительно, история этого текста и сопутствующих фрагментов полна невероятных приключений: его крали, много лет хранили в банковском сейфе, а от неправильного обращения он едва не погиб.

Во-вторых, некоторые уважаемые ученые занимали странную — ее даже можно назвать радикальной — позицию по отношению к этому тексту, его идеям и развитию христианства после второго века н. э. Эта позиция совпадала с моей аргументацией, изложенной в данной книге.

Барт Эрман, профессор религиоведения из университета Северной Каролины в Чепел-Хилле, выпустил комментарии к этому Евангелию, где он поясняет, что, несмотря на обилие раннехристианских сект, священными текстами для Иисуса и первых христиан были священные книги иудаизма. Разнообразные тексты, появившиеся позднее, отражали разные течения в христианстве, причем каждая группа утверждала, что именно ее тексты содержат истинное послание Иисуса. Далее Эрман развивает свою мысль:

«Короче говоря, одной из христианских групп, соперничавших между собой, удалось победить остальных. Эта группа сумела привлечь больше сторонников, чем ее соперники, и вытеснить других. Эта группа определила организационную структуру Церкви. Она установила, во что будут верить христиане. И она решила, какие книги будут считаться Священным Писанием. Именно к этой группе принадлежал Иринеи Лионский, а также другие фигуры, такие как Иустин Философ и Тертуллиан, хорошо известные ученым, специализирующимся на христианстве второго и третьего веков»[472].

Читатели, несомненно, узнают этих богословов древности, и особенно Тертуллиана, чьи яростные выступления против допуска женщин к управлению Церковью принесли столько бед за последующие восемнадцать веков. Эрман продолжает:

«Эта группа стала „ортодоксальной“ и после закрепления победы над оппонентами переписала историю этой борьбы — заявила, что всегда выражала мнение большинства христиан, что ее взгляды всегда были взглядами апостольских церквей и апостолов, что ее доктрины напрямую вытекают из учения Иисуса»[473].

Читатели уже знакомы с этим процессом. Читая статью Эрмана, я был поражен, насколько изменился современный подход к проблеме за время, прошедшее после выхода книги «Святая Кровь и Святой Грааль». Тогда нам казалось, что все ученые придерживаются консервативных взглядов. После издания «Евангелия от Иуды» я изменил свое мнение. Похоже, ученые нашли

в себе смелость говорить об аномалиях и манипуляциях, характерных для христианства второго века н. э.

Само Евангелие от Иуды занимает совершенно определенную богословскую позицию. Подобно многим гностическим текстам — и особенно из собрания Наг-Хаммади — оно утверждает, что мир не был создан Богом и что это греховное место лучше покинуть после смерти. Сама мысль о телесном воскрешении вызывала ужас. С этой концепцией было напрямую связано представление, что «спасение приходит не через смерть и воскрешение Иисуса, а через открытие тайного знания, которое он дает»[474].

Для этих христиан Пасха не была подтверждением истинности их веры. В связи с этим возникает вопрос, насколько убедительными и распространенными были во втором веке н. э. истории о пустой гробнице, якобы свидетельствующей о воскрешении Иисуса. Этот аргумент выдвигается и сегодня — даже компетентными учеными — как исторически достоверный факт.

Теперь следует выяснить, какую роль в этом споре может сыграть Евангелие от Марка. Известно, что строки 9–20 главы 16 Евангелия от Марка отсутствуют в самых древних рукописях. Вполне возможно, что они были добавлены после второго века н. э. Эти строки рассказывают о явлении Иисуса сначала Марии Магдалине, а затем апостолам — уже после распятия. Можно возразить, что в этом отрывке рассказывается о событиях в жизни Иисуса после того, как он избежал смерти на кресте, но до того, как он укрылся в безопасном месте.

С другой стороны, эта история может рассматриваться как аргумент в споре с теми христианами, которых мы называем гностиками, — «воскресший» Иисус вернулся на землю, прежде чем окончательно «вознестись» на небо. В ней содержится намек, что гностическая теория о грешной земле неверна; она восстанавливает телесное воскрешение в качестве символа веры, тем самым открывая, что оно не было символом веры для первых христиан. Кроме того, эта история косвенным образом свидетельствует о распространенности гностических учений — в противном случае не было бы необходимости добавлять в Евангелие этот отрывок.

Эти вопросы имеют отношение к дискуссии, развернувшейся на страницах данной книги — дискуссии о значении и понимании термина «Царство Божие», который употреблялся Иисусом. В Евангелии от Иуды сказано:

«Иисус же, зная, что он думает об остальных высоко, сказал ему: „Отделись от них. Я расскажу тебе тайнства царства, ибо тебе возможно войти в него“» [475].

Мы полагаем, что здесь, как и в других текстах, уже упоминавшихся в нашей книге, речь идет о возможности достижения мира богов — загробного мира — посредством личного опыта. Учитывая ту серьезность, с которой ученые восприняли Евангелие от Иуды, трудно избавиться от подозрения, что существует серьезное внешнее давление, заставляющее всех нас по-новому взглянуть на противоречия между историческим и теологическим Иисусом. И конечно, на исторические события первого века н. э., с которых все это началось. Издание «USA Today» цитирует Эрмана:

«В Древнем мире христианство было более разнообразным, чем сегодня. Прошло несколько столетий, прежде чем стандартные религиозные тексты, известные нам как Новый Завет, превратились в фундамент христианской веры. Десятки альтернативных евангелий и доктрин исчезли в этом процессе»[476].

Естественно, никто не предполагал, что Ватикан займет примирительную позицию, и наши ожидания оправдались: в январе 2006 года, еще до публикации Евангелия от Иуды, но после того, как о ней уже было объявлено, английская газета „The Times“ привела слова ватиканского богослова монсеньора Джованни д'Эрколе, который предупреждал об опасности стремления „пересмотреть отношение к Иуде и запятнать свидетельства Евангелия ссылками на апокрифические источники“» [477].

Как нам известно, Ватикану не нравятся вопросы, которые могут заставить верующих пересмотреть свою веру.

Это возвращает нас к тому, с чего начиналась книга: к очень странному раскрашенному изображению Крестного пути на стене маленькой приходской церкви во французской деревне Ренн-ле-Шато, расположенной в предгорьях Пиренеев.

Еще до выхода в свет этой книги продюсер программы «Dateline» телеканала NBC Стейси Рейс сняла фильм, затрагивавший вопросы, поднятые в этой книге. Вместе с опытной ведущей NBC Сарой Джеймс она возила меня по разным местам Англии и Франции. Мы снимали в церкви Ренн-ле-Шато, где помимо всего прочего я рассказывал о раскрашенном изображении четырнадцатой остановки Крестного пути на стене церкви — изображении, предполагавшем, что живого Иисуса вынесли из гробницы при свете полной луны.

Эта часть книги и фильма вызвала наибольшие споры. Те, кто никогда не был в Реннле-Шато, могут возразить, что на изображении четырнадцатой остановки Крестного пути видна не луна, а плохо нарисованное солнце. В этом случае вывод, который вытекает из изображения — что Иисус мог остаться жив после распятия, — неверен. Однако на изображении тринадцатой остановки Крестного пути в церкви Ренн-ле-Шато ясно видно, что, когда Иисуса снимают с креста, за его спиной ярко светит солнце. Таким образом, невозможно отрицать, что на четырнадцатой остановке изображена луна. Спорить можно лишь о смысле этого странного изображения.

Съемки в Ренн-ле-Шато оказались интересными и в другом плане. К концу дня к нам для интервью приехал французский писатель Жан-Люк Робин, автор книги «Rennes le Chateau. Le secret de Sauniere». Его глубокие знания о Ренн-ле-Шато поистине удивительны;

он несколько лет прожил в деревне и обнаружил бумаги, принадлежавшие священнику Беранже Соньеру, хранящиеся в одной из местных семей. Это были документы личного характера, неизвестные исследователям[478].

Я присутствовал в церкви и по монитору следил за интервью Робина. Сара Джеймс спросила его о четырнадцатой остановке Крестного пути: действительно ли там изображена восходящая луна. «Конечно», — без колебаний ответил Робин и добавил, что барельеф, скорее всего, раскрасил сам священник.

Я был поражен. Я этого не знал. Изображения становились еще более значимыми и личными. Они не были случайностью или эксцентричным плодом художественного воображения. Теперь у меня уже не оставалось сомнений, что священник намеренно открывал великую тайну, которую ему суждено было узнать. Великую тайну, о которой он не мог говорить открыто: что Иисус не умер на кресте.

Через всю нашу книгу красной нитью проходит мысль, что лучше сосредоточиться на том, что нас объединяет, что мы должны помнить о силе религиозных убеждений и что мы способны видеть различия между верой — она вечна — и религией, которая была создана совсем не безгрешными людьми. Религии существуют для выражения — насколько это возможно — веры, однако они, как и все человеческие институты, не свободны от ограничений.

Это одна из причин, почему мы не должны отдавать предпочтение какой-то одной религии, ставя ее выше других. Все они пытаются — каждая со своими ошибками — выразить вечную духовную основу всего сущего. А если религия переплетается с политикой, мы получаем худший из миров.

Фигура, подобная Иисусу, является общей для всех трех религий, которые гордятся своим происхождением от патриарха Авраама, однако сам Иисус, теология которого была создана позже, выступает в качестве деструктивного фактора, поддерживающего разобщенность этих религий. Тем не менее доступная каждому человеку духовность, выраженная метафорой, которую Новый Завет приписывает Иисусу, то есть «Царство Божие», и которую мы исследовали в своей книге, способна привести глубину и смысл в наши отношения с

Вечностью — разумеется, если мы стремимся к этому. Эти отношения представляют собой, по меньшей мере, одну из целей, которые ставят перед собой все три религии.

Не лучше ли сосредоточиться на полноводной реке, чем на горных тропинках и ручейках, ведущих к ней?

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

ИУДЕЯ, ИИСУС И ХРИСТИАНСТВО

- До 4 г. до н. э. — рождение Иисуса согласно Евангелию от Матфея (Матфей 2:1).
- 4 г. до н. э. — смерть Ирода Великого.
- 6 г. н. э. — рождение Иисуса согласно Евангелию от Луки (Лука 2:1–7). Перепись Квириния, наместника Сирии.
- 27–28 гг. н. э. — крещение Иисуса (общепринятая дата) в 15 году правления императора Тиберия (Лука 3:1–23).
- 30 г. до н. э. — распятие Иисуса согласно христианской доктрине.
- ок. 35 г. н. э. — казнь Иоанна Крестителя после женитьбы Ирода Антипы на Иродиаде в 34 г. н. э. (по свидетельству Иосифа Флавия).
- 36 г. н. э. — Пасха — распятие Иисуса (по хронологии Матфея).
- 36–37 гг. н. э. — обращение Павла на пути в Дамаск. ок. 44 г. н. э. — казнь Иакова, брата Иисуса.
- 50–52 гг. н. э. — Павел в Коринфе. Первое его Послание к фессалоникийцам.
- 61 г. н. э. — Павла арестовывают в Риме. Предположительно казнен в 65 г. н. э.
- 66–73 гг. н. э. — война в Иудее. Римская армия под командованием Веспасиана вторгается в Иудею.
- ок. 55–120 гг. н. э. — годы жизни Тацита, римского историка и сенатора, в трудах которого упоминается о Христе.
- ок. 61 — ок. 114 гг. н. э. — годы жизни Плиния Младшего, в трудах которого упоминается о Христе.
- ок. 115 г. н. э. — епископ Антиохии Игнатий Богоносец цитирует послания Павла.
- ок. 117–138 гг. н. э. — римский историк Светоний упоминает о Хрестосе.
- ок. 125 г. н. э. — первое из известных Евангелий, Иоанн 18:31–33. «Папирус Райланда», найденный в Египте.
- ок. 200+ г. н. э. — старейший из известных фрагментов Посланий апостола Павла, «Папирус Честера Битти», найденный в Египте.
- ок. 200+ г. н. э. — старейшее из полных Евангелий (от Иоанна). «Папирус Бодмера», найденный в Египте.
- 325 г. н. э. — собор в Никее, созванный римским императором Константином. В результате голосования (217:3) тезис о божественности Иисуса становится догмой.
- 391 г. н. э. — император Феодосий запрещает язычество на территории Римской империи.
- 393 г. н. э. — Иппонский собор, начало формирования Нового Завета, завершившегося на Карфагенском соборе в 397 г. н. э.

МАККАВЕИ И ИРОД

- 401 г. до н. э. — восстановление иудейского храма на острове Элефантина на юге Египта, недалеко от Асуана.
- 332 г. до н. э. — вторжение Александра Македонского в Израиль и Египет.

- 323 г. до н. э. — смерть Александра, раздел империи между его военачальниками. После многолетней борьбы Птолемей получает Египет, а Селевк Сирию, Месопотамию и Персию. Первоначально Израиль отошел к Птолемею.

- 170 г. до н. э. — правитель Сирии из династии Селевкидов Антиох Эпифаний вторгается в Иудею и Египет. Верховный жрец Иерусалимского Храма Ония III бежит в Египет, а вместе с ним и многие священники. В Египте он основывает иудейский храм.

- 169 г. до н. э. — сирийцы во второй раз вторгаются в Иудею. Разграбление Храма.

- 167 г. до н. э. — новое вторжение сирийцев. Резня в Иерусалиме и превращение Храма в святилище Зевса. Священник Храма Маттафий (из династии хасмонеев) и его сыновья возглавляют восстание против сирийцев.

- 166 г. до н. э. — смерть Маттафия. Руководство переходит к его сыну, Иуде Маккавею.

- 160 г. до н. э. — поражение и гибель Иуды Маккавея. Восстание возглавляет его брат Ионафан.

- 152 г. до н. э. — Ионафан назначается первосвященником Иерусалимского Храма.

- 143 г. до н. э. — арест Ионафана. Первосвященником и правителем Иудеи становится его брат Симон.

- 142 г. до н. э. — Иудея становится независимым государством и заключает союз с Римом.

- 134 г. до н. э. — убийство Симона. Титул первосвященника и правителя Иудеи переходит к его сыну, Иоанну Гиркану.

- 104 г. до н. э. — правление Аристовула, который берет себе титул царя Иудеи (из хасмонейской династии).

- 103–76 гг. до н. э. — правление Александра Аннея в качестве верховного жреца и царя Иудеи.

- 67–63 г. до н. э. — правление Аристовула II в качестве верховного жреца и царя Иудеи.

- 63 г. до н. э. — римский полководец Помпей захватывает Иерусалим.

- 37 г. до н. э. — женитьба Ирода на Мариамне, внучке царя Иудеи Аристовула II. Ирод захватывает Иерусалим и становится царем.

- 4 г. до н. э. — смерть царя Ирода.

ПЕРВЫЙ ВЕК

- 6 г. н. э. — восстание zelотов под руководством Иуды Галилеянина.

- 26 г. н. э. — Понтий Пилат занимает должность прокуратора Иудеи (вплоть до 36 г. н. э.).

- 36 г. н. э. — Понтия Пилата отзывают в Рим, а затем отправляют в ссылку.

- 38 г. н. э. — антиеврейские беспорядки и убийства в Александрии по наущению римского наместника Флакка.

- 39 г. н. э. — ссылка Ирода Антипы во Французские Пиренеи. ок. 44 г. н. э. — казнь Иакова, брата Иисуса.

- 46–48 гг. н. э. — должность наместника Иудеи занимает Тиберий Александр.

- 64 г. н. э. — пожар, уничтоживший Рим при императоре Нероне. Аресты христиан.

- 66 г. н. э. — еврейский военачальник римской армии Тиберий Александр становится наместником Египта.

- 66 г. н. э. — восстание Александрии. Тиберий Александр направляет в город войска. Гибель нескольких тысяч евреев.

- 66–73 гг. н. э. — война в Иудее. Римская армия под командованием Веспасиана вторгается со стороны Галилеи.

- 67 г. н. э. — Иосиф, один из военных руководителей евреев в Галилее, терпит поражение и переходит на сторону римлян. Автор книг по еврейской истории, которые он написал в

императорском дворце в Риме: «Иудейская война», 77–78 гг. н. э., и «Иудейские древности», ок. 94 г. н. э.

- 69 г. н. э. — Веспасиан провозглашён императором. Во главе армии становится его сын Тит. Тит назначает Тиберия Александра начальником своего штаба.

- 70 г. н. э. — разрушение Иерусалимского Храма, после чего Веспасиан ищет и убивает всех потомков царского рода Давида. Иерусалим переименован в Элия Капитолина, и евреям запрещено появляться в городе.

- 70 г. н. э. — римляне разрешают фарисею Иоханану бен Заккая открыть религиозную школу и Синедрион в Иавнее. Зарождение раввинистического иудаизма. Школа и Синедрион просуществовали до 132 г. н. э.

- 73 г. н. э. — разрушение крепости Масада. 960 зелотов совершили самоубийство, предпочтя смерть плену. Закрытие иудейского храма (основанного Онией) в Египте.

ВТОРОЙ ВЕК

- Ок. 55-120 гг. н. э. — годы жизни Тацита, римского историка и сенатора, в трудах которого упоминается о Христе.

- Ок. 61–62—114 гг. н. э. — годы жизни Плиния Младшего, в трудах которого упоминается о Христе.

- Ок. 115 г. н. э. — епископ Антиохии Игнатий цитирует послания Павла.

- 115 г. н. э. — восстание в Александрии, возглавляемое Акуасом, «царем евреев». Уничтожение еврейской общины Египта.

- 117–138 г. н. э. — римский историк Светоний упоминает о Хрестосе.

- Ок. 120 г. н. э. — в Александрии обучается гностик Валентин.

- 131–135 гг. н. э. — восстание в Иудее под руководством Симона Бар-Кохбы.

- 133 г. н. э. — от девяти до двенадцати римских легионов вторгаются в Иудею с севера.

- 135 г. н. э. — еврейское войско терпит поражение. Римский император Адриан переименовывает Иудею в Палестину.

- Ок. 135 г. н. э. — спор христианского богослова Иустина Философа с еврейским философом Трифоном.

- Ок. 140 г. н. э. — в Рим прибывает Марцион и начинает проповедовать. Он отвергает Ветхий Завет и признает лишь Евангелие от Луки и некоторые Послания Павла.

- Ок. 150 г. н. э. — начало критики гностицизма со стороны первых христианских писателей.

- 154 г. н. э. — Иустин Философ называет Симона Мага (середина первого века н. э.) в качестве источника всех ересей.

- Ок. 180 г. н. э. — лионский епископ Ириней пишет свой знаменитый труд «Против ереси» и составляет первый свод текстов канонического Нового Завета.

- Ок. 195 г. н. э. — епископ Александрии Климент упоминает о тайном Евангелии от Марка, обрушивается с критикой на гностиков, но в то же время симпатизирует мистическим традициям и обрядам посвящения, распространенным среди александрийских христиан.

- Ок. 197 г. н. э. — Тертуллиан обращается в христианство. Он активно борется с ересями и выступает против того, чтобы женщины занимали руководящие посты в Церкви.

С ТРЕТЬЕГО ПО ПЯТЫЙ ВЕК

- 250 г. н. э. — преследования христиан при римском императоре Деци, начавшиеся с казни римского епископа Фабиана.

- 254–257 гг. н. э. — правления папы Стефана I, первого епископа Рима, объявившего о главенстве римского престола на основании преемственности от апостола Петра.

- 258 г. н. э. — римский император Валерий приказывает казнить всех христианских священников.
- 303 г. н. э. — начало гонений на христиан по приказу императора Диоклетиана.
- 313 г. н. э. — миланский указ императора Константина, провозглашавший свободу вероисповедания для христиан.
- 324 г. н. э. — император Константин переносит столицу Римской империи в Константинополь (современный Стамбул). Все государственные архивы находятся здесь.
- 337 г. н. э. — смерть императора Константина.
- 366–384 гг. н. э. — папа Дамас I объявляет Рим «апостольским престолом» — единственным местом, которое может претендовать на роль преемника апостолов. Он приказывает своему секретарю Иерониму переработать текст Библии.
- 367 г. н. э. — александрийский епископ Анастасий приказывает уничтожить все «неканонические» тексты на территории Египта.
- 386 г. н. э. — епископ Авилы Присциллиан приговорен к смерти по обвинению в ереси. Это была первая казнь, инициированная Церковью с целью защиты веры.
- 390 г. н. э. — войска галлов осаждают Рим и разрушают большую часть города.
- 401–417 гг. н. э. — папа Иннокентий объявляет, что Риму принадлежит высшая власть в христианской Церкви.
- 410 г. н. э. — разграбление и разрушение Рима вестготами.
- 440–461 гг. н. э. — папа Лев I утверждает верховенство Рима в церковных делах — на основании того, что папский престол унаследовал власть от Петра, а папа руководит Церковью как «мистическое воплощение» Петра.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abt, Theodor and Hornung, Erik, Knowledge for the Afterlife. The Egyptian Amduat — a Quest for Immortality, Zurich, 2003. Apuleius, Lucius.
- Metamorphoses, trans. J. Arthur Hanson, 2 vols., Cambridge (Mass.), 1989.
- Apuleius, Lucius, The Golden Ass, trans. Robert Graves, Harmondsworth, 1976.
- Aristophanes, Frogs, trans. Kenneth McLeish, in Plays: Two, London, 1998.
- Assmann, Jan, The Search for God in Ancient Egypt, trans. David Lorton, Ithaca (N.Y.) and London, 2001.
- Assmann, Jan, The Mind of Egypt, trans. Andrew Jenkins, New York, 2002.
- Baigent, Michael, From the Omens of Babylon, London, 1994.
- Baigent, Michael, Leigh, Richard, and Lincoln, Henry, Holy Blood, Holy Grail, New York, 1982.
- Baigent, Michael, and Leigh, Richard, The Dead Sea Scrolls Deception, London, 1991.
- Baigent, Michael, and Leigh, Richard, The Inquisition, London, 2000.
- Baigent, Michael, and Eisenman, Robert, «A Ground-Penetrating Radar Survey testing the claim for earthquake damage of the Second Temple ruins at Khirbet Qumran», The Oumran Chronicle, 9, 2000, pp. 131–137.
- Bede, A History of the English Church and People, trans. Leo Sherley-Price, Harmondsworth, 1979.
- Bleeker, C. J., «Initiation in Ancient Egypt», in Initiation, ed. Dr. C. J. Bleeker, Leiden, 1965, pp. 49–58.
- Bleeker, C. J., Egyptian Festivals, Leiden, 1967.
- Bleeker, C. J., Hathor and Thoth, Leiden, 1973.
- Bowman, Alan K., Egypt after the Pharaohs, London, 1986.

- Brandon, S.G.F., *Jesus and the Zealots*, Manchester, 1967.
- Brandon, S.G.F., *The Fall of Jerusalem and the Christian Church*, 2-Ed., London, 1974. (First edition published 1951).
- Bruce, F.F. *The New Testament Documents*, 5-rev. ed., London, 1974.
- Burkert, Walter, *Lore and Science in Ancient Pythagoreanism*, trans. Edwin L. Minar, Jr., Cambridge (Mass.), 1972.
- Burrows, Millar, *The Dead Sea Scrolls*, London, 1956.
- Burkert, Walter, *Ancient Mystery Cults*, Cambridge (Mass.), 1987.
- Caplice, Richard I., *The Akkadian Namburbi texts: an introduction*, Malibu, 1974.
- Cauville, S., *Dendara V–VI. Traduction. Les cryptes du temple d'Hathor*, Leuven, Paris and Dudley (MA), 2004.
- Charles, R.H., *The Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament in English*, 2 vols., Oxford, 1979.
- Charlesworth, James H., (ed.), *Jesus and the Dead Sea Scrolls*, New York, 1995.
- Chester, Greville J., «A Journey to the Biblical Sites in Lower Egypt», *Palestine Exploration Fund Quarterly Statement*, London, 1880, pp. 133–158.
- Churton, Tobias, *Gnostic Philosophy*, Rochester (Vt), 2005.
- Clark, R. J., «Vergil, Aeneid, 6, 40 ff. and the Cumaeum Sibyl's Cave» *Latomus*, XXXVI, 1977, pp.482–495.
- Clement of Alexandria, *The Miscellanies*, trans. William Wilson, 2 vols, Edinburgh, 1867, 1869 (*Ante-Nicene Christian Library*, vols. IV and XII).
- Clement of Alexandria, *Stromateis, Books One to Three*, trans. John Ferguson, Washington, 1991.
- Cohn, Haim, *The Trial and Death of Jesus*, New York, 1971.
- Cousin, V., *Fragments Philosophiques*, Paris, 1840.
- Curnow, Trevor, *The Oracles of the Ancient World*, London, 2004.
- Dole, S.G., «New Evidence for the Mysteries of Dionysos», *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, 21, 1980, pp. 223–238.
- Driver, G.R., *The Judaean Scrolls*, Oxford, 1965.
- Dupont-Sommer, A., *The Dead Sea Scrolls: A Preliminary Survey*, trans. E. Margaret Rowley, Oxford, 1952.
- Dupont-Sommer, A., *The Essene Writings from Qumran*, trans. G. Vermes, Gloucester (Mass.), 1973.
- Ehrman, Bart D., *Lost Christianities*, Oxford, 2003.
- Eisenman, Robert, and Wise, Michael, *The Dead Sea Scrolls Uncovered*, Shaftesbury, Rockport (Mass), Brisbane, 1992.
- Eisenman, Robert, *The Dead Sea Scrolls and the First Christians*, Rockport, M.A., 1996.
- Eisenman, Robert, *James the Brother of Jesus*, London, 2002.
- Eisler, Robert, *The Messiah Jesus and John the Baptist*, trans. Alexander Haggerty Krappe, London, 1931.
- *Encyclopaedia Judaica*, 16 vols., Jerusalem, 1974. *The Book of Enoch*. See Charles, R.H., *The Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament*, vol.11, *Pseudepigrapha*, pp. 163–277.
- Eusebius, *The History of the Church*, trans. G. A. Williamson, Harmondsworth, 1981.
- Farnell, L.R., *The Cults of the Greek States*, 3 vols., Oxford, 1907.
- Faulkner, R.O., *The Ancient Egyptian Pyramid Texts*, Oxford, 1969.

- Faulkner, R.O., *The Ancient Egyptian Coffin Texts*, 3 vols., Warminster, 1994.
- Forman, Robert K. C., «Pure Consciousness Events and Mysticism», *Sophia*, 25, 1986, pp. 49–58.
- Forman, Robert K. C., *The Problem of Pure Consciousness*, Oxford, 1990.
- Fraser, P. M., *Ptolemaic Alexandria*, Oxford, 1972.
- Fuller, Reginald C, (ed.) *A New Catholic Commentary on Holy Scripture*, London, 1969.
- Garçha Martinez, Florentino, (trans.), *The Dead Sea Scrolls Translated*, trans. Wilfred G. E. Watson, Leiden, 1994.
- Gichon, Mordechai, «The Bar Kochba War — A colonial uprising against Imperial Rome (131/2— 135C.E.)», *Revue internationale d'histoire militaire*, 1979, pp. 82–97.
- Gorman, Peter, *Pythagoras. A Life*, London, 1979.
- Guthrie, W.K.C., *Orpheus and Greek Religion*, Princeton (N.J.), 1993.
- Halevi, Z'evben Shimon, *The Way of Kabbalah*, London, 1976.
- Hardie, Colin, «The Crater of Avernus as a Cult-Site», Appendix to *P. Vergili Maronis, Aeneidos, Liber Sextus*, Oxford, 1977, pp. 279–286.
- Hasler, August Bernhard, *How the Pope became infallible*, trans. Peter Heinegg, New York, 1981. Hastings, James (ed.), *Encyclopaedia of Religion and Ethics*, 13 vols., Edinburgh, 1908–1926.
- Heliodorus of Emesa, *An Aethiopian History written in Greek by Heliodorus Englished by Thomas Underdowne Anno 1587*, London, 1895.
- Hippolytus, *Philosophumena or the Refutation of all Heresies*, trans. F. Legge, 2 vols., London, 1921. Homer, *The Odyssey*, trans. E. V. Rieu, London, 1952.
- Hermetica, ed. Brian P. Copenhaver, Cambridge, 1992.
- Horbury, William, *Jewish Messianism and the Cult of Christ*, London, 1998.
- Hornung, Erik, *Conceptions of God in Ancient Egypt*, trans. John Baines, Ithaca (N.Y.), 1996. Iamblichus of Apamea, *On the Mysteries of the Egyptians*, trans. Thomas Taylor, 1821. Reprint, Frorne (The Prometheus Trust), 1999.
- Irenaeus of Lyon, *Against Heresies*, in *The Writings of Irenaeus*, trans. Alexander Roberts and W. H. Rarnbaut, 2 vols., Edinburgh, 1868–1869.
- Iverson, Erik, *Egyptian and Hermetic Doctrine*, Copenhagen, 1984. The Jerusalem Bible, Alexander Jones (general editor), London, 1966.
- Jonas, Hans, *The Gnostic Religion*, 2-Ed., Boston, 1963.
- Josephus, Flavius, *The Jewish War*, trans. G. A. Williamson, Har-mondsworth, 1978.
- Josephus, Flavius, *The Antiquities of the Jews*, trans. William Whiston, London, n.d. Josephus, Flavius, *The Life of Flavius Josephus*, trans. William Whiston, London, n.d. Justin Martyr, *Dialogue with Trypho*, in *The Writings of Justin Martyr and Athenagoras*, trans. Marcus Dods, George Reith, B. P. Pratten, Edinburgh, 1867.
- Kerényi, C, *Eleusis. Archetypal Image of Mother and Daughter*, trans. Ralph Manheim, London, 1967. King, Karen L., *The Gospel of Mary of Magdala*, Santa Rosa (Calif.), 2003.
- Kingsley, Peter, «Ezekiel by the Grand Canal: between Jewish and Babylonian Tradition», *Journal of the Royal Asiatic Society*, 3. Ser., 2, 1992, pp. 339–346.
- Kingsley, Peter, *Poimandres: the etymology of the name and the origins of the Hermetica*, *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 56, 1993, pp. 1–24.
- Kingsley, Peter, «From Pythagoras to the Turba philosophorum: Egypt and Pythagorean tradition», *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 57, 1994, pp. 1–13.
- Kingsley, Peter, *Ancient Philosophy, Mystery, and Magic*, Oxford, 1995.
- Kingsley, Peter, *In the Dark Places of Wisdom*, Inverness (Calif.), 1999.

- Kingsley, Peter, *Reality*, Inverness (Calif.), 2003.
- Koester, Helmut, *Ancient Christian Gospels*, London, 1990.
- The Koran, trans. Arthur J. Arberry, Oxford, 1998.
- Kramer, Heinrich and Sprenger, James, *Malleus Maleficarum*, trans. Montague Summers, London, 1996.
- Layton, Bentley (trans.), *The Gnostic Scriptures*, London, 1987.
- Lea, Henry Charles, *A History of the Inquisition of the Middle Ages*, 3 vols., London, 1888.
- Lichtheim, Miriam, *Ancient Egyptian Literature*, 3 vols., Berkeley, Los Angeles and London, 1980.
- Lilley, A. L., *Modernism: A Record and Review*, London, 1908.
- Livius, Titus, *The History of Rome*, trans. Rev. Canon Roberts, 6 vols., London, 1905.
- Lloyd, Set on, *The Archeology of Mesopotamia*, London, 1978.
- Mack, Burton L., *The Lost Gospel. The Book of O and Christian Origins*, Shaftesbury and Rockport (Mass.), 1993.
- Mazar, Amihai, *Archaeology of the land of the Bible*, Cambridge, 1993.
- Megarry, Tim, *Society in Prehistory*, Basingstoke, 1995.
- Meinardus, Otto F. A., *The Holy Family in Egypt*, Cairo, 2000.
- Mellaart, James, *Earliest Civilisations of the Near East*, London, 1965.
- Messori, Vittorio, *The Ratzinger Report*, trans. Salvator Attanasio and Graham Harrison, San Francisco, 1985.
- Modrzejewski, Joseph, *The Jews of Egypt*, Edinburgh, 1995.
- Murphy, R., *Lagrange and Biblical Research*, Chicago, 1966.
- Naydler, Jeremy, *Temple of the Cosmos*, Rochester (Vermont), 1996.
- Naydler, Jeremy, *Shamanic Wisdom in the Pyramid Texts*, Rochester (Vermont), 2005.
- Noonan, John T., *Contraception*, New York, 1967.
- Ogden, Daniel, *Greek and Roman Necromancy*, Princeton and Oxford, 2001.
- O'Shea, Stephen, *The Perfect Heresy*, London, 2000.
- Oulton, John Ernest Leonard, and Chadwick, Henry, *Alexandrian Christianity*, London, 1954.
- Pagels, Elaine, *The Gnostic Gospels*, London, 1980.
- Pagels, Elaine, *Beyond Belief. The Secret Gospel of Thomas*, New York, 2003.
- Paget, R.F., *In the Footsteps of Orpheus*, London, 1967.
- Parpola, Si mo, «The Assyrian Tree of Life: tracing the origins of Jewish Monotheism and Greek Philosophy», *Journal of Near Eastern Studies*, 52, 1993, pp. 161–208.
- Parrinder, Geoffrey, *Jesus in the Our'an*, London, 1965.
- Patrich, Joseph and Arubas, Benny, «A Juglet Containing Balsam Oil (?) From a Cave Near Qumran», *Israel Exploration Journal*, 39, 1989, pp. 43–59.
- Perry, Paul, *Jesus in Egypt*, New York, 2003.
- Petrie, W. M. Flinders, *Hyksos and Israelite Cities*, London, 1906.
- Philo, *On the Contemplative Life*, trans. F. H. Colson, Cambridge (Mass.) and London, 1967, (Loeb Classical Library, vol. IX).
- Plato, *Phaedo*, trans. David Gallop, Oxford, 1999.
- Pliny, *Natural History*, trans. H. Rackham and W. H. S. Jones, 10 vols. London, 1938–1942.
- Plutarch, *Isis and Osiris*, trans. Frank Cole Babbitt, Cambridge (Mass.) and London, 1993 (Loeb Classical Library, *Moralia*, vol. V).

- Quirke, Stephen, *Ancient Egyptian Religion*, London, 1992.
- Ranke-Heinemann, Uta, *Eunuchs for the Kingdom of Heaven*, trans. Peter Heinigg, London, 1991.
- Ratzinger, Joseph, *Church, Ecumenism and Politics*, Slough, 1988.
- Reiner, Erica, *Enuma Arm Enlil, Tablets 50–51*, Malibu, 1981.
- Robinson, James M., *The Nag Ham mad i Library in English*, trans. by Members of the Coptic Gnostic Library project of the Institute for Antiquity and Christianity, Leiden, 1977.
- Rostovtzeff, M., *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, Oxford. 1941.
- Rumi, Jelaluddin, *The Glance*, trans. Coleman Barks, New York and London, 1999.
- Runcirrian, Steven, *A History of the Crusades*, 3 vols., Harmonds-worth, 1978.
- Schonfield, Hugh, J., *The Pentecost Revolution*, London, 1974.
- Schonfield, Hugh, J., *The Passover Plot*, London, 1977.
- Schonfield, Hugh J., *The Essene Odyssey*, Shaftesbury, 1984.
- Shaw, Gregory, *Theurgy and the Soul, The Neoplatonism of Iamblichus*, University Park (Pennsylvania), 1995.
- Shreeve, James, *The Neanderthal Enigma*, London, 1995.
- Smith, Morton, *The Secret Gospel*, Clearlake (Calif), 1982.
- Smith, Morton, *Jesus the Magician*, London, 1978.
- Smith, Morton, «Clement of Alexandria and Secret Mark: the score at the end of the first decade», *Harvard Theological Review*, 75,1982, pp. 449–461.
- Stanley, Arthur Penrhyn, *Lectures on the History of the Eastern Church*, 4-edn., London, 1869.
- Starbird, Margaret, *The Woman with the Alabaster Jar*, Rochester, 1993.
- Steckoll, S.H., «The Qumran sect in relation to the Temple of Leontopolis», *Revue de Qumran*, 6, 1967, pp. 55–69.
- Strabo, *Geography*, eds., H. C. Hamilton and W. Falconer, 3 vols., London, 1854–1857.
- Stroumsa, Guy G., *Hidden Wisdom. Esoteric Traditions and the roots of Christian Mysticism*, Leiden, 1996.
- Suetonius, *The Twelve Caesars*, trans. Robert Graves, Harmonds-worth, 1979.
- Szpakowska, Kasia, *Behind closed eyes. Dreams and Nightmares in Ancient Egypt*, Swansea, 2003.
- Tacitus, *The Annals of Imperial Rome*, trans. Michael Grant, Harmondsworth, 1979.
- Tacitus, *The Histories*, trans. Kenneth Wellesley, Harmondsworth, 1988.
- Tarn, W. W., *Hellenistic Civilisation*, 3-Ed., London, 1952.
- Taylor, Joan E., «A Second Temple in Egypt: the evidence for the Zadokite Temple of Onias», *Journal for the Study of Judaism*, XXIX, 3, 1998, pp. 297–321.
- Taylor, Joan E, and Davies, Philip R., «The So-Called Therapeutae of De Vita Contemplative.: Identity and Character», *Harvard Theological Review*, 91, 1998, pp. 3–24.
- Temple, Robert, *Conversations with Eternity*, London, 1984.
- Temple, Robert, *Netherworld*, London, 2002.
- St. Teresa, *The Life of Saint Teresa of Avila by Herself*, trans. J. M. Cohen, London, 1957.
- Tertullian, *The Writings of Tertullian*, 3 vols., eds. Rev. Alexander Roberts and James Donaldson, Edinburgh, 1869 (*Ante-Nicene Christian Library*, vols. XI, XV, XVIII).
- Vaux, R de, «Fouille au Khirbet Qumran», *Revue biblique*, LX, 1953, pp. 83-106.
- Vaux, R de, *Archaeology and the Dead Sea Scrolls*, Oxford, 1977.
- Virgil, *The Georgics*, trans. L. P. Wilkinson, Harmondsworth, 1982.

- Virgil, *The Aeneid*, trans. Robert Fitzgerald, London, 1985.
- Vermes, Geza, *The Dead Sea Scrolls. Qumran in Perspective*, London, 1977.
- Vermes, Geza, *The Complete Dead Sea Scrolls in English*, London and New York, 1997.
- Wakefield, Walter L., *Heresy, Crusade and Inquisition in Southern France 1100–1250*, London, 1974.
- Wente, Edward F., «Mysticism in Pharaonic Egypt?» *Journal of Near Eastern Studies*, 41, 1982, pp. 161–179.
- Williams, Margaret H. (ed.), *The Jews among the Greeks & Romans*, Baltimore, 1998.
- Zias, Joseph and Sekeles, Eliezer, «The Crucified Man from Giv'at ha-Mivtar: A Reappraisal». *Israel Exploration Journal*, 35, 1985, pp. 22–27.
- Zuckerman, Arthur J., *A Jewish Princedom in Feudal France 768–900*, New York, 1972.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- 1 Zuckerman, *A Jewish Princedom in Feudal France*, стр. 372–374.
- 2 Baigent, Leigh, Lincoln, *Holy Blood, Holy Grail*, стр. 349–355.
- 3 Zuckerman, *A Jewish Princedom in Feudal France*, стр. 58.
- 4 Еврейская энциклопедия, том 12, стр. 827.
- 5 Baigent, Leigh, Lincoln, *Holy Blood, Holy Grail*, стр. 224–233.
- 6 Runciman, Л *History of the Crusades*, том I, стр. 292. Рансимен отмечает: «Неизвестно, кем были назначены выборщики».
- 7 Baigent, Leigh, Lincoln, *Holy Blood, Holy Grail*, стр. 290–298.

2. Сокровища священника

8 История Беранже Соньера и его таинственного богатства рассказана на страницах книги Baigent, Leigh and Lincoln, *Holy Blood, Holy Grail*, стр. 3–18. Теперь нам известны два источника этих средств: первым из них была жена Анри де Шамбора из династии Габсбургов, претендента на французский трон в девятнадцатом веке. Эти деньги были переданы Соньеру за какую-то услугу. Почувствовав вкус богатства, Соньер пустился зарабатывать деньги не совсем законным способом — он начал служить мессы за деньги, что считалось нарушением законов Римско-католической церкви (симония). В 80-е годы двадцатого века сотрудники французского Управления внешней безопасности (DGSE) показали нам деревянную шкатулку, когда-то принадлежавшую Соньеру; в этой шкатулке он хранил финансовые документы. Эти бумаги доказывали, что аббат зарабатывал на платных мессах как минимум с начала 90-х годов девятнадцатого века до начала двадцатого века.

- 9 Lilley, A. L. *Modernism. A Record and Review*, стр. 35.
- 10 Цитируется в Hasler, A.B., *How the Pope became infallible*, стр. 246.
- 11 Там же, стр. 247.
- 12 Там же, стр. 247.
- 13 Светоний, «Жизнь двенадцати цезарей», Клавдий, стр. 202.

3. Иисус, Царь иудейский

- 14 Коран, IV, 155ff (стр. 95). См. также Parrinder, *Jesus in the Qur'an*, стр. 108.
- 15 Brandon, *The Fall of Jerusalem*, стр. 102.
- 16 Brandon, *The Fall of Jerusalem*, стр. 102.
- 17 Brandon, *Jesus and the Zealots*, стр. 328.
- 18 Матфей, 27:38.

19 Eisenman, Maccabees, Zadokites, Christians and Qumran, в *The Dead Sea Scrolls and the First Christians*, стр. 29.

20 Иоанн, 18:40. В сохранившихся римских и еврейских архивах нет записей о такой амнистии.

21 Simon xeloten, См. Лука, 6:15.

22 Лука 22: 36–38.

23 Иосиф Флавий, «Иудейская война», стр. 113–114.

24 Иосиф Флавий, «Иудейская война», стр. 128.

25 Иосиф Флавий, «Иудейские древности», XVIII, I, стр. 375.

26 Матфей, 2: 22–23.

27 Иосиф Флавий, «Иудейская война», стр. 380.

28 Деяния Апостолов 5:37.

29 Иосиф Флавий, «Иудейская война», IV, III, стр. 109.

30 Деяния Апостолов 21, 20.

31 Деяния Апостолов 21,38.

32 Interview with Miles Copeland, 10 April 1990 and 1 May 1990.

33 См. De Vaux, *Archaeology and the Dead Sea Scrolls*, стр. 33–41, где описываются монеты, на которых он основывает свою датировку. Критический анализ интерпретации найденных монет см. Eisenman, *Maccabees, Zadokites, Christians and Qumran, in The Dead Sea Scrolls and the First Christians*, стр. 44–47, стр. 44, 88. Выводы можно найти в Baigent and Leigh, *The Dead Sea Scrolls Deception*, стр. 156–159.

34 Garcia Martinez, *The War Scroll*, XVI, 3–8 (стр. 111).

35 Garcia Martinez, *The Rule of the Community*, IX, 11 (стр. 13–14).

36 Garcia Martinez, *The Damascus Document*, XX, 1 (стр. 46).

37 Храмовый свиток, LVI, 14–15; См. Garcia Martinez, *The Dead Sea Scrolls Translated*, стр. 173.

38 Horbury, *Jewish Messianism and the Cult of Christ*, стр. 11.

39 Horbury, *Jewish Messianism and the Cult of Christ*, стр. 37.

40 Eisenman, *Maccabees, Zadokites, Christians and Qumran in The Dead Sea Scrolls and the First Christians*, стр. 107. «Новым в 4 веке до н. э., — пишет Эйзенман, — было появление „мессианского“ направления политического течения зелотов».

41 Матфей, 1,1 и 16; Лука 1,5; 36 и 2,4.

42 Матфей, 27, 37. Формулировки у Марка, Луки и Иоанна несколько отличаются.

43 Захария, 9, 9–10.

44 Матфей, 21, 5.

45 Schonfield, *The Passover Plot*, стр. 118–124.

4. Сын звезды

46 Иосиф Флавий, «Иудейская война», II, xvii (стр. 154).

47 Иосиф Флавий, «Иудейская война», III, viii (стр. 208).

48 Eisler, *The Messiah Jesus and John the Baptist*, стр. 557. Вторым другом, скорее всего, был Муциан, военный губернатор Сирии.

49 Иосиф Флавий, «Иудейская война», III, viii (стр. 212).

50 Числа, 24,17.

51 Иосиф Флавий, «Иудейская война», VI, v (стр. 350).

52 Светоний, «Жизнь двенадцати цезарей», Веспасиан, iv (стр. 281).

- 53 Тацит, «История», V, хiii (стр.279).
- 54 Иосиф Флавий, «Иудейская война», IV,x (стр. 272).
- 55 Лион Кассий, «История Рима», Xiphilini, lxvi, 8. (цитируется в Eisier, The Messiah Jesus and John the Baptist, стр. 556)
- 56 Eisier, The Messiah Jesus and John the Baptist, стр. 556–557. Пророчество из Исая, 35, 5.
- 57 Исая, 5, 5 и 7.
- 58 Иосиф Флавий, «Иудейская война», стр. 350.
- 59 Евсевий Кесарийский, «История Церкви», III, хii (стр. 124), цитирует Гегесиппа (Егезипп).
- 60 Иерусалимская Библия The New Testament, стр. 467.
- 61 Евангелие от Иоанна 2,13 и 20. Перед Пасхой Иисус приходит в Иерусалим. Ему говорят, что строительство Храма заняло сорок шесть лет. Работы начались в период 29–20 гг. до н. э.; следовательно, это было сорок шесть лет спустя, 27–28 гг. н. э.
- 62 Тацит, «Анналы», стр. 365.
- 63 Евангелие от Луки, 3:1, 23. Сирийская датировка.
- 64 Евангелие от Матфея, 14:13.
- 65 Garcia Martinez, Храмовый свиток, кол. 66, стр. 179.
- 66 Schonfield, The Pentecost Revolution, стр. 46–47.
- 67 Евангелие от Луки, 2:2.
- 68 Иустин Философ, «Разговор с Трифоном иудеем», CVI, (стр. 233).
- 69 Евсевий Кесарийский, «История церкви», III, v (стр. 111).
- 70 Евсевий Кесарийский, «История церкви», I, i (стр. 73). Евсевий говорит, что это произошло при жизни Иисуса, но он, вероятно, путает это событие с обращением одного из членов царской семьи в мессианский иудаизм.
- 71 Иосиф Флавий, «Иудейские древности», XX, И (стр. 416).
- 72 Eisenman, Послание Иакова, брата Иисуса, стр. 892–895, 902.
- 73 Иосиф Флавий, «Иудейская война», II, хix (стр. 166).
- 74 Иезекииль, 37:12–14. Копия главы 37 Книги пророка Иезекииля была найдена археологами под полом синагоги в крепости Масада.
- 75 Подробный анализ Эйзенмана идеологии зелотов см. в Baigent and Leigh, Dead Sea Scrolls Deception, стр. 211–217. См. также Eisenman, Maccabees, Zadokites, Christians and Qumran, в The Dead Sea Scrolls and the First Christians, стр. 62, где он указывает, какое значение придавали зелоты «благочестивому концу».
- 76 Eisenman, Maccabees, Zadokites, Christians and Qumran, in The Dead Sea Scrolls and the First Christians, стр. 31 и стр. 54; цитируется Abot de Rabbi Nathan, 4.5.
- 77 Евсевий Кесарийский, «История церкви», IV, ii (стр. 154–155).
- 78 Modrzejewski, The Jews of Egypt, стр. 204–205.
- 79 Modrzejewski, The Jews of Egypt, стр. 199.
- 80 Gichon, «The Bar Kochba War», Revue internationale d'histoire militaire., 1979, стр. 88.
- 81 Eisenman, Maccabees, Zadokites, Christians and Qumran, in The Dead Sea Scrolls and the First Christians, стр. 108. См. также стр. 180.
- 82 Gichon, «The Bar Kochba War», стр. 92.
- 83 Дион Кассий, «История Рима», LXIX, 12,2–3.
- 84 Gichon, «The Bar Kochba War», Revue internationale d'histoire militaire, стр. 94.

85 Gichon, «The Bar Kochba War», *Revue international d'histoire militaire*, стр. 97, цитируется один из законов римского императора Септимия Севера, 193–211.

86 Евангелие от Иоанна 10:31–35. Перевод из Иерусалимской Библии.

87 Иустин Философ, «Разговор с Трифоном иудеем», XLIX (стр. 149).

88 Иустин Философ, «Разговор с Трифоном иудеем», L (стр. 151).

89 Иустин Философ, «Разговор с Трифоном иудеем», XXVI (стр. 119).

5. Сотворение Иисуса веры

90 Koester, *Ancient Christian Gospels*, стр. 31.

91 Koester, *Ancient Christian Records*, стр. 41.

92 Horbury, *Jewish Messianism and the Cult of Christ*, стр. 11.

93 Horbury, *Jewish Messianism and the Cult of Christ*, стр. 8 и 12.

94 Horbury, *Jewish Messianism and the Cult of Christ*, стр. 121–122.

95 Horbury, *Jewish Messianism and the Cult of Christ*, стр. 110–111.

96 Horbury, *Jewish Messianism and the Cult of Christ*, стр. 124.

97 Horbury, *Jewish Messianism and the Cult of Christ*, стр. 126.

98 Считается, что Павел написал Послание к галатам до собора в Иерусалиме, о котором упоминается в Деяниях Апостолов, 15; в этом случае оно должно датироваться 48 г. н. э. См. F. F. Bruce, *The New Testament Documents*, стр. 14 и примечание 1.

99 Папирус Честера Битти № 9 содержит 86 страниц писем Павла; он был найден в Египте и датируется началом третьего века.

100 Матфей, 5:17.

101 Tertullian, *Apologeticus*, 21 (Том 1, стр. 95). Тертуллиан пишет, что о всех своих действиях в отношении Христа Пилат докладывал императору Тиберию.

102 Тацит, «*Анналы*», xv, 44 (стр. 365).

103 Плиний, «*Письма*», xcvi.

104 Eisler, *The Messiah Jesus and John the Baptist*, стр. 9–10.

105 Светоний, «*Жизнь двенадцати цезарей*», Клавдий, xxv, (стр. 202).

106 Послание Иакова, 2:10.

107 Послание к Римлянам, 2:28–29.

108 Послание к Римлянам, 3: 28–31.

109 Послание к Евреям, 11:1.

110 Евангелие от Фомы, II, 32:25–33:5 in Robinson, *The Nag Hammadi Library in English*, стр. 118.

111 Koester, *Ancient Christian Gospels*, стр. xxx.

112 Koester, *Ancient Christian Gospels*, стр. xxx.

113 Koester, *Ancient Christian Gospels*, стр. 36.

114 Иринеи Лионский, «*Пять книг против ересей*», 1,1,1, (том 1, стр. 1).

115 Иринеи Лионский, «*Пять книг против ересей*», II, xl, 2, (том 1, стр.147).

116 Иринеи Лионский, «*Пять книг против ересей*», 1,1,2, (том 1, стр. 2).

117 Иринеи Лионский, «*Пять книг против ересей*», I, XXV, 5, (том 1, стр. 96).

118 Иринеи Лионский, «*Пять книг против ересей*», I, viii, 2–3, (том 1, стр. 32–35).

119 Иринеи Лионский, «*Пять книг против ересей*», II, xxxi, 2, (том 1, стр. 241).

120 Иринеи Лионский «*Пять книг против ересей*», II, xxxi, 2 и xxxii, 4, (том 1, стр. 241 и 246).

- 121 Стр. Is, Beyond Belief, стр. 150–153.
- 122 Евангелие от Матфея, 16:18.
- 123 Основанием для этого утверждения служит Первое Послание Петра 5:13
- 124 Стр. Is, Beyond Belief, стр. 173.
- 125 Stanley, Lectures on the History of the Eastern Church, стр. 86, quoting Gregory of Nyassa.
- 126 Bede, A History of the English Church and People, 1,30, (стр.86–87).
- 127 Этот термин был введен философом — неоплатоником эпохи Ямвлихом, проповедовавшим этот священный ритуал. Современный обзор этой темы см. в. Gregory Shaw, Theurgy and the Soul, University Park (Penn.) 1995.
- 128 Cousin, V., Fragments philosophiques, стр. 186–187.
- 6. Самый большой страх Рима**
- 129 O'Shea, The Perfect Heresy, стр. 25.
- 130 Chronicle of William Pelhisson, стр. 216, в Wakefield, Walter L., Heresy, Crusade and Inquisition in Southern France 1100–1250, стр. 207–236.
- 131 Там же.
- 132 Там же.
- 133 Wakefield, Heresy, Crusade and Inquisition in Southern France, стр. 65–66.
- 134 O'Shea, The Perfect Heresy, стр. 77.
- 135 O'Shea, The Perfect Heresy, стр. 23.
- 136 Lea, A History of the Inquisition of the Middle Ages, I, стр. 541.
- 137 Messori, The Ratzinger Report, стр. 111.
- 138 Messori, The Ratzinger Report, стр. 45.
- 139 Messori, The Ratzinger Report, стр. 61.
- 140 Ratzinger, Church, Ecumenism and Politics, стр. 58.
- 141 Messori, The Ratzinger Report, стр. 52.
- 142 Baigent and Leigh, The Inquisition, стр. 64–67.
- 143 Baigent and Leigh, The Inquisition, стр. 104–106. Текст буллы приводится в Kramer and Sprenger, Malleus Maleficarum, xix–xxi.
- 144 Kramer and Sprenger, Malleus Maleficarum, Part 1, question 6 (стр. 41–48).
- 145 Kramer and Sprenger, Malleus Maleficarum, Part 1, question 6 (стр.47).
- 146 Responsum Gregorii, Цитируется в Ranke-Heinemann, Eunuchs for the Kingdom of Heaven, стр. 141.
- 147 John Chrysostom, On Priesthood, VI, 8, Цитируется в Ranke-Heinemann, Eunuchs for the Kingdom of Heaven, стр. 121.
- 148 Ranke-Heinemann, Eunuchs for the Kingdom of Heaven, стр. 135.
- 149 Ranke-Heinemann, Eunuchs for the Kingdom of Heaven, стр. 32.
- 150 Ranke-Heinemann, Eunuchs for the Kingdom of Heaven, стр. 347.
- 151 Евангелие от Луки, 2: 48.
- 152 Евангелие от Иоанна, 1:45 и 6:42. См. также Евангелие от Матфея, 13:55.
- 153 Послание к римлянам, 1:3.
- 154 Исайя, 7:14.
- 155 Евангелие от Матфея, 1:22–23. Дискуссию по этим вопросам см. в Ranke-Heinemann, Eunuchs for the Kingdom of Heaven, стр. 29–30.
- 156 Первое Послание к коринфянам 7:25.

- 157 Первое Послание к коринфянам 9:5. Кифа — это, вне всякого сомнения, прозвище Петра. См. Евангелие от Иоанна, 1:42.
- 158 Климент Александрийский, «Строматы», III, 53, (стр. 289).
- 159 Аргументы см. в Baigent, Leigh and Lincoln, *Holy Blood, Holy Grail*, стр. 290–297.
- 160 Ranke-Heinemann, *Eunuchs for the Kingdom of Heaven*, стр. 40.
- 161 Ranke-Heinemann, *Eunuchs for the Kingdom of Heaven*, стр. 40.
- 162 Ranke-Heinemann, *Eunuchs for the Kingdom of Heaven*, стр. 45–46.
- 163 Elaine Стр. Is interviewed in *Secrets behind «the Da Vinci Code»*, NBC Dateline, 2005.
- 164 Ranke-Heinemann, *Eunuchs for the Kingdom of Heaven*, стр. 9.
- 165 Ranke-Heinemann, *Eunuchs for the Kingdom of Heaven*, стр. 46.
- 166 Послание к римлянам, 16:1–12.
- 167 Ranke-Heinemann, *Eunuchs for the Kingdom of Heaven*, стр. 126, ссылается на Первое послание к коринфянам, 11:5.
- 168 Первое послание к коринфянам 14: 34–35.
- 169 Тертуллиан, «Об одеянии женщин», I, i (том I, стр. 304).
- 170 Тертуллиан, «О крещении», xvi (том I, стр. 252).
- 171 Евангелие от Матфея, 16:18. Марк, Лука и Иоанн не упоминают этой фразы, хотя и Марк, и Лука описывают этот же разговор с Петром.
- 172 Евангелие от Иоанна, 4:27.
- 173 Robinson, *The Nag Hammadi Library in English*, 1-е издание: Евангелие от Филиппа, 63 (стр. 138), перевод Уэсли В. Изенберг.
- 174 Robinson, *The Nag Hammadi Library in English*, 1-е издание: Евангелие от Филиппа, 63 (стр. 138), перевод Уэсли В. Изенберг.
- 175 King, *The Gospel of Mary of Magdala*, 6, стр. 15.
- 176 King, *The Gospel of Mary of Magdala*, 10, стр. 17.
- 7. Переживший распятие**
- 177 Евангелие от Матфея, 21:4 (перевод Иерусалимской Библии).
- 178 Захария, 9:9.
- 179 Евангелие от Иоанна, 11:56–57 (перевод Иерусалимской Библии).
- 180 Евангелие от Иоанна, 12:12–13.
- 181 Исайя, 56:7.
- 182 Иеремия, 7:11.
- 183 Матфей, 21, 13.
- 184 Псалтирь 8:1–2 (перевод Иерусалимской Библии).
- 185 Книга мудрости, 10:21.
- 186 Евангелие от Матфея, 21:16. Иерусалимская Библия отмечает два источника, объединенных в словах Иисуса.
- 187 Евангелие от Матфея, 22:17 (перевод Иерусалимской Библии).
- 188 Евангелие от Матфея, 22:19–22.
- 189 Евангелие от Иоанна, 11:1–2 и 12:3.
- 190 Евангелие от Матфея, 26: 7. В Евангелии от Луки, 7: 37–38 женщина поливает благовонием ноги Иисуса.
- 191 Евангелие от Мсфка, 14: 3.
- 192 Евангелие от Иоанна, 11:2.

193 Patrich and Arubas, «A Juglet Containing Balsam Oil(?) From a Cave Near Qumran», IEJ, 39, 1989, стр. 43–59.

194 GarcHa Martinez, Temple Scroll, стр. 154f.

195 Евангелие от Иоанна, 12:3.

196 Евангелие от Иоанна рассказывает о женщине, поливавшей благовониями ноги Иисуса, а не голову. Я полагаю, что это искаженное описание церемонии, описанное Матфеем и Марком.

197 Starbird, The Woman with the Alabaster Jar, стр. 50–51.

198 יְבִיחֶי! 4;8. (перевод Иерусалимской Библии).

199 Иерусалимская Библия стр. 1503, примечание f.

200 Starbird, The Woman with the Alabaster Jar, стр. 51

201 Burkert, Ancient Mystery Cults, стр. 102.

202 Hastings, Encyclopaedia of Religion and Ethics, Том I, стр. 557.

203 Евангелие от Иоанна, 12:1–3.

204 Деяния апостолов 15:13; 21:18. См. также Eisenman, The Dead Sea Scrolls and the First Christians, стр. 118–119.

205 Евангелие от Матфея, 26:55. (перевод Иерусалимской Библии). В оригинальном греческом тексте используется термин *lestēn* который в Иерусалимской Библии переводится как «разбойник», а в Библии короля Якова как «вор». Однако множественное число от *lestēn* — это *lestai*, и именно так называли зелотов.

206 Zias and Sekeles, «The Crucified Man from Giv'at ha-Mivtar: A Reappraisal», Israel Exploration Journal, 35, 1985, стр. 26–27.

207 Cohn, The Trial and Death of Jesus, стр. 230.

208 Евангелие от Иоанна, 19:31–33.

209 Иосиф Флавий, «Жизнь Иосифа Флавия», стр. xxiii—xxiv.

210 Parrinder, Jesus in the Quran, стр. 108.

211 Schonfield, The Passover Plot, стр. 166—167

212 «Did Jesus Die?», Ричард Дентон, «Planet Wild Productions» для BBC, 2003. Показано на 4 канале BBC в Великобритании, 2004.

213 Евангелие от Матфея, 27:6; Евангелие от Марка, 15:46; Евангелие от Луки, 23:53; Евангелие от Иоанна, 19:41–42.

214 Евангелие от Иоанна, 19:39.

213 Евангелие от Марка, 16:1; Евангелие от Луки, 23:56.

216 Евангелие от Луки, 23:49.

217 Евангелие от Марка, 15:43–45.

218 Евангелие от Иоанна, 18:36.

219 Евангелие от Луки, 11:34.

8. Иисус в Египте

220 Евангелие от Луки, 3:1–23.

221 Евангелие от Луки, 2:41–47.

222 См. Еврейская энциклопедия, 12, col. 900, и Baigent, Leigh, Lincoln, The Holy Blood and the Holy Grail, стр. 363–364.

223 На самом деле эти «христиане святого Фомы» были найдены не-сторианскими миссионерами, которые странствовали далеко на восток от Палестины; см. Schonfield, The Essene Odyssey, стр. 126.

- 224 Schonfield, *The Essene Odyssey*, стр. 88.
- 225 Осия, 11:1.
- 226 Евангелие от Матфея, 2:15.
- 227 Modrzejewski, *The Jews of Egypt*, стр. 73–74.
- 228 Fraser, *Ptolemaic Alexandria*, I, стр. 83.
- 229 Иеремиа, 44:1.
- 230 Modrzejewski, *The Jews of Egypt*, стр. 26ff.
- 231 Modrzejewski, *The Jews of Egypt*, стр. 41–43.
- 232 Иезекииль, 44: 15–16.
- 233 *The Damascus Document*, кол. IV, 3–4. См. Garcia Martinez, *The Dead Sea Scrolls Translated*, стр. 35.
- 234 Taylor, «A Second Temple in Egypt: the evidence for the Zadokite Temple of Onias», *Journal for the Study of Judaism*, XXIX, 1998, стр. 310.
- 235 Еврейская энциклопедия, 12, стр. 1403.
- 236 Vermes, *The Dead Sea Scrolls. Qumran in Perspective*, стр. 140.
- 237 Vermes, *The Dead Sea Scrolls. Qumran in Perspective*, стр. 140.
- 238 Taylor, «A Second Temple in Egypt: the evidence for the Zadokite temple of Onias», *Journal for the Study of Judaism*, XXIX, 1998, стр. 308–309.
- 239 Chester. «A Journey to the Biblical. Sites in Lower Egypt», *Palestine Exploration Fund Quarterly Statement*, 1880, стр. 137.
- 240 Petrie, *Nyksos and Israelite Cities*, стр. 20 и табл. XXVII.
- 241 Иосиф Флавий, «Иудейская война», I, I (стр. 27) и VII, x (стр. 393).
- 242 Vermes, *The Dead Sea Scrolls. Qumran in Perspective*, стр. 140.
- 243 Taylor, «A Second Temple in Egypt: the evidence for the Zadokite Temple of Onias», *Journal for the Study of Judaism*, XXIX, 1998, стр. 309. Тейлор цитирует раввинистический источник: *Babylonian Talmud*, Menahot 109b.
- 244 Driver, *The J и dean Scrolls*, стр. 326–327.
- 245 Hayward, «The Jewish Temple at Leontopolis: A Reconsideration», *Journal of Jewish Studies*, 33, 1982, стр. 434–436.
- 246 Taylor, «A Second Temple in Egypt: the evidence for the Zadokite temple of Onias», *Journal for the Study of Judaism*, XXIX, 1998, стр. 312.
- 247 Иосиф Флавий, «Иудейская война», VII, x (стр. 392).
- 248 Иосиф Флавий, «Иудейская война», V, v (стр. 292).
- 249 филои Александрийский, «О созерцательной жизни», стр. 125–127. См. также Taylor and Davies, *The So-Called Therapeutae of De Vita Contemplativa: Identity and Character*, *Harvard Theological Review*, 91, 1998, стр. 10–12.
- 250 филои Александрийский, «О созерцательной жизни», стр. 115.
- 251 Philo, *Hypothetica*, 11.14–18 Цитируется в Taylor and Davies, «The So-Called Therapeutae of De Vita Contemplativa: Identity and Character», стр. 14; Иосиф Флавий, «Иудейские древности», XVIII, i; Плиний, «История», V, xv.
- 252 Taylor and Davies, «The So-Called Therapeutae of De Vita Contemplativa: Identity and Character», *Harvard Theological Review*, 91, 1998, стр. 18–19.
- 253 филои Александрийский, «О созерцательной жизни», стр. 125.
- 254 филои Александрийский, «О созерцательной жизни», стр. 119.
- 255 филои Александрийский, «О созерцательной жизни», стр. 129.

256 ФИЛОН Александрийский, «О созерцательной жизни», стр. 167–169.

257 Второе Послание Петра 1:19.

258 Naydler, *Shamanic Wisdom in the Pyramid Texts*, стр. 319.

9. Мистерии Египта

259 Quirke, *Ancient Egyptian Religion*, стр. 70.

260 Assmann, *The Mind of Egypt*, стр. 58.

261 Assmann, *The Mind of Egypt*, стр. 58.

262 Его также переводят как «загробный мир» или «подземный мир».

263 Assmann, *The Mind of Egypt*, стр. 66.

264 Szpakowska, *Behind Closed Eyes*, стр. 191.

265 Assmann, *The Mind of Egypt*, стр. 18–19.

266 Assmann, *The Mind of Egypt*, стр. 61, цитируется Берлинский папирус 3029, датируемый эпохой Среднего царства.

267 St. Teresa, *The Life of Saint Teresa of Avila by Herself*, стр. 127.

268 Blocker, *Hathor and Thoth*, стр. 147.

269 Bleeker, «Initiation in Ancient Egypt» in *Initiation*, стр. 56.

270 Развитие письменности подробно описано в Denise Schmandt-Besserat, *Before Writing, Volume 1, From Counting to Cuneiform*, Austin, 1992:

271 Ллойд, *The Archaeology of Mesopotamia*, стр. 39. Georges Roux, in *Ancient Iraq*, Harniondsworth, 1977, стр. 68, утверждает, что «одни и те же религиозные верования сохранялись на протяжении веков». Его уверенность не подтверждается этими фактами.

272 Mellaart, *Earliest Civilisations of the Near East*, стр. 89-101.

273 Shreeve, *The Neanderthal Enigma*, стр. 53.

274 Faulkner, *The Ancient Egyptian Pyramid Texts, Utterance, 305*, стр. 94.

275 Faulkner, *The Ancient Egyptian Pyramid Texts, Utterance 213*, стр. 40.

276 Faulkner, *The Ancient Egyptian Pyramid Texts, Utterance 260*, стр. 69.

277 Naydler, *Temple of the Cosmos*, стр. 202.

278 Naydler, *Temple of the Cosmos*, стр. 203.

279 Szpakowska, *Behind closed eyes*, стр. 150–151; перевод текстов из гробницы Сети I, стр. 190.

280 Ямвлих, «О египетских мистериях», 1:12, стр. 37–38.

281 Ямвлих, «О египетских мистериях», 8:4, стр. 139.

282 Quirke, *Ancient Egyptian Religion*, стр. 159. 159.

283 Bleeker, *Egyptian Festivals*, стр. 136.

284 Quirke, *Ancient Egyptian Religion*, стр. 159.

283 Quirke, *Ancient Egyptian Religion*, стр.

286 Плутарх «Исида и Осирис», сар. хх, in *Moralia, V* (Loeb Edition, стр. 51).

287 См., например, Cauville, *Les Crypts du temple d' Hathor*, где приведены подробные чертежи десяти крипт в Дендерах.

288 Гелиодор, «История Эфиопии», стр. 241. Я осовременил язык шестнадцатого века.

289 Подробное обсуждение этого научного подхода см. в Naydler, *Shamanic Wisdom in the Pyramid Texts, Chapter 5*, особенно стр. 140–145.

290 Bleeker, «Initiation in Ancient Egypt» в *Initiation*, стр. 55.

291 Wente, «Mysticism in Pharaonic Egypt?» *Journal of Near Eastern Studies*, 41, 1982, стр. 161.

292 Abt, *Knowledge for the Afterlife*, стр. 9.

293 Abt, *Knowledge for the Afterlife*, стр. 144.

294 Wente, «Mysticism in Pharaonic Egypt?», *Journal of Near Eastern Studies*, 41, 1982, стр.

295 Wente, «Mysticism in Pharaonic Egypt?», *Journal of Near Eastern Studies*, 41, 1982, стр.

296 Wente, «Mysticism in Pharaonic Egypt?», *Journal of Near Eastern Studies*, 41, 1982, стр. 175–176.

297 Wente, «Mysticism in Pharaonic Egypt?», *Journal of Near Eastern Studies*, 41, 1982, стр. 177–178.

298 Quirke, *The Cult of Ra*, стр. 122.

299 Quirke, *The Cult of Ra*, стр. 118.

300 Naydler, *Shamanic Wisdom in the Pyramid Texts*, стр. 85.

301 Naydler, *Shamanic Wisdom in the Pyramid Texts*, стр. 202.

302 Naydler, *Shamanic Wisdom in the Pyramid Texts*, стр. 21.

10. Посвящение в тайны

303 Вергилий, «Энеида», VI, 855–856, (стр. 182).

304 Светоний, «Жизнь двенадцати цезарей», Август, 16 (стр. 61); Temple, *Netherworld*, стр. 28, ссылается на Страбона «География», V, 4, 5, который утверждает, что Агриппа вырубил все леса. Пейджет в *In the Footsteps of Orpheus*, стр. 57, отмечает, что были уничтожены даже священные рощи Аполлона и что бревна пошли на постройку судов А гриппы. Флот строился приблизительно в 36 г. до н. э. Доктор Рей мой д Кларк из университета Ньюфаундленда в личной переписке (июль 2002 года) дает более осторожную оценку вероятности того, что подземелье замуровал Агриппа, отмечая, что «перемены в районе озера Аверн не обязательно затронули Байи, поскольку Агриппа был занят постройкой флота на берегу озера. Агриппа не был атеистом, о чем свидетельствует сооруженный им Пантеон в Риме. Без дополнительных фактов дата, когда было засыпано подземелье, остается открытой».

305 paget! in the *Footsteps of Orpheus*, стр. 136; Temple, *Netherworld*, стр. 31, на основе приведенных Пейджетом цифр высказывает предположение, что эта работа заняла два года.

306 Paget, *In the Footsteps of Orpheus*, стр. 19.

307 Вергилий, «Энеида», VI, 149–187, (стр. 163–164). См. также Clark, *Vergil, Aeneid*, 6, 40 ff. and the *Cumaean Sibyl's Cave*, *Latomus*, XXXVI, 1977, стр. 485.

308 Вергилий, «Энеида», VI, 187, (стр. 164).

309 Virgil, *The Georgics*, 4, 563–565, (стр. 143).

310 Ливии, «История Рима», 24, 12–13.

311 Страбон, «География», V, 4, 5, 312 pagCt, in the *Footsteps of Orpheus*, стр. 106.

313 Страбон, «География», V, 4, 5.

314 Paget, *In the Footsteps of Orpheus*, стр. 102.

315 Paget, *In the Footsteps of Orpheus*, стр. 111.

316 Paget, *In the Footsteps of Orpheus*, стр. 111.

317 Paget, *In the Footsteps of Orpheus*, стр. 113.

318 Paget, *In the Footsteps of Orpheus*, стр. 127–130.

319 Temple, *Conversations with Eternity*, стр. 12–13, цитируется из Paget, *In the Footsteps of Orpheus*, стр. 137.

320 Temple, *Conversations with Eternity*, стр. 17.

- 321 Paget, *In the Footsteps of Orpheus*, p 135.
- 322 Temple, *Netherworld*, стр. 10.
- 323 Temple, *Netherworld*, стр. 10.
- 324 *The Cults of Magna Graecia*, симпозиум, организованный Обществом Вергилия, Кумы, 19–22 июня, 2002.
- 325 Вергилий, «Энеида», VI, 850–853, (стр. 182).
- 326 Homer, *The Odyssey*, Book XI, (стр. 171).
- 327 Страбон, «География», V, 4, 6.
- 328 Страбон, «География», V, 4, 5.
- 329 Например, Огден, *Greek and Roman Necromancy*, стр. 22, который утверждает, что литературная традиция помещает оракул на берега озера Аверн, значит, он должен быть там. Однако приводимые им примеры не позволяют сделать такого вывода. Другие, например, Баркерт в *Lore and Science in Ancient Pythagoreanism*, стр. 155, проявляют большую осторожность. Обе точки зрения подчеркивают необходимость систематических раскопок в Байе.
- 33 °См., например, Hardie, «*The Crater of Avernus as a Cult Site*», стр. 284.
- 331 Ogden, *Greek and Roman Necromancy*, стр. 19–21.
- 332 Kingsley, *Ancient Philosophy, Mystery, and Magic*, стр. 252, примечание 6.
- 333 Дпулей, «*Метаморфозы, или Золотой осел*», XI, 23 (стр. 340). Перевод из Burkert, *Ancient Mystery Cults*, стр. 97. Популярный перевод Роберта Гревса носит название «*Золотой осел*».
- 334 Burkert, *Lore and Science in Ancient Pythagoreanism*, стр. 155; Louis Robert, *Archaeological Reports for 1959–1960*, *The Journal of Hellenic Studies*, 80–82, стр. 41–43. См. стр. 42–43.
- 335 peter Kingsley, личная переписка, March 2002.
- 336 Burkert, *Ancient Mystery Cults*, стр. 174.
- 337 Платон, «*Федон*», 64a (стр. 9).
- 338 Платон, «*Федон*», 67e (стр. 14).
- 339 Баркерт считает, что это цитата из Плутарха, а не из Фемистия. См. Burkert, *Ancient Mystery Cults*, стр. 162, примечание 11.
- 340 Цитируется в Farnell, *The Cults of the Greek States*, III, стр. 179.
- 341 Seneca, *Epistles*, xc.29, перевод С. Densmore Curtis. Гастингс, *Encyclopaedia of Religion and Ethics*, 7, стр. 327.
- 342 Quoted by Eliade, *Rites and Symbols of Initiation*, стр. 111.
- 343 Eliade, *Rites and Symbols of Initiation*, стр. 112–113.
- 344 Gorman, *Pythagoras*, стр. 48–49.
- 345 Kingsley, *In the Dark Places of Wisdom*, стр. 198. См. также Kingsley, *Ancient Philosophy, Mystery, and Magic*, стр. 340–341.
- 346 Kingsley, *Ancient Philosophy, Mystery, and Magic*, стр. 341.
- 347 Интервью с Питером Кингсли, «*Piloting the Ship of Life*», *Freemasonry Today*, Spring 2004 (Issue 28), стр. 24.
- 348 Поэма Парменида в переводе Кингсли, *Reality*, стр. 26.
- 349 Zuntz, *Persephone*, стр. 370–376; Kingsley, *From Pythagoras to the Turba philosophorum: Egypt and Pythagorean tradition*, *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 57, 1994, стр. 3–4.

35 Cole, «New Evidence for the Mysteries of Dionysos», *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, 21, 1980, стр. 233–234.

351 Guthrie, *Orpheus and Greek Religion*, стр. 173.

352 Профессор Уолтер Баркерт, личная переписка, май 2005. Баркерт объясняет, что это сложный для понимания текст и что возможны два варианта его прочтения. Альтернативный вариант: «...и ты ждешь под землей праздника, как и другие посвященные».

353 Аристофан, «Лягушки», стр. 308.

354 Kingsley, *In the Dark Places of Wisdom*, стр. 78–79.

355 Kingsley, *Ancient Philosophy, Mystery, and Magic*, стр. 284.

356 Kingsley, *In the Dark Places of Wisdom*, стр. 83.

357 Kingsley, *In the Dark Places of Wisdom*, стр. 141.

358 Asclepius, 24, in *Hermetica*, стр. 81.

359 Ямвлих, «О египетских мистериях», VIII, iv, (стр. 138–139).

360 Iverson, *Egyptian and Hermetic Doctrine*, стр. 43. Иверсон также объясняет: «Если рассматривать их как отражение непоследовательности египетской космологии, то кажущиеся противоречия герметической идеи творца и демиурга получают естественное объяснение, одновременно открывая неожиданный взгляд на взаимоотношения этих двух традиций и на зависимость корпуса герметических текстов от египетских источников», стр. 40.

361 Kingsley, *Poimandres: the etymology of the name and the origins of the Hermetica*, *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 56, 1993, стр. 5.

362 Iverson, *Egyptian and Hermetic Doctrine*, стр. 30.

363 Iverson, *Egyptian and Hermetic Doctrine*, стр. 37–38, ссылается на герметический трактат Asclepius, 38, в *Hermetica*, стр. 90.

364 Iverson, *Egyptian and Hermetic Doctrine*, стр. 41.

365 См. выше, примечание 48.

366 Iverson, *Egyptian and Hermetic Doctrine*, стр. 35–36; обсуждается, как объяснение египетского понятия «дыхание жизни» обосновывается при помощи герметических текстов.

367 Климент Александрийский, «Строматы», VI, vi (стр. 324).

368 Ямвлих, «О египетских мистериях», I, I, (стр. 21).

11. Источник мудрости

369 Иерусалимская Библия, Новый Завет, стр. 19, примечание d.

370 Евангелие от Матфея, 3:2; перев. Иерусалимская Библия.

371 Бытие, 28: 10–19.

372 Филон Александрийский, «О созерцательной жизни», 28 (стр. 129).

373 Caplice, *The Akkadian Namburba texts: an introduction*, стр. 10.

374 Parpola, «The Assyrian Tree of Life: tracing the origins of Jewish Monotheism and Greek Philosophy», *Journal of Near Eastern Studies*, 52, 1993, стр. 174, примечание 64.

375 Parpola, «The Assyrian Tree of Life: tracing the origins of Jewish Monotheism and Greek Philosophy», *Journal of Near Eastern Studies*, 52, 1993, стр. 185 и 206. См. также стр. 190, примечание 107, где Парпола пишет: «...нет ничего необычного в том, что монотеизм иудейской религии отличается от ассирийских предшественников... То же самое относится к христианству с его понятием триединства... в основе их лежит ассирийская религия и философия».

376 Иезекииль, 1: 26–27.

377 Kingsley, «Ezekiel by the Grand Canal: between Jewish and Babylonian Tradition», *Journal of the Royal Asiatic Society*, 3rd Ser., 2, 1992, стр. 339.

378 Kingsley, «Ezekiel by the Grand Canal: between Jewish and Babylonian Tradition», *Journal of the Royal Asiatic Society*, 3rd Ser., 2, 1992, стр. 342.

379 Kingsley, «Ezekiel by the Grand Canal: between Jewish and Babylonian Tradition», *Journal of the Royal Asiatic Society*, 3rd Ser., 2, 1992, стр. 341 quoting from VAT 8917 (Vorderasiatisches Museum), Berlin.

380 Kingsley, «Ezekiel by the Grand Canal: between Jewish and Babylonian Tradition», *Journal of the Royal Asiatic Society*, 3rd Ser., 2, 1992, стр. 345.

381 Kingsley, «Ezekiel by the Grand Canal: between Jewish and Babylonian Tradition», *Journal of the Royal Asiatic Society*, 3rd Ser., 2, 1992, стр. 345.

382 Parpola, «The Assyrian Tree of Life: tracing the origins of Jewish Monotheism and Greek Philosophy», *Journal of Near Eastern Studies*, 52, 1993, стр. 169.

383 Παρπολα, «The Assyrian Tree of Life: tracing the origins of Jewish Monotheism and Greek Philosophy», *Journal of Near Eastern Studies*, 52, 1993, стр. 190, примечание 106.

384 Parpola, «The Assyrian Tree of Life: tracing the origins of Jewish Monotheism and Greek Philosophy», *Journal of Near Eastern Studies*, 52, 1993, стр. 168.

385 Παρπολα; «The Assyrian Tree of Life: tracing the origins of Jewish Monotheism and Greek Philosophy», *Journal of Near Eastern Studies*, 52, 1993, стр. 174 и 189.

386 Halevi, *The Way of Kabbalah*, стр. 98 (рис. 16).

387 Тертуллиан, «Об одеянии женщин», III, (том I, стр. 307).

388 Послание Иуды, 14.

389 Charles, *The Book of Enoch*: видение, 13:8 (стр. 196); Tree of Life, 25:1–3 (стр. 204); появление звезд, 36:3 (стр. 208), См. также Baigent, *From the Omens of Babylon*, стр. 74–75, и Reiner, *Enuma Ami Enlil Tablets 50–51*, стр. 2–3; *Actions weighed*, 41:1 (стр. 212).

390 Charles, *The Book of Enoch*, 71:1 (стр. 235).

391 Charles, *The Book of Enoch*, 70:2 (стр. 235).

392 Charles, *The Book of Enoch*, 71:3–4 (стр. 236).

393 Charles, *The Book of Enoch*, 71:11 (стр. 236).

394 Faulkner, *The Ancient Egyptian Pyramid Texts*, Utterance 213, стр. 40.

395 Тексты пещеры 4: 4Q201, 4Q202, 4Q204, 4Q205, 4Q206, 4Q207, 4Q212. См. Garcia Martinez, *The Dead Sea Scrolls Translated*, стр. 246–259.

396 Charles, *The Book of Enoch*, стр. 168–169.

397 Charles, *The Book of Enoch*, 96:3 (стр. 267).

12. Царство небесное

398 Charles, *The Book of Enoch*, стр. 169

399 Евангелие от Матфея, 13:11 (перевод. Библии короля Якова). См. также Евангелие от Марка, 4:11 и Евангелие от Луки 8:9-10.

400 Евангелие от Марка, 1:15.

401 Евангелие от Луки, 9:62.

402 Евангелие от Матфея, 23:13.

403 Евангелие от Луки, 17:20–21.

404 Смит рассказывает о себе в автобиографических заметках в своей книге *The Secret Gospel*, стр. If.

405 Smith, *The Secret Gospel*, стр. 5.

406 Smith, *The Secret Gospel*, стр. 5.

407 Smith, *The Secret Gospel*, стр. 6.

- 408 Smith, *The Secret Gospel*, стр. 15.
- 409 См. Климент Александрийский, «Строматы», V,vi и viii. Может, Климент поддерживал связь с членами бывшей общины терапевтов? Неизвестно.
- 410 Stroumsa, *Hidden Wisdom*, стр. 5.
- 411 Hippolytus, *Philosophumena*, V, 10.
- 412 Климент Александрийский, «Строматы», 1,1.
- 413 Евангелие от Иоанна, 11: 1-44.
- 414 Евангелие от Иоанна, 11:38.
- 415 Smith, *The Secret Gospel*, стр. 148.
- 416 Smith, *The Secret Gospel*, стр. 144.
- 417 Smith, *The Secret Gospel*, стр. 27–30.
- 418 Ehrman, *Lost Christianities*, стр. 83–84.
- 419 Евангелие от Луки, 11:34.
- 420 Saint Teresa, *The Life of Saint Teresa of Avila*, стр. 139.
- 421 Saint Teresa, *The Life of Saint Teresa of Avila*, стр. 146.
- 422 Saint Teresa, *The Life of Saint Teresa of Avila*, стр. 285.
- 423 Fuller, *L New Catholic Commentary on Holy Scripture*, стр. 1009. Последняя сентенция приписывается Дж. Шмидту, *Regensberger New Testament*, ed. A. Wikenhauser and O. Kuss, 1960, 209.
- 424 Джеймс В. Робинсон, личная переписка, ноябрь 1989.
- 425 Евангелие от Фомы, первые строки.
- 426 Евангелие от Фомы, 51.
- 427 Евангелие от Фомы, 3.
- 428 Евангелие от Фомы, 113.
- 429 Евангелие от Фомы, 106.
- 430 Евангелие от Фомы, 22.
- 431 Евангелие от Фомы, 39.
- 432 Первое Послание к коринфянам 2, 6–7.
- 433 Деяния Апостолов, 9:30.
- 434 Baigent and Leigh, *The Dead Sea Scrolls Deception*, стр. 180–187.
- 435 Stroumsa, *Hidden Wisdom*, стр. 34–38, дается обзор источников, принадлежащих перу отцов Церкви.
- 436 Stroumsa, *Hidden Wisdom*, стр. 6.
- 437 King, *The Gospel of Mary of Magdala*, стр. 3.
- 438 King, *The Gospel of Mary of Magdala*, 4:3–8.
- 439 King, *The Gospel of Mary of Magdala*, 6: 1–2.
- 440 King, *The Gospel of Mary of Magdala*, 6:3.
- 441 King, *The Gospel of Mary of Magdala*, 10:3–4.
- 442 King, *The Gospel of Mary of Magdala*, 10:10.
- 443 Евангелие от Филиппа, 63 (стр. 138). Интересно, что первое издание, Robinson, *The Nag Hammadi Library in English*, 1977, стр. 138, приводит следующую реконструкцию текста: «(Господь любил Марию) более (всех) учеников, и он (часто) лобзал ее (уста)». Однако в третьем издании 1988 года и в издании в бумажной обложке 1990 года, вышедших после

жарких дискуссий о возможном браке Иисуса, эта строка выглядит иначе: «(... любил) ее более (всех) учеников, и он (часто) лобзал ее (...)».

444 Евангелие от Иоанна, 11:2.

13. Бумаги Иисуса

445 В частности, эпохой Александра Янная (Ионата. м), 103—76 гг. до н. э. De Vaux, «Observations sur le Commentaire d'Habacuc decouvert pres de la Mer Morte», *Revue Biblique*, LVIII, 1951, стр.438 и 443.

446 Habakkuk Peshar, IQpHab, II 3. Garcna Martinez, *The Dead Sea Scrolls Translated*, стр.198.

447 Dupont-Sommer, *The Dead Sea Scrolls: A Preliminary Survey*, стр. 95—96. Это английский перевод его статьи 1950 года *Ilpercus preliminaries sur les manuscrits de la mer Morte*. Его термин «Учитель Праведности» в английской версии звучит как «Господин Справедливости».

448 Dupont-Sommer, *The. Essene Writings from Qumran*, стр. 373.

449 *Jew Catholic Encyclopaedia*, том XI, стр. 551.

450 Burrows, *The Dead Sea Scrolls*, стр. 51.

451 Burrows, *The Dead Sea Scrolls*, стр. 52.

452 De Vaux, «Observations sur le Commentaire d'Habacuc decouvert pres de la Mer Morte», *Revue Biblique*, LVIII, 1951, стр. 438.

453 De Vaux, «Fouille au Khirbet Qumran», *Revue biblique*, LX, 1953, стр. 93.

454 De Vaux, «Fouille au Khirbet Qumran», *Revue biblique*, LX, 1953, стр. 94, 455 Murphy. *Lagrange and Biblical Renewal*, стр. 60.

456 Письмо Джона Аллегро отцу де Во, 7 марта 1956. Подробности дискуссии между Джоном Аллегро и другими членами международной группы см. в Baigent and Leigh, *The Dead Sea Scrolls Deception*, стр. 45—60.

457 Baigent and Leigh, *The Inquisition*, стр. 230. Перевод из Garcia Martinez, *The Dead Sea Scrolls Translated*, стр. 138. См. также Eisenman and Wise, *The Dead Sea Scrolls Uncovered*, стр. 68—71.

458 De Vaux, *Archaeology and the Dead Sea Scrolls*, стр. 20.

459 Baigent and Eisenman, «A Ground-Penetrating Radar Survey testing the claim for earthquake damage of the Second Temple ruins at Khirbet Qumran», *The Qumran Chronicle*, 9, 2000, стр. 136—137 и maps стр. 134—135.

460 О нападках на профессора Оксфорда Годфри Драйвера и на Сесила Рота см. Baigent and Leigh, *The Dead Sea Scrolls Deception*, стр. 152 и стр. 163—4. См. также Mack, *The Lost Gospel*, стр. 248—9, где описаны трудности, с которыми сталкиваются богословы, пытающиеся исследовать происхождение христианства. Аналогичные трудности при изучении Ветхого Завета описаны в Thomas L. Thompson, *The Bible in History. How writers create a Past*, London, 1999, стр. xv, где автор рассказывает, как попытка очистить историю Израиля от мифологии Ветхого Завета стоила ему должности в американском университете.

К счастью, он нашел работу в университете Копенгагена.

461 К примеру, можно сравнить Послание Иакова, 2:10 с Посланием Павла к римлянам, 3:28.

462 *The Atlantic Monthly*, December, 1986, стр. 39.

463 Mack, *The Lost Gospel*, стр. 237.

464 Mack, *The Lost Gospel*, стр. 238.

465 Mack, *The Lost Gospel*, стр. 219.

466 Baigent and Leigh, *The Dead Sea Scrolls Deception*, стр. 132—136. Эйзенман и Вайс в книге *The Dead Sea Scrolls Uncovered*, стр. 69, писали: «Невозможно найти отличия в идеях и

терминологии, ассоциирующихся с Иаковом Праведным, и материалами из этого корпуса текстов»; под «корпусом текстов» подразумеваются рукописи Мертвого моря.

467 Zuckerman, A Jewish Princedom in Feudal France 768–300, стр. 58.

468 Евангелие от Иоанна, 10: 33–35.

14. Тайный рынок

469 Интервью с Магеном Броски, 21 мая 1990.

470 *Hermetica*, tractate XI, 21 (Copenhaver, стр. 42).

471 Rumi, *The Glance*, поэма «Jars of Springwater», стр. 1

Заключение

472 Ehrman, в Kasser, Meyer and Wurst, *The Gospel of Judas*, стр. 118.

473 Там же.

474 Ehrman, цит. произведение, стр. 102.

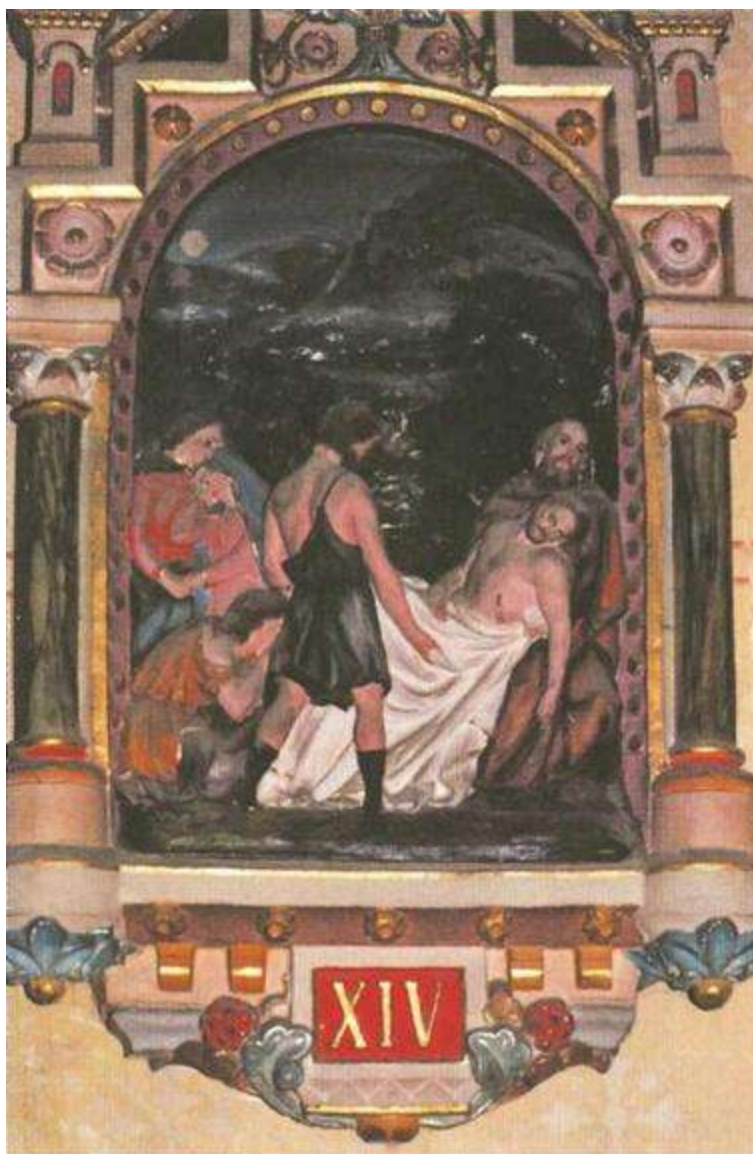
475 Евангелие Иуды, 35 (Kasser, Meyer and Wurst, стр. 23).

476 Vergano, Dan, and Grossman, Cathy Lynn, «Long-lost gospel of Judas casts 'traitor' in new light», *USA Today*, April 7—Э, 2006, стр. 2A.

477 Owen, Richard, «Judas the Misunderstood», *The Times*, 12 January 2006, стр. 3.

478 Особую ценность представляет его исследование источника денежных средств, которые появились у священника, в книге «*Rennes le Chateau. Le secret de Saunier*». Известно, что через некоторое время после находки сокровища, в конце 90-х годов девятнадцатого века, Соньер служил мессы за деньги, что считалось нарушением законов Римско-католической церкви. Личные финансовые документы Соньера, в которых подробно отражены доходы из этого источника, отражают странную деталь: многие мессы заказывались католическими учреждениями, имевшими собственных священников. Зачем им понадобилась помощь Соньера? Ответ может заключаться в том, что это была широкомасштабная операция по отмыванию денег, которую разработали Габсбурги (Робин Ж.-Л., из личной переписки, 14 января 2006 г.).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Последний барельеф с изображением остановок на Крестном пути в церкви Ренн-ле-Шато на юге Франции.

Это стандартные отливки, в XIX веке поставлявшиеся мастерской из Тулузы для многих храмов. Обычно их оставляли не раскрашенными, но этот барельеф разрисован необычным и загадочным образом: полная луна указывает на то, что пасхальная ночь уже наступила. В это время ни один иудей не прикаснется к мертвому телу. Таким образом, здесь изображен живой Иисус, которого несут из гробницы, а не в гробницу. Что за страшную тайну открывает нам священник этой церкви, аббат Беранже Соньер?

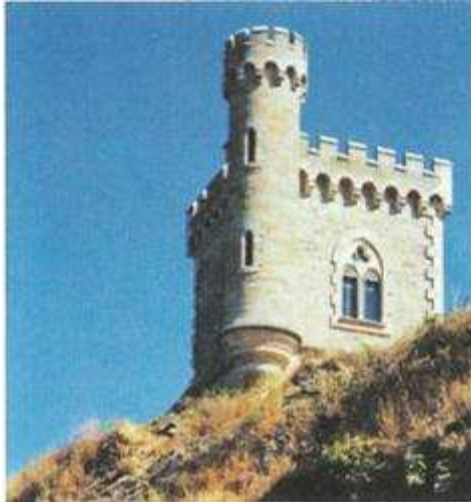

Деревня Ренн-ле-Шато на холме, возвышающемся над долиной реки Од в предгорьях Пиренеев на юге Франции.

Пятнадцать веков назад на этом месте было укрепленное поселение, и сегодня здесь еще можно видеть следы каменных стен.

В Ренн-ле-Шато сохранился маленький средневековый замок; здесь все еще живут хозяева, хотя дом частично разрушен.

«Башня Магдалы» в Ренн-ле-Шато, построенная священником, аббатом Беранже Соньером, для своей библиотеки.

Таинственный священник Ренн-ле-Шато Беранже Соньер, который жил в деревне в конце XIX и начале XX века, до самой своей смерти в 1917 г.

Местная легенда гласит, что на смертном одре он отказался от соборования.

Преподобный доктор Дуглас Бартлет во время беседы в его доме в Оксфордшире, Англия, 1982 г.

Он рассказал нам необычную историю манускрипта, в котором содержались доказательства, что Иисус не умер на кресте и был жив в 45 г. н. э.

Церковь в Ренн-ле-Шато была украшена яркими красками и образами согласно инструкциям Соньера.

Своеобразная и экстравагантная символика особенно заметна в убранстве алтаря.

Кафедра в церкви Ренн-ле-Шато.

Загадочный раскрашенный барельеф в основании алтаря церкви Ренн-ле-Шато, изображающий Марию Магдалину в пустой гробнице Иисуса; ее руки сжимают ветку в форме креста, под которой лежит череп.

Это изображение никак нельзя назвать традиционным для алтаря, перед которым служили католическую мессу.

Раскрашенный барельеф на западной стене церкви в Ренн-ле-Шато, где изображен Иисус на вершине холма, склоны которого усеяны его скорбящими последователями.

У подножья холма изображена таинственная сумка с прорванной дырой, явно не имеющая отношения ни к одной из фигур.

Это еще один загадочный элемент в убранстве церкви, выполненном по указанию священника.

Древний еврейский город Гамала (ныне Гамла) на Голанских высотах, где во время Иудейской войны 66–73 гг. н. э. несколько тысяч живших в городе zelотов — мужчин, женщин и детей — предпочли покончить жизнь самоубийством, бросившись в ущелье, чтобы не попасть в плен к римлянам.

Они верили, что если умрут вместе, не нарушив чистоты ритуалов, то и воскреснут вместе. Попав в плен, они теряли свою чистоту и поэтому лишались всякой надежды на воскресение.

Развалины построенной Иродом крепости Гиркания в пустыне за Мертвым морем по дороге из Вифлеема и Вади-Кедрона.

Северная оконечность крепости Масада с руинами роскошного дворца Ирода и многочисленными пещерами и входами в пробитые в скале туннели.

Развалины построенной Иродом крепости Масада на берегу Мертвого моря в Израиле с остатками гигантской насыпи, сооруженной римлянами.

Крепость была захвачена zealotами в 66 г. н. э. и сопротивлялась вплоть до массового самоубийства ее защитников в 73 г. н. э., когда римляне, поднявшись по насыпи, пробili брешь в обороне.

Погибли около 900 zealотов и членов их семей.

Замок Монсегюр на отвесной скале, последний центр гностической секты катаров в XII веке на юге Франции.

16 марта 1244 года замок пал, 220 катаров были выведены из замка и заживо сожжены у подножия холма.

Между стенами замка и утесами находятся развалины маленькой деревушки, где жили религиозные руководители катаров, или «совершенные» — мужчины и женщины, — утверждавшие, что они исповедуют истинное учение Иисуса.

Катаров безжалостно преследовала инквизиция, и сотни человек были сожжены заживо.

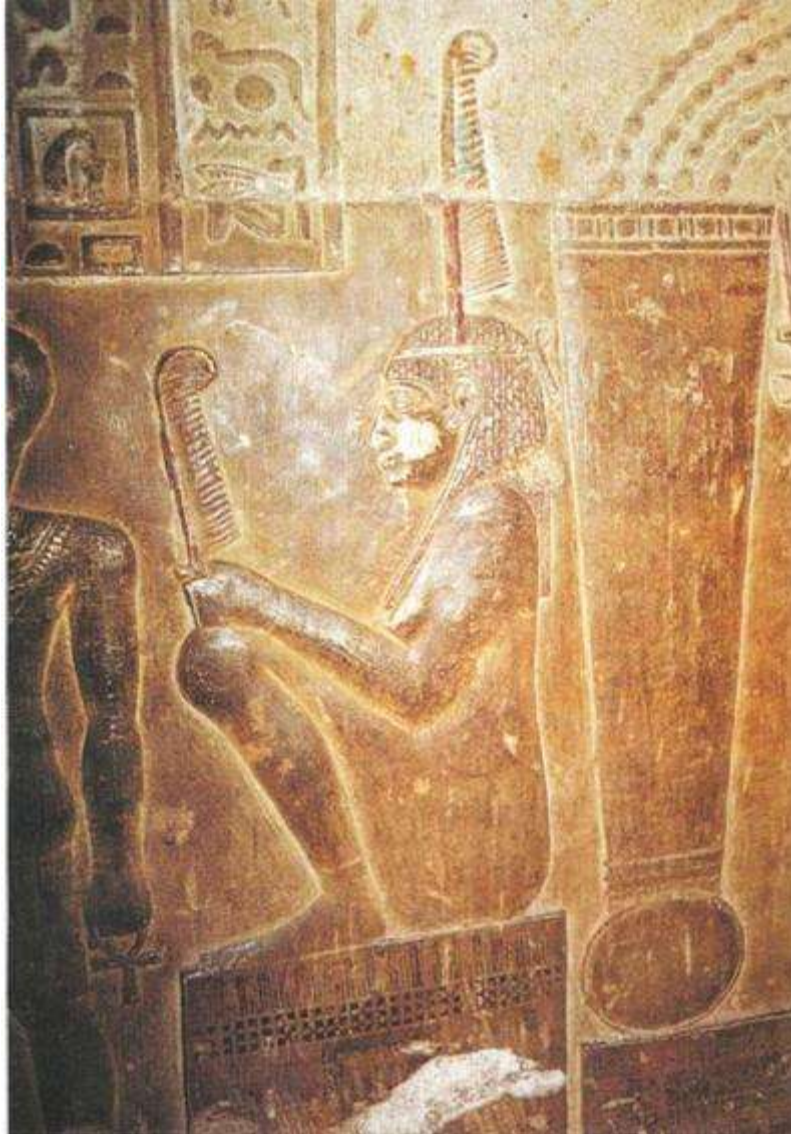
Развалины большого еврейского города на острове Элефантина на реке Нил неподалеку от Асуана в южном Египте.

Это бывший форпост фараонов с многочисленным еврейским гарнизоном и храмом Иеговы.

Город был разрушен приблизительно в 400 г. до н. э.

Методичные раскопки на этом месте ведутся специалистами из немецкого археологического института в Каире.

Общий вид остатков домов и улиц еврейского поселения на острове Элефантина.

Изображение богини Маат в крипте храма Хатхор в Дендерах.

Маат олицетворяла состояние гармонии, равновесия, правды, справедливости и завершенности, которое связывало материальный мир с миром божественного.

Многочисленные храмы Древнего Египта, ежедневные ритуалы и сам фараон существовали, в первую очередь, для того, чтобы поддерживать в Египте состояние Маат.

Египтяне считали, что у каждого человека есть ба, или душа, которая после смерти покидает тело и возвращается к своему божественному источнику.

Ее изображали в виде птицы с головой умершего человека. Это рисунок из папируса «Книга Мертвых» царского писца Ани, датируемого приблизительно 1250 г. до н. э.

Считалось, что душа может отделяться от тела и без физической смерти, что достигается посвящением в тайны «дальнего мира», или Дуата — мира мертвых.

Два из многочисленных изображений ба, вырезанных на стенах передней святилища Осириса, Господина Дуата, на крыше храма Хатхор в Дендерах.

Загадочное изображение тайных подземных крипт под храмом Хатхор в Дендерах, куда могли попасть только посвященные.

Поднятые руки являются воплощением ка, или жизненной энергии человека, и в данном случае они присоединены к колонне джед, позвоночнику — и, значит, олицетворению силы — Осириса. Змея, которую поднимает ка, обычно служит символом времени.

Возможно, это намек на некую тайну, которая связывает Осириса и его жизненную энергию с поддержанием течения времени?

Храм Хатхор в Дендерах хорошо сохранился потому, что в течение двух тысяч лет был почти полностью засыпан песком.

Вход в туннель, проходящий внутри стен из святилища Осириса, господина «дальнего мира», в храме Гора в Эдфу.

Этот вход, вне всякого сомнения, был замаскирован украшенным резьбой камнем, чтобы скрыть его существование.

Туннель, проходящий внутри стены за святилищем Осириса в храме Гора.

Впереди видны невысокие ступени.

За ступенями расположен вход в подземное помещение под храмом Гора в Эдфу.

Помещение ориентировано точно в направлении восток — запад, и, скорее всего, это одна из комнат, которую древние авторы описывали как место тайных посвящений в секреты «дальнего мира».

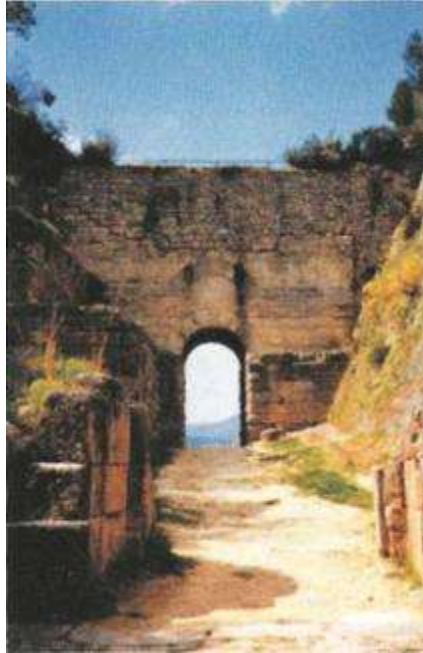
Сет и Гор даруют жизнь фараону в ритуале, выполняемом жрецами, надевшими маски богов.

Тот факт, что участники священнодействия не носят обуви, указывает, что ритуал проходит в священном месте.

Тот (Техути), бог инициации и проводник в «дальний мир», дарует вечную жизнь фараону Сети I. В храме Сети I в Абидосе, Египет.

Помазание фараона Сети I, изображение на стене святилища его храма в Абидосе.

«Порта Роза», одни из древних городских ворот, сохранившихся среди руин города Велия на юге Италии.

В V веке до н. э. греческий философ-жрец изобрел здесь обряд, использовавший специальную технику под названием «инкубация», во время которой человек должен лежать тихо и неподвижно в подземной комнате или пещере, чтобы вызвать вещий сон.

По данным археологов, род этих жрецов существовал как минимум 446 лет, вплоть до появления Иисуса и его учения.

Одна из надписей, найденных в Велии в 1958 г., гласит: «Оулис (жрец Аполлона), сын Аристана, Ятрос (врачеватель), Фолархос (хозяин убежища, мастер инкубации), в 280 году».

Последняя из этих надписей датируется 446 годом, однако мы не знаем, существовали ли другие, более поздние надписи.

Совершенно очевидно, что эта техника инициации была известна и доступна в начале христианской эры.

Профессор Гихон, изучающий жизнь Симона Бар-Кохбы, еврейского вождя, который возглавил восстание против римского владычества в 132 г. н. э.

Поначалу восстание было успешным, и римские войска были изгнаны из Израиля, но в 135 г. н. э. повстанцы потерпели поражение, и Бар-Кохба был убит.

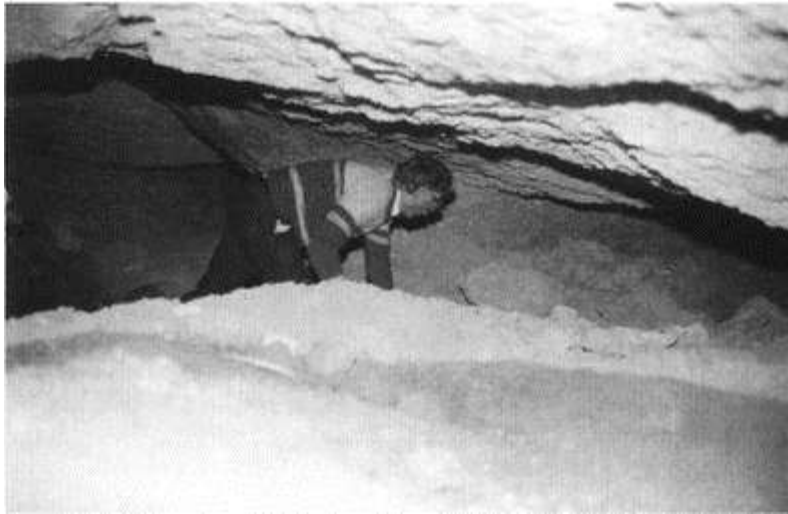
Развалины крепости Бар-Кохбы в окрестностях Эммауса, Израиль.

Когда крепость была захвачена римлянами, ее защитники укрылись в подземных туннелях.

Профессор Роберт Эйзенман рядом с одним из колодцев внутри крепости.

Подземный резервуар имел форму луковицы, что позволяло повстанцам, прятавшимся в туннелях, брать воду незаметно для римлян.

Под каменной плитой крепости Бар-Кохбы было прорыто множество примитивных туннелей, в которых жили защитники крепости, пока их не обнаружили римляне.

Профессор Роберт Эйзенман перед замурованным входом в туннель, ведущий в глубь холма.

За той замурованной дверью находятся тела защитников крепости, которые отступили в туннели, чтобы не попасть в плен к римлянам.

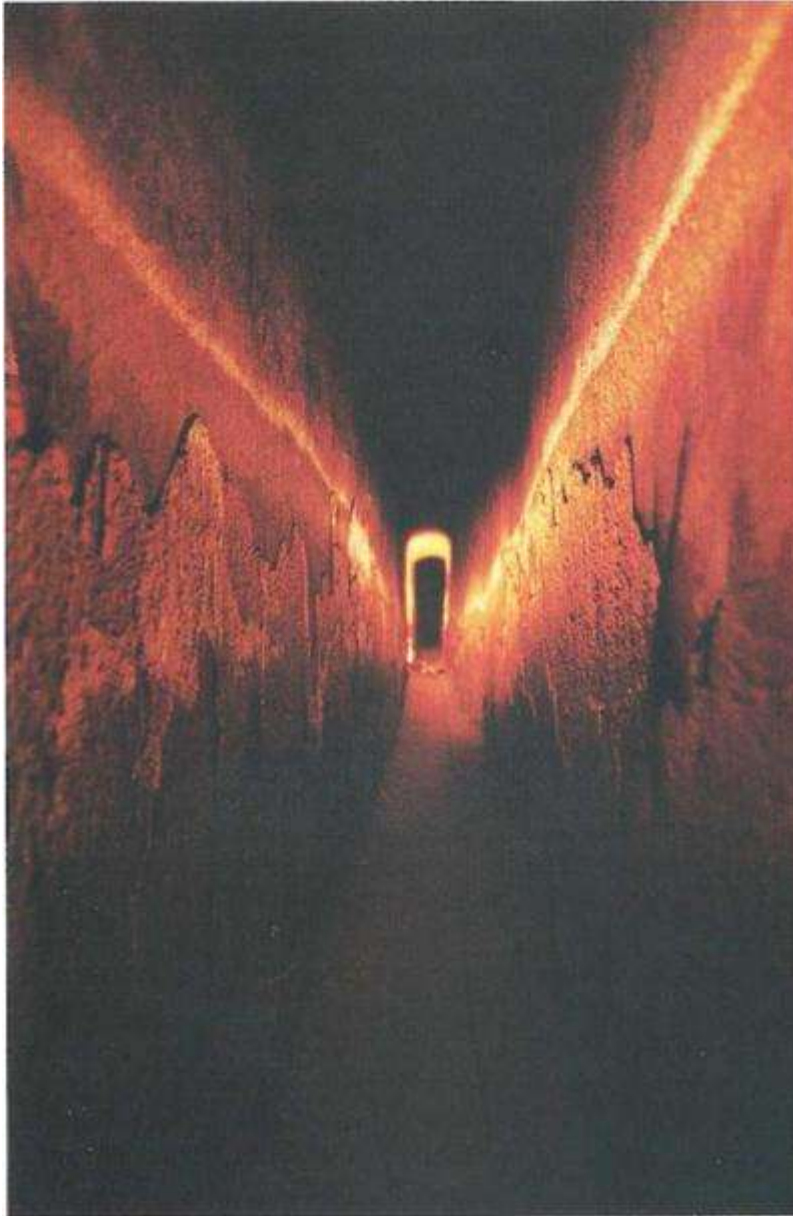

Майкл Бейджент в глубокой траншее, ведущей к узкому входу в загадочный туннель длиной шестьсот футов в подземном ритуальном комплексе «оракула мертвых» в Италии — в Байе, поблизости от Неаполя.

Этот вход был уже давно замурован итальянскими властями и открыт специально для этой экспедиции.

Автор и профессор Роберт Темпл над траншеей, ведущей к входу в подземный комплекс. Именно благодаря его настойчивым просьбам итальянские власти впервые за сорок лет открыли туннель.

Туннель, ведущий в глубь скалы в Байе.

Он идет точно на восток, вниз к концу подземного канала, а от него открывается вход в другие туннели, а также в помещение — по всей видимости, это был подземный храм — полностью засыпанное булыжником еще две тысячи лет назад, во времена Римской империи.

Замурованный вход в подземный храм в Байе со свежим приношением в маленькой нише внизу справа.

Действие обрядов, проводившихся в этом «оракуле мертвых», разворачивалось в замурованном святилище.

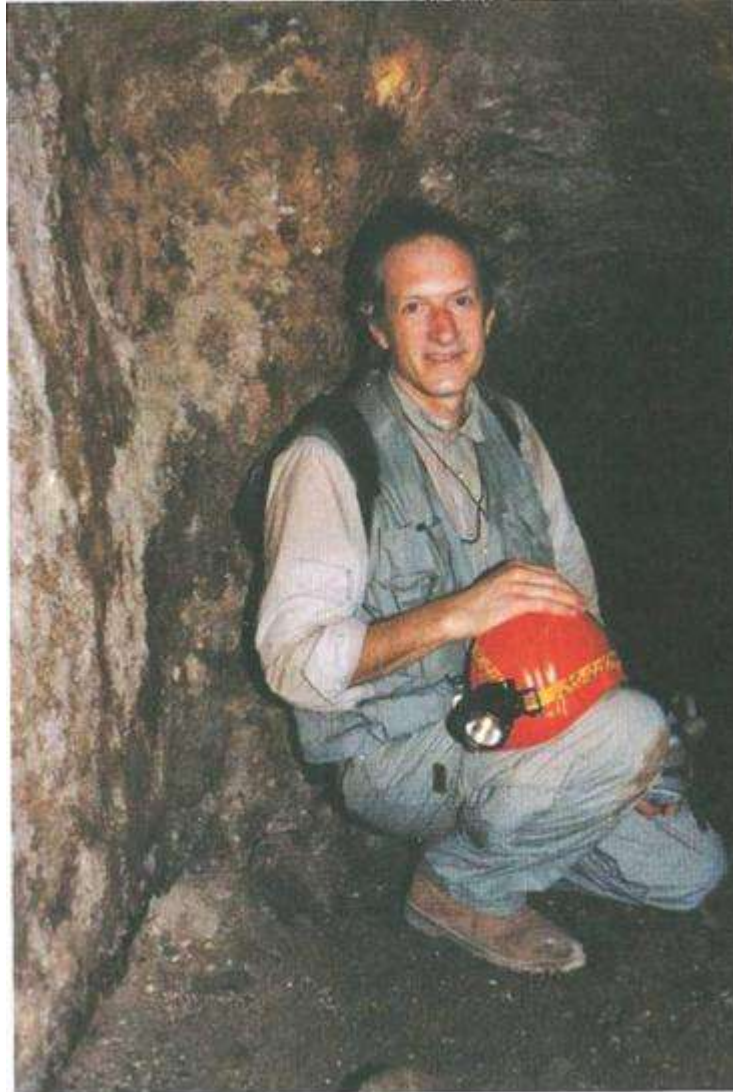
Это место и эти обряды чем-то так напугали римлян, что они сделали все, чтобы навсегда закрыть сюда доступ, и заполнили подземные помещения булыжником, который лежит там до сих пор.

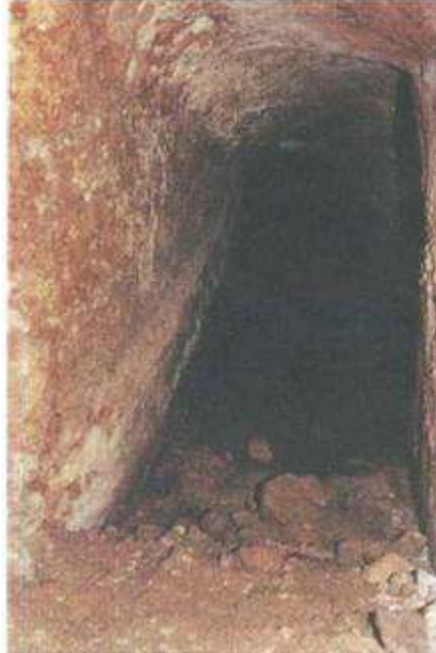
За последние две тысячи лет булыжник просел, и образовался небольшой проход, по которому можно проползти.

Примерно через сто двадцать футов туннель разветвляется, а затем внезапно заканчивается.

Причину этого помогут узнать только раскопки.

Майкл Бейджент внутри влажного комплекса туннелей в Байе.

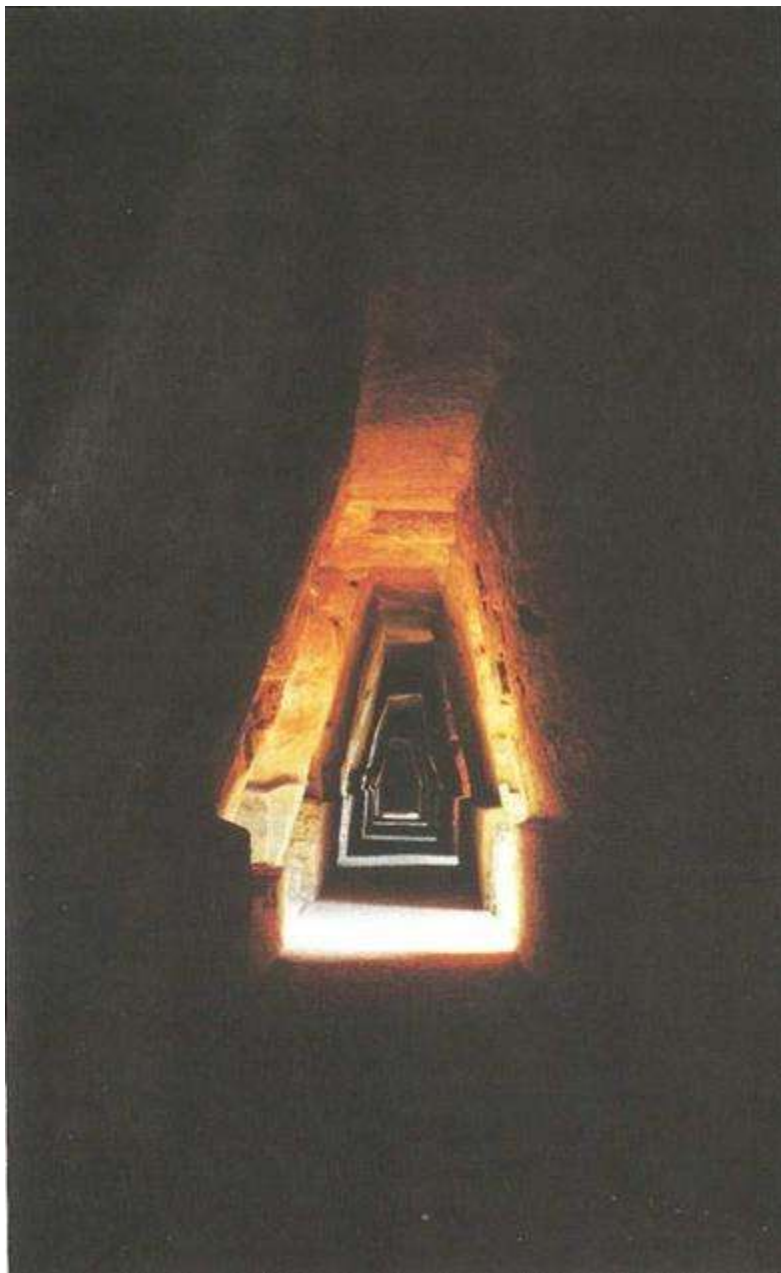

Подземный канал в конце туннеля, ведущего от входа подземного комплекса в Байе, — вполне возможно, что именно он послужил для Вергилия прообразом Стикса, реки, отделяющей наш мир от мира мертвых.

Ступени в дальнем конце не оставляют сомнений, что в древности участники обряда преодолевали этот канал на маленькой лодке.

Замурованный вход в подземный храм Байи.

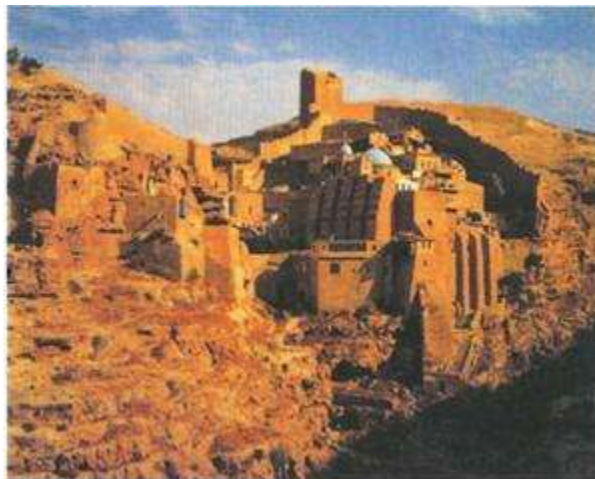

Туннель в скале в Кумах, ведущий в подземные помещения пророчицы Сивиллы. Этот таинственный комплекс находится всего в нескольких милях от Байи.

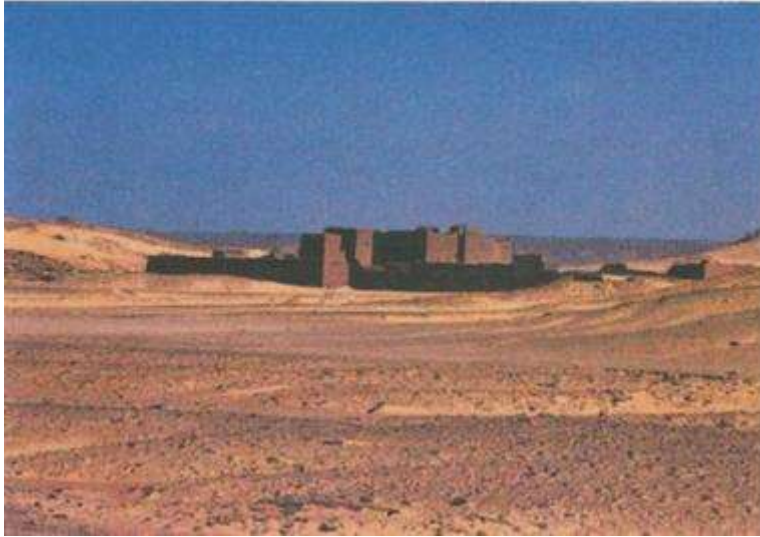
Изображение Лестницы Иакова на чертежной доске первого градуса масонства.

Этот символ — яркое выражение идеи о неразрывной связи неба и земли, о возможности сообщения между ними и о существовании священных мест, позволяющих переходить в другой мир и возвращаться оттуда.

Монастырь Мар Саба в Вади-Кедрон неподалеку от Вифлеема.

Именно здесь в 1958 г. профессор Мортон Смит нашел письмо, в котором говорилось о тайном толковании учения Иисуса.

Монастырь Св. Георгия в пустыне на западном берегу Нила, в окрестностях Асуана, Египет.

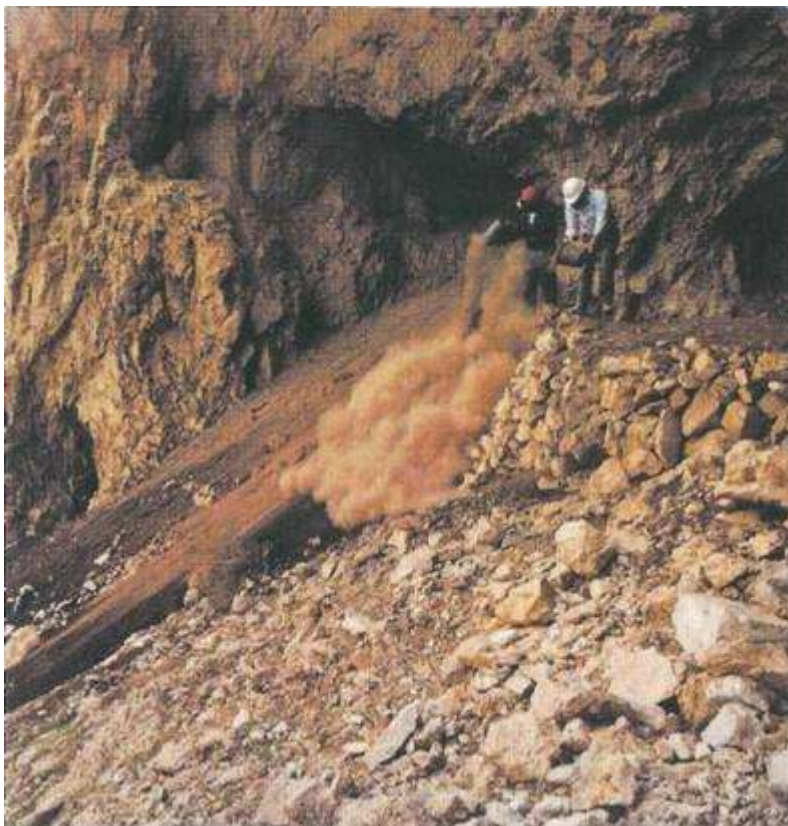
Именно в таких общинах сохранились тексты, давно признанные еретическими, — например, гностические евангелия, найденные среди рукописей Наг-Хаммади.

Ассирийское священное дерево, знание о котором сохранялось небольшой группой посвященных и которое послужило прообразом «Дерева Жизни» в Каббале, мистическом учении иудаизма.

Члены археологической экспедиции Калифорнийского университета во время исследования пещер, поисков свидетельств обитания и сельскохозяйственной деятельности среди отвесных скал на берегу Мертвого моря к югу от Кумрана, где были найдены рукописи Мертвого моря.

Раскопки в пещере № 37 на высоте около шестисот футов в скалах к югу от развалин Кумрана. Здесь были найдены два культурных слоя и два погребения периода железного века.

Просеивание грунта, извлеченного из пещеры № 37 во время раскопок. Так можно найти небольшие предметы, ранее пропущенные.

Маленький наблюдательный пункт гарнизона зелотов в Масаде над каменной пристанью Ирода в Кирбет Мазин в конце Вади-Кедрон.

Отсюда можно было наблюдать за римскими войсками, высаживавшимися на берег.

Мы впервые обнаружили это место, но раскопки здесь не проводились в течение нескольких лет.

Тони Вуд и Грег Милз, специалисты по эхолокации, во время исследования развалин Кумрана в окрестностях Мертвого моря, неподалеку от того места, где были найдены кумранские рукописи.

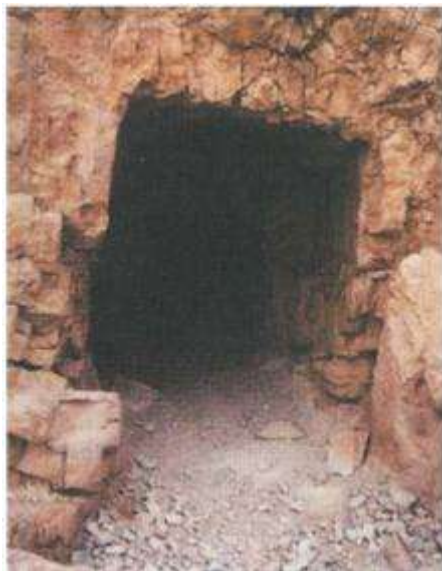
Цель этих исследований — проверить результаты предыдущих археологических раскопок и обнаружить другие пещеры, в которых также могут находиться древние тексты.

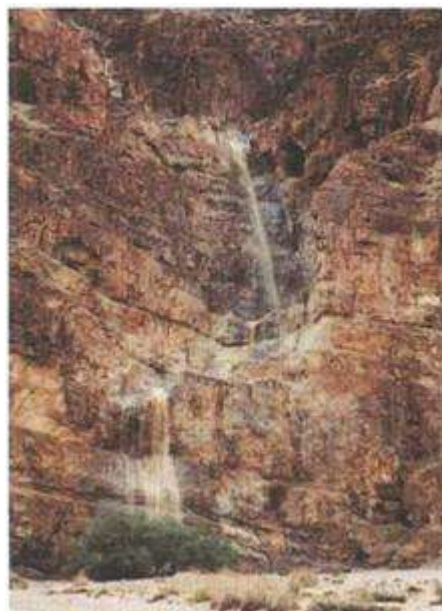
Трудный процесс спуска датчиков эхолота вдоль поверхности скалы с постоянной скоростью, чтобы получить изображение внутренней структуры скалы. Пещеры будут видны на распечатке как провалы.

Вади-Кумран с развалинами поселения и пещерами в скале внизу, где было найдено большое количество фрагментов текстов.

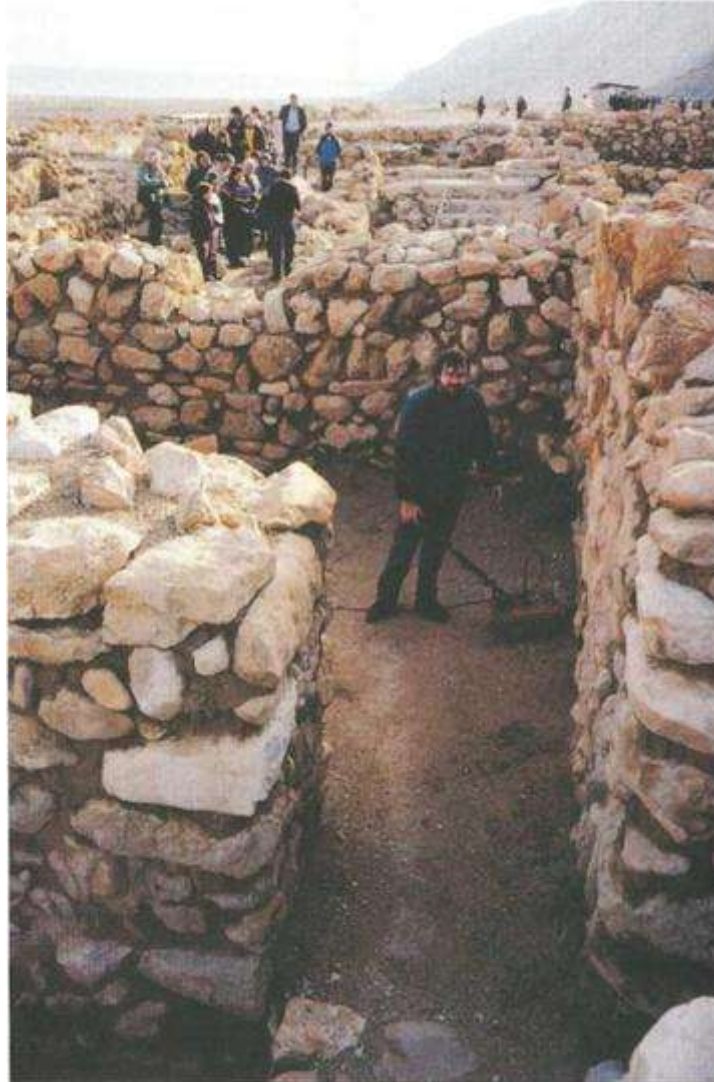
Выход из туннеля, по которому вода из вади поступала в Кумран.

После обильного дождя в Иерусалиме вода течет из вади над развалинами Кумрана. Именно эта вода от редких дождей собиралась жителями общины.

Остатки водяного канала от туннеля, ведущего к поселению Кумран.

Работа с чувствительными датчиками эхолота среди развалин Кумрана.
